

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**  
**УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ**  
**«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА:  
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СОВРЕМЕННОСТЬ  
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КАФЕДР СОЦИАЛЬНО-  
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

**ВЫПУСК IV**

**БРЕСТ 2007**

---

УДК 301+327  
ББК 66+60,5

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 2004г.

Научный редактор: доктор социологических наук, профессор Лапина С.В.

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:**

**Я.С.Яскевич**, доктор философских наук, профессор (председатель);  
**С.П.Винокурова**, доктор философских наук, профессор;  
**И.И.Акинчиц**, доктор философских наук, профессор;  
**Л.Г.Титаренко**, доктор социологических наук, профессор;  
**С.Томчонек**, доктор хабит, профессор;  
**В.Прускус**, доктор хабит, профессор;  
**Г.М.Грибов**, канд.философских наук, доцент.

**РЕЦЕНЗЕНТЫ:**

**Л.Е.Земляков**, доктор политических наук, профессор;  
**Б.М.Лепешко**, доктор исторических наук, профессор.

**Системная трансформация общества: исторический опыт, современность и перспективы.** Сборник научных трудов кафедр социально-гуманитарных наук. Выпуск IV. Брест: издательство БрГТУ.-2007.

УДК 301+327  
ББК 66+60,5

ISBN 978-985-493-063-3

© Издательство БрГТУ, 2007

# І. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ОБЩЕСТВЕ

## КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XVIII – XIX ВВ.: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

М.С.Черкасова

*Вологодский государственный педагогический университет,  
г. Вологда, Российская Федерация*

Преобладающий при феодализме натуральный (то есть потребительский по сути своей) тип хозяйства не определял всецело его экономическую систему, не противоречил очевидному факту существования товарного производства, накопления денежно-купеческих богатств, тех или иных отношений найма, имущественной дифференциации крестьянства и городского населения. Следует различать два историко-экономических вида товара. *Во-первых*, как форму, которую принимает продукт, не затрагивая при этом внутренний принцип движения самого общества, его способа производства. *Во-вторых*, как форму общественной организации производства, олицетворение материальных производственных отношений. В первом случае товар не является категорией системообразования, во втором – является, поскольку товаром становятся средства производства (земля, скот) и сама рабочая сила человека. Ни деньги как средство обращения, ни степень товарности хозяйства опасности для феодальной ренты не представляли, капиталистическую прибыль не рождали. Глубина развития этих явлений в деревне и городе, соотношение с натурально-хозяйственным укладом, влияние на общественные формы организации производства в течение ряда столетий видоизменялись. Поскольку речь идет о традиционном аграрном обществе, важно определить главный вектор эволюции аграрного строя позднего феодализма в связи с рассматриваемой проблемой.

Уже в XVII в. в экономике российской деревни стали ослабевать натурально-хозяйственные основы, продуктовые рентные взимания и барщинные повинности преобразовывались в денежные, происходила коммутация ренты (государственной и владельческой), через механизмы которой крестьянское хозяйство сильнее связывалось с городским рынком. В России с ее холодным климатом и длительной зимой сельское население всегда занималось домашней промышленностью, в системе общественного разделения труда всегда велико было значение промыслово-неземледельческой сферы. В эпоху позднего феодализма с характерным для неё повышенным налогообложением значение разнообразных отраслей данной сферы для крестьян еще более возрастает, тем самым усиливаются рыночные связи крестьянского хозяйства, крестьянская торговля. Заметнее становилась роль внеадельного землепользования в деревне, аренды земли, взятие крестьянами для обработки (чаще всего силами семейной кооперации) дополнительных участков у государства или частных землевладельцев из оброка. Однако растущие производственные возможности части дворов в значительной степени утилизировались в системе феодальной эксплуатации, феодальные собственники и государство улавливали доходы, извлекаемые из рыночных связей зажиточных крестьянских хозяйств, что ослабляло их преобразующее воздействие на внутренний строй самой деревни. Помимо обложения торгово-промышленных крестьян повышенным оброком, помещики, например, в первой половине XIX в. давали им возможность купить рекрутские квитанции (до 2 тыс. руб. ассигнациями) за освобождение от армейской службы, облагали специальным однопроцентным сбором их годовые торговые обороты, освобождали за денежный выкуп от крепостной неволи, повышали размеры «выводных денег» за выдачу крепостных девушек замуж в свободные сословия (6-10 тыс. руб.), практиковали принудительные ссуды от зажиточ-

ных крестьян в свою пользу, а то и прямое вымогательство, грабеж. Такое положение существовало и в земледельческой, и в промыслово-земледельческой деревне [1, с.62-63].

Еще заметнее стало углубление общественного разделения труда и развитие мелкотоварного производства в городах, особенно стоящих на крупных торговых путях. К XVII в. ряд исследователей относит начальный этап в длительном процессе становления капиталистической промышленности в России (первые мануфактуры) и формирования всероссийского рынка, хотя оторванность от морей, огромная протяженность территории, неоднородность ее социально-экономического развития, рискованные природно-климатические факторы, тяжелое бремя налогов и повинностей деревенского и городского населения – эти и другие обстоятельства накладывали на процесс генезиса капиталистических отношений в ней свой особый отпечаток. Важно учитывать две волны сильнейших хозяйственных разорений страны: в 60-70-е годы XVI в. и после смуты начала XVII в. – прежде всего спады земледелия, резкое уменьшение земледельческого населения страны, что не могло не сказаться на уровне и темпах развития городов [2, с.484].

Существенная черта социально-экономического развития той эпохи в России и в Европе вообще – это рост городского населения, появление новых городов, увеличение значения их торгово-промышленной сферы для государственной финансовой системы, тем более на фоне сужающихся возможностей крепостного хозяйства. Однако по динамике социальной структуры деревни и города, темпам и качественным характеристикам урбанизации Россия, в которой множество новых городов возникало в рамках обычного процесса феодального горообразования, по предписаниям правительства, имея аграрный облик (пример – городская реформа Екатерины II в 1775-1785 гг.), значительно отличалась от наиболее продвинутых ареалов Западной Европы. М.А.Барг подчеркивал, что только тогда, когда в самом городе зарождается капиталистический уклад, тот способен трансформировать аграрные отношения в деревне [3, с.285-286]. В ней разложение городского средневекового ремесла и эволюция бюргерства в городскую буржуазию являлись важными предпосылками формирования раннего капитализма. Но и здесь механического перерастания бюргерства в буржуазию, а ремесла – в мануфактуру не было, связь городов с их аграрной периферией и феодальными институтами оставалась прочной, проникновение формирующейся буржуазии в привилегированные сословия, органы государственного аппарата, инвестиции в феодальное землевладение предместий – заметными.

Стоит напомнить наблюдение М.А.Барга о единстве, целостности XVII-го столетия в европейской истории [4, с. 64]. С его учетом XVII век и в российской истории есть основание определять как Раннее Новое время, отождествляемое с мануфактурным периодом в становлении капитализма (до начала промышленного переворота). Особая противоречивость этой переходной эпохи для России выразилась в остром переплетении старого и нового, ведь Соборным Уложением 1649 г. был подведен итог юридическому закреплению крестьян и бобылей (как владельческих, так и государственных), а в XVIII в. рост крепостничества, с одной стороны, и сословных привилегий дворянства, правовое усиление его земельной монополии, с другой, – продолжилось. Режим крепостного права, безусловно, способствовал удержанию сельского населения, хотя не мог совсем остановить его оттока в города.

В историческом становлении капитализма были существенны два этапа: 1) превращение натурального хозяйства мелкого производителя из натурального в товарное; 2) перерастание простого товарного производства в капиталистическое, когда товаром становится не произведенное работником изделие, а сама рабочая сила и, кроме того, важнейшие условия производства – земля, скот. Осуществление второго этапа в становлении капитализма в России было особенно сложным, поскольку значительная часть населения – крестьянство – была закреплена, то есть прикреплена к земле и

ее собственнику. Но следует учитывать и то, что крепостного права не было ни на Урале, ни в Сибири. Однако в десятках центральных уездов страны, на юге и в Поволжье крепостное право, несомненно, тормозило и затрудняло создание рынка вольнонаемной рабочей силы, который быстрыми темпами стал складываться лишь после отмены крепостного права в России в 1861 г., ведь полное утверждение капитализма возможно только при систематическом использовании наемного труда. Для этого было неизбежным обезземеливание массы крестьянства, мучительное для нее лишение средств производства, экспроприация и пролетаризация, потеря ею качественных черт мелких производителей эпохи традиционного аграрного общества. Такая экспроприация стала форсированным рычагом первоначального накопления в условиях гигантского расширения европейского рынка до уровня мирового. В отличие от Англии, Россия первоначального накопления в таком виде в XVII-XVIII вв. не знала. Но, помимо насильственной, этот процесс имел и экономическую (для России – особенно замедленную) сторону, конечный результат в развитии которой заключался в формировании отношений труда и капитала.

В последние десятилетия в многочисленных и многоплановых, обобщающих и региональных исследованиях по модернизации и аграрной эволюции России XX в. этот необратимый процесс экспроприации работника от средств производства называется раскрестьяниванием. В ходе разложения/раскрестьянивания как необратимого массового процесса широкие слои прежде самостоятельных сельских хозяев все полнее «охватываются» системой капиталистического товарного производства, товарно-денежные связи/отношения становятся для всего населения страны все более регулярными, систематическими, необходимыми, а действие закона капиталистической стоимости – все более полным.

Выдающимся достижением советской историографии в области исследования всероссийского рынка стала изданная в 1974 г. монография И.Д.Ковальченко и Л.В.Милова [5]. Книге предшествовало несколько методологических статей, в которых были обоснованы наиболее эффективные – количественные – методы изучения этой глобальной проблемы и общие теоретические принципы. К категории всероссийского рынка авторы подошли в двух исторических проекциях: 1) как к **товарному аграрному** рынку, генеральной линией в развитии которого являлось расширение закона стоимости, постепенное выравнивание торговой прибыли путем торговой конкуренции, освобождение от присущей феодализму «естественной монополии» купеческого капитала, вовлечение массы крестьянства в товарное производство хлеба; 2) как к **капиталистическому аграрному** рынку, то есть рынку не только на продукты труда, но и на средства производства и рабочую силу. Ученые поставили вопрос о роли единого рынка как материальной предпосылки капиталистического производства в России.

Единый товарный рынок выступает в качестве итогового рубежа докапиталистического способа производства, итоговой фазы простого товарного производства. Если на едином товарном рынке происходит постепенное выравнивание цен по закону стоимости товаров, вырабатывается более или менее единая их *рыночная стоимость*, более или менее общая норма торговой прибыли, то на капиталистическом рынке цены тяготеют уже в основном к цене производства.

Из всей огромной груды эмпирического материала ученые отобрали наиболее систематическую и однородную информацию – о колебаниях рыночных цен на земледельческие продукты в России за внушительный отрезок времени – XVIII – начало XX в. Методами корреляционного анализа с помощью ЭВМ (осуществившей 100 тыс. вычислений!) они провели обследование динамических рядов, структуру которых составили среднегодовые цены на хлеб, землю, рабочий скот и рабочую силу. Так был избран и обоснован наиболее систематизирующий показатель для понимания сложного процесса образования и дальнейшего роста всероссийского рынка. За основу ими был взят 10-летний цикл среднегодовых и полу-

годовых колебаний хлебных цен – именно с их помощью был найден «минимальный масштаб», наиболее оптимальный ракурс анализа, способ раскрытия механизма развития всероссийского рынка. Цены как обобщенный фактор рыночной конъюнктуры толкали вперед рост общественного разделения труда, специализацию производства, его совершенствование и т.д. Рынок был изучен Ковальченко и Миловым как пространственно-динамическая система, как арена проявления экономических закономерностей капиталистического развития и регулятор общественного производства.

За начальный этап исследования были взяты среднегодовые данные о хлебных ценах 1744-1753 гг. (на рожь и овес) по 86 городам главным образом европейской части России. В определении начального рубежа была важна реформа таможенной системы 1753 г., отмена внутренних таможенных пошлин в России, способствовавшая росту внутреннего рынка. В середине XVIII в. капиталистические отношения оформились в хозяйственно-экономический уклад. Результат вычисления коэффициентов корреляции и детерминации по динамическим рядам показал, что в середине XVIII в. в европейской части страны уже сформировались три основных центра аграрного рынка: 1) Северо-Запад, Север и Поволжье от Казани до Астрахани; 2) Черноземная полоса; 3) Московская провинция. Корреляционный анализ колебаний рыночных цен в обобщенном виде отражает состояние двух важнейших факторов, обуславливающих, по-первым, тесноту рыночных связей двух каких-либо центров, во-вторых, общность тенденций социально-экономического развития разных районов страны.

Далее ученые исследовали коэффициенты корреляции и детерминации динамических рядов хлебных центров России в 1809-1819 гг. (конец первой фазы развития капиталистического уклада) и незадолго до отмены крепостного права (1846-1855 гг.). Выделенные этапы позволили ученым показать, как степень развития рынка выражала степень развития товарного производства в стране. К середине XIX в. указанные для 1740-1750-х годов рынки, сливаясь и расширяясь, образовали несколько больших зон, «наслаивающихся» друг на друга. О слиянии больших зональных рынков свидетельствует тесная взаимосвязь в изменении цен (высокий коэффициент корреляции). Однако в крепостную эпоху конечный итог этого слияния – образование единого товарного рынка – не мог быть достигнут.

Анализ Ковальченко и Миловым динамических рядов цен на хлеб и средства производства за 1883-1892 гг. показал предельно высокую всеобщую тесноту взаимосвязи (коэффициент детерминации) - на 75 % они определялись общими факторами. Таким образом, именно условия капиталистической эпохи создали все необходимые предпосылки для оформления единого всероссийского аграрного рынка, а возникновение последнего было условием формирования единого аграрного капиталистического рынка.[6, с.27-56] Последний стал возможен лишь тогда, когда установился свободный, ничем не стесненный перелив капитала из земледелия в промышленность и обратно, то есть когда в земледелии стал господствовать закон средней нормы прибыли.

#### Литература

1. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII – первой половине XIX в. // История СССР. 1966. № 4.
2. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. - М., 1998.
3. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. - М., 1984.
4. Барг М.А. Место XVII века в истории Европы (К вопросу о начале нового времени) // Вопросы истории. 1985. № 3.
5. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. - М., 1974.
6. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. О принципах исследования процесса формирования всероссийского аграрного рынка (XVIII-XX вв.) // История СССР. 1969. № 1.

## РОЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ В ТРАНСФОРМАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В.К. Гуськов

*Вологодский государственный педагогический университет,  
г. Вологда, Российская Федерация*

К началу нашей эры духовный кризис охватил весь Средиземноморский регион, Рим и Иудею. Прежние греко-римские боги уже потеряли своё былое значение. Этот процесс затронул и иудейскую религию, у которой также не было ответов на многие вопросы. В большой Римской империи, несмотря на тесную взаимозависимость её подданных, отсутствовало прочное чувство солидарности. У них не было общего идеала и общепринятой морали. Нужна была объединяющая всех мировая религия, которая заполнила бы духовный вакуум. Такой религией стало христианство.

Христианство (от греческого слова *christos* «помазанник», «Мессия») зародилось как одна из сект иудаизма в I в. н. э. в Палестине [1. 25]. Распространившись в среде евреев Палестины и Средиземноморья, христианство уже в первые десятилетия своего существования стало привлекать многих, разочаровавшихся в римском общественном устройстве. Уже тогда проявился свойственный христианству универсализм: первые христианские общины, разбросанные по всей Римской империи, всё же ощущали своё единство.

Если первоначально христианские общины и секты возглавлялись харизматическими лидерами и пророками, и их жизнь характеризовалась свободой духа и действий, то затем происходит постепенное появление централизации и единоначалия, появляется такое понятие как Церковь (в смысле крупного религиозного объединения).

Греческое слово «церковь» – «эκκλησία» означает «призванные» из множества людей.

Христианская вера рождалась и утверждалась в муках и гонениях. Первые христиане, по образу самого Христа, становились мучениками, претерпевали унижения и страдания. Римские императоры были язычниками и всячески преследовали христиан.

Внутренняя жизнь христианских общин, внутрицерковные отношения отражали ход политической истории Рима. Постепенно отношение власти к христианству менялось. В 313 г. в Милане императором Константином был издан «эдикт о веротерпимости», наделявший христиан широкими правами [2. 23]. Именно с этого момента начинается победное шествие христианской религии по миру.

После распада в IV в. н. э. огромной Римской империи на Западную и Восточную (Византия) части происходит и постепенное обособление западной и восточной церквей. В то же время наблюдается и изменение отношений римских императоров к христианству. Теперь в христианстве власть видит мощную силу, которую можно и нужно поставить себе на службу. Теперь христианская церковь превращается из гонимой – в желанную, господствующую и государственную [1. 52].

IV в. стал важной вехой для античного мира, христианской религии и всего последующего развития европейской цивилизации. Начавшийся процесс христианизации стал основным содержанием исторического развития Европы того времени. В периоды правления от императора Константина до императора Феодосия происходил процесс христианизации самой Римской империи. В результате – Римская империя стала христианской империей и активным распространителем новой религии на окружающие земли.

В 1054 г. происходит разделение христианской церкви на православную (Византийскую) и католическую (Римскую). Слово «католицизм», в отличие от «православия» (от греч. – «ортодоксия»), означает всеобщий, вселенский [2. 87]. За разделением

церквей, соответственно, разделилась и Европа. Западная, Северная и Центральная Европа пошла за Римом, а Юго-восточная и Восточная Европа – за Константинополем. Естественно, что этот процесс наложил свой отпечаток на последующее государственное устройство, политическую направленность и складывание морально-нравственной системы ценностей этих государств.

Характерной чертой западноевропейской средневековой цивилизации является то, что христианская религия становится доминирующим фактором развития общества. В связи с этим неизбежно встаёт вопрос об отношении церкви к мирской власти. Ещё в 413 г. Августин Блаженный в своём сочинении «О граде Божьем» выделил эту проблему [3]. В этом трактате Августин утверждал, что вся история человечества - это борьба праведников, населявших град божий, и грешников – жителей земного града. И святая церковь, в отличие от мирской, земной власти, стоит ближе к граду божьему. Таким образом, церковь стоит выше государства и всё, и вся должно быть ей подчинено. Естественно, что такая церковная доктрина входила в противоречия со светской властью, поэтому отношения между ними носили сложный характер. Тем не менее, понятия религия и церковь в их сакральном и политическом значении возносятся на небывалую высоту и становятся главными и определяющими составляющими для всей эпохи средневековья.

X–XIII вв. – это время формирования и становления единых национальных государств, однако этот процесс значительно тормозил период раздробленности этих государств. Именно в этот период католическая церковь приобретает статус верховного арбитра и некоего единого мирового начала, которое объединяет западноевропейскую цивилизацию. По существу являясь могущественным феодальным институтом, католическая церковь становится носителем божественной благодати и, обладая непререкаемым авторитетом, внедряет в общественное сознание христианскую мораль и этику, тем самым закладывая нравственный и культурный фундамент европейской цивилизации. В то же время эта патерналистская роль католической церкви, её идеологическое влияние на все сферы жизни средневековой Европы в своём контексте были направлены на защиту и обоснование справедливости сложившегося феодального порядка.

В Средние века происходит окончательная христианизация Европы. Вначале этим процессом были охвачены районы Средиземноморья, Ирландии, Британии. Но уже в XIII в. христианизация охватила всю Европу.

Католическая церковь в средневековой Западной Европе была фактически государством в государстве. К XV в. одна треть земельных владений в католической Европе принадлежала церкви. Кроме того, система просвещения в Европе также фактически находилась в руках Римской церкви. Таким образом, диктуя свою политику католическим государям, получая от них в дар огромные денежные поступления, а также земельные владения, Римская церковь являлась для этих стран неким верховным началом, непогрешимым символом святости и веры, главным судьёй во всех политических и мирских делах. Вместе с тем, методы, какими проводила свою политику католическая церковь, совсем не были христианскими. Жестокий фанатизм и агрессивность католицизма, опиравшегося на строгую иерархическую централизацию власти во главе с Папой римским, вызывали откровенное неудовольствие государей некоторых европейских стран и нарождающейся буржуазии. Это привело к нарастающей социальной напряжённости в обществе, протесту и концентрации антиклерикальных сил, причём именно там, где власть церкви была наиболее полной – в сфере культуры.

Наступила эпоха Возрождения, которая опрокинула церковную догму, препятствующую свободе мысли и научному поиску. Вместе с ослаблением политического влияния Рима в средневековой Европе появились грозные предвестники Великой



схизмы. Это было начало кризиса христианского мира, его коренного изменения и последующей трансформации основ европейской цивилизации. Социальной основой этого кризиса был начавшийся переход от феодализма к капитализму.

Именно Возрождение в результате способствовало последовавшей позже, в начале XVI в. Реформации, возникновению протестантизма и последующему, второму расколу Европы, но теперь уже в русле самого католицизма – на католиков и протестантов. На фоне укрепляющегося абсолютизма в Западной Европе происходило зарождение и постепенное развитие раннего капитализма, который начинал оказывать влияние на феодальные институты. Происходило возвышение буржуазии. Новые формирующиеся буржуазные общественные отношения входили в противоречие с устоявшейся средневековой концепцией христианства, выраженной в католицизме, что неизбежно привело к социальному и политическому конфликту, облечённому в вериги религиозной Реформации. Этот конфликт нашёл своё разрешение в волне войн и восстаний, которая прокатилась по Западной Европе и до основания потрясла сложившийся и устоявшийся образ жизни европейцев, что в корне изменило картину церковно-государственных и церковно-общественных отношений. Появился протестантизм - новое направление в христианстве, более соответствовавшее интересам нарождающейся буржуазии [4.119].

Эти события, имевшие место в Западной Европе в первой четверти XVI в., ясно показывали, насколько к тому времени ослабела католическая церковь. Её позиции были подорваны в большей части европейских государств. Реформация, начатая в октябре 1517 г. в немецком городе Виттенберг августинским монахом Мартином Лютером, осуществила разрыв единого христианского мира. Была поставлена под вопрос не только проблема папской юрисдикции, но и сама идея католичности Римской церкви. Это требовало от папства мобилизации всех сил для противостояния новому движению. В то же время, Реформация как форма утверждения буржуазной идеологии в религиозной сфере совсем не означала гибели католицизма [2. 228].

Прибегнув к Контрреформации, Римская церковь сумела отстоять и вернуть некоторые утраченные позиции, и здесь главным инструментом папской политики стал созданный испанским дворянином Игнатием Лойолой орден иезуитов (др. название – «Общество Иисуса») [2. 246]. С появлением иезуитов ситуация в политической обстановке Западной Европы существенно меняется. Всюду, где католичество боролось с Реформацией, являлись иезуиты Лойолы и, занимая ключевые места в наиболее важных государственных структурах управления, обеспечивали победу римскому престолу. Результатом религиозного противостояния стала крайняя поляризация христианского мира, раскол и консолидация европейского средневекового общества вокруг своих старых и новых оплотов веры – католицизма и протестантизма. Таким образом, единый прежде в религиозном отношении европейский христианский мир перестал быть целостным и трансформировался в два религиозных центра, с общим Богом, но с разными взглядами на отношения между церковью и государством, церковью и обществом. Произошло усиление значения национальных церквей и секуляризация общественного сознания.

Можно спорить и по-разному трактовать проблему отношений между церковью и обществом, однако следует согласиться с тем, что католическая церковь, с её устоявшимися закоснелыми догмами и традиционными взглядами на настоящее и будущее феодального средневекового общества, невольно сыграла косвенную роль в процессе трансформации Европы от феодализма к капитализму. Именно всевластие Римской церкви в духовной и политической областях государств Западной Европы, её «родительский» надзор за всеми сферами жизни европейского средневекового обще-

ства и привели к неизбежному конфликту между обществом и Церковью. И именно через этот конфликт, выразившийся в волне восстаний и войн, через крушение основ католицизма и религиозный раскол, средневековое европейское общество перешло от укоренившегося феодального уклада на путь капиталистического развития. Что касается Контрреформации и её главного орудия – ордена иезуитов, к которым папство было вынуждено прибегнуть, дабы остановить волну протестантизма, то и здесь не всё так плохо. Несмотря на свирепую католическую реакцию и активные действия иезуитов, которые находились под особым покровительством Папы римского и руководствовались принципом «Цель оправдывает средства», вместе с их негативной ролью можно найти и положительные стороны их деятельности. Например, созданная Обществом Иисуса и распространенная на всю Европу сеть иезуитских коллегий весьма способствовала развитию образования и повышению грамотности среди европейского общества, так как именно в этих коллегиях давалось лучшее на то время образование.

В то же время, католическая реакция вынудила многих приверженцев протестантизма покинуть Европу и искать прибежище в других землях. Очень привлекательной в этом смысле была Америка. Вместе с тем, наряду с религиозным фактором колонизации Северной Америки, нужно учитывать и экономические интересы переселенцев, однако религиозный фактор в этом процессе был главным. Основная масса переселенцев: англичан, французов, испанцев, шведов и голландцев исповедовали кальвинизм, что впоследствии и стало вектором становления основной религии в США. Начиная с 1606 г., переселенцы из Англии, а затем и граждане других стран интенсивно переселяются в Северную Америку и основывают там свои колонии. Колонисты принесли с собой на свою новую Родину не только новые технологии, но также, что особенно важно, протестантский дух, с его религиозным индивидуализмом, с его призывом к строгости и скромности. Протестантизм стал духовной основой и этической нормой зарождающегося нового государства. С этого времени начинается активное освоение американской территории, культивация ранее пустующих земель, строительство новых городов, формирование новой, американской нации.

Подводя итоги вышеизложенного, можно отметить, что проблема отношений между Церковью и обществом, Церковью и государством до сих пор не имеет однозначного решения и трактуется по-разному. Споры по этому поводу ведутся уже на протяжении многих столетий. Анализируя двухтысячелетнюю историю христианства можно согласиться с тем, что христианство является нравственным ориентиром и своеобразным прогрессивным фактором человечества. Что касается Церкви, то её влияние на все сферы социальной и политической жизни общества, несомненно. Именно Церковь заложила нравственно-культурный фундамент христианской цивилизации, внедряя в общественное сознание библейские принципы. В то же время, история взаимоотношений Церкви и общества изобилует как негативными, так и позитивными проявлениями. Однако необходимо признать, что именно христианская церковь, с её главным и основополагающим постулатом Откровения – «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог», стала той благодатной почвой, на которой зарождались и развивались государства Европы и Америки, и на протяжении многих веков была мировым благотворным началом, неким катализатором человеческих отношений и общественного прогресса.

#### Литература

1. Крывелев И.А.. История религий. В 2 т. - М., 1988. Т.1. - 446 с.
2. Лозинский С.Г. История папства. - М., 1986. - 380 с.
3. Августин Блаженный. О граде Божьем. - М., 2000. - 1296 с.
4. Шмелёв И.П. Европа: вчера, сегодня, завтра. - М., 2002. - 822 с.

## ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ИДЕОЛОГИИ «ХРИСТИАНСКО-СОЦИАЛЬНОГО СОЮЗА В БАВАРИИ» НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ (1945-1949)

И.Д. Попов

*Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация*

Переход германских земель на путь демократического устройства государства требовал от нового руководства мирного взаимодействия с другими странами и, прежде всего, со странами европейского континента, где вспыхивали очаги последних мировых войн. Такая необходимость в определённых кругах была осознана ещё в довоенное время и выражалась в различных панъевропейских идеях. Однако в силу ущербности Версальской системы, которая скорее обостряла, нежели сглаживала межгосударственные противоречия, а впоследствии и установления в ряде стран Европы фашистских режимов, идея сотрудничества между европейскими странами не имела ни перспектив, ни широкой поддержки населения и руководства этих стран.

В послевоенные годы европейская идея вновь была возрождена и в Германии своё наибольшее выражение получила в христианских партиях, одной из которых являлась образованная в 1946 г. ведущая партия послевоенной Баварии ХСС («Христианско-социальный союз в Баварии»). Необходимо сразу подчеркнуть, что в первые послевоенные годы до образования ФРГ задача интеграции стран Европы не являлась первостепенной ни для ХДС, ни для ХСС, в силу послевоенной экономической разрухи, социальных проблем, неопределённости будущего политического устройства германских земель и набравшей обороты Холодной войны, непосредственно отразившейся на Германии. Однако формулировка основ европейской идеи и путей будущей интеграции относится именно к данному периоду.

Бавария в послевоенные годы была тем регионом, где европейская идея могла получить широкую поддержку среди жителей данного региона. Исторически имея многочисленные контакты с Италией, Францией, Швейцарией, Австрией и другими странами, более интенсивное взаимодействие между европейскими государствами, учитывая те убытки которые были понесены в ходе войны, способствовало бы только развитию данной земли. Кроме того, в Баварии традиционно были популярны настроения, противостоящие имперской политике Германии, и более тесное сотрудничество с европейскими странами виделось в качестве одного из путей преодоления нацистского прошлого.

Европейская идея ХСС имела свои корни ещё в нацистских лагерях, где пересекались представители различных европейских стран. К примеру, первый председатель ХСС Йозеф Мюллер в лагерях познакомился с бывшим французским президентом Леоном Блюмом и австрийским бундесканцлером Куртом Шушницгом [1, S.21].

Поэтому уже в первой программе – «Программе принципов» 1946 г. – была прописана необходимость более интенсивного взаимодействия со странами Европы. Однако в ней интеграция социальным христианам виделась, в большей степени, в культурно-экономическом плане. Особенно интересен экономический аспект европейской интеграции в программе принципов от 15 декабря 1946 г.: «Ни одна страна Европы не может существовать в одиночестве. Мы выступаем за создание европейского экономического и валютного союза. Мы требуем упразднения таможенных границ между отдельными государствами Европы» [2, S.216]. Таким образом, уже здесь предстаёт образ будущего ЕЭС, идея которого стала реализовываться лишь в 50-е гг. Это говорит лишь о том, что европейское направление являлось довольно значимым и тщательно проработанным в политике Христианско-социального союза. Для сравнения, ни в одной из предвыборных программ ХДС до первых выборов в Бундестаг (Кёльн-

ские тезисы 1945 г., Нехейм-Хюстенская 1946 г. и Аленская 1947 г. программы, Дюссельдорфские тезисы 1949г.) ни слова не говорится о европейской политике. В программе 1946 г. также отражена идея культурного взаимодействия и культурной общности, основанной, по мнению идеологов ХСС, на христианском базисе: «В рамках семьи народов Европа – наднациональное жизненное сообщество. Мы выступаем за создание европейской конфедерации для взаимного соблюдения и дальнейшего развития западной христианской культуры» [2, S.216]. Здесь необходимо обратить внимание на слово «конфедерация», которое говорит о том, что уже в 1946 г. ХСС стоял на позициях достаточно глубокого характера европейской интеграции.

Однако в программе 1946 г. совершенно умалчивается о географических рамках данной интеграции. Судя по всему, это было связано с неопределённостью партии в собственно германском вопросе. Об этом в своих воспоминаниях говорит и Франц Йозеф Штраус, являвшийся председателем ХСС в 1961-1988 гг.: «О будущем пути развития Германии не было ещё ни ясных представлений, ни чёткой информации, ни ясных договорённостей. И даже когда на горизонте замаячили контуры западногерманского государства, мы ещё долго не могли понять, в каком же направлении будут развиваться события» [3, С.85].

В момент основания ХСС преобладала точка зрения о единстве Германии, которую особо яро отстаивали Й. Мюллер и А. Штегервальд. Их позиция отражена и в «Программе принципов» от 1946 г.: «Мы выступаем за единство и неделимость Германии» [2, S.212]. Сам Мюллер, будучи активным борцом Сопротивления, имел контакты и связи с советской военной администрацией, часто ездил в восточный Берлин. Он был одним из немногих, кто считал Советский Союз равнозначным партнёром западных государств, в чём принципиально расходился с К.Аденауэром [4, Л.110]. В этом вопросе Мюллер придерживался позиций берлинского отделения ХДС во главе с Якобом Кайзером и такими известными политиками ХДС западногерманских земель, как Карл Арнольд (премьер-министр земли Северный Рейн-Вестфалия с 1947 г.) и Вернер Гильперт (председатель гессенского ХДС). Они отвергли идею Аденауэра осуществлять интеграцию исключительно с западноевропейскими странами и только в рамках Западной Германии [5, S.54-55]. То же самое отмечает в своих воспоминаниях и Ф.И. Штраус: «Он [Мюллер] постоянно рассказывал о своих беседах, отмечая, что русские также заинтересованы в создании в какой-либо форме общегерманского демократического государства. В этом вопросе Йозеф Мюллер был ближе к Якобу Кайзеру, нежели к Аденауэру» [3, С.86]. Однако сам Штраус, считавший себя сторонником Мюллера, не разделял подобные взгляды, и в его мемуарах образ Советского Союза дан исключительно с негативной стороны. На антисоветских позициях стояло и более консервативное крыло партии во главе с Фрицем Шеффером.

Также необходимо отметить, что на начальном этапе европейская идея ХСС в большей степени подразумевала преодоление нищего существования немцев, последствий бомбардировок, беженства и изгнания [6, С.198]. Неслучайно, в «Программе принципов» 1946 г. политики ХСС указывают только на экономическое (для преодоления экономической разрухи) и культурное (для формирования нравственных устоев новой Германии) взаимодействие. Бавария, как регион, понесший тяжёлые потери в результате разгрома нацистской Германии, особо нуждался для восстановления экономики и решения острых социальных проблем в более интенсивном сотрудничестве не только между землями Германии, но и между другими государствами.

Совершенно иные очертания стала приобретать европейская идея в рядах ХСС по мере складывания сепаратного западногерманского государства. Она была сведена к интеграции тех стран, которые присоединились к «плану Маршалла». Об этом чётко говорится в предвыборной программе ХСС 1949 г.: «...Пока в советскую Россию и советские вассальные государства [торговые представители] посылаться не будут.

Однако во внимание всё же принимаются почти 40 стран европейского плана восстановления, которые представляют воплощение «плана Маршалла» [7, S.17].

Становится понятно, что интеграция возможна только в рамках Западной Европы и на первый план выходит идея рыночной экономики, свободы, права, демократии, как связующее звено между западноевропейскими государствами. И Бавария, отстаивая принципы защиты частной собственности, федерализма, демократического и правового государства, предстаёт в роли одного из локомотивов западноевропейского сотрудничества.

Меняется и отношение политиков ХСС к роли Германии в международной политике, несмотря на известное ограничение её суверенитета. Европейская интеграция, по мнению социальных христиан, должна была стать компенсаторным механизмом решения внутренних проблем и становления ФРГ как влиятельного субъекта международной политики. «Достаточно взглянуть на карту, чтобы показать, что утвердившаяся в себе Европа немыслима без Германии. В этом и состоит для сегодняшней Германии большая возможность. В европейском сообществе, мы, если серьёзно постараемся, можем вновь занять то положение, которое нам отведено историей, культурой и возможностями. Ограничение нашего суверенитета, наша экономика, наша внутригосударственная свобода действий, которую мы сейчас ещё с таким трудом ощущаем, во многом бы сбавили остроту, если бы рассматривались в качестве предварительной задачи для объединённой Европы. Поскольку в этой Европе каждое государство в известной степени должно принять ограничения своего суверенитета» [7, S.16-17].

Таким образом, европейская идея ХСС, которая стала одним из ведущих идеологических компонентов партии, была сформулирована ещё до образования ФРГ. В зависимости от смены политической конъюнктуры менялась и уточнялась суть идеи европейской интеграции. Появление европейской идеи в программных установках ХСС напрямую было связано с необходимостью преодоления нацистского прошлого и хозяйственного ущерба, нанесённого войной. Однако по мере складывания ФРГ и усиления противостояния между СССР и западными державами необходимость интеграции приобретает в том числе и политический характер. Круг участников замыкается вокруг стран, присоединившихся к «плану Маршалла». Европейское сообщество мыслится как механизм утверждения Германии на международной арене. Все эти перечисленные компоненты и составили суть европейской идеи ХСС, которую партия неизменно отстаивает и на сегодняшний момент.

#### Литература

1. *Waigel T.* Die moderne christliche Volkspartei – Das Politische Werk Josef Müllers: Gedenken des 100. Geburtstag von Dr. Josef Müller // Politische Studien. Jg. 44, N. 360, Juli/August. 1998. – S.15-23.
2. Christliche-Soziale Union: Grundsatzprogramm, 1946 // Programme der politischen Parteien in der Bundesrepublik Deutschland / Hrsg. u. erl. von R. Kunz et al. – 2. Aufl., überarb. – München: Verlag C.H. Beck, 1979. – S.212-216.
3. *Штраус Ф. И.* Воспоминания / Пер с нем. – М.: Международные отношения, 1991. – 560 С.
4. *Петелин Б.В.* Германская политика ХДС/ХСС: содержание, концепции, методы и результаты (1982-1990): Дисс... д-ра истор. наук. – Вологда, 2002. – 457 С.
5. *Rupp H. K.* Politische Geschichte der Bundesrepublik Deutschland: Entstehung und Entwicklung. Eine Einführung. – Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz: Kohlhammer, 1978. – 252 S.
6. *Стрелец М. В.* Христианско-социальный союз в Баварии (ФРГ): идеология и политика. Монография. – Брест: Издательство БГТУ, 2004. – 410 С.
7. Programm zur Bundestagswahl am 14. August 1949. – Электрон. текстовые дан. (1 файл: 8431 Кб). – Свободный доступ из сети Интернет. – Adobe Acrobat Reader 5.0. – URL:[http://www.hss.de/downloads/BTW\\_1949-08-14.pdf](http://www.hss.de/downloads/BTW_1949-08-14.pdf)

## САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫ АСПЕКТ СІСТЭМНАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ У КРАІНАХ ЦЭНТРАЛЬНАЙ І ЎСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ: СУТНАСЦЬ, АСНОЎНЫЯ НАПРАМКІ, НАСТУПСТВЫ

М. В. Стралец

*Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт, г. Брэст, Беларусь*

Стартавая кропка постсацыялістычнага этапа ў гісторыі Ўсходняй Еўропы – пачатак ажыццяўлення канцэпцыі “шокавай тэрапіі”. Краіны рэгіёна зрабілі шэраг паслядоўных крокаў у дадзеным накірунку. Першы крок – “макрэканамічная стабілізацыя, якая ўключае барацьбу з інфляцыяй, узмацненне жорсткасці крэдытнай і падатковай палітыкі, ўрэгуляванне вонкавай запазычанасці. У якасці наступнага кроку меркавалася татальная лібералізацыя эканомікі. Асаблівую важнасць мела фарміраванне камерцыйнай банкаўскай сістэмы, развіццё недзяржаўных фінансавых рынкаў. Усе абмежаванні дзейнасці прыватнага сектара належалі адмене. Развіццё інстытута прыватнага прадпрымальніцтва меркавала таксама ўводзіны працэдур банкруцтва, скасаванне манополіі, адмову ад штучнага прыярытэту тых ці іншых галін і відаў вытворчасці... Дзяржава пераходзіла да сістэмы ўскоснага рэгулявання [1; с.163].

Важна адзначыць, што “аслабленне дзяржаўнага кантроля і адмова ад манопольнага становішча дзяржавы ў эканоміцы пачаліся ў шэрагу краін ЦУЕ (Венгрыя, Польшча, былая Югаславія) яшчэ ў 80-я г... У перыяд пераходу да рынкавай эканомікі доля дзяржаўных даходаў у ВУП стала зніжацца амаль ва ўсіх краінах ЦУЕ, што было наступствам лібералізацыі эканомікі, якая праводзілася”. [2; с.644-645]

“Асноўныя пераўтварэнні “шокавай тэрапіі”, якія былі ажыццёўлены ва ўсходнееўрапейскіх краінах на працягу 1990 – 1992 гг., прывялі да дваістых вынікаў... Імкліва сфарміравалася рынкавая інфраструктура. Быў ліквідаваны дэфіцыт спажывецкіх тавараў. У сферу прадпрымальніцкай дзейнасці ўключылася значная частка насельніцтва. Аднак негатыўныя наступствы шокавай тэрапіі пераўзыйшлі ўсе самыя песімістычныя чаканні. Паследаваў глыбокі спад вытворчасці. Беспрацоўе ўвогуле па рэгіёну ахапіла больш 1/10 працаздольнага насельніцтва. Велізарныя маштабы набыла інфляцыя” [1, с.164]. Яна “у Польшчы, Балгарыі, Харватыі межавала з гіперінфляцыяй” [2, с.645]. Да таго ж дабавіўся “банкаўскі крызіс, які распачаўся з-за таго, што камерцыйныя банкі не адразу прыстасаваліся да новых умоў гаспадарання, на першых парах выдаючы незабяспечаныя крэдыты, а таксама дапускаючы розныя злоўжыванні. Не апраўдаліся надзеі на масавы прыток у ЦУЕ замежных інвестыцый, паколькі замест чакаемых прамых інвестыцый у рэальны сектар эканомікі ў рэгіёне назіраўся прыток спекулятыўнага фінансавага капіталу, які даволі хутка абрушыў фінансавы рынак усходнееўрапейскіх краін, які нараджаўся.

Самым жа адчувальным наступствам сацыяльна-эканамічных пераўтварэнняў у ЦУЕ аказаўся падман грамадскіх чаканняў. Нягледзячы на тое, што рэформы—працэс працяглы і паступовы, грамадства прагло імгненных вынікаў і хуткага дасягнення ўзроўня жыцця па стандартах вядучых сусветных дзяржаў. Фактычна ж жыццёвы ўзровень насельніцтва краін ЦУЕ знізіўся”. [3; с.361]

“Так, рэальныя спажывецкія выдаткі насельніцтва ў Польшчы спачатку ( у 1989—1990 гг.) знізіліся на 27 %, але затым сталі расці і ўжо ў 1993 годзе перавысілі ўзровень 1989 года. У Чэхіі гэтыя выдаткі знізіліся толькі ў 1991 годзе на 24 %, але ўжо ў 1996-м перавысілі ўзровень 1989 года. У Румыніі падзенне спажывецкіх выдаткаў працягвалася да 1992 года ( на 9 %), затым пачаўся іх рост і ўзровень 1989 года быў пераўзойдзены ў 1995 годзе. У Балгарыі і Славакіі рэальныя спажывецкія выдаткі зніжаліся адпаведна да 1997 і 1994 года ( на 36 і 28 %), затым сталі расці і дасягнулі ўзроўню 1989 года к 2005-му. У выніку ўсіх гэтых цяжкасцяў з рэгіёна ЦУЕ эмігравала 2,5 млн чалавек.

На (аналізуемым.—М. С.) этапе сістэмнай трансфармацыі побач з падзеннем рэальных даходаў насельніцтва рэзка ўзрасла сацыяльная дыферэнцыяцыя. Так, калі ў 1987—1988 гадах у Польшчы беднымі лічыліся 2,1 млн чалавек, або 6 % насельніцтва, то ў 1993—1995 гадах — 3,8 млн чалавек, або 10 %. У Венгрыі ў 1987—1988 гадах было 0,1 млн беднякоў (1 % насельніцтва), у 1993—1995 гадах — 0,7 млн чалавек (7 % насельніцтва), у Румыніі адпаведна 1,3 млн чалавек (6 % насельніцтва) і 10,8 млн чалавек (48 % насельніцтва)”. [5; с.40-41]

“Абвастэрэнне сацыяльнай абстаноўкі, відавочная неабходнасць карэктываў рэфарматарскага курсу выклікалі перабудову партыйна-палітычнага спектру і прыход да ўлады левацэнтрысцкіх сіл. Канцэптуальную аснову абноўленай стратэгіі рынкавых пераўтварэнняў склаў так званы градуалістычны падыход... Ключавым кампанентам усіх градуалістычных канцэпцый стала ідэя сацыялізацыі рэформ, якія ажыццяўляюцца, змяншэння іх выдаткаў, неўзіраючы на павелічэнне тэрміну рэалізацыі і адступленне ад мадэлі “капіталізму без прыметнікаў”. Але столь жа агульным недахопам з’явілася адсутнасць выразных адказаў на ключавыя праблемы, якія выяўлены лібералізацыйнымі шокамі” [1; с.166-167].

“Працэс вяртання да ўлады ... прыхільнікаў сацыялістычнага шляху развіцця... супаў з падзеннем папулярнасці неакансерватараў на Захадзе і перамогай сацыялістаў у шэрагу краін Заходняй Еўропы. Аднак агульная стратэгічная лінія рынкавых рэформ у краінах ЦУЕ аказалася непахіснай. Нават прэзідэнт-камуніст Аляксандр Кваснеўскі, які змяніў Валенсу ў Польшчы, па-ранейшаму праводзіў курс, які быў зададзены яго папярэднікам. Размова, хутчэй, можа ісці толькі аб большай сацыяльнай функцыі дзяржавы, большых гарантыях насельніцтву ва ўмовах рынкавай эканомікі, якая склалася” [3; с.361].

“Развіццё законатворчасці... у накірунку рынкавай эканомікі ў сярэдзіне 90-х гг. дазволіла забяспечыць абарону праваў уласнасці, сфармаваць інстытут кантрактных адносін, забяспечыць прававыя асновы канкурэнтнага асяроддзя, фармалізаваць працэдуру пачатку і завяршэння гаспадарчай дзейнасці, у тым ліку найбольш хваравітае пытанне — заснаванне і парадак банкруцтва. У выніку, пачалі складвацца стабільныя рынкавыя “правілы гульні”, якія спрыялі зніжэнню прадпрымальніцкіх рызык і прыцягненню замежных капіталаўкладанняў”. [1; с.168]

Разам з пачаткам “шокавай тэрапіі” стартавала “малая” прыватызацыя. “Перадача ў прыватны сектар часткі сярэдніх прадпрыемстваў у форме арэнды, продажу і рэ-тытуцыі... адбылася ў пачатку 90-х гг. даволі паспяхова. Магазіны, рэстараны, майстэрні малых і сярэдніх памераў былі распроданы за грошы. “Малая” прыватызацыя ў краінах ЦУЕ ажыццяўлялася пры большым уліку інтарэсаў спажывцоў. Так, у Чэхіі і Славакіі забаранялася на працягу пэўнага часу пераарыентацыя дзейнасці прыватызаванага аб’екта на больш прыбытковую, але менш грамадска значную”. [2; с.647]

“У сярэдзіне 90-х гг. распачаўся новы этап прыватызацыі. У адрозненне ад пераважна “шокавай тэрапіі”, прыватызацыя стала распаўсюджвацца на базавыя галіны і буйныя прадпрыемствы, у тым ліку нерэнтабельныя, якія былі абцяжараны збытачнай занятасцю, састарэлым абсталяваннем, вялікай сацыяльнай інфраструктурай. Больш шырока выкарыстоўваліся аукцыённыя формы прыватызацыі, жорстка выкаранялася практыка полулегальнага распродажу дзяржаўнай маёмасці, выкарыстання дзяржаўных сродкаў для некамерцыйнага фінансавання прыватных фірм”. [1; с.168]

Важна адзначыць і спецыфіку правядзення прыватызацыі на ўзроўні канкрэтных краін. “Ваўчэрны варыянт прыватызацыі быў прыняты ў Чэхіі, Славакіі, Балгарыі, Польшчы і Румыніі. Грамадзяне гэтых краін атрымалі ваўчэры, боны або сертыфікаты, якія даюць права на пэўную долю дзяржаўнай уласнасці, якая прыватызуецца. У

выніку ваўчэрнай прыватызацыі сярэдні грамадзянін у краінах ЦУЕ меў магчымасць атрымаць даволі значную ўласнасць (у Чэхіі – каля 1 тыс., у Румыніі прыкладна 500 дол.). Аднак дастаткова паспяховай ваўчэрная прыватызацыя аказалася толькі ў Чэхіі. У астатніх жа краінах ЦУЕ яна ў сярэдзіне 90-х гг. страціла ролю галоўнага інструмента пераразмеркавання дзяржаўнай уласнасці. У той жа час Венгрыя, якая абвясціла адмову ад ўсеагульнага і бясплатнага падзелу дзяржаўнай маёмасці і спрабавала ажыццявіць прыватызацыю толькі на грунце куплі-продажу, у сярэдзіне 90-х гг. была вымушана выкарыстаць ільготныя ўмовы набывання ўласнасці, напрыклад, за страту, якая нанесена грамадзянам у гады камуністычнага рэжыма".[2; с.647-648]

"Самымі складанымі часткамі сістэмнай трансфармацыі краін ЦУЕ аказаліся рэформы сацыяльнага забеспячэння, асабліва пенсійнай сістэмы і аховы здароўя. У часы сацыялізма ўсе пенсіянеры і хворыя атрымлівалі пенсіі і бясплатныя медыцынскія паслугі за кошт дзяржаўнага бюджэту. Пры гэтым не казалася аб тым, што так званыя грамадскія фонды спажывання фармуюцца за кошт сур'ёзнай недаплаты працы. Зараз жа прыйшлося не толькі павышаць рэальныя даходы насельніцтва з мэтай давадзення іх да ўзроўню, які маюць краіны Заходняй Еўропы, але і пераходзіць на новыя тэхналогіі фінансавання сацзабеспячэння. Ставілася задача хаця б напалову аддзяліць сістэму сацзабеспячэння ад дзяржбюджэту, увязаць сацыяльныя выдаткі з даходнай часткай бюджэту за кошт частковай камерцыялізацыі гэтай сістэмы. Практычна стала фармавацца сістэма сацыяльнай абароны насельніцтва з выкарыстаннем новых тэхналогій".[5; с.39-40]

"Нягледзячы на адносную сіхроннасць рэформаў і падабенства агульнай стратэгіі, яны прывялі да вельмі розных вынікаў. Пяць краін – Чэхія, Польшча, Венгрыя, Славакія, Славенія – сфармавалі групу лідэраў. Для іх была характэрна не толькі больш паслядоўная і мэтанакіраваная рэфарматарская палітыка, але і высокая стартавая хуткасць рэформ. З 1992—1994 гг. ва ўсіх пяці краінах захаваўся ўпэўнены эканамічны рост. Значна ўзрасла актыўнасць інвестараў..., памярковай стала інфляцыя... Прынцыпова важнай рысай сучаснага развіцця краін-інсайдэраў усходнееўрапейскага рэгіёна стала набліжэнне галіновай структуры да постіндустрыяльнага тыпу... Зусім іншым застаецца эканамічнае становішча ўсходнееўрапейскіх краін-аўтсайдэраў, у ліку якіх апынуліся Албанія, Балгарыя, Румынія, а таксама большасць паўднёва-славянскіх дзяржаў... Несбалансаванасць і нізкая эфектыўнасць "шокавых" эканамічных пераўтварэнняў выклікалі тут асаблівае абвастрэнне сацыяльных праблем і сталі прычынай палітычнай дэстабілізацыі... Толькі да канца 90-х гг. у эканамічным развіцці Румыніі, Балгарыі, Харватыі вызначыўся станоучы зрух. Албанія, Боснія і Герцагавіна, Македонія, абноўленая Югаславія, насупраць, апынуліся за рысай беднасці".[1; с.169-170]

Спецыяльна трэба закрануць і ролю замежнай дапамогі ў трансфармацыі сацыяльна-эканамічнай сістэмы ў краінах ЦУЕ. Вопыт сведчыць аб пануючай ролі попыту на рэформы ў адносінах да замежнай дапамогі. Гэта "дапамога сапраўды аказваецца эфектыўнай усяго там, дзе дзякуючы своечасоваму і паслядоўнаму правядзенню рэформ могуць лёгка абыйсціся і без яе. Наяўнасць трывалай рэфарматарскай большасці аблягае працэдуру ўзгаднення і прадастаўлення дапамогі, а галоўнае, змяняе колькасць абвінавачванняў у неэфектыўнасці дапамогі".[4; с.56] Расійскія навукоўцы В. А. Мау і К. Э. Яноўскі лічаць: "Дапамога ў будаўніцтве новых інстытутаў – як палітычных, так і эканамічных – з'яўляецца прыярытэтным напрамкам прадастаўлення дапамогі. Ва ўмовах глыбокіх структурных рэформ будаўніцтва інстытутаў важней, чым уласна вытворчыя інвестыцыі, паколькі менавіта адсутнасць неабходнага інстытуцыянальнага асяроддзя становіцца галоўнай перашкодай на шляху прытоку інвестыцый. А прымусовае (дзяржаўнае) інвеставанне аказваецца краіне неэфектыўным з-за адсутнасці неабходнай інфраструктуры (перш за ўсё палітычных і праваахоўных інстытутаў).



Зразумела, інстытуты не ўзнікаюць імгненна, і на розных этапах рэформ на пярэдні план дзяржаўнай палітыкі вылучаецца фармаванне розных інстытутаў... На першых этапах постсацыялістычных рэформ ключавую ролю адыгрывала фармаванне інстытутаў, якія забяспечвалі макразканамічную стабільнасць, а датычна да Расіі – яшчэ і тых, што гарантавалі ад камуністычнага рэванша. Менавіта па гэтаму асноўная ўвага тады была нададзена стварэнню сучаснай канстытуцыі, бюджэтнага і банкаўскага заканадаўства, а таксама прыватызацыі. І толькі пасля гэтага можна было весці размову аб развіцці фінансавых рынкаў, рэформе працоўнага і сацыяльнага заканадаўства, рознага кшталту падатковых і сацыяльных навацых". [4; с.60-61]

І, нарэшце, важна адзначыць, што на сучасным этапе адбываецца "глыбокае ўваходжанне краін ЦУЕ ў адкрыты глабальны рынак, у сусветную эканоміку, прычым не сектаральна, а ўвогуле, што прымушае працаваць з улікам самых высокіх патрабаванняў і норм павышанай канкурэнтаздольнасці". [5; с.49]

Такім чынам, "у краінах ЦУЕ зацвердзіліся асновы рынкавай эканомікі: скасавана цэнтралізаванае планаванне, адбылася лібералізацыя цэн на большасць тавараў і паслуг, уведзена ўнутраная частковая канвертуемасць нацыянальных валют, знік таварны дэфіцыт. У ходзе рынкавых рэформ у 90-ыя гг. пераважалі тры галоўныя накірункі: лібералізацыя, фінансавая стабілізацыя, прыватызацыя". [2; с.644] Менавіта такім шляхам павінна ісці і Беларусь. Альтэрнатывы быць не можа.

#### Літаратура

1. Новейшая история стран Европы и Америки. XX век: Учебник для студентов высших учебных заведений. В 3 ч./Под ред. А. М. Родригеса и М. В. Пономарёва.--М. Гуманитарный центр ВЛАДОС, 2001.—Ч. 3: 1945—2000. – 568 с.
2. Мировая экономика: Учебник / Под ред. проф. А. С. Булатова.—М.: Наука, 2001. – 404 с.
3. Погорлецкий А. И. Экономика зарубежных стран: Учебник.-- СПб: Издательство Михайлова В. А., 2000. – 315 с.
4. Мау В. А., Яновский К. Э. Помощь постсоциалистическим странам: факторы эффективности // МЭ и МО.— 2003.—№6.
5. Кудров В. М. Полезный опыт системной трансформации // Современная Европа.-- 2006.— №4. С. 35-50.

### ТРАНСФОРМАЦИЯ БРАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЕВСКОГО БОГОЯВЛЕНСКОГО БРАТСТВА

С.М. Восович

*Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь*

Могилевское Богоявленское братство было восстановлено по предложению епископа Могилевского и Мстиславского Виталия 6 января 1883 г. Оно восстанавливалось с целью распространения грамотности и духовного просвещения, оказания помощи крайне нуждающимся и заботы о больных, заключенных и «душевно страждущих». Устав данного братства был утвержден могилевским епископом после согласования с губернатором 10 февраля 1883 г. А 13 февраля состоялось первое общее собрание Могилевского Богоявленского братства. С этого дня фактически была восстановлена культурно-просветительская, благотворительная и миссионерская деятельность данного православно-церковного учреждения.

После издания 13 июня 1884 г. «Правил о церковно-приходских школах» епископ Могилевский и Мстиславский Виталий предложил внести некоторые изменения в ус-

тав братства. 22 октября 1884 г., день празднования чудотворной Казанской иконы Божией Матери, общее собрание почетных и действительных членов Могилевского братства единогласно приняло предложение руководителя Могилевской епархии о предоставлении прав епархиального училищного совета совету братства. Тогда же был утвержден могилевским епископом измененный устав братства [1].

С этого времени главная цель братства состояла в «распространении грамотности и духовного просвещения» в Могилевской епархии. Могилевское братство должно было «как центральное в своем роде учреждение», иметь «главное попечение об открытии, на законном основании, и поддержке церковно-приходских школ в каждом приходе, с наблюдением за правильным ведением в них учебного дела в духе христианского благочестия» [1, с. 286]. Помимо этого, братство обязано было «при содействии самого общества, и подлежащих властей, заботиться об учреждении епархиальной, благотворительных и церковно-приходских библиотек, а также воскресных и праздничных собраний духовных наставников с народом и публичных народных чтений». В то же время Могилевское братство не отказалось от оказания материальной помощи крайне нуждающимся, заботы о больных, душевно страдающих и заключенных. Оно постановило выделять пособия бедным «в случае особой нужды» после получения соответствующих ходатайств от приходских попечительств. Что касается больных, душевно страдающих и заключенных, братство должно было содействовать церковно-приходским попечительствам, выделяя средства при обнаружении «в том чрезвычайной нужды», оказывая им моральную поддержку и ходатайствуя о скорейшем решении необходимых дел.

Совет Могилевского братства недолго непосредственно заведовал церковными школами. Прямые служебные обязанности не позволяли большинству членов совета братства часто собираться на свои заседания для решения большого количества школьных дел, требующих немедленного рассмотрения. Поэтому 12 января 1886 г. епископ Могилевский и Мстиславский Сергей утвердил новый устав Богоявленского братства [2]. С этого времени Богоявленское братство, возложив обязанности по управлению церковными школами на епархиальный училищный совет, стало оказывать только финансовую помощь церковным школам Святейшего Синода.

По новому уставу цель братства заключалась, как и прежде, в распространении грамотности и духовного просвещения и в оказании материальной помощи крайне нуждающимся. Братство обязано было оказывать материальную помощь церковным школам, выделяя для них большую часть своих пожертвований. В то же время расширялся круг деятельности братства. Оно обязано было заботиться не только об открытии библиотек, организации воскресных и праздничных собраний и публичных народных чтений, но и создавать склады книг библейского и исторического содержания, икон и крестиков для их продажи по низким ценам и бесплатной раздачи немущим. Могилевское братство обязано было содействовать организации церковно-приходских хоров, печатать и издавать, с разрешения цензуры, книги и брошюры духовно-нравственного содержания. С целью подготовки большого количества священников братство планировало оказывать помощь беднейшим и наиболее нуждающимся воспитанникам духовной семинарии, особенно тем из них, кто особенно старательно занимался в образцовой церковно-приходской школе при семинарии. Братство намечало продолжать оказывать помощь беднякам, по крайней мере, перед праздниками Рождества Христова и Пасхи. Изменения затронули и остальные разделы устава.

Желая помочь епархиальному училищному совету в подготовке учителей церковно-приходских школ, Могилевское братство открыло в 1889 г. и содержало до 1894 г. Приснянскую двухклассную церковно-учительскую школу. Однако после открытия в

Могилевской епархии большого количества церковных школ и передачи в распоряжение епархиального училищного совета значительных правительственных пособий, церковно-школьная деятельность братства перестала иметь большое значение для епархии. Поэтому 28 февраля 1894 г. совет братства постановил прекратить выдачу пособия двум школам: образцовой при Могилевской духовной семинарии и Присянской церковно-учительской.

Деятельность братства с 1894 г. была сведена только к оказанию помощи бедным, преимущественно накануне праздников Пасхи и Рождества Христова, и распространению в народе книг, брошюр, картин религиозно-нравственного содержания, икон, крестиков. Последний вид деятельности осуществлялся путем продажи предметов религиозного характера из братского иконно-книжного склада. Только торговля этими предметами не отличалась в середине 90-х гг. XIX в. ни большими объемами, ни стабильной прибылью.

4 ноября 1896 г. епископ Могилевский и Мстиславский Мисаил утвердил новый устав Могилевского Богоявленского братства. Заботясь о распространении духовного просвещения и нравственности, братство должно было направлять свою деятельность не на открытие и поддержку церковных школ, а на учреждение библиотек. Появление новой формы просветительской деятельности было вызвано как многочисленностью церковных школ, находящихся в ведении специально созданного учреждения – епархиального училищного совета, располагающим значительными средствами, так и отсутствием необходимого количества библиотек в Могилевской губернии. По новому уставу предусматривалось создание на братские средства не только библиотек при церковно-приходских школах, но и в других местностях, где братство признавало это необходимым. Просветительская деятельность братства расширялась до помощи «распространению и утверждению деятельности епархиального миссионеров».

Изменилась по новому уставу и благотворительная деятельность братства. Если раньше братство оказывало помощь бедным выдачей пособий перед праздниками Рождества Христова и Пасхи, то по новому уставу оно обязано было «устраивать приюты для малолетних сирот и помогать обращающимся из раскола, от жидовства и подоб. к Православной Церкви, выдачей белья, одежды, обуви и денег, сообразно с средствами». Отказавшись от материальной помощи бедным семинаристам из-за планируемого открытия общества помощи нуждающимся воспитанникам Могилевской духовной семинарии братство по новому уставу должно было заботиться о благоустройстве и «благоукрашении» беднейших церквей Могилевской епархии, снабжать их по низким ценам или вообще бесплатно церковной утварью, иконами и другими церковными принадлежностями. Внося в новый устав этот пункт, Могилевское братство стремилось подчеркнуть свою приверженность традициям церковных западнорусских братств конца XVI в., оказавшим Православной церкви огромную материальную помощь. К тому же многие церкви Могилевской епархии действительно нуждались в конце XIX в. в указанной помощи.

После принятия нового устава Могилевское Богоявленское братство сразу же приступило к открытию библиотек при церковно-приходских школах. Помимо этого, оно создало в начале 1897 г. епархиальную библиотеку. 24 октября 1896 г. совет братства постановил открыть на братские средства приют-школу на 20–25 сирот. Однако Могилевское братство недолго содержало данный приют. Значительные расходы по его содержанию вынудили братство закрыть приют 1 сентября 1904 г., а его воспитанников перевести в Пустынский монастырь для продолжения образования во второклассной школе при этом монастыре. Братство выделяло только деньги монастырю за содержание своих воспитанников (до 1911 г.). В освободившееся здание по распоряжению епископа Могилевского и Мстиславского переехал епархиальный церковно-археологический музей.

В конце 90-х XIX в. в Могилевской епархии стали создаваться отделения Могилевского Богоявленского братства. 19 октября 1897 г. произошло открытие Гомельского отделения Богоявленского братства, 8 марта 1897 г. – Мстиславского отделения, а 17 августа 1902 г. – Оршанского отделения. В начале XX в. Гомельское, Оршанское и Мстиславское отделения братства превратились в самостоятельные уездные православно-церковные учреждения.

С 1913 г. при Богоявленском братстве с благословения епископа Могилевского и Мстиславского Константина было организовано Общество трезвости, председателем которого был избран епископ Гомельский Варлаам. Общество трезвости имело свой устав, совет и кассу.

С целью расширения братской деятельности был выработан на месте и утвержден в 1913 г. Святейшим Синодом новый устав. По новому уставу Богоявленское братство являлось центральным братским учреждением в Могилевской епархии. Оно обязано было «находиться в постоянном духовном общении» как с другими братствами Северо-Западного края, так и с возникшими в епархии уездными и приходским православно-церковными учреждениями. Совместно с первыми оно должно было, через своих представителей, участвовать в выработке общих мер, касающихся развития братской деятельности. Что касается уездных и приходских братств, то братству предписывалось руководить ими для достижения поставленных ими задач и согласовывать их деятельность по важным вопросам общепархиальной жизни. Новый устав предусматривал проведение прежних религиозно-нравственных мероприятий: 1) поддерживать и благоустраивать беднейшие храмы епархии; 2) продавать и бесплатно раздавать народу книги Священного Писания, молитвословы, сочинения, брошюры и листки религиозно-нравственного, миссионерского и патриотического содержания, а также крестики и священные изображения; 3) устраивать после получения соответствующего разрешения при церквях, школах и учреждениях братства библиотеки из творений св. Отцов, книг религиозно-нравственного, исторического, патриотического содержания и по сельскому хозяйству; открывать при этих библиотеках бесплатные читальни; 4) организовывать внебогослужбные чтения и беседы, общедоступные лекции с апологетическим христианско-православным и миссионерским содержанием, народные религиозные и назидательные общедоступные чтения, сопровождаемые показом слайдов и хоровым пением. В то же время новый устав впервые обратил внимание на охрану памятников древности и распространение сведений о них среди народа, на борьбу с алкоголизмом. Братство должно было открывать новые и поддерживать существующие общества трезвости, устраивать внебогослужбные беседы и чтения, распространять антиалкогольную литературу. Устав Могилевского братства предусматривал открытие специальных причетнических и миссионерских школ, а в случае недостатка средств выделение пособий таким школам. Братство обязано было заботиться о переходе в православие сектантов, раскольников и иноверцев, используя меры «духовно-нравственного воздействия». Братству предписывалось снабжать бедные церкви епархии образцовыми общедоступными пособиями для проведения внебогослужбных чтений и бесед, а также печатать в «Епархиальных Ведомостях» произведения, которые могли служить в качестве руководства по этим чтениям.

В отличие от старого устава благотворительная деятельность братства должна была состоять в оказании помощи бедным, особенно при болезни, смерти, сиротстве и выдаче беднейшим и благонравным воспитанникам низших и средних духовных учебных заведений епархии единовременных пособий для продолжения образования. Предусматривалось содействие братскими средствами другим православным организациям, преследующим благотворительные цели. По-прежнему братство обязано бы-

ло опекать и материально поддерживать обратившихся в православие иноверцев. В то же время оно отказалось от устройства приютов для малолетних сирот.

Таким образом, Могилевское Богоявленское братство в конце XIX – начале XX вв. неоднократно изменяло свой устав и направление деятельности, приспособлявая их к насущным потребностям епархии. Если в середине 80-х – середине 90-х XIX в. деятельность Богоявленского братства носила в основном просветительский характер, то на рубеже XIX – XX вв. – просветительно-благотворительный, а в начале XX в. братство придавало большое значение борьбе с алкоголизмом и помощи епархиальному миссионеру.

#### Литература

1. Устав Могилевского Богоявленского братства // Могилевские епархиальные ведомости. – 1884. – № 31 (часть официальная). – С. 285–290.
2. Устав Могилевского Богоявленского братства // Могилевские епархиальные ведомости. – 1886. – № 4 (часть официальная). – С. 17–22.

### **ТРАНСФОРМАЦИЯ СОСЛОВНОГО СОСТАВА ПОВСТАНЦЕВ 1830-1831, 1863-1864 гг. НА ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКОГО, КОБРИНСКОГО И ПРУЖАНСКОГО УЕЗДОВ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)**

О.В. Карлович

*Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь*

Гродненская губерния по своему географическому положению служила буфером между белорусскими землями и Царством Польским. В связи с этим изучение повстанческого движения на территории данного региона представляет собой особую значимость. В этом докладе хотелось бы рассмотреть структуру повстанческих отрядов в указанные периоды времени. Сначала рассмотрим события 1863 г. на территории указанного региона.

1. Общеизвестно, что в восстании 1863 г. принимало активное участие, в основном, молодое поколение белорусского обедневшего дворянства: студенты, гимназисты, чиновники, отставные и действующие офицеры русской армии – люди, не обремененные наличием собственности и богатства. В связи с этим неспроста знаменитый дореволюционный исследователь А.И. Миловидов события 1863 г. иронически назвал «мятежом детей». Но эти «дети» сумели довольно основательно потрепать нервы властям дерзкими акциями своих отрядов. Представители именитых родов дворянского сословия в большинстве своём к восстанию 1863 г. отнеслись равнодушно, в отличие от предыдущего восстания 1830-1831 гг.

На территории рассматриваемых уездов в 1863 г. действовало несколько повстанческих отрядов, созданных как по решению Центрального правительства в Варшаве, так и Литовского провинциального комитета в Вильно. Наибольшую память оставил о себе отряд Романа Рогинского, созданный на территории Польши одним из первых в январе 1863 г. и с боями прорвавшийся в Гродненскую губернию. Отряд Рогинского лихо прошелся по Пружанскому и Кобринскому уездам и завершил свой путь в Пинском уезде Минской губернии, где был разгромлен правительственным соединением генерала Ивана Ностица. За время рейда по Гродненской губернии к отряду Рогинского присоединялись чиновники уездных городов, о чем не раз упоминали как сами повстанцы, так и власти. В частности, пружанский военный начальник докладывал гродненскому губернатору И.В. фон Галлеру о том, что «из числа служащих гражданских

чиновников присутственных мест г. Пружаны нет ни одного благонадежного человека, который бы не участвовал в мятеже» [1, с.242].

Вполне вероятно, что планирование боевых операций в отряде Рогинского осуществляли действующие военнослужащие русской армии, в частности поручик Екатеринославского гренадерского полка Павловский и офицер из гарнизона г. Бяла Павлович. При этом Павлович занимал должность адъютанта Рогинского [2, с.109; 3, с.178].

Процесс создания местных отрядов ускорился после известного призыва к населению Литовского провинциального комитета (ЛПК) во главе с К.Калиновским 1 февраля 1863 г. «подняться на вооруженную борьбу». Ответственным за создание повстанческих отрядов на территории рассматриваемого региона был назначен Аполлоно Гюфмейстер, с начала 1863 г. поселившийся в Брест-Литовске. В конце апреля 1863 г. в Гродненской губернии создается целый ряд местных отрядов. В Сокольском уезде начал формирование своего отряда из воспитанников егерской школы и лесных стражников Беловежской пуцци подпоручик русской армии, начальник этой же школы Валерий Врублевский. Его отряд проводил рейды по всей территории губернии. В апреле в Брестском уезде были созданы отряды Стасякевича (бывшего воспитанника духовной семинарии, получившего боевой опыт в отряде Рогинского), Яна Ваньковича (командира корпуса лесничих Беловежской пуцци); в Пружанском уезде был сформирован отряд под командованием крупного помещика, владельца ряда имений в Гродненской губернии Феликса-Адама Влодека. Но наибольшей боеспособностью и организованностью отличался отряд под командованием отставного подполковника инженерных войск русской армии Ромуальда Траугутта, имевшего огромный боевой опыт. Его отряд был создан в конце апреля 1863 г. в Кобринском уезде. По собственному утверждению Траугутта, отряд, состоявший «из людей далеко не бедных», включал бывших солдат и офицеров, лесников, служащих органов власти Кобринского и соседних уездов. Все вышеперечисленные отряды представляли собой вполне организованные, боеспособные подразделения. В каждом из этих отрядов находились священники, приводившие к присяге на верность польской короне рядовых бойцов. За медицинское обслуживание раненых и больных членов отрядов отвечала целая группа дипломированных врачей, выпускников медицинских факультетов престижных университетов и Медико-хирургической академии Петербурга. Это были Иван Калиновский (двоюродный брат «начальника восстания»), Юлиан Бирфрейнд, Александр Окинциц, Флориан Ожешко, доктор Домановский, студент Медико-хирургической академии Костецкий.

Формирование повстанческих отрядов шло различными путями. В них попадали люди разных сословий и вероисповеданий, но больше всего было католиков. Некоторые шли на борьбу добровольно, по убеждениям. Но, в основном, вербовка рядовых бойцов велась руководством отрядов за деньги или силовыми методами. Состав отрядов представлял собой довольно разнородную массу: здесь были крестьяне-батраки, гимназисты, студенты, помещики разных уездов, духовенство (по большей части католическое). Как правило, костяк отрядов, сформированных помещиками, составляли люди, непосредственно связанные с его имением: крестьяне, прислуга, зависимое от него мелкое дворянство. Но значительный процент в отрядах составляли все же люди дворянского происхождения. В «Списках политических преступников, лишенных по суду прав состояния, имущество коих подлежит конфискации в казну» от 1864 г., которые приводит в своем исследовании В.Хурсик, перечислены имена 18 дворян Пружанского уезда - участников повстанческих отрядов, 16 дворян Брестского уезда и один крестьянин, 23 дворян Кобринского уезда и двух крестьян [4]. Если учесть, что этот список далеко не полный, то можно предположить, что процент дворян в отрядах был еще больше.

Известный советский исследователь восстаний 1830-31 и 1863-64 гг. В.М. Зайцев [5, табл.5, 15, 41] установил сословный состав населения, подвергнутый за прямое участие в восстании либо содействие ему в том или ином виде. В частности, на территории рассматриваемых уездов он выглядит так (табл. 1):

Таблица 1 Сословный состав населения по уездам, репрессированного по итогам восстания 1863 г.

Уезд	Крест.	Мещан.	Двор.	Духовенство		Евреи	Колон	Купеч. сосл.	Однодв.	Неуст. сослов.	Всего
				катол.	прав.						
Брестский	43	14	132	8			8	1		6	211
Пружанский	83	12	222	12	2	12	2	4	4	13	283
Кобринский	42	2	109	4	2	6			12	4	181

По данным X переписи, на 1862 г. в Брестском уезде проживало 36156 крестьян, в Кобринском – 38605, в Пружанском – 28387 человек крестьянского сословия мужского пола [5, с.118]. Таким образом, за участие в восстании либо содействие ему было подвергнуто в Брестском, Кобринском и Пружанском уездах 0,2%, 0,1% и 0,29% от общего числа крестьян соответственно. По данным той же переписи, в Брестском уезде проживало 816 дворян, в Кобринском – 1484 и в Пружанском – 1321 человек дворянского сословия мужского пола [5, с.134]. Исходя из этого, можно вычислить, что репрессиям в Брестском, Кобринском и Пружанском уездах

было подвергнуто 15,93%, 34% и 16,8% лиц дворянского происхождения соответственно от общего числа дворян. Из этого можно сделать вывод, что крестьяне крайне неохотно принимали участие в восстании, в большинстве своём остававшись лояльными российской короне.

2. Под влиянием восстания в Польше и для руководства боевыми действиями на территории бывшего ВКЛ в январе 1831 г. в Вильно в подпольных условиях создаётся Центральный повстанческий комитет, руководство которого, как пишет в своём исследовании М.Смехович, целиком состояло из членов масонской ложи «Великий Восток». Руководство повстанческой организацией Гродненской губернии осуществлял секретарь Гродненского гражданского губернатора, глава масонов Гродно Винцент Красовский [6, с.220, с.231]. Но ситуация осложнялась тем, что с декабря 1830 г. на белорусских землях было введено военное положение, а в губернские и уездные центры были введены войска. В частности, в окрестностях Бреста дислоцировался Литовский корпус генерала барона Г.В. Розена. Тем не менее, на Брестчине и в Беловежской пуще развернулись активные боевые действия, которые, по официальным сообщениям властей, начались 20 апреля 1831 г. [7, с.292]

Руководство повстанцами Брестчины принял Кароль Немцевич, представитель именитого рода, сформировавший собственный отряд. В Пружанском и Кобринском уездах действовали отряды ещё двух представителей «золотого дворянства» - Титуса и Владислава Пусловских, которые получили на формирование собственных подразделений 200 тысяч рублей от своего отца, действительного статского советника Войцеха Пусловского [1, с.55].

По уже имеющимся данным можно установить примерный состав населения рассматриваемых уездов так или иначе причастного к восстанию 1830-1831 гг. Так, по данным современного белорусского историка О.В. Горбачёвой [8, с.119], сословный состав населения выглядит так (табл. 2):

Таблица 2 *Сословный состав населения, причастного к восстанию 1830-1831 гг.*

Уезд	Крест.	Чиновн.	Шляхта	Воен.	Помещ.	Мещ.	Духовенство катол.	униат.	Неуст. Сосл.	Всего
Брестский	9	-	9	-	6	1	1	1	3	30
Пружанский	17	1	15	1	7	1	1	2	1	46
Кобринский	19	-	11	-	6	-	2	-	-	38

Эти данные незначительно отличаются от исследований советских историков, проведенных в 60-е годы XX века. Согласно подсчётам В.А. Дьякова [1, с.58], сословный состав населения рассматриваемого региона, причастного к повстанческому движению 1831 г., выглядит следующим образом (табл. 3):

Таблица 3

Уезд	Крест.	Дворян	Помещ.	Мещан.	Чинов.	Духовенство катол.	униат.	Неуст. сосл.	Всего
Брестский	8	6	7	2	2	1	1	1	28
Пружанский	30	6	6	1	4	1	2	3	43
Кобринский	21	2	17	1	8	2	-	-	54

Из этого числа после восстания органами власти были объявлены в розыск из Брестского уезда - 7 человек (3 помещика, 2 дворянина и 1 ксёндз), из Кобринского - 4 человека (1 помещик, 1 дворянин, 1 ксёндз и 1 человек, сословие которого установленно не было), из Пружанского - 8 человек (3 помещика, 2 дворянина, 1 мещанин, 1 чиновник и 1 из неустановленного сословия) [1, с.174]. Известно, что в это число входят Кароль Немцевич, Владислав и Титус Пусловские, Винцент Красовский, скрывшиеся от репрессий царских властей за пределами Российской империи. В число разыскиваемых помещиков Кобринского уезда входил также знаменитый впоследствии художник и композитор Наполеон Орда, владелец имения Вороцевичи. Таким образом, практически всё родовитое дворянство Брестчины благополучно сумело избежать наказания, за исключением конфискованных у них имений.

Из таблиц 2 и 3 видно, что к восстанию было причастно довольно большое количество лиц крестьянского сословия, особенно в Пружанском и Кобринском уездах. Это можно объяснить тем, что данная категория населения, как правило, попадала в повстанческие отряды по принуждению, получив приказание своего непосредственного хозяина. Например, в рапорте Кобринского суда виленскому военному губернатору про действия отряда Тита Пусловского отмечается, что он «... в окружающих имениях насильно забрал 54 дворовых и другого звания людей, одного клирика францисканского дрогичинского монастыря и униатского попинской церкви священника» [7, с.285]. В целом же крестьянское сословие к идеям восстания 1830-1831 гг. оставалось довольно равнодушным и активного участия в нём не принимало. А те крестьяне, которые всё-таки были арестованы по итогам восстания, как правило, отпускались по домам.

По данным советского ученого середины XX века Н.Н. Улащика, который скорректировал списки VIII ревизии, население Гродненской губернии на 1834 год составляло 395 736 душ «мужеска пола», в том числе по рассматриваемым уездам оно распределилось следующим образом (табл. 4):

Таблица 4 *Количество населения указанного региона в 1834 г.*

Уезд	Крестьяне	Дворяне	Одноворцы	Вольные люди	Всего
Брестский	39 886	823	252	135	48 888
Пружанский	30 412	1293	211	305	37 098
Кобринский	43 316	1470	625	210	53 323

В этой таблице отсутствует общее количество мещан, численность которых по уездам пока не установлена. Если сравнить общее количество дворянского населения по уездам и то число дворян, которое так или иначе было причастно к восстанию, то



можно увидеть, что даже эта социальная группа относилась довольно равнодушно к идеям восстания. В большинстве своем «вся масса их расселена по городам, местечкам и селам. Некоторые содержат в аренде фермы, ...имения...; другие служат у помещиков, занимая должности экономов, управителей, конторщиков, писарей и проч.; наконец, третьи, и едва ли это не наибольшее число дворян, занимаются сельским хозяйством, составляя целые дворянские околицы, и своим бытом и образом жизни, стоя на одной ступени с крестьянами», - писал об этой категории дворянского населения в первой трети XIX в. офицер Генерального штаба П.Бобровский [5, с.104].

Отсюда можно сделать вывод, что основную роль в восстании 1830-1831 гг. играло всё-таки наиболее родовитое, знатное дворянство, искренне мечтавшее о возвращении былой шляхетской вольности и власти, которое оно имело в Речи Посполитой. Мелкое и обедневшее дворянство, которое в большинстве своем обрабатывало те клочки земли, принадлежащие им, своими руками, относилось ко всей этой затее довольно равнодушно, т.к. оно не имело влияния и богатства ни в составе Речи Посполитой, ни в составе Российской империи. В этом и состоит главное отличие дворянского участия в восстании 1863 г. от восстания 1831 г.

#### Литература

1. Историко-социологические исследования. – М.: Наука, 1970. – 314 с.
2. Смирнов, А.Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии /А.Ф. Смирнов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.
3. Дьяков, В.А., Миллер, И.С. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. /В.А. Дьяков, И.С. Миллер. – М.: Наука, 1964. – 448 с.
4. Хурсік, В.У. Трагедыя белай гвардыі. Беларускія дваране ў паўстанні 1863-1864 гг. /В.У. Хурсік. – Мн.: Пейто, 2001. – 132 с.
5. Зайцев, В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1864 г. (опыт статистического анализа) /В.М. Зайцев. – М.: Наука, 1973. – 232 с.
6. Смяховіч, М. Арганізацыі і асобы. Паўстанне 1830-1831 гг. на Беларусі /М. Смяховіч //Полымя. – 1996. - №4.
7. Белоруссия в эпоху феодализма. Т.4. – Мн.: Наука и техника, 1979. – 376 с.
8. Гарбачова, В.В. Паўстанне 1830-1831 гг. на Беларусі /В.В. Гарбачова. – Мн.: БДУ, 2001. – 186 с.

## ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ШКОЛЫ В ПОЛЕССКОМ ВОЕВОДСТВЕ (1922-23 гг.).

В.С.Мисюк

*Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь*

Становление системы национального образования выразительно иллюстрирует процесс распространения национальной идеи. Утверждение польской государственности на землях, в большинстве населенных белорусами и украинцами, обострило вопрос о том, какой характер будет иметь здесь национальное образование. Появление польской военной администрации сопровождалось ликвидацией ранее существовавшей сети национального образования. Учителя русских, белорусских и украинских школ потеряли прежние места работы.

Социальные преобразования 1917-19 гг. на территории бывшей Российской империи сопровождались распространением социалистических идей и убежденности в позитивном характере изменений. На них зиждилась вера в демократические основы грядущего мирового порядка и мирное сосуществование национальных культур.

Большие надежды возлагали представители национальных меньшинств Второй Речи Посполитой на первые демократические выборы в парламент 1922 года. В первые годы становления должны были оформиться контуры польской государственной модели.

Активнее всех из представителей славянских национальных меньшинств на территории Полесского воеводства проявили себя украинцы. Поддержка населения способствовала избранию в Сейм от Полесского воеводства трех украинских представителей (В.Дмитриук, С.Хруцкий, И.Пастернак). В программу украинских депутатов входило требование объявить украинский язык образования и самоуправления на территории Полесского воеводства, польский язык должен был здесь стать языком межнациональной коммуникации и законодательной инициативы [4, 26]. Право на национальное образование автоматически должно было гарантировать право на национальную автономию украинцев в рамках польского государства. После избрания послы включились в компанию встреч с избирателями, т.н. «посольских вече». Именно из них мы узнаем о крушении надежд на либеральный характер польской власти. Вопреки ожиданиям, польское правительство взялось решительно противодействовать попыткам создания культурной автономии национальных меньшинств на своей территории. Послы В.Дмитриук и С.Хруцкий на вече 10 июня в Борисовке Кобринского повета информировали своих избирателей, что прежнее правительство обещало реализовать национальные права меньшинств, но бездействовало, правительство же, сформированное демократически избранным парламентом, даже слышать ничего о них не желает [4, 27], но послы продолжают борьбу за интересы тех, кто отдал им свои голоса. Посол И.Скрипа в Домачево [3, 53], С.Хруцкий в Приборово [3, 85], В.Дмитриук в Стригово [3, 85], Мокранах [5, 62] и Тевлях [3, 87] констатировали факт, что польская администрация повсеместно не разрешает открывать украинские и белорусские школы. С.Хруцкий был поражен тем, как быстро поляки превратились в угнетателей меньшинств и забыли, что значит быть угнетенным [3, 83]. Если правительство не изменит своей политики, то украинцы должны бойкотировать польскую школу и отправлять своих детей в частные украинские школы, на открытие которых у них есть право. Участие в бойкоте польского образования даст, по его мнению, послам дополнительный аргумент в борьбе за права национальной школы. В другом своем выступлении С.Хруцкий говорил о том, что школа превращается в орудие полонизации, воспитания из украинской молодежи польских янычар [3, 85]. К тому же подрастающее поколение обречено быть малообразованными. Своим пренебрежением к вопросам школьного образования национальных меньшинств польское государство демонстрирует то, как выразительно отличаются его стандарты от стандартов подлинно демократических государств. В.Дмитриук акцентировал внимание своих избирателей, что власть в вопросе национальной школы решилась на открытое нарушение гражданских и национальных прав своих граждан, нарушение Конституции. Такое поведение (политика полонизации) противоречит самой логике государственного строительства и подрывает его основы. В качестве выхода из уже сложившейся ситуации посол призвал своих избирателей самим заняться образованием своих детей, акцентируя внимание на роль в процессе обучения национальной истории. В другом своем выступлении В.Дмитриук обращал внимание, что польское правительство по вопросу школьного образования не только не реализует конституционные права украинцев, но и открыто нарушает их, полонизируя уже имеющиеся национальные организации, в частности приюты. Обещание принять безработных украинских и белорусских учителей на работу правительство не сдержало. Многочисленные нарушения вынуждают украинцев и белорусов вступить на путь активной борьбы за национальную школу [3, 87] и, параллельно, провозгласить украинский язык языком дело-

производства [5, 32]. На вече в Страдече Дмитриюк заявил избирателям, что если они поддержат его предложение присоединиться к бойкоту польских школ, то у них в скором времени откроют украинскую школу [5, 59]. М.Чучмай и А.Братун на вече в Теребжеве Столинского повета убеждали население в том, что администрация не имеет права принуждать их детей посещать польскую школу [3, 105; 6, 38] и они сами должны взяться за организацию у себя национальной школы. Посол А.Пашук на вече в Иваново Дрогичинского повета, кроме призывов организовывать национальную школу, призывал слушателей к бойкоту польского образования [3, 105].

Убедительная аргументация послов часто приводила к появлению враждебного отношения к польской школе [3, 85]. Отношение населения, бойкотирующего польскую школу, к польским учителям было достаточно враждебным: оно отказывало им в транспорте, продуктах, дровах, не принимало участия в ремонте и обустройстве здания школы. В крайних случаях, крестьяне выбрасывали из здания мебель (Черск, Брестский повет), били стекла и т.п. [3, 49]. Во время посольских вече украинские послов неоднократно упоминалось, что безработные украинские учителя превращаются в наиболее враждебную в отношении польского государства группу населения [4, 26]. Они активнее других призывали к бойкоту польской школы, выступали против колонизации национальных меньшинств. Группа бывших учителей (Кучера, Шкута, Кух, Страдчук, Шелоник, Дронь) пропагандировала в Брестском повете украинское образование. Особый размах это движение имело на севере повета (Видомля, Войская, Подлесье, Ратайчицы, Хмелево, Чернавчицы). Их деятельность администрация классифицировала как «антигосударственную» [3, 27]. А ведь именно учителя были надежной опорой национального движения в провинции, основывали первые отделения национальных организаций [3, 87; 4, 26]. Ситуация в сфере национального образования, сложившаяся в первые годы существования Второй Речи Посполитой, во многом определила негативное отношение национальных меньшинств к польскому государству и просветские настроения. Изменить его в последующие годы ни украинцами, ни полякам не удалось: государственная школа в воеводстве осталась польской.

Наиболее примечательным явлением в жизни частной национальной школы первых лет существования польского государства стал украинско-русский конфликт в русской гимназии г.Бреста. Под влиянием посла В.Дмитрюка группа учителей решила сделать украинский язык преподавания в русской гимназии г.Бреста. В то же самое время, с появлением в соседнем с гимназией здании Правления украинского общества «Просвита на Полесье» усилилось недовольство украинцами со стороны представителей русской общины города о.Жуковского и учителя Григорьева [7, 54]. Они стали требовать передачи здания в пользование русской гимназии. Ситуация обострилась двенадцатого августа 1923 года: большинством голосов родительского комитета был снят с должности директор гимназии Т.Лось. Поводом стало то, что директор прислушивался к распоряжениям властей в большей мере, нежели к пожеланиям хозяина гимназии - родительского комитета. На его место был избран Владимир Петручук. Инициатором изменений был инженер Горбачев, которого избрали главой собрания. Собравшиеся не дали возможности выступить представителям педагогического совета гимназии. Один из учителей в знак протеста против такого поведения членов комитета даже демонстративно заткнул себе рот платком. Петручук и Горбачев представляли интересы группы украинцев, лидерами которой были также Николаев, Крыжановский и Зноско. Первым решением нового директора стало обращение в Кураторию за разрешением ввести в гимназии украинский язык. [5, 60] Часть учителей, отстаивая интересы русского языка, воспротивилась этим намерениям [3, 27]. Волна украинизации охватила не только гимназию, но и комитет при Братской церкви

г.Бреста. Именно здесь русская община города в лице духовенства впервые открыто продемонстрировала свое нежелание поддерживать программу украинского национального движения [3, 70]. Русское духовенство вело уроки Закона Божьего для украинских детей по-украински [7, 53]. Шестнадцатого сентября 1923 года на заседании Родительского комитета русской гимназии в г.Бресте украинцы потерпели поражение [1, 20; 3, 91]. В этот раз члену «Просвиты на Полесье» Горбачеву сильная русская оппозиция не дала возможности начать собрание. Тогда Петручук предложил избрать ведущим Николаева. Из 150 присутствующих большинство представляли русскую общину города, они решительно запротестовали против украинизации гимназии. Взаимные обвинения закончились дракой и прибытием на заседание полиции. В ходе четырехчасовых дебатов был переизбран родительский комитет в который вошли противники украинизации [6, 100]. Накал национального противостояния был настолько силен, что русские потребовали от комитета Братской церкви выгнать украинское общество «Просвита на Полесье» из занимаемого им церковного помещения. Даже после поражения инициаторы украинизации, инженер Горбачев и о.К.Зноско, не сложили руки. Они занялись организацией в городе частной украинской школы, которую в дальнейшем намеревались преобразовать в гимназию [3, 91]. Дополнительно «Просвита на Полесье» провела сбор средств в пользу бедных учеников русской гимназии [6, 105]. В следующем году в помещении гимназии состоялось празднование Шевченковского юбилея [7, 59].

Прежде украинские послы выступали в защиту русских, в тех случаях, когда имелись примеры дискриминации по национальному признаку [3, 85], в Украинский клуб в Сейме обращались с жалобами на местную власть представители духовенства [5, 32] и т.д. Напряжение в отношениях между украинцами и русскими появилось в момент осознания последними того, что поддержка со стороны крестьянства не гарантирует украинской интеллигенции доброжелательного отношения со стороны властей. В этом смысле оба меньшинства оказались в равном положении, при этом русским даже чаще удавалось завоевать расположение администрации, что, в частности, отразилось на долгожительстве русской гимназии и русской школы г.Бреста.

Сильное влияние русской интеллигенцией можно объяснить авторитетом православного духовенства в обществе и его отношением к «новым» национальным движениям (украинскому и белорусскому). Центром агитации за русскую школу в Пинском повете, например, стали работники епархиального управления – консистории. Они намеревались открыть здесь сеть русских школ, семинарий и гимназий [3, 49]. Полеская епархия выделялась тем, что на ее территории функционировали целых три русских гимназии. Ближайший к епархиальному управлению Пинский повет отличало то, что здесь в 1922-23 учебном году был самый низкий в регионе процент посещающих польскую школу – 5-7% детей школьного возраста. Представители администрации утверждали, что решающую роль в этом играла агитация за русскую школу [5, 62]. В разных частях епархии, как это было в Кобринском повете 20 августа 1923 года, на собрании духовенства принимались решения завести при каждой церкви русскую библиотеку, а также проводить агитацию за восстановление русской школы на Полесье [5, 62]. Замечено, что в изучаемый период русские священники все больше дистанцируются от украинского национального движения в воеводстве. Решающее значение в русском национальном движении в польском государстве играли консерваторы, в том числе монархисты. Известно, что монархисты враждебно относились к украинскому и белорусскому движению [3, 59]. Близость взглядов сблизила консерваторов и духовенство в борьбе за сохранение сферы влияния русской национальной идеи. В свою очередь, часть священников-украинцев в Столинском и Сарненском по-

ветах, замечая негативное отношение к национальным интересам украинцев большей части православного духовенства, решает изменить вероисповедание и стать греко-католиками [3, 54].

Конфликт русской и украинской модели носил затяжной характер. За годы существования польской государственности ни одна из моделей не добилась абсолютной поддержки населения. Это прослеживалось, в частности, в симпатиях в отношении национальной школы. Весной 1925 года в Гуте Боровенской Камень-Каширского повята первоначально население подало подписи школьному куратору на открытие украинской школы, а потом отозвало их, мотивируя тем, что они таки не украинцы, а русские, и такую хотели бы у себя открыть школу [2, 10]. Упомянутые нами факты позволяют утверждать, что национальное сознание восточнославянского населения на территории Полесского воеводства формировалось в условиях политики государственной ассимиляции, а также конфронтации между консерваторами и сторонниками прогрессивного развития: первые отстаивали идеалы русской сословной нации, вторые – нации современного типа. На Полесье в силу внешних [3, 27; 7, 53] и внутренних условий позиции консерваторов были достаточно сильны, в силу чего здесь сохранялись обе возможные модели национального развития. Периоды усиления одной из сил национального процесса сменялись усилением другой.

#### Литература

1. Государственный архив Брестской области ф.67оп.1д.365
2. Государственный архив Волынской области (ГАВО) ф.1оп2.д.963.
3. ГАВО ф.46 оп.9а д.745.
4. ГАВО ф.46 оп.9а д.746.
5. ГАВО ф.46 оп.9а д.747.
6. ГАВО ф.46 оп.9а д.748.
7. Винниченко І., Українці Берестейщини, Підляшшя й Холмщини в першій половині ХХ століття: Хроніка подій. – К., 1997. – 288 с.

### ИЗМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БРЕСТА С КОНЦА XIX ст. ДО КОНЦА XX ст.

Н.Н.Ковалёва

*Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь*

В истории Бреста прослеживаются два переломных момента, когда он переживал промышленный подъём, переходя от статуса провинциального города, население которого тесно связано с сельским хозяйством, к статусу промышленного центра. Обстоятельства подобных преобразований, естественно, были различными. В конце XIX века промышленному развитию Бреста, как уездного города Гродненской губернии, мероприятия российского правительства способствовали лишь косвенным образом. Необходимость экспорта продукции из внутренних губерний России и связанное с этим строительство железных дорог превращает город в крупный железнодорожный узел, а строительство Брестской крепости и размещение в Бресте многочисленного воинского контингента стимулирует развитие отраслей промышленности, нетрадиционных для Западного региона.

Обращение к статданным по Российской империи позволяет сделать вывод о достаточно низком уровне развития промышленности в западных губерниях России, вообще, и в Гродненской губернии, в частности. Из двадцати трёх промышленных гу-

берний России (а таковыми считались губернии, где процент промышленного населения выше среднего – 10,5%) Гродненская губерния в конце XIX века занимала 21 место (11% промышленного населения). [1, 9]

Таблица 1. *Отраслевая структура промышленности Гродненской губернии (по данным Министерства финансов за 1900-1902гг).*<sup>1</sup>

	пр-я по обраб. пит. веществ	пр-я по обраб. шерсти	пр-я по обраб. минералов	пр-я по об- раб. животн. прод.	пр-я по пр- ву бумаж. изд.	пр-я по обраб. дерева	Всего
Гродненская губерния	<u>318</u> 3268	<u>263</u> 7812	<u>222</u> 1632	<u>200</u> 2284	<u>33</u> 979	<u>28</u> 447	1219 18913
	<u>26%</u> 17,2%	<u>21,5%</u> 41%	<u>18,2%</u> 8,6%	<u>16,4%</u> 12%	<u>2,7%</u> 5,1%	<u>2,2%</u> 2,3%	

В конце XIX века в белорусских губерниях наблюдается бум предпринимательской активности. 61% предприятий Северо-Западного края возникает в течение 1881 – 1900 гг., а в последнее десятилетие XIX века создаётся 40% предприятий. [2, XX] В этот период по темпам роста промышленности на передовые позиции выдвигаются восточные регионы, где очень высокими темпами развиваются производства по переработке леса (лес и изделия из древесины превращаются в главный экспортный товар Беларуси). На этом фоне Гродненская губерния сохраняет свою специфику: первое место занимает промышленность по переработке питательных веществ (пищевая), что связано, на наш взгляд, во-первых, с наличием соответствующего сырья, во-вторых, с особенностями структуры населения, в-третьих, с расширением возможностей реализации продукции как внутри региона, так и за его пределами.

Отраслевая специализация Бреста выглядит своеобразно. В городе высокими темпами развивается производство табачных изделий (табачная отрасль занимает прочные позиции в Гродненской губернии в целом) и производство изделий из бумаги (в особенности, производство папиросных гильз). В 1875 г. в губернии насчитывается всего 2 табачные фабрики [3], а уже в 1876 году – только в Бресте – 6 предприятий этого профиля (на них работает 219 рабочих из общего числа 263 человек, работающих на предприятиях города). В 1882 г. в Гродненской губернии табачных фабрик – уже 14 (1144 рабочих) [4, 4], из них 7(139 рабочих) – в Бресте. [5]

Развитие табачной отрасли, на наш взгляд, объясняется следующими факторами: 1) строительством железных дорог (табак, мыло, спички – это тот товар, который интересует пассажиров поездов); 2) размещением в Бресте и Гродно крупных воинских частей. В Гродно в 1900 г. из 41293 жителей 11734 человека составляли регулярные войска (28%), в Брест-Литовске из 42450 жителей – 8 260 (19%). [6]. Сколько-нибудь значительных предприятий других отраслей практически нет: 2 пивоваренных завода (8 рабочих), 3 медоваренных завода (5 рабочих), 5 маслобойных заводов (14 рабочих), 6 свечных заводов (8 рабочих). [5] Можно отметить также рост числа кирпичных заводов, которые должны были обеспечить городское строительство после двух пожаров, но большинство из них размещались не в городе, а в Брестском уезде.

<sup>1</sup> В знаменателе показано число работающих. Процентное соотношение посчитано автором (Н.Ковалёвой).

Таблица составлена по данным книги Погожева А.В. Учёт численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. Издание имперской Академии наук.– С-Петербург, 1906. – Приложение л.31–32

Таким образом, промышленность Бреста конца XIX века имела структуру, которая стихийно формировалась, исходя из потребностей местного рынка и наличия соответствующего сырья. Исключение составляла табачная отрасль, сырьё для которой доставлялось из других регионов, в частности, из Бердичева.

За годы Первой мировой войны Брест потерял почти половину жителей, понёс огромные материальные потери. После 1921 года Брест утратил стратегическую роль центра транзитной торговли и своё значение как железнодорожный узел, в связи с чем пришли в упадок отрасли, ориентированные на потребности железной дороги. Самыми крупными предприятиями в городе стали лесопильные заводы и полукустарные деревообрабатывающие предприятия.

В 1940 году удельный вес области (с конца 1939 года Брест стал областным центром) в промышленном производстве республики составлял всего 3,9%. В послевоенное время общий промышленный потенциал Брестской области также уступал восточным областям. Задача промышленного подъёма города стала целенаправленно осуществляться только в 1960-е годы, когда руководством республики была выдвинута программа рационального использования материальных и трудовых ресурсов. В 1965 г. в области насчитывалось 100 тысяч человек, не занятых в общественном производстве (из 1 236 тысяч населения). [7,354]

Развернувшееся активное промышленное строительство было ориентировано не только на увеличение общих объёмов промышленного производства, но и на вовлечение в сферу производственной деятельности населения таких многолюдных районов, как Лунинецкий, Пружанский, Столинский, Кобринский и завершение процесса преобразования Бреста в индустриальный центр.

Территория области была разбита на три экономических района: Западный, Северный и Восточный. Наиболее крупный из них, Западный, территориально занимал Брестское Полесье и Прибугскую равнину ( Брестский, Березовский, Дрогиченский, Жабинковский, Кобринский, Малоритский и Пружанский административные районы – 2/ 5 территории области). Индустриализация Западного экономического района шла, главным образом, за счет Бреста. Точно так же центром Восточной экономической зоны стал Пинск ( здесь производилось 80% продукции этого региона), а Северной – Барановичи ( производилось 9/10 промышленной продукции экономического региона). [7, 354-355]

В 1960-е годы в Бресте ведущие позиции занимает лёгкая и пищевая отрасли, а в 1970-е – начале 1980-х годов наиболее быстро развиваются машиностроительная и металлообрабатывающая отрасли. В городе строятся: электромеханический и электротехнический заводы, «Газоаппарат», электроламповый завод, «Брестсельмаш», «Текстильмаш», « Мясомолмаш». Эти предприятия играют определяющую роль в структуре промышленности города. Многие изделия, такие как электролампы и газовые плиты производятся только в Бресте и более нигде в республике. К середине 1980-х годов в городе было сконцентрировано 29,4 % всего промышленно-производственного персонала области, производилось около 28 % стоимости товарной продукции области [8,42], причём около половины стоимости товарной продукции давали именно предприятия машиностроения и металлообработки. Довольно активное развитие получили и традиционные для республики и области в целом отрасли: лёгкая (производство ковровых и чулочно-носочных изделий, одежды и верхнего трикотажа), а также пищевая промышленность ( производство мясной и молочной продукции). Следует отметить, что на долю лёгкой промышленности в области в середине 1980-х годов приходилось 33% промышленного производства.

Таким образом, отраслевая специализация Бреста приобретает свои характерные черты. Развитие в городе трудоёмких отраслей даёт возможность решить проблему трудоу-

ройства быстрорастущего населения и удовлетворять потребности не столько местного и республиканского, сколько союзного рынка, а отчасти – и потребности могущественного военно-промышленного комплекса. Характерно, что стратегическое положение города (хотя Брест вновь становится крупным железнодорожным узлом, «западными воротами страны») не играет определяющей роли в процессе его индустриализации. Ориентация на развитие металлообработки и машиностроения делает город зависимым от поставок сырья и материалов из других регионов страны, требует дополнительных энергоносителей. Развитие в республике энергоёмких отраслей влечёт за собой полное изменение структуры топливного баланса. В топливно-энергетическом балансе республики удельный вес мазута и газа увеличивается с 4,9% в 1960 году до 67,1% в 1975 году.[ 9, 93]

Очевидно, что второй промышленный подъём, осуществляемый в 1960-1980-е годы в соответствии с пятилетними планами государственного развития при мощной финансовой поддержке государства, был более эффективным и быстрым, содействовал трудоустройству населения, росту города, его социальному развитию. Однако специализация промышленности, определённая вопреки законам рынка, волевым методом, без ориентации на местные сырьевые источники, не обеспечила устойчивого экономического процветания города. Как показало время, наиболее устойчивыми и перспективными оказались отрасли пищевой промышленности, перерабатывающие местное сельскохозяйственное сырьё, и отрасли лёгкой промышленности.

#### Литература

1. Чернышев И. О всеобщем избирательном праве и его применении в России.- С.-Петербург, 1905.
2. Погожев А.В. Учёт численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. Издание императорской Академии наук.– С.-Петербург, 1906.
3. ГУ «НИАБ в г. Гродно» ф14 оп 1 д 603 л 84
4. Обзор Гродненской губернии за 1882 . Гродно, 1883.
5. ГУ «НИАБ в г. Гродно» ф1 оп16 д1241 л 49-52
6. ГУ «НИАБ в г. Гродно» ф 18 оп 1 д 5 л 241-253
7. Ковалёва Н.Н. Областная партийная организация в период нарастания тормозящих факторов в развитии социалистического общества ( 1966–1985гг)//Очерки истории Брестской областной парторганизации. - Мн., 1989.
8. Брест. Энциклопедический справочник. - Мн., 1987.
9. Алпеев А.Н. От застоя к перестройке: Развитие индустрии БССР в 70-80-е годы - Мн., 1991.

## WSPÓŁPRACA GOSPODARCZA POLSKI Z ROSJĄ W LATACH 1997-2005

Prof. dr hab. Zofia Tomczonek  
*Politechnika Białostocka, Białystok, Polska*

Od 1 maja 2004 roku z chwilą przystąpienia Polski do Unii Europejskiej, podstawowym dokumentem regulującym polsko-rosyjskie stosunki handlowe jest Umowa o Partnerstwie i Współpracy, określana w skrócie PCA.<sup>2</sup> W dniu 27 kwietnia 2004 roku przedstawiciele Unii Europejskiej i Federacji Rosyjskiej podpisali w Brukseli Protokół do Umowy PCA, na mocy którego także Polska została włączona do jego postanowień. Wszelkie kompetencje odnoś-

<sup>2</sup> Protokół podpisany przez zainteresowane strony 27.04.2004 roku w Luksemburgu;; Układ UE-FR z 24.06.1994 roku.



nie kształtowania polityki handlowej wspólnotowego rynku przejęła Komisja Europejska. PCA ustanawia zasady współpracy gospodarczej, a w szczególności wymiany handlowej, inwestycji oraz realizacji programów wsparcia dla reform rynkowych. W związku z tym, z dniem 1 maja 2004 roku zostały wypowiedziane wszystkie handlowe umowy bilateralne i wielostronne zawarte poprzednio przez Polskę. Nasz kraj został włączony do obowiązującego w UE systemu wymiany handlowej z krajami trzecimi.<sup>3</sup> PCA zastępuje obowiązujący od 25 stycznia 1993 roku „Traktat o handlu i współpracy gospodarczej”.<sup>4</sup>

Stosunki gospodarcze pomiędzy Rzeczpospolitą Polską a Federacją Rosyjską dotyczące obszarów współpracy gospodarczej pozostające po akcesji Polski do UE w kompetencjach narodowych regulują odrębne umowy i porozumienia dwustronne. Wymienię kilka z nich:

- umowa między Rządem Federacji Rosyjskiej o współpracy gospodarczej z 2 listopada 2004 roku powołująca Polsko-Rosyjską Międzyrządową Komisję ds. Współpracy Gospodarczej;
- mowa między Rządem Federacji Rosyjskiej a Rządem Rzeczpospolitej Polskiej w sprawie unikania podwójnego opodatkowania w zakresie podatków od dochodów i majątku z 22 maja 1992 roku;
- umowa między Rządem Rzeczpospolitej Polskiej a Rządem Federacji Rosyjskiej o współpracy transgranicznej z 2 października 1992 roku;
- umowa między Rządem Rzeczpospolitej Polskiej a Rządem Federacji Rosyjskiej o współpracy w dziedzinie ochrony środowiska z 25 lutego 1993 roku;
- umowa między Rządem Rzeczpospolitej Polskiej a Rządem Federacji Rosyjskiej o zasadach zatrudniania obywateli polskich na terytorium FR oraz obywateli rosyjskich na terytorium RP z 15 marca 1994 roku.<sup>5</sup>

W dniu 1 lipca 2005 roku podpisane zostało Memorandum o współpracy w dziedzinie małej i średniej przedsiębiorczości między Polską Agencją Rozwoju Przedsiębiorczości a Ministerstwem Rozwoju Gospodarczego i Handlu FR. Ponadto, zostały wznowione prace nad podpisaną w dniu 2 października 1992 roku umową między Rządem RP a Rządem FR w sprawie popierania i wzajemnej ochrony inwestycji, która nie weszła w życie z uwagi na nie ratyfikowanie jej przez stronę rosyjską.

Istotną kwestią dla polsko-rosyjskich stosunków gospodarczych są warunki członkostwa Rosji w WTO.

### **Polsko-Rosyjskie obroty towarowe**

W wyniku załamania finansowego w Rosji w sierpniu 1998 roku eksport do Rosji drastycznie spadł. W następnym 1999 roku sytuacja jeszcze bardziej się pogorszyła. Eksport Polski do Rosji osiągnął poziom 710 mln USD, co stanowiło niespełna 33% wartości sprzed dwóch lat. Systematyczna odbudowa pozycji Polski w wymianie handlowej z Rosją następuje od 2000 roku. W roku 2004 eksport osiągnął istotną dynamikę i wzrósł o 88% do 2 842,7 mln USD. Tym samym znacząco przekroczył wartości z najkorzystniejszego 1997 roku.

Po przystąpieniu Polski do Unii Europejskiej można było obserwować znaczące przyspieszenie dynamiki obrotów towarowych. W 2005 roku tendencje te były kontynuowane, eksport osiągnął poziom 3 960,5 mln USD, czyli wzrósł o 39,3% w stosunku do roku poprzedniego (tabela 1).

<sup>3</sup> *Polsko-Rosyjskie stosunki gospodarcze*, Ministerstwo Gospodarki, [http://www.mgip.gov.pl/wiadomosci/gospodarka/polsko-rosyjskie\\_stosunki\\_gospodarcze.htm](http://www.mgip.gov.pl/wiadomosci/gospodarka/polsko-rosyjskie_stosunki_gospodarcze.htm), (03.08.2005).

<sup>4</sup> *Federacja Rosyjska. Przewodnik dla przedsiębiorców*, UNIDO, Warszawa 2004, s. 179.

<sup>5</sup> Podstawy traktatowe współpracy gospodarczej Polska-Rosja, <http://www.polweh.ru/pl-umowy/indexp.html>, (25.07.2006).

**Tabela 1. Polsko-rosyjskie obroty handlowe w latach 1997-2005**

Lata	Eksport do Rosji		Import z Rosji		Obroty mln USD	Saldo mln USD
	mln USD	% ubiegłego roku	mln USD	% ubiegłego roku		
1997	2 155,0		2 685,0		4 840,0	-530,0
1998	1 597,0	74,1	2 372,0	88,3	3 969,0	-775,0
1999	710,0	44,5	2 676,0	112,8	3 386,0	-1 960,0
2000	862,1	121,4	4 619,5	172,6	5 481,6	-3 757,4
2001	1 052,7	122,8	4 422,3	95,7	5 481,0	-3 363,6
2002	1 331,8	125,8	4 407,4	99,7	5 739,2	-3 075,6
2003	1 512,3	113,6	5 214,7	118,3	6 727,0	-3 702,4
2004	2 842,7	188,0	6 390,6	122,5	9 233,3	-3 547,9
2005	3 960,5	139,3	8 985,5	140,6	12 946,0	-5 025,0

Zródło: opracowanie własne na podstawie danych GUS.

Wzrostowi eksportu towarów towarzyszy również wzrost importu. Sukcesywnie pogłębia się ujemne dla Polski saldo obrotów towarowych. W 2005 roku deficyt obrotów handlowych z Rosją osiągnął najwyższy w historii poziom -5 025 mln USD, co stanowi 41% ogólnego ujemnego salda handlu zagranicznego Polski (-12 243,4 mln USD w 2005 roku). W latach 2000-2005 wzrósł udział polskiego eksportu do Rosji z 2,7% w 2000 roku do 4,4% w 2005 roku, przy spadku importu odpowiednio z 9,4% do 8,9%. Wśród partnerów handlowych Polski w ciągu ostatnich sześciu lat Rosja w eksporcie przesunęła się z 9 na 6 miejsce, natomiast w imporcie z 3 na 2 miejsce.<sup>6</sup>

Analizując wyniki eksportu Polski do Rosji trzeba mieć na uwadze, że pomiędzy statystyką naszych krajów istnieją bardzo duże rozbieżności. W 2005 roku szczególnie duże różnice wystąpiły w przypadku maszyn i urządzeń 843 mln USD (polskie dane statystyczne) i 537,1 mln USD (rosyjskie dane statystyczne), a także materiałów i wyrobów włókienniczych 142,8 mln USD (dane polskie) i 57,5 mln USD (rosyjskie dane), czy też wyrobów z metali nieszlachetnych 337,5 mln USD (polskie dane) i 168 mln USD (rosyjskie dane). Dlatego specjaliści GUS i Rosstatu (Państwowego Komitetu ds. Statystyki Federacji Rosyjskiej) na spotkaniu w Moskwie w dniach 28-29 września 2005 roku podjęli próbę wyjaśnienia rozbieżności między polskimi i rosyjskimi danymi dotyczącymi wzajemnych obrotów towarowych obu krajów. Ich zdaniem zasadniczą przyczyną rozbieżności jest zjawisko zwane „uwspólnotowaniem towarów” w wymianie narodowej, które zaistniało po przystąpieniu Polski do UE. Spowodowało ono, że w statystyce polskiego handlu zagranicznego z Rosją znalazły się towary nie przeznaczone na polski rynek – w przypadku importu lub towary eksportowane do Rosji, ale z innych niż Polska państw członkowskich.<sup>7</sup>

Polski eksport artykułów rolno-spożywczych na rynek rosyjski przeżywa ostatnio trudny okres.<sup>8</sup> Skomplikowana certyfikacja, embargo nałożone przez Rząd Federacji Rosyjskiej na polską żywność, ograniczenia w wydawaniu koncesji na wysyłkę towarów do Rosji, niekorzystny klimat polityczny powinny hamować nasz eksport. Mimo to nadal utrzymuje się tendencja wzrostowa wywozu towarów do Federacji Rosyjskiej. Wg danych rosyjskiej statystyki celnej w 2005 roku polski eksport do Rosji w branży artykułów rolno-spożywczych

<sup>6</sup> *Syntetyczna informacja o eksporcie i imporcie Polski w 2005 roku*, Ministerstwo Gospodarki. Departament Analiz i Prognoz, Warszawa 2006.

<sup>7</sup> *Handel zagraniczny, styczeń-grudzień 2005*, GUS, Warszawa 2006, s. 226.

<sup>8</sup> Ociepka M., *Aktualna sytuacja i tendencje w obrocie handlowym artykułami rolno-spożywczymi pomiędzy Polską i Rosją*, Inspekcja Jakości Handlowej Artykułów Rolno-Spożywczych, <http://www.ijhar-o.gov.pl/download/aktualna>. (24.09.2006).

wyniósł 588,8 mln USD, co oznacza wzrost o 12,8% w porównaniu z 2004 rokiem. Generalnie jednak pogorszyła się konkurencyjność całej branży na rynku rosyjskim mierzona dynamiką wzrostu polskiego eksportu w stosunku do tempa wzrostu rosyjskiego importu ogółem, która w 2005 roku wyniosła 27%.

W najbliższych latach chłonność i zapotrzebowanie rosyjskiego rynku na artykuły rolno-spożywcze ma wzrastać wraz ze wzrostem gospodarczym Rosji i bogaceniem się społeczeństwa. Warunkiem praktycznej realizacji wzrostu polskiego eksportu jest likwidacja barier i ograniczeń w dostępie do rynku rosyjskiego.

Na drugim miejscu pod względem wielkości eksportu jest grupa maszyn, urządzeń mechanicznych, sprzętu elektrycznego, przyrządów. W 2005 roku wartość polskiego eksportu w tej grupie wyniosła 537,1 mln USD i stanowiła 19,5% polskiego eksportu do Federacji Rosyjskiej.

Wartość eksportowanych do Rosji produktów przemysłu chemicznego w 2005 roku wyniosła 484,4 mln USD (polski eksport zwiększył się o 20%, podczas gdy globalny import FR wzrósł o 37%). Największy wartościowo przyrost w tej grupie mają preparaty farmaceutyczne 62 mln USD. Aktualnie jesteśmy ósmym dostawcą farmaceutyków do Rosji. Ustępujemy dostawcom z Niemiec, Francji, Indii, Włoch, Szwajcarii i Słowenii. Wzrosła również pozycja polskich kosmetyków. Rosyjski rynek perfumeryjno-kosmetyczny należy do szybko rozwijających się segmentów rynku konsumpcyjnego w tempie 15% rocznie. Jego aktualna chłonność to około 6 mld USD rocznie. Przykładem polskiej firmy na rosyjskim rynku może być aktywna działalność dr Ireny Eris.<sup>9</sup>

Relatywnie trwałą pozycję na rynku rosyjskim posiadają polskie dostawy w branży: ścier drzewny, papier, tektura. W 2005 roku eksport wyniósł 272,9 mln USD (wzrost o 15,1%, wobec łącznego wzrostu importu FR o 19,2%).

Znacząco wzrasta zainteresowanie importem z Polski wyrobów z branży tworzyw sztucznych. W 2005 roku polskie dostawy wyniosły 238,3 mln USD (wzrost o 50%, wobec łącznego wzrostu importu FR o 50%).

W 2005 roku wartość polskiego eksportu mebli wyniosła 62,5 mln USD. Zastój w eksporcie polskich mebli przełamano już w 2004 roku. Główną przyczyną załamania się dostaw polskich mebli było w latach 2002-2003 wprowadzenie przez rząd rosyjski zaporowych stawek celnych, które znacznie obniżyły konkurencyjność cenową polskiej oferty eksportowej. Szansą na stworzenie trwałych powiązań handlowych jest rozwój polskich inwestycji w branży meblowej w Rosji. Przykładem jest uruchomienie w 2005 roku we Włodzimierzu fabryki mebli i salonu firmowego FORTE.<sup>10</sup> Rosnąca chłonność rynku rosyjskiego na meble zaspokajana jest w coraz większym stopniu przez produkcję krajową, jak również import z Białorusi i Ukrainy.

Do grupy towarów odbudowujących swoją pozycję na rynku rosyjskim należą materiały i wyroby włókiennicze, które osiągnęły 2,6% udział w rosyjskim imporcie. Nie jest to grupa towarów, która będzie w najbliższych latach odgrywała ważną rolę.

W rachunku polskich perspektyw eksportowych na rynek rosyjski ważną rolę mogą odegrać usługi budowlane. Rozwój budownictwa mieszkaniowego jest priorytetem władz rosyjskich. Aktualne zaangażowanie polskich firm na rosyjskim rynku usług budowlanych ocenia się na około 150 mln USD.

---

<sup>9</sup> Milota A., *Rosyjski rynek perfumeryjno-kosmetyczny oraz środków czystości. Miejsce eksporterów z Polski*, w: *Przegląd Gospodarczo-Rynkowy*, Biuletyn Ekonomiczny, nr 3/2005 (83), Wydział Ekonomiczno-Handlowy Ambasady Rzeczypospolitej Polskiej, Moskwa, wrzesień 2005, s. 49.

<sup>10</sup> *Polskie meble w UE i Rosji*, Ministerstwo Gospodarki, <http://www.mqip.gov.pl/wiadomosci/gospodarka/polskie+meble+w+UE+Rosji.html>, (16.06.2006).

Od wielu lat w polsko-rosyjskiej współpracy gospodarczej utrzymuje się ujemne saldo obrotów handlowych, które ciągle niebezpiecznie rośnie. Dynamika importu przewyższa wzrost eksportu. Wzrost cen gazu ziemnego i ropy naftowej na rynkach światowych powoduje wzrost wartości towarów sprowadzanych z Rosji do Polski. Struktura importu nie jest rozdrobniona, jak w eksporcie i od wielu lat nie ulega zmianom. W strukturze towarowej importu z Rosji dominują dostawy ropy naftowej, gazu ziemnego oraz produktów pochodnych i ich udział w latach 2000-2005 wyniósł aż 88%. Wszystkie pozostałe grupy towarowe to 12% wartości dostaw<sup>11</sup>. Wśród nich dominują: aluminium, koncentraty żelaza, wyroby chemiczne, głównie nawozy mineralne.

Rosja jest głównym dostawcą gazu do Polski. Wg rocznego Raportu PGNiG SA z 2004 roku 61,9% polskiego import gazu stanowił gaz z Rosji.<sup>12</sup> Nasze silne zorientowanie na rosyjski surowiec wynika przede wszystkim z powiązań infrastrukturalnych oraz podpisanych długoterminowych zobowiązań przez polską stronę.<sup>13</sup>

W przypadku ropy naftowej uzależnienie gospodarki polskiej od dostaw z Rosji jest jeszcze większe. Około 80% zużywanej w Polsce ropy pochodzi z rosyjskiego importu. To znaczące uzależnienie wynika z nastawienia infrastruktury przetwórczej na ciężką ropę (marki URALS) oraz atrakcyjności tego surowca.

Dywersyfikacja dostaw ropy i gazu jest jednym z kluczowych czynników, który zagwarantowałby bezpieczeństwo energetyczne Polsce i zmniejszenie uzależnienia od dostaw surowców z Rosji.

Dobra koniunktura gospodarcza Rosji przyciąga wiele polskich przedsiębiorstw. Setki przedsiębiorców w ramach misji gospodarczych wyjeżdża do Rosji na targi, wystawy w celu poszukiwania nowych rynków zbytu. Oczywiście jest, że dysponują one mniejszymi zasobami finansowymi i mniejszymi zdolnościami kredytowymi niż przedsiębiorstwa z innych państw członkowskich UE. Obniża to z pewnością konkurencyjność polskich eksporterów na rynku międzynarodowym w stosunku do bogatych państw zachodnich.

## STRAJK GŁODOWY ZWIĄZKU ZAWODOWEGO MASZYNISTÓW KOLEJOWYCH NA DWORCU CENTRALNYM W WARSZAWIE WE WRZEŚNIU 1991 R.

M. Szczepański

*Politechnika Białostocka, Białystok, Polska*

**Summary.** The article presents the hunger strike of the Motormen's Trade Union, which took place at the Central Railway Station in Warsaw in September 1991. Over twenty motormen went on a hunger strike for 12 days demanding the improvement of the railway traffic safety. It is quite probable that the real reason of the protest was the fear of losing jobs by a part of motormen employed by the Polish National Railways, which could occur as a consequence of the restructuring process in the enterprise and redundancies connected with it.

**Резюме.** В статье описывается забастовочная голодовка Профсоюза машинистов железнодорожного транспорта, которая состоялась на Центральном вокзале в Вар-

<sup>11</sup> Palys L., *Mapa możliwości polskiego eksportu. Kraje pozaunijne*, Instytut Koniunktur i Cen Handlu Zagranicznego, Warszawa 2006, s. 188.

<sup>12</sup> Buńczyk A., Daniluk A., Masri S., *Gaz ziemny*, <http://www.ure.gov.pl/index.php?dzial=2758id> (10.06.2006).

<sup>13</sup> Bożyk P., *Stosunki gospodarcze Polska-Rosja w warunkach integracji z Unią Europejską*, Szkoła Główna Handlowa w Warszawie, Warszawa 2004, s. 56.

шаве в сентябре 1991 года. В течение 12 дней более двадцати машинистов голодало, требуя улучшения безопасности железнодорожного движения. Очень вероятно, что действительной причиной протеста было опасение относительно возможной потери работы частью машинистов работающих на РКР ( Польской железной дороге) в связи с проводимой реструктуризацией предприятия и связанными с нею увольнениями.

Od 1989 roku w związku z przemianami systemowymi postępowała w Polsce recesja gospodarcza. Miała ona swoje odbicie również w funkcjonowaniu przedsiębiorstw transportowych, szczególnie największego krajowego przewoźnika Polskich Kolei Państwowych. Postępujący i nieodwracalny spadek przewozów wymuszał na kierownictwie tego przedsiębiorstwa przystosowanie się do warunków gospodarki rynkowej. Osiągnąć to miano m.in. poprzez redukcję zatrudnienia. W 1991 r. odejść z pracy na kolei miało 42, 5 tys. osób. [1] Perspektywy te były przyczyną niepokojów w środowisku kolejarskim. Wśród pracowników PKP rosło poczucie niepewności zatrudnienia i zagrożenia przyszłości. W tych warunkach najbardziej aktywne działania podjął Związek Zawodowy Maszynistów Kolejowych, uchodzący z najbardziej rewindykacyjną organizację związkową działającą na kolei.

16 września rozpoczęła się na Dworcu Centralnym w Warszawie głódówka protestacyjna 8 kolejarzy ze Związku Zawodowego Maszynistów. Domagano się poprawy bezpieczeństwa w ruchu kolejowym. Podstawowym żądaniem było zainstalowanie urządzeń zabezpieczających tzw. czuwaków aktywnych, oraz systemu samoczynnego hamowania pociągu (SHP). Żądanie to było zgodne z opinią Kolegium Arbitrażu Społecznego, które w lipcu zobligowało kierownictwo kolei do zainstalowania takich urządzeń we wszystkich lokomotywach w ciągu 3 lat. Protestujący domagali się, aby do czasu wprowadzenia tych urządzeń lokomotywy prowadzone były przez dwóch a nie jak uprzednio jednego maszynistę. Według PKP rozwiązanie takie było zbędne i nie poprawiało bezpieczeństwa. Poza tym przedsiębiorstwo nie mogło sobie na nie pozwolić z powodów finansowych.[8 s.3] 18 września głódowało w Warszawie już 16 kolejarzy. Dzień później 18. 22 września w Warszawie głódowały już 24 osoby. Tydzień po rozpoczęciu protestu rozpoczęły się głódówki wspierające w Żaganiu - 6 osób i Poznaniu 3 osoby.[6 s.1] Protestujący rozszerzyli listę postulatów. Żądali ustąpienia ministra transportu oraz dyrektora generalnego PKP i jego najbliższych współpracowników. Zachowania odrębnego systemu emerytalnego dla kolejarzy - umożliwienia pracownikom o łącznym stażu pracy 40 lat (mężczyźni) i 35 lat (kobiety), którzy przepracowali na kolei 15 lat, przejścia na wcześniejszą emeryturę, zagwarantowania leczenia sanatoryjnego dla głodujących po zakończeniu protestu. Na pierwszy plan cały czas jednak głodujący wysuwali bezpieczeństwo podróżnych i maszynistów.[4 s.3] 19 września prezydent ZZMK Jan Zaborowski oświadczył, że warunkiem przerwania głódówki jest zgoda dyrekcji na wprowadzenie drugiego maszynisty do lokomotyw pozbawionych odpowiednich zabezpieczeń. Stanowisko maszynistów w tej kwestii poparł Państwowy Inspektorat Pracy.[10 s.3]

Od początku strajku władze PKP zarzucały maszynistom, że prawdziwym powodem strajku jest powstrzymanie zmniejszenia zatrudnienia maszynistów w związku z przeprowadzaną reformą i redukcjami zatrudnienia. Zredukowani maszyniści nie mieli być zresztą zwalniani, tylko przesuwani do innych zajęć.[8 s.3]

Cały czas podczas protestu toczyły się negocjacje, początkowo nie przynosiły żadnych efektów. 18 września mediatorem został mecenas Siła – Nowicki. W czasie trwania głódówki sześciu protestujących zostało hospitalizowanych.[11 s.3] Zaborowski wielokrotnie podkreślał determinację protestujących. Strajkujący grozili zaostrzeniem formy protestu np., że przestaną przyjmować pływiny. Zaborowski straszył strajkiem generalnym.[5 s.3] 24 września głodujących odwiedził przewodniczący OPZZ Alfred Miodowicz, który zarzucił rządowi bezczynność oraz brak zainteresowania całą sprawą.[9 s.3] Dyrekcja kolei usi-

lowała negocjować bezpośrednio z głodującymi, a nie kierownictwem ZZMK, w związku, z czym prezydent Zaborowski 26 września przestał przyjmować pokarmy i stał się uczestnikiem protestu.

Po dwunastu dniach głodówki o 3 nad ranem z 27 na 28 września na Dworcu Centralnym w Warszawie podpisano protokół dotyczący spraw bezpieczeństwa ruchu kolejowego. Było to równoznaczne z przerwaniem protestu, zakończono również głodówki solidarnościowe. Strony zgodziły się, że pociągi pasażerskie będą prowadzone przez jednego maszynistę o ile lokomotywa będzie wyposażona w oba systemy zabezpieczające. Wszystkie pociągi rozwijające prędkość powyżej 130 km/h miały być prowadzone przez dwóch maszynistów. Nadmienić należy, że zasady takie obowiązywały również przed protestem. Pociągi towarowe prowadzić miał jeden maszynista, o ile lokomotywa wyposażona jest, w co najmniej jeden z systemów bezpieczeństwa. W kilku przypadkach m.in. braku na trasie pociągu sygnalizacji świetlnej pociągi towarowe prowadzić miało dwóch ludzi.

Najpóźniej do 11 października dyrekcja PKP miało doprowadzić do spotkania przedstawicieli ZZMK z kierownictwem Ministerstwa Pracy w celu przedyskutowania postulatów socjalnych m.in. wcześniejszych emerytur.

Uczestnicy protestu zrezygnowali z żądania odwołania ministra transportu i dyrektora generalnego PKP i jego najbliższych współpracowników. Zawarte porozumienie nie zmieniło faktu, iż 4,5 tysiąca maszynistów, zgodnie z programem zmniejszenia zatrudnienia, miało przestać prowadzić lokomotywy. Nie zostali oni jednak zwolnieni, ale przesunięci do pracy w innych służbach PKP.

Głodujący kolejarze otrzymali zapewnienie ze nie będą represjonowani, otrzymali również odpowiednią pomoc medyczną.

Protokół dotyczący kwestii bezpieczeństwa podpisany został przez ekspertów dyrekcji PKP i trzech największych central związkowych, chociaż przedstawiciele Solidarności i Federacji ZZP PKP nie brali udziału w nocnej turze rozmów na Dworcu Centralnym. Nie zgodził się na to prezydent ZZMK Jan Zaborowski.[ 7 s.3]

Podsumowując cały strajk trudno oprzeć się wrażeniu, że metoda protestu była niewspółmiernie drastyczna do żądań strajkujących. Przed strajkiem nie miało miejsca żadne gwałtowne pogorszenie bezpieczeństwa ruchu. Stan, przeciwko któremu protestowano trwał od dłuższego czasu. W tym kontekście prawdopodobne wydają się być zarzuty kierownictwa PKP, iż prawdziwym celem strajku była jednak osłona miejsc pracy maszynistów.

Stopniowe włączanie się do protestu głodowego coraz to nowych osób, uruchomienie strajków solidarnościowych wytwarzało wrażenie eskalacji buntu kolejarzy. Wybrano chyba najlepszy wariant umiejscowienia protestu - najbardziej uczęszczany dworzec kolejowy w Polsce. Głodujący odmówili przeniesienia się w inne miejsce. Obok nich eksponowane były szokujące zdjęcia z wypadków kolejowych.

Jest znamienne, że z jednej strony Zaborowski sugerował możliwość rozszerzenia protestu, z drugiej głodujący apelowali do członków ZZMK, aby nie powodowali utrudnień w ruchu pociągów.[ 11 s.3] Być może usiłowano wytworzyć wrażenie możliwości wybuchu strajków niekontrolowanych, trudnych do opanowania i równie uciążliwych jak, mający miejsce rok wcześniej, strajk słupski. Nie doszło jednak do eskalacji protestu w innych formach niż głodówka. Trudno powiedzieć na ile był to zaplanowany scenariusz strajku, czy też brak pełnego poparcia ze strony kolejarzy dla kierownictwa związku. 18 z 28 tys. maszynistów należało wówczas do ZZMK.[ 11 s.3] Nie można stwierdzić, jaki był stopień ich determinacji. Być może zdecydowana na wszystko była jedynie grupa, która podjęła głodówkę. Wobec zapowiedzianej restrukturyzacji PKP i planowanych zwolnień i przesunięć pracowników, maszyniści mogli obawiać się uczestniczenia w protestach.

Na pewno nie było pełnego poparcia dla akcji wśród wszystkich maszynistów. Np. maszyniści z lokomotywni w Chojnicach zaapelowali o przerwanie strajku. Oskarżyli przy

tym liderów ZZMK o szafowanie życiem i zdrowiem ludzkim. Zaproponowali też wymianę głodujących na członków prezydium ZZMK. [ 6 s. 1] Być może również pod wpływem takich sugestii prezydent Zaborowski 27 września sam rozpoczął głodówkę.

Niektóre zgłoszone postulaty były poza kompetencją resortu komunikacji. Strajk odbywał się w okresie, kiedy rząd zajmował się projektem ustawy o kolei, który przyjęty został 3 października, tuż po zakończeniu protestu. W tym samym czasie w parlamencie toczyła się debata na temat ustawy emerytalnej, która została przyjęta 30 września. W tych warunkach strajk można potraktować jako demonstrację siły związku i determinacji jego członków w kwestii utrzymania przywilejów emerytalnych. Zabieg ten uwieńczony został powodzeniem, albowiem w ustawie emerytalnej i ustawie o kolei potwierdzone zostały dotychczasowe przywileje pracowników PKP. [ 2 i 3]

#### Literatura

1. Archiwum internetowe PAP 6 sierpnia 1991.
2. Archiwum internetowe PAP 1 października 1991.
3. Archiwum internetowe PAP 9 października 1991.
4. Bezpieczniej bez ministra. Gazeta Wyborcza 219 19 września 1991.
5. Głodówka maszynistów. Bezpieczeństwo czy etaty. Gazeta Wyborcza nr 226 27 września 1991
6. Głodówki wspierające Gazeta Wyborcza nr 225 26 września 1991.
7. Koniec głodówki. Gazeta Wyborcza nr 228 30 września 1991.
8. Maszyniści głodują dla bezpieczeństwa ruchu Gazeta Wyborcza nr 218 18 września 1991.
9. Miodowicz u głodujących maszynistów Gazeta Wyborcza nr 224 25 września 1991.
10. Przybywa głodujących kolejarzy Gazeta Wyborcza nr 221 21-22 września 1991.
11. Staną pociągi Gazeta Wyborcza nr 227 28-29 września 1991.

## **ŻYDOWSKIE ORGANIZACJE POLITYCZNE DZIAŁAJĄCE W WOJEWÓDZTWIE POLESKIM W DWUDZIESTOLECIU MIĘDZYWOJENNYM**

Andrzej Smolarczyk

*Politechnika Białostocka, Białystok, Polska*

Mniejszość żydowska na Polesiu w latach 1919-1939 w swej strukturze społecznej, politycznej i kulturalnej nie odbiegała zasadniczo od ludności żydowskiej zamieszkującej inne dzielnice II Rzeczypospolitej. Społeczność żydowską województwa poleskiego władze polskie miały objąć takim samym programem narodowościowym, jaki wypracowano dla ludności żydowskiej zamieszkującej inne obszary kraju. Koncepcja ta miała polegać na połączeniu nasilających się procesów asymilacyjnych i równoczesnego wspierania emigracji ludności żydowskiej do Palestyny. Procesy asymilacji ze społecznością polską nie przebiegały jednak po myśli czynników rządowych. Najbardziej niepokojący dla polskich władz bezpieczeństwa był fakt silnej rusyfikacji mniejszości żydowskiej, zwłaszcza inteligencji oraz silne wpływy komunistyczne [5, s. 55]. W planach rozwiązań prawnych mniejszość żydowską traktowano inaczej niż pozostałe mniejszości narodowe. W województwie poleskim jedynie społeczność żydowska traktowana była przez polskie władze państwowe jako mniejszość narodowa – tego przywileju nie mieli Białorusini, Ukraińcy i Rosjanie [3].

Życie polityczne mniejszości żydowskiej na terenie województwa poleskiego było względnie intensywne, zwłaszcza gdy punktem odniesienia pozostawała bierna politycznie ludność poleska. Żydowskie partie polityczne zakładane od chwili uzyskania przez Polskę niepodległości bardzo szybko rozpostarły swoją działalność na Polesie, zakładając tu swoje komórki organizacyjne. Wszystkie bez mała ugrupowania żydowskie posiadały w województwie poleskim własne organizacje partyjne [1].

W okresie międzywojennym żydowskie życie polityczne cechowało się nadmierny rozdrobnieniem. Podobnie jak w innych częściach Polski aktywność polityczna ludności żydowskiej na Polesiu była wypadkową konfliktów rozgrywających się wewnątrz tej społeczności. Wśród wielości żydowskich partii politycznych wyróżnić możemy pięć głównych nurtów żydowskiego życia politycznego: 1. ortodoksyjny, 2. syjonistyczny, 3. socjalistyczny, 4. folkistowski, 5. asymilatorski [2, s. 166].

NURT ORTODOKSYJNY, nazywany też konserwatywno-klerykalnym grupował prawicę żydowską z jednej strony zorganizowaną w stronnictwa polityczne, z drugiej zaś niezorganizowane rzesze ortodoksów religijnych, którzy w ważniejszych momentach politycznych (wybory do ciał ustawodawczych lub gmin wyznaniowych) występowali pod szyldem „Żydów bezpartyjnych” [6, k. 14.].

Najważniejszą partią polityczną grupującą ludność ortodoksyjną był „Agudas Isroel” (Związek Izraela), który stanowił część składową organizacji światowej o takiej samej nazwie. Na ziemiach polskich pierwszy ortodoksyjny związek religijno-kulturalny powstała 14 września 1916 r. w Warszawie z inicjatywy rabinów dr Kohna i dr Carlebacha. Nosił nazwę „Agudas Haortodoksim”. W 1918 r. związek zmienił nazwę na Centralna Organizacja Żydów Ortodoksów w Polsce „Szlojmej Emunei Izroel” (Pokój Wiernych Izraelitów). W 1931 r. związek zmienił ponownie nazwę na Centralna Organizacja Żydów Ortodoksów w Polsce „Agudas Isroel” (Związek Izraela) [2, s. 167].

Dominujące znaczenie Agudy (nazwa potoczna) wśród całej ortodoksji żydowskiej w Polsce wynikało z poparcia udzielonego przez chasydów, a zwłaszcza z posługiwania się przez tę partię autorytetami cadyków (poparcie trzech dworów cadyków cieszących się najwyższym szacunkiem – Bełza, Góra Kalwaria, Aleksandrów Kujawski) [6, k. 15].

„Agudas Isroel” uznawał zasadę supremacji religii nad wszystkimi zjawiskami społecznymi i politycznymi. Partia wyrażała indywidualne przekonania ortodoksów, że wszelkie przejawy życia należy wyprowadzać z przesłanek religijnych i opierać je na sentencjach teologicznych (Talmud). Podstawowymi założeniami statutowymi Agudy było: a) obrona religijnych interesów Żydów, b) wzmocnienie i krzewienie zasad religii żydowskiej wśród współwyznawców, c) zakładanie i subsydiowanie szkół religijnych wszelkich typów: szkół (powszechnych - chederów i teologicznych – jeszybtów), d) obrona praw obywatelskich, aby nie kolidowały z dogmatami wiary, e) działalność społeczno-filantropijna, f) zakładanie warsztatów pracy, szkół zawodowych, stowarzyszeń spółdzielczych, g) organizowanie w Palestynie osiedli rolniczych dla Żydów ortodoksyjnych [6, k. 14v.].

„Agudas Isroel” uznawała zasadnicze idee syjonizmu, jeżeli te nie kolidowały z zasadami religii mojżeszowej. Główną przeszkodą uniemożliwiającą porozumienie Agudy z ortodoksją syjonistyczną (Mizrachi) były zagadnienia kulturalno-oświatowe. „Agudas Isroel” przedkładał zagadnienia religijne ponad kwestię narodową, którą traktował jako rzecz drugorzędną. Z tych samych względów nie uznawał pojęcia język narodowy, język zaś hebrajski traktował jako język święty, którego nie należało profanować codziennym użytkowaniem [6, k. 15v.]. W polityce wewnętrznej państwa polskiego „Agudas Isroel” podkreślał lojalność wobec państwa polskiego. Ortodoksi dążyli też do całkowitego równouprawnienia Żydów w ramach konstytucji. Gminy wyznaniowe miały mieć charakter czysto wyznaniowy. Struktura organizacyjna „Agudas Isroel” była dość luźna i miała charakter federacyjny. Współdziałały z Agudą różne organizacje młodzieżowe, kobiece i robotnicze [2, s. 167].

„Agudas Isroel” posiadał na terenie województwa poleskiego 6 oddziałów: w Brześciu, Domaczewie, Kobryniu, Żabince, Pińsku i Lubieszewie, liczących w 1937 roku 353 zarejestrowanych członków. Tak skromna liczba zarejestrowanych członków nie odzwierciedlała faktycznego znaczenia Agudy na Polesiu. Jak wspomniano powyżej, wpływy „Agudas Isroel” były ugruntowane w szerokich masach niezorganizowanej ludności ortodoksyjnej. Na-



jwybitniejszymi przedstawicielami tegoż obozu byli rabin Mowsza Perłow ze Stolina oraz rabin Sołowiejczyk z Brześcia. Najaktywniejszymi działaczami partyjnymi Agudy byli Enoch Krażek z Brześcia oraz Zyskind Zongman z Pińska.

W Brześciu istniało założone 1 grudnia 1934 r. biuro okręgowe **Żydowskiej Ortodoksyjnej Organizacji Robotniczej „Poalej Agudath Isroel w Polsce”**. Ugrupowanie to liczyło kilkudziesięciu członków, na których czele stał kierownik i pełnomocnik władz centralnych partii Enoch Krażek [6, k. 26].

**NURT SYJONISTYCZNY (NACJONALISTYCZNY)** pozostawał w ostrej opozycji wobec ortodoksów, kładąc główny nacisk na utworzenie państwa Izrael w Palestynie. Syjoniści uważali, że rozwiązanie sprawy żydowskiej było uzależnione od ogólnej polityki Światowej Organizacji Syjonistycznej i miało nastąpić z chwilą utworzenia w Palestynie Żydowskiej Siedziby Narodowej. Według syjonistów cała energia działania ludności żydowskiej winna być skoncentrowana na „kwestii palestyńskiej”. Polityka wewnętrzna państwa polskiego stawała się w ten sposób zagadnieniem drugoplanowym i była jedynie koniecznością życia codziennego. W dwudziestoleciu międzywojennym w ramach nurtu syjonistycznego funkcjonowało w Rzeczypospolitej wiele partii politycznych, różniących się między sobą wizją przyszłego państwa Izrael, tempa emigracji, stosunkiem do władz w Polsce [2, s. 167]. Ruch syjonistyczny był popierany przez władze polskie. Wszelkie plany związane z emigracją ludności żydowskiej do Palestyny spotykały się z aprobatą władz. Czynniki rządzące liczyły w ten sposób na samo rozwiązanie się kwestii żydowskiej [5, s. 281].

**Organizacja Syjonistyczna w Polsce (Histadrut ha Cyjonit be Polonijah)** powstała w 1916 r. w Warszawie. Do 1935 r. dzieliła się ideologicznie na trzy różne grupy: 1. „Et Libnoth” (Czas Budować), 2. „Al. Hamiszmar” (Na Straży) – radykalną, 3. **Syjonistów-Rewizjonistów** – zwolenników państwa żydowskiego w Palestynie. W 1935 r. nastąpił rozłam. **Syjonisci-Rewizjoniści**, którzy zajmowali najbardziej umiarkowane stanowisko w polityce krajowej wystąpili z ogólnej organizacji syjonistycznej. Władze bezpieczeństwa definiowały krajowy program polityczny tej organizacji jako *liberalizm demokratyczny z pewnym odchyleniem radykalnym w dziedzinie stosunków socjalno-religijnych przez postulat oddzielenia spraw wyznaniowych od całego kompleksu zagadnień społeczno-kulturalnych. Podstawą programu organizacji syjonistycznej w dziedzinie polityki żydowskiej jest postulat autonomii kulturalno-narodowej w duchu świeckim o szerokim zakresie społecznym* [6, k.19]. Syjoniści uważali, że językiem narodowym winien być hebrajski. W tym języku miał następować rozwój kulturalny społeczności żydowskiej. Język jidysz (język żydowski) z powodu szerokiego zastosowania w uzusie winien mieć miejsce równouprawnione z hebrajskim. W działalności politycznej w Polsce **Organizacja Syjonistyczna** zwalczała nie-syjonistyczne grupy polityczne. Agudas-Isroel atakowano za jego antysyjonistyczny i klerykałny charakter, natomiast folkistów za zwalczanie kultury hebrajskiej i ruchu syjonistycznego [6, k.19].

W województwie poleskim **Organizacja Syjonistyczna w Polsce** posiadała 30 oddziałów lokalnych, w których było zarejestrowanych około 2 tys. członków (należących zarówno do grupy „A”, jak i do grupy „B”). W Brześciu i Pińsku miały siedziby największe oddziały tej organizacji na Polesiu. Liderami poleskich syjonistów ogólnych byli adwokat Nachman Głowiński i Chaim-Lejb Izbicer z Brześcia oraz Josel Szkolnik z Pińska.

Od 1932 roku funkcjonowała **Organizacja Syjonistów Ogólnych w Polsce**. Posiadała podobny program i ustrój. Był to efekt ponownego rozłamu na dawne dwie frakcje: **Syjonistów Ogólnych grupy „A”** – odpowiadającym dawnej grupie „Et Libnoth” i **Syjonistów Ogólnych grupy „B”** odpowiadającym dawnej „Al. Hamiszmar”. Oddział Piński Organizacji Syjonistów Ogólnych w Polsce był jedyną poleską komórką skupiającą około 160 członków należących do grupy „B” [6, k.26].

Organizacja Syjonistyczna w Polsce i Organizacja Syjonistów Ogólnych w Polsce posiadały silne wpływy w zdecydowanej większości żydowskich stowarzyszeń i instytucji społecznych, kulturalno-oświatowych i gospodarczych oraz w gminach wyznaniowych. Liczne zrzeszenia i organizacje pozostawały całkowicie podporządkowane wpływom syjonistów.

W województwie poleskim działała również **Organizacja Syjonistyczna Żydów Religijno-Ortodoksyjnych „Mizrachi” (Wschód)**. Organizacja ta była faktycznie odłamem Żydów ortodoksów, którzy stawiali kwestie religijne ponad wszelkie inne sprawy i zagadnienia. Na równi z syjonistami dążyli do budowy niezależnego państwa w Palestynie, które miało opierać się na zasadach religii żydowskiej. Współpracując z innymi ugrupowaniami syjonistycznymi „Mizrachi” pozostawała samodzielną i odrębną organizacją w przestrzeni zagadnień religijnych. Według tej organizacji rozwój kulturalno-narodowy musiał odbywać się na zasadach religii i tradycji żydowskiej w języku hebrajskim. W dziedzinie polityki wewnętrznej państwa polskiego organizacja dążyła do równouprawnienia Żydów w ramach konstytucji. Uregulowanie kwestii żydowskiej widziano w udzieleniu zamieszkałym w Polsce Żydom autonomii opartej na gminach narodowo-wyznaniowych. Hasłem stronnictwa było: „Thorah we Awodach” (religia, nauka, praca). „Mizrachi” posiadała duże znaczenie w środowisku mieszczaństwa żydowskiego. Prowadziła aktywną działalność oświatową i kulturalną głównie przez zakładanie i utrzymywanie własnego szkolnictwa powszechnego i średniego z językiem wykładowym hebrajskim i polskim. Utworzyła organizacje młodzieżowe: „**Ceirej Mizrach**” (celem było krzewienie samokształcenia umysłowego w duchu religijnym, a zarazem krzewienie wśród swych członków kultury współczesnej) oraz „**Hochaluc – Hamizrachi**”, której celem było zachęcanie młodzieży do pracy fizycznej i produktywnej, co miało dostarczyć pionierów-emigrantów do pracy w Palestynie [6, k.18-18v.] Dzięki funduszom uzyskiwanym ze Stanów Zjednoczonych oraz Palestyny prowadziła „Mizrachi” zakrojoną na szeroką skalę akcję charytatywną [2, s.174].

W województwie poleskim „Mizrachi” posiadała 11 zorganizowanych oddziałów i około 400 członków. Najwybitniejszym przedstawicielem i działaczem był Dawid Zysman, dyrektor **Żydowskiej Kasy Przemysłowców** oraz długoletni radny. Z „Mizrachi” na Polesiu współpracowała **Żydowska Religijno-Socjalistyczna Partia w Polsce**, która posiadała jeden oddział w Brześciu liczący około 30 członków [6, k.26].

Ruch syjonistyczny ulegał ciągłym rozłamom. Jedną z takich rozłamowych, odgrywających niewielką rolę polityczną partii był **Związek Syjonistów Państwowców (Judenstaatspartai – Grupa Grossmana)** oficjalnie nazywany **Syjonistycznym Związkiem Rewizjonistycznym (Igud Ichel Hacohar)** posiadał na terenie województwa poleskiego jedynie trzy oddziały (Brześć, Kobyń, Pińsk), do których należało ponad 100 członków [6, k. 19-19ob., 26ob.]

Również niewielkie wpływy na Polesiu posiadała **Syjonistyczna Partia Pracy „Hitachduth”**, która w całym województwie miała tylko trzy oddziały (Brześć, Kobyń, Prużana), w których zarejestrowanych było około 100 członków. „Hitachduth” starał się wypracować syntezę ruchu narodowego i klasowego. Proces narodowego i socjalnego wyzwolenia Żydów był według ideologów tej organizacji ściśle ze sobą powiązany i powinien dokonywać się w drodze wzajemnej ewolucji. Stronnictwo to stawiało sobie za cel utworzenie w Palestynie społeczności żydowskiej zorganizowanej w ramach gospodarki socjalistycznej, przesiąkniętej kulturą hebrajską. W diasporze dążono do uzyskania autonomii narodowej i krzewienia kultury hebrajskiej. Społeczeństwo żydowskie miało uzyskać charakter czysto świecki. Dążono do wyeliminowania wszelkich elementów wyznaniowych z życia kulturalnego [6, k. 20, 20ob.]

Władze bezpieczeństwa przypisywały najsilniejsze wpływy wśród żydowskich organizacji syjonistycznych w województwie poleskim **Poalej-Syjon Prawicy**. Program partii w dziedzinie socjalnej i ogólnopolitycznej polegał *na uznaniu socjalizmu i walki klas w życiu międzynarodowym, krajowym oraz żydowskim, zarówno w Palestynie jak i w krajach rozproszenia.*

*W sprawach żydowskich w Polsce stawia partia postulat autonomii kulturalnej oraz narodowej gminy żydowskiej o charakterze czysto świeckim z wyeliminowaniem spraw wyznaniowych z instytucji żydowskich. Język żydowski uznaje za język ogólnego użytkowania w ewentualnych żydowskich instytucjach autonomicznych. Językiem nauczania w szkołach żydowskich winien być język żydowski. Jednakże język hebrajski winien być w dużej mierze w szkołach tych uwzględniony. Jednocześnie grupy mniejszościowe partii mają prawo budować i utrzymywać własnym kosztem szkoły z językiem wykładowym hebrajskim z zastrzeżeniem uwzględnienia w programie nauczania języka żydowskiego*[6, k. 20, 20ob.]

Żydowskie państwo socjalistyczne w Palestynie miało zostać utworzone dzięki pomocy Stanów Zjednoczonych i Wielkiej Brytanii. Poalej-Syjon Prawica nie widziała potrzeby utrzymywania w Polsce skupisk ludności żydowskiej i bardzo aktywnie wspierała emigrację Żydów do Palestyny [2, s. 174].

W województwie poleskim Poalej-Syjon Prawica posiadała 12 zorganizowanych oddziałów z ponad 600 zarejestrowanymi członkami. Aparat bezpieczeństwa traktował dane oficjalne za zdecydowanie zaniżone i szacował liczbę zwolenników partii na około 6 tys. W obozie syjonistycznym ugrupowanie to zajmowało rolę pierwszoplanową, choć w celach propagandowych palmę pierwszeństwa oddawało Organizacji Syjonistycznej w Polsce. W zagadnieniach dotyczących akcji syjonistyczno-palestyńskiej Poalej-Syjon Prawica współpracowała ze wszystkimi ugrupowaniami syjonistycznymi, natomiast w kwestii robotniczej ostro zwalczała żydowskie partie robotnicze, prowadząc walkę z Bundem i Poalej-Syjon Lewicą [6, k. 26 v.]

Silne wpływy w województwie poleskim posiadała **Organizacja Syjonistów-Rewizjonistów w Polsce „Brith Hazohar”**, która była lokalnym oddziałem **Nowej Organizacji Syjonistycznej**. Funkcjonowało tu w drugiej połowie lat trzydziestych 30 zorganizowanych oddziałów z 1650 zarejestrowanymi członkami. Władze bezpieczeństwa liczbę członków tego ugrupowania podnosiły do około 16 tys. Najaktywniejszymi działaczami tej partii był Menachem Begin i Wiktor Tenenbaum z Brześcia oraz Morduch Basewicz i dr Szymon Acht z Pińska [6, k. 26 v.]

**NURT SOCJALISTYCZNY** przeciwstawiał się teoriom syjonistycznym traktując je jako utopijne szkodliwe dla społeczności żydowskiej. Występował ostro przeciwko ortodoksom religijnym widząc w nich siedlisko ciemnoty i zacofania. Rozwiązanie kwestii żydowskiej w Polsce upatrywał w uzyskaniu przez Żydów autonomii kulturalno-narodowej. Najstarszą i największą partią socjalistyczną był **Powszechny Żydowski Związek Robotniczy „Algemener Jidyszer Arbeiter Bund”**, potocznie nazywany **Bundem**. Do nurtu socjalistycznego zaliczyć należy również ugrupowania żydowskie wchodzące w skład polskich stronnictw socjalistycznych, jak Polska Partia Socjalistyczna i Polska Partia Komunistyczna [6, k.14; 2, s. 170].

Bund był jednym ze stronnictw żydowskich, które posiadało na Polesiu najdawniejsze tradycje. Jego struktura w województwie poleskim ograniczała się jedynie do lokalnych komitetów w Brześciu, Kobryniu, Pińsku i Prużanie, w których było zarejestrowanych około 180 członków. Wpływy polityczne wśród robotników żydowskich były jednak znaczne i wyrczały one zdecydowanie poza miasta, gdzie funkcjonowały organizacje partyjne. O sile partii świadczyły manifestacje organizowane w czasie obchodów 1 majowych, na których frekwencja w Brześciu i Pińsku wśród zgromadzonych robotników i młodzieży dochodziła do 500 osób. Bund posiadał też 19 przedstawicieli w żydowskich gminach wyznaniowych oraz 5 przedstawicieli w radach miejskich w województwie. Władze bezpieczeństwa określały liczbę członków partii na 6-7 tys. Najwybitniejszymi przedstawicielami byli Aron Judel Szlakman z Pińska i Dawid Sznajder z Brześcia [6, k.27].

W swym programie Bund uważał, że Żydzi stanowili grupę narodową, której na równi z Polakami winny być przyznane jednakowe prawa. Jidysz (język żydowski - żargon) trakto-

wano jako język narodowy żydowski, który winien być uznawany w urzędach, sądownictwie i szkolnictwie. Szkolnictwo powszechne i średnie winno mieć świecki charakter. Religia miała być pominięta jako obowiązujący przedmiot nauczania. Koszt utrzymania szkolnictwa i oświaty miało brać na siebie państwo. Zabiegano z zagwarantowanie Żydom w Polsce autonomii kulturalno-narodowej. Praktycznym wymiarem tej autonomii w wymiarze szkolnictwa narodowego miała być *własna sieć szkolna i dysponowanie częścią funduszy państwowych przeznaczonych na utrzymanie i rozbudowę tej sieci* [6, k.24]. Bund popierał sojusz ze Związkiem Radzieckim i dążył do bliskiej współpracy z Polską Partią Socjalistyczną.<sup>14</sup> Był również przeciwny emigracji Żydów do Palestyny i dążył do odbudowy skupisk żydowskich w Polsce [2, s.174-175].

Przy komitetach w Brześciu i Prużanie funkcjonowały lokalne organizacje młodzieży **Jugendbund-Cukunft In Pojlen (Związek Młodzieży – „Przyszłość”)**, które zrzeszały około 100 członków. Przywódcy Bundu byli jednocześnie faktycznymi przywódcami Cukunftu. Zadaniem młodzieżówki było krzewienie wśród swych członków zasad ideologii socjalistycznej oraz prac kulturalno-oświatowych. Cukunft nie prowadził samodzielnej działalności politycznej, wykonywał jedynie dyrektywy władz partyjnych Bundu. W organizacjach tych władze bezpieczeństwa wykryły silne wpływy komunistyczne [6, k.24 v.]

**Żydowska Socjalno-Demokratyczna Partia Robotnicza „Poalej-Syjon” w Polsce (Poalej-Syjon Lewica)** posiadała na terenie województwa poleskiego tylko jeden zorganizowany komitet partyjny w Pińsku, liczący około 100 członków. W Brześciu istniała grupa niezorganizowana formalnie (około 70 osób), która powoływała specjalny komitet okolicznościowy (wybory do rady miasta, wybory do gminy wyznaniowej, obchody 1 maja). W miastach powiatowych województwa **Poalej-Syjon Lewica** posiadała znikomą liczbę członków. Partia ta nie odgrywała większej roli w życiu politycznym społeczności żydowskiej na Polesiu. Nieustanne rozłamy wewnętrzne sprzyjały marginalizacji partii. Przyczyniła się do tego również likwidacja przez aparat bezpieczeństwa opanowanych przez Poalej-Syjon Lewicę stowarzyszeń młodzieżowych (**Towarzystwo Kursów Wieczorowych dla robotników** oraz **Stowarzyszenie Sportowe „Gwiazda –Sztern”**). Członkowie radykalni zostali wchłonięci przez organizacje komunistyczne, członkowie mniej radykalni przenieśli się do Poalej-Syjon Prawicy lub do Bundu. Do najwybitniejszych działaczy tej partii na Polesiu zaliczamy Szymona Izbicera i Dawida Gitelmana z Brześcia oraz Chaima Kopela z Pińska [6, k.27].

**NURT FOLKISTOWSKI** miał charakter lewicowo-liberalny. Wraz z syjonistami wyznawał ideologię *żydowskich teoretyków narodowościowych, określających siebie jako naród w znaczeniu politycznym* [6, k.27]. Zasadnicza różnica pomiędzy obydwoima nurtami polegała na odmiennym pojmowaniu ostatecznego celu narodowej polityki żydowskiej. Folkieści uważając społeczność żydowską za autochtoniczną, zamieszkującą terytoria II Rzeczypospolitej od wieków domagali się całkowitej wolności rozwoju narodowego zarówno pod względem politycznym, jak i społeczno-kulturalnym. Politykę krajową czynili priorytetem swej działalności [7].

**Żydowska Partia Ludowa w Polsce (Idisze Folks - Partaj In Pojlen) – Folkieści**, posiadała w województwie poleskim w okresie 1920-1932 jedną lokalną organizację partyjną liczącą około 100 członków, rekrutujących się głównie z rzemieślników żydowskich. W

---

<sup>14</sup> Jedną z najważniejszych inicjatyw politycznych przeprowadzonych przez Bund przy ogromnej współpracy z Polską Partią Socjalistyczną była zorganizowana w 1937 r. w szeregu miast polskich akcja propagandowa wymierzona przeciwko antysemityzmowi. Również w miasteczkach poleskich zorganizowano szereg wieców i wystąpień publicznych oraz zamieszczając liczne artykuły polemiczne na łamach lokalnej prasy.

latach 1931-1937 partia uległa poważniejszej dezorganizacji i praktycznie zaprzestała swej działalności [6, k.27]. W swym programie Folkieści dążyli do *udzielenia Żydom zamieszkałym w Polsce autonomii personalno-narodowej o charakterze publiczno-prawnym. Organem żydowskiego samorządu lokalnego winna być gmina żydowska o charakterze świeckim. Język żydowski (tzw. żargon) jest, zdaniem stronnictwa, żydowskim językiem narodowym, którym należy się posługiwać w życiu publicznym i prywatnym, jak również w szkolnictwie(...) W stosunku do syjonizmu partia ta zajmuje stanowisko negatywne, gdyż uważa Żydów za autochtoniczną mniejszość narodowo-wyznaniową w Polsce i nie uważa za właściwe rozwiązanie sprawy żydowskiej przez utworzenie państwa żydowskiego w Palestynie* [6, k.22 v., 23]. Żydowska Partia Ludowa w Polsce domagała się również równouprawnienia wszystkich mniejszości narodowych i grup wyznaniowych [2, s. 170].

**NURT ASYMILATORSKI** negował idee samodzielności narodowej Żydów. Żydzi wedle tej ideologii nie stanowili w Polsce odrębnej narodowości, lecz jedynie odrębną grupę religijną. Asymilatorzy opowiadali się za przyjęciem języka i kultury polskiej przez społeczność żydowską oraz za stopniową asymilacją ze społecznością polską. Pod względem politycznym współpracowali, względnie sprzyjali polskim ugrupowaniom politycznym, społecznie współpracowali z instytucjami i organizacjami żydowskimi [6, k.25 v.]

W latach 1930-1936 działał na terenie województwa poleskiego **Żydowski Klub Myśli Państwowej**. Ugrupowanie to powstało z inicjatywy żydowskich działaczy politycznych należących do BBWR i było podporządkowane sekretariatowi wojewódzkiemu BBWR w Brześciu. Na czele organizacji stał tymczasowy Komitet Wykonawczy, po czym na pierwszym i jednocześnie ostatnim zjeździe wojewódzkim został wybrany 11 marca 1934 r. Komitet Wojewódzki i Rada Wojewódzka. Żydowski Klub Myśli Państwowej posiadał 19 oddziałów lokalnych, liczących około 1.5 tys. zarejestrowanych członków. W czasie wyborów do rad miejskich w 1934 r. Żydowski Klub Myśli Państwowej zawarł z BBWR porozumienie w imieniu wyborców Żydów w sprawie wystawienia wspólnych list kandydatów na radnych. Partia prowadziła też zbiórkę wśród ludności żydowskiej na kupno samolotu dla armii pod hasłem: „Żydzi Polesia – Armii Polskiej”. Akcja przyniosła słabe wyniki i w ostateczności samolotu nie kupiono. Od listopada 1935 r. działalność Żydowski Klub Myśli Państwowej działał już tylko formalnie, funkcjonując jedynie ze względów oportunistycznych [6, k.27 v.]

Obok zalegalizowanych partii politycznych funkcjonowały na Polesiu ściśle zakonspirowane i nielegalne partie żydowskie. Z danych wywiadowczych KOP z pogranicza poleskiego z lipca 1925 r. (pas ochrony nr 5, gdzie stacjonowała 5 Brygada KOP) wynika, że na terenie powiatu sameńskiego wykryto nielegalnie działającą organizację żydowską „Hahaus”. W Łunińcu stwierdzono funkcjonowanie żydowskiego „Komsomołu” kierowanego przez młodzież żydowską z Łunińca, która utrzymywała ściśle związki z młodymi Żydami z Dawidgródka i innych pobliskich miasteczek. Wywiad wojskowy był zaniepokojony szybkim rozgałęzianiem się wpływów łuninieckiego komsomołu w całym pasie przygranicznym. Poza wykrytymi organizacjami żydowskimi napływały niesprawdzone jeszcze informacje o funkcjonowaniu w pasie przygranicznym szeregu innych nielegalnych i silnie zakonspirowanych zrzeszeń żydowskich [4].

Władze państwowe uważały mniejszość żydowską za uświadomioną narodowościowo i świetnie zorganizowaną. Na terenie Polesia żydowskie partie polityczne mogły pomimo wielu utrudnień działać w województwie poleskim, zwłaszcza te promujące syjonizm i związaną z nim emigrację ludności żydowskiej. Stanowcze represje władz bezpieczeństwa dotyczyły te partie żydowskie, które posądzano o działalność komunistyczną. Cieniem na relacje polsko-żydowskie kładły się przez cały okres dwudziestolecie międzywojennego

sympatie pro bolszewickie z okresu wojny 1919-1920 r. Koegzystencję ludności żydowskiej i polskiej pogorszyły znacznie w latach 30 ciężkie warunki ekonomiczne związane z kryzysem gospodarczym. Narastający antysemityzm łączył się głównie z narastającą rywalizacją w dziedzinie handlu (bojkot towarów żydowskich) [5; s. 283-284].<sup>15</sup>

#### Literatura

1. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (dalej: AAN), Urząd Wojewódzki w Brześciu nad Bugiem, Żydowskie organizacje polityczne i społeczne na Polesiu, sygn. 53, k. 26.
2. Chałupczak H., Browarek T., Mniejszości narodowe w Polsce 1918-1995, Lublin 2000, s. 166.
3. Państwowe Archiwum Obwodu Brzeskiego w Brześciu (dalej: PAOB), sygn. f. 2001, o. 1. d. 2109, k. 12v., Protokół normalnego zebrania periodycznego odbytego w dniu 14 grudnia 1934 r. w Brześciu n/B.; AAN, MSW, sygn. 170, k. 135.
4. PAOB, sygn. f. 2029, o. 2, d. 1, k. 19v., Wiadomości z własnego pasa ochrony.
5. Śleszyński W., Nie przegrać kresów. Polityka państwa i działalność organów bezpieczeństwa na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej 1919-1939, Warszawa 2007, s. 55.
6. Żydowskie organizacje polityczne i społeczne na Polesiu, op. cit., k. 14.
7. Żydowskie stronnictwa polityczne w Polsce Odrodzonej, s. 249, [w:] Żydzi w Polsce Odrodzonej. Działalność społeczna, gospodarcza, oświatowa i kulturalna, red. I. Schiper, A. Tartakower, A. Hafftk, T. II Warszawa 1933.

---

<sup>15</sup> Największy konflikt polsko – żydowski miał miejsce 13 maja 1937 r. w Brześciu. Został opisany w pracy: W. Śleszyńskiego, Zajścia antyżydowskie w Brześciu nad Bugiem 13 V 1937 r., Białystok 2004.

## II. СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

### ЕВРОПЕЙСКИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Проф. д-р филос. н., д-р полит. н. Петко Ганчев

*Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Болгария в Республике Беларусь*

**I. Европейский интеграционно-трансформационный процесс, как форма, уникальный первообраз глобальной интеграции цивилизационных общностей.**

В соответствии с логикой развития отдельных государств и регионов и мирового исторического развития в отдельные эпохи - от древности до наших дней - Европа много раз была объектом и субъектом разных интеграционных проектов, которые до Второй мировой войны заканчивались неудачно. После катастрофы, которую пережили в этой войне /1939-1945 г./ европейские народы, представители духовной и политической элиты вырабатывают свой новый уникальный и великий проект об интеграции. Факторов, которые стимулируют этот процесс, очень много, и они разные, но на первом месте выступают осознанные причины того тяжелого катаклизма, который должны были пережить народы в этой войне, а также ситуация, которая установилась в системе международных отношений после войны. Одним из инициаторов этого практического процесса является, несомненно, большой британский и европейский политик Уинстон Черчилль. В своей известной речи 19 сентября 1946 года он заявляет: "Нам надо поднять несколько вещей как Объединенные европейские штаты. Во-первых, создать один Европейский совет. Чтобы успеть довести эту задачу до конца, Франция и Германия должны стать друзьями, Великобритания, Общность британских народов, США; и я искренно надеюсь - само собой разумеется, все должны стать друзьями и протекторами новой Европы..."

Нужно еще в начале подчеркнуть, что стремление к практической реализации новой политики, объединение народов Европы сопровождается интенсивной внутренней политикой по утверждению новой модели народного хозяйства, известной как правовое обоснование социального государства и социального рыночного хозяйства, а также как инструмент политики государственного управления экономикой, программированием и индикативным стратегическим планированием. Подчеркивание этого факта необходимо, чтобы стало понятно, что реальное осуществление наднациональной интеграции в масштабах непрерывно расширяющейся общности не было бы возможно, если бы не происходили перемены не только в новосозданных институтах этой общности, но и в самой системе национальных экономических, политических, социальных и других отношениях и национальных институтах.

Кроме указанных выше двух основных мотивов, для практической интеграции Европы нужно отметить и тот факт, что только объединенные европейские народы могли надеяться, что новый политический и экономический лидер демократического мира – США будет им помогать, а также, что только вместе они бы преуспели в восстановлении своих обществ и предостережении их от новых военных конфликтов. Только объединяя свои ресурсы и производственные мощности, народы Европы могли надеяться на экономический просперитет в новую глобальную эпоху. Только у объединившихся политически и военно, народы Европы были бы в состоянии противостоять успешно тоталитарной коммунистической опасности, которая возникла с холодной войной. Или, как писали в восьмидесятые годы В. Вайденфелд и В. Веселс, с уменьшением роли европейских государств после Второй мировой войны и установлением "биполярного мира" народы Европы были вынуждены прийти к интеграции, мотивируя свою политику:

1. Желанием нового Самопонимания, Самосознания. После националистических заблуждений Европа нуждалась в новой общности как альтернативе коммунизму с Востока.

2. Желанием Безопасности и Мира. Только объединившись, народы Европы могли надеяться на безопасность от коммунистической угрозы. Европа должна превратиться в общность мира.

3. Желанием Свободы и Мобильности. Это значит, что должно быть восстановлено свободное движение людей, товаров, капиталов, идей и информации.

4. Надежда хозяйственного Благополучия. Объединенная Европа должна вести людей к эпохе хозяйственной стабильности и процветания. Только Общий рынок мог повысить эффективность и интенсифицировать экономические связи.

5. Ожиданием всеобщей Силы. Европейские государства, которые до Первой мировой войны / 1914 г./ веками были доминирующими в мировой политике, окончательно теряют свою роль после Второй мировой войны. В сравнении с новыми лидерами мира - США и СССР - европейские государства только объединившись могли выступать как равноправные субъекты международных отношений.

Практическая реализация идеи о единстве Европы как уникальной общности народов и культур фактически начинается с Конгресса в Гааге – в мае 1948-го года. Именно тогда создается Совет Европы. На нем были представлены различные национальные объединения Европы, наднациональные объединения, а также такие известные политики, как Робер Шуман /Франция/, Алчиде де Гаспери /Италия/, Пол-Анри Спак /Бельгия/ и Конрад Аденауер /ФРГ/. Как раз это те четыре личности, которые вместе с Жаном Моне, являются реальными "отцами" европейской интеграции. Таким образом, рождается Европейское движение, которое является главным мотором практической исторической реализации идеи объединенной Европы. В "Политической декларации" заявляются политические и экономические заключения европейских государств в связи с ограничением национального суверенитета. В этой декларации ставится целью подготовка Европейской конституции, защита человеческих прав и основных свобод, а также создание Европейского суда и Европейского парламента.

Какие следующие ответы и практические шаги по реализации великой идеи об объединенной Европе? Факт, что изначально интеграция рассматривается как единство политических и экономических факторов. Война на Корейском полуострове, как и натиск США и Великобритании к перевооружению Федеральной Германии, которая уже успела создать основы своего экономического восхода, заставляют министра иностранных дел Франции Роберта Шумана 9 мая 1950 г. оповестить декларацию об объединении двух ключевых секторов французской и немецкой экономики - производство угля и стали - под руководством одного "Верховного органа". Автор этой декларации Жан Моне был определен первым председателем этого "Верховного органа" (июль 1952 года), когда вступил в силу договор между Францией, ФРГ, Италией, Бельгией, Голландией и Люксембургом об объединении производства и мощностей добычи угля и стали этих стран. Еще в Декларации Жана Моне обоснован наднациональный характер этой интеграции, которая осуществляется в отраслях со стратегическим и психологическим значением. Интеграция производства стали и угля гарантирует другую политику поддержки крупного капитала и другим поведением политиков двух государств и присоединившихся к ним остальных четырех.

Успехи ФРГ и Франции в послевоенном восстановлении, высокий экономический рост, а также экономический подъем в остальных странах –членах и первые положительные результаты этого объединения стимулируют шестерку к дальнейшему расширению экономического сотрудничества. Как прямое следствие высокой оценки интеграционного процесса - решение правительства шести стран- членов ЕОУС /Европейская общность угля и стали/ поручить бельгийскому премьер-министру Полу-Анри Спаку подготовить доклад с предложениями о расширении дальнейшего сотруд-



ничества. Таким образом, было дано начало новому этапу европейской интеграции. Шесть стран договорились расширять в дальнейшем свое сотрудничество посредством создания Общего рынка и согласованием Социальной политики. С подписанием Римских договоров в 1957 г. - договоров об Европейской общности, превратившейся в дальнейшем в Европейскую экономическую общность /ЕЭО/, и договоров об Европейской общности по атомной энергии/ ЕОАЭ/ создаются основные надгосударственные институты интеграции. Созданы Совет министров, Европейская комиссия, Европейский суд и Парламентарная Ассамблея. Было положено начало специфичной правовой наднациональной системе для регулирования отношения между странами - членами на разных уровнях.

Таким образом, мы можем сделать первый вывод практической реализации идей Европейского единства как уникального исторического движения, которое в большой степени задает тон в современных интеграционных и глобализационных процессах, что процессы наднациональной интеграции идут в единстве с внутренним и социальным развитием стран-членов, которое сопровождается процессами строительства и развития соответствующих надгосударственных институций.

Сразу нужно все-таки обосновать и второй кардинальный вывод практического развертывания процессов Европейской интеграции в соответствии с объективной логикой глобализации и потребностями европейских народов. Он следует из специфики образованных трех европейских общностей и способе функционирования европейских институций. К ЕОУС, ЕВРАТОМ и ЕЭО принадлежат в самом начале одни и те же 6 государств. Эти общности имеют аналогичную институциональную систему. Так, в трех существует Парламентарная система, Суд и Совет министров, а Верховный орган ЕОУС имеет подобную сущность с Комиссией ЕВРАТОМ-а и Комиссией ЕЭО. Но именно здесь проявляются и различия. Потому что по своим обхватам договоры ЕОУС-а и ЕВРАТОМ-а являются отраслевыми и регламентируются правовым образом подобно национальным законодательствам. Со своей стороны, в самом начале европейской интеграции, как уникальной исторической практики, видно, что здесь реализуется один комплексный, многолинейный подход, который не руководствуется каким-то заранее заданным образцом и не предлагает завершенную модель, а развертывается по степени зрелости достигнутых форм. В этом смысле ни "отцы" и создатели первых европейских общностей, ни позже принявшие эстафету европейской интеграции ведущие европейские политики могли быть обвинены в заранее заданных корыстных целях и формах интеграции европейских народов и государств. С самого начала эти процессы протекают демократично и в соответствии с консенсусными решениями.

Когда говорится, что Европейские общности являются примером добровольного союза с сознательным ограничением национального суверенитета, нужно иметь в виду, что есть одна проблема, которая и до сегодняшнего дня вносит напряжение при осуществлении процессов европейской интеграции. Это имперские рефлексы и национализм больших европейских государств, которые в качестве бывших колониальных империй и настоящих "Великих сил" задавали и задают тон в развитии мировых исторических процессов. Национализм присутствует в той или иной степени и в поведении маленьких европейских государств, которые опасаются за свою культурную идентичность по мере интеграции в систему европейских общностей. В большей степени это мотивы "особенного" поведения Великобритании на разных этапах европейской интеграции, происходящих прежде всего от ее геополитики и геостратегии более тесного союза с США. Другой особый комплекс факторов повлиял на поведение большинства бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы,<sup>6</sup> некоторые из которых были выбраны новыми членами НАТО и ЕС во время кризиса, связанного с войной США против Ирака.

Общеввропейская интеграция 70-х и 80-х годов, включающая в систему Европейских общностей новые и новые страны, перешла через разные испытания, чье разрешение требовало как перемены в нормативно-правовой базе, так и институций Общности.

В конце 80-х годов отметили крах государственного социализма. Перед западноевропейскими странами возникли проблемы, которые требовали своего разрешения, чтобы успешно разворачивались в дальнейшем процессы интеграции.

Первым и главным вызовом была новая динамическая волна глобализации, в которую были вовлечены все страны и народы, несмотря на степень их экономического, социального и технологического развития. На мировую историю воздействовали качественно новые факторы, которые ставили народы перед необходимостью быстро осуществлять свою экономическую, технологическую, информационную и управленскую модернизацию. Началась быстрая интернационализация производственных процессов. Мир превратился в огромную кооперацию нового разделения труда. Возникли мировые денежные и капиталовые рынки. Все это неимоверно обострило конкуренцию между основными экономическими и политическими центрами в мире – США, ЕС, Японией и вообще странами Азиатско-тихоокеанского региона – Китаем, Южной Кореей, Тайванем, Сингапуром, Малайзией и т.д. В этой ситуации, чтобы выдержать конкуренцию и сохраниться в будущем как зона процветания, Европейский союз должен осуществлять радикальные внутренние реформы, которые повысили бы эффективность его экономики и целостной политики. Необходимо, чтобы он был в состоянии расширять свое пространство, интегрируя на ходу новые природные и человеческие ресурсы.

Второй вызов состоялся в радикально переменившейся европейской архитектуре после конца холодной войны. Противостояние в первые годы после Второй мировой войны с так называемым социалистическим лагерем, которое в некоторой степени стимулировало западноевропейскую интеграцию, ушло в историю, и западноевропейские народы и государства встали перед государствами и народами Центральной и Восточной Европы, которые объявили свое желание интегрироваться с ними. В этой новой ситуации нужно было искать новую мотивацию, чтобы процессы европейской интеграции продолжались. Это во-первых. Во-вторых, нужно было, чтобы началась организация и модернизация на основе принципов рынка и либеральной представительной демократии стран Центральной и Восточной Европы. В-третьих, нужны были новые подходы в развитии отношений с новой Россией. Именно в этом пункте почувствовался острый дефицит во внешней политике стран Европейской экономической общности.

Третий вызов возник в связи с нарушением баланса центральной оси “Франция - Федеральная Германия” после объединения двух германских государств в 1991 году. До этого времени во Франции и Германии жило меньше 40% населения Европейского союза, но именно оно производило больше 50% продукции Союза, а больше половины валютных резервов в ЭКЮ формировалось на основе французского франка и немецкой марки. После 1991 г. соотношение уже было в пользу Германии. В этой ситуации Германия должна была проводить жесткую валютную и бюджетную политику, чтобы сохранились балансы Общности. Но несмотря на успехи в этом направлении, и Германия, и Франция не смогли в последующие годы спастись от нарастающей безработицы, которая стала одним из слабых пунктов Европейского союза в его конкурентной борьбе с остальными мощными экономическими центрами в мире.

Четвертый вызов был связан с начатым “пятым” расширением Европейского союза на Восток с рядом бывших социалистических стран - Чехией, Польшей, Венгрией, Словакией, Словенией, Эстонией, Литвой и Латвией, а за ними следовали Болгария и Румыния. Несмотря на то, что некоторые из этих государств имели относительно высокий уровень жизни, они оставались далеко на среднем уровне развития большинст-

ва стран Европейского союза. Их интеграция в экономическую, социальную и политическую систему Европейского союза означала новые трудности в финансовой сфере: необходимо было поднять их уровень жизни до уровня остальных стран Союза. Этот процесс сопровождался и временным ослаблением конкурентоспособности европейского производства и системы услуг. Существовала опасность, что после присоединения новых стран вырастет безработица в развитых странах Союза как следствие притока квалифицированной, но низко оплачиваемой рабочей силы. К счастью, эти опасения не оправдались.

Чтобы справиться с этими вызовами, в 90-ые годы страны-члены Европейской Общности подготовили и подписали Маастрихтский /1991-1993 г./ и Амстердамский договор /1997 г./, которые были положены в основу трансформирования Общности как системы разных общностей в едином Европейском Союзе. Таким образом, опираясь на основные стратегические столбы единства и развития стран Европейского союза, осуществлялся переход к новому качеству их цивилизационного единства. Так были подготовлены основные моменты интегрирования относительно гомогенной части западноевропейских стран с развивавшимися в другой культурной и идеологической координате последние полвека страны Центральной и Восточной Европы.

Маастрихтский договор выдвинул пять основных целей:

- после построения единого рынка нужно решительно создавать экономический и валютный союз;
- придать экономической интеграции социальные измерения на базе общей социальной политики;
- преобразовать Европейскую экономическую общность в Европейскую общность, расширяя ее компетенции новыми сферами деятельности;
- дополнить наднациональное интеграционное строительство в рамках институций Общности /"первый столб"/, с постоянным сотрудничеством в области внешней политики и безопасности /"второй столб"/ и в области права и внутренних дел /"третий столб"/;
- объединить все три "столба" в одну целостную систему Европейского союза.

В свою очередь Амстердамский договор установил:

первое - неоспоримое требование стран-членов - соблюдать фундаментальные права человека, развивать эффективные правовые системы и предотвращать какие бы то ни было формы дискриминации;

второе - Амстердамский договор осуществил реальный шаг к преодолению "демократического дефицита" в рамках ЕС;

третье - Европейский союз объявляет, что он - "пространство свободы, справедливости и безопасности";

четвертое - Амстердамский договор утверждает принципы субсидиарности /автономности, самоуправления/, заложенные в предшествующих документах каждого государства и соответствующих им суб/наднациональных образований;

пятое - с этим договором укрепляются права Союза по защите окружающей среды, здравоохранения, защита прав потребителей, сотрудничество судебных органов по гражданским делам, борьба с коррупцией в международном масштабе и т.д. Включаются новые главы по вопросам занятости и социальной политики, а также сотрудничества в области правосудия и внутренних работ. Создается пост комиссара по вопросам общей внешней политики и политики безопасности. В 1999 году на этот пост был назначен бывший генеральный секретарь НАТО Ксавьер Солана.

Следующие этапы усовершенствования институциональной нормативно-правовой базы Европейского союза проходят через Ниццу, Лаакен и т.д. и связаны с поиском

баланса участия Европейской комиссии и Европейского парламента отдельных стран-членов, а так же и основные принципы Договора Конституции Европейского союза.

Таким образом, начатая в конце 40-х годов XX века европейская интеграция набирает силы и развертывается в конце XX-го века и начале XXI века. Логика этого процесса естественно начинается от основной сферы этой "материальной цивилизации", как назвал европейский капитализм видный французский философ истории и экономист Фернан Бродель, и переходит через формы политической и социальной организации и включает ее ценностно-культурные измерения и многообразия.

## **2. Трансформационный процесс в восточно-европейских странах – общее, специфическое и частное – трансформация и адаптация.**

Трансформационный процесс во всех восточно-европейских странах начался поздней осенью 1989 года, когда одним за другим, по эффекту домино, разрушились тоталитарные коммунистические режимы и на политическую сцену в различных конфигурациях вышли оппозиционные демократические силы. Этот процесс сопровождался не только установлением политического плюрализма в отдельных государствах, но и ликвидацией бывших наднациональных институций, связывающих бывшие социалистические страны в единую экономическую /Совет экономической взаимопомощи/ и военно-политическую систему /Варшавский договор/. Финал этого процесса произошел в декабре 1991 года, когда распался официально СССР и на его месте появились как самостоятельные государства бывшие советские республики.

Нужно подчеркнуть, что именно в начале 90-х годов, положивших начало трансформационному процессу строительства демократической политической системы и рыночной экономики в бывших социалистических странах, оказавшихся неожиданно свободными в океане быстро меняющихся международных отношений, начался поиск верного курса развития этих обществ. У этого курса были два основных момента: первый: как, каким образом и с каким темпом должны протекать демократические и рыночные реформы, и второй: в какие новые международные экономические и политические структуры должны интегрироваться эти государства, чтобы быть в состоянии решать эффективно свои экономические и социальные проблемы и гарантировать свою безопасность. И здесь проявились первые различия между государствами из восточной Европы и бывшего Советского Союза, с одной стороны, и между самими бывшими советскими республиками, с другой. Они прежде всего сводились к готовности бывших социалистических стран из Восточной Европы идти на интеграцию с Европейским союзом и НАТО. В то же время основное ядро стран из бывшего Советского Союза, организованные вокруг хилой структуры Союза независимых государств /СНГ/, предпринимали усилия развернуть масштабы своего сотрудничества и развить в новых условиях интеграционные процессы между собой. Вместе с тем, ряд периферийных стран бывшего Советского Союза - Литва, Латвия, Эстония и Грузия - предприняли курс к интеграции с ЕС и НАТО. Учитывая стратегическую геополитическую позицию, балтийские страны были стимулированы в этом движении. Таким образом, наметились две группы государств из разорванной системы бывшего социалистического лагеря, которые начали с начала 90-х годов движение в разные стороны, следуя разным геополитическим стратегиям.

Для нашего дальнейшего анализа представляет интерес раскрытие общих и специфических черт группы бывших социалистических стран из Восточной Европы, которые ориентировались стратегически на экономическую и социально-политическую интеграцию в ЕС и военно-политическую интеграцию в НАТО. К этой группе стран присоединилась после незначительных колебаний и Болгария. Общее между всеми этими странами было то, что они находились на близком уровне экономического и социального развития и представляли самые развитые части бывшего социалистического лагеря; у них был высокий процент государственной собственности в промыш-

ленности и тесные связи с бывшим Советским Союзом; преобладающая часть управленческого аппарата в хозяйственной, административной, культурной и других сферах общественной жизни этих стран принадлежала к коммунистической номенклатуре. Нужно еще отметить, что на начальном этапе этого перехода-трансформации новая, т.н. демократическая элита колебалась в выборе методов и средств для эффективной приватизации и установления рыночной экономики. Колебания были прежде всего между быстрой, "шоковой" либерализацией и медленным введением принципов социального рыночного хозяйства, которое требовало соответствующей регулирующей роли государства, с одной стороны, а с другой, введение свободного рыночного хозяйства с минимальной ролью государства, состоящей из контролирования денежной массы, в соответствии с принципами крайнего либерализма, т.наз. рыночного фундаментализма Чикагской школы Милтона Фридмена.

Вместе с этими общими моментами, объединяющими часть бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы и определяющими в большой степени их стратегическую ориентацию в НАТО и ЕС, в них еще вначале наблюдались и существенные различия, которые следовали из их исторического развития и из их национальной и культурной идентичности, определяющей их присутствие в прежней системе. Здесь нужно еще отметить наличие или отсутствие реальной демократичной оппозиции, как внутри конкретной страны, так и вне ее, до начала перехода.

Таким образом, если систематизировать эти различия, которые определяли специфику одной группы этих стран по отношению к другой, получается новое разделение бывших социалистических стран на две группы, хотя и не равноправных по количеству держав в одной или другой группе. Само собой разумеется, что сами страны, которые включались по тем или иным признакам в одну или другую группу, тоже различались. Так, к первой группе стран с самыми высокими показателями экономического развития и успешно проведенной демократизацией и приватизацией, были определены Чехия, Венгрия, Польша и Словения. Первые три были и т.наз. "отличники" из "Вишеградской тройки", на которые начали равняться остальные. Впоследствии к ним по тем или иным геополитическим соображениям были прибавлены Словакия, Литва, Латвия и Эстония. Все эти государства принадлежали к ареалу католической Европы, и все они, в разной степени, имели в прошлом потрясения в своих отношениях с Советском Союзом, а также имели мощную внутреннюю оппозицию управляющим коммунистическим партиям больших групп диссидентов вне этих стран.

Вторая группа, которая принадлежала к пространствам Европы, где доминировало в прошлом восточное православие, не могла похвастаться какой-нибудь серьезной демократической оппозицией. Здесь оппозиция проявлялась в рядах самих коммунистических партий. Эти страны, интегрировавшие в разных объемах принципы и ценности европейской культуры и являясь по сути своей идентичности европейскими, тоже различались между собой по степени своей готовности интегрировать в систему НАТО и ЕС. Здесь "отличники", которые по многим показателям могли бы равняться "аутсайдерам" первой группы, стали Болгария и Румыния. В свою очередь к "аутсайдерам" в этой группе относятся такие страны, как Хорватия, Македония, Сербия, Черногория и Албания. Турция - совершенно другой случай, потому что она отличается своей цивилизационной идентичностью по отношению к христианской Европе.

### **3. Трансформационный процесс болгарского общества и государства в процессах европейской интеграции.**

С первого января 2007 года Болгария является полноправным членом Европейского союза. Как сегодня, так и несколько месяцев назад мы вполне определенно могли говорить, что, перед тем как начать свои экономические, социально-политические, культурные, военные реформы для интеграции в ЕС и НАТО, Болгария пережила

двенадцать лет самоцельных реформ без какой-нибудь ясной стратегии, без объединяющей национальной идеи, в условиях жестокой конфронтации на всех уровнях общества. Все это привело к невероятным социально-экономическим срывам и уменьшению способности нации бороться в новых условиях политического плюрализма и рыночной экономики.

Главная ответственность за то состояние Болгарии несет современная политическая элита страны, которая не выстрадала предстоящий переход. В самом начале практических трансформаций после идеологии "перестройки" она стала жертвой некомпетентности и следования догме американского неоконсерватизма и поспешила сначала переменить политическую систему. Как результат, были разбиты устои государственности, при том не предлагая ничего взамен. Таким образом, государство оказалось в стихии хаоса и по существу вернулось в объятия старого капитализма XIX и начала XX века.

Болгарская политическая элита с начала 90-х годов XX –го века заплатила очень высокую цену за счет народа и возможностей Болгарии за свои идеологические мифы. Один из них сводился к убеждению, что модерный капитализм с развитой рыночной экономикой можно строить только по пути быстрой приватизации, при том на всех мощностях, несмотря на то, работают ли предприятия или нет; а также дают ли приватизаторы нужную цену и принимают ли на себя обязательства по инвестициям или всего-навсего хотят ликвидировать эти мощности, продавая их как отходы металла. Как результат, были созданы множества приватизационных фондов-пирамид, которые обеспечили быстрые прибыли своим новым собственникам. Были созданы т.наз. РМО /Рабоче-менеджерские общества/, выкуплены за гроши от предприимчивых родственников и друзей управляющих данного РМО. И не в последнюю очередь, прибыльные компании были проданы за гроши сомнительным международным предпринимателям. Здесь не нужно перечислять все те ведущие болгарские компании, которые были таким образом ликвидированы за счет толстых комиссионных управляющих до начала 2001 г.

Если нужно сформулировать коротко главную цель, которую преследовала Болгария идя на интеграцию с системой Европейского союза, то она несомненно выражается в модернизации экономической, политической, социальной, культурно-информационной, образовательно-научной и всех других политик, связанных с полноценным и равноправным участием страны в этом исторически уникальном союзе как условие благоденствия, процветания и безопасности в условиях нарастающих глобальных вызовов и угроз.

Как первое необходимое условие для реализации этой цели, нужно выработать обоснованную и ясную стратегию для развития всего общества, которая бы учитывала культурные, политические и хозяйственные традиции в ведущих идеях и практике современного общественного развития, которая своей реализацией могла бы адекватно включить страну в систему международных отношений в условиях конкретной геополитической ситуации. На втором месте в этой стратегии нужно, чтобы верно были очерчены приоритеты в развитии национальной экономики, которые могли бы вытянуть всю экономическую систему вперед. Третье главное условие динамизирования национальной экономики связано с потребностью модернизации технологических мощностей с помощью инвестиций в оборудование и рационализирования управления персонала и качества, чтобы все это вместе вело к экономии материалов, энергии и времени. Только эффективная, интеллигентная, основанная на наукоемких инновациях и технологиях, экономика в состоянии функционировать экологосообразно и обеспечивать устойчивое развитие общества. Четвертое: в условиях трансформации экономика должна расширять экспорт и открываться постепенно, но решительно. Иначе она бы застряла в кризисах или бы разрушилась как система. И пятое, не по-

следнее: если хочешь успеть в процессе своей модернизации успешно включиться в глобальные и региональные экономические сети общества, которое начинает свою трансформацию, нужно воспользоваться своей геополитической позицией и соотношением сил в глобальной и региональной геополитической ситуации. Блестящим примером для такой успешной национальной стратегии догоняющего и модернизирующего развития дали нам Япония после Второй мировой войны и остальные "азиатские тигры" в 70-тые годы, и Финляндия, и Ирландия в 80-тые годы, а также конечно Китай в 80-тые и 90-тые годы прошлого века.

Если посмотрим критически на развитие Болгарии до наших дней, где в большей степени заложены причины нашего отставания от других бывших социалистических стран Центральной Европы, с которыми мы до конца 80-ых годов имели близкие показатели развития, нужно подчеркнуть, что не всякую либерализацию экономики, не всякую приватизацию вообще и не всякую финансовую стабилизацию представляют "переход" и успешная трансформация к действительно современным формам производства и общественной жизни. То, что было объявлено в Болгарии до 2001 года как реформы, я не рекомендую никакой другой стране.

Сегодня перспективы Болгарии действительно связаны "на жизнь и на смерть" с возможностями и перспективами европейской интеграции. Если европейская экономическая система имеет необходимую гравитационную силу, которая в состоянии вытянуть Болгарию из зоны и структуры "серой экономики", созданной старой коммунистической номенклатурой и новой "демократурой", то процесс реализации ее целей состоится. Перспективы Болгарии для подъема быстро вырастут, если ЕС, стремящийся к новому проекту интеграции, сумеет преодолеть свои склонности к протекционизму и создаст условия для ее многостороннего интегрирования в свою систему.

Как и для каждого общества, так и для Болгарии в историческом процессе принимают участие три группы факторов. Первая - эта окружающая международная среда, влияние и воздействие тех или других государств, союзов государств, международных организации, тенденции развития экономических, политических, социальных и других процессов на глобальном и региональном уровне. Вторая - это состояние самой природной окружающей среды, тенденции ее развития, наличие или отсутствие тех или иных природных ресурсов, расположение в региональном и глобальном пространстве. И третья группа факторов - это не только количество и качество населения этой страны, культурная идентичность и принадлежность к той или иной группе цивилизационных ареалов, но также и зрелость/ незрелость и ответственность политической элиты и ее способность вести свою страну в фарватере глобальных изменений и отстаивать национальные интересы.

Таким образом, европейское будущее Болгарии будет определяться политикой ЕС и политикой самой Болгарии, а также изменениями в международной и окружающей природной среде.

Здесь я не буду анализировать политические документы, программы и стратегии правительства Болгарии или все Договора Европейского союза. Последние известны. А каждая страна разрабатывает свои программы политики и стратегии, в которых она воплощает свое видение на управление и формирование будущего. Но вместе с теми позитивными программами нужно отметить и те конкретные тяжелые проблемы, которые стоят на пути Болгарии, которые являются наследством прошлого и которые тормозят ее движение вперед.

Во-первых, это сложившийся конгломерат срастания политики и экономики с преступностью в первые годы рыночной трансформации экономики и демократических реформ в начале 90-х годов. Проблема коррупции стала одной из тяжелых проблем

болгарского общества в условиях трансформации. Этой болезни подвержены прежде всего органы правосудия и правопорядка, как раз те органы, которые должны обеспечивать законность общества, порядок и справедливость. В этом направлении нужно отметить, что административный аппарат Болгарии еще не научился работать эффективно с новыми техническими средствами и технологиями при обслуживании населения.

Второй тяжелой проблемой, с которой Болгария должна справиться в ближайшие годы, является быстро нарастающая часть цыганского населения и приобщение его к болгарской и европейской культурной модели. Известно, что в прежнюю эпоху по некоторым показателям это население было интегрировано в общественную систему, но так как оно было преимущественно малограмотное и не имело собственности после начала приватизации и перехода к рыночным принципам хозяйствования, оно очень быстро оказалось в армии безработных. Здесь сказывались прежде всего очень низкие квалификация и образование этих людей. В новых условиях они начали пополнять также и армию безграмотных. К сожалению, созданная система социальной помощи вообще не стимулировала ни стремление к образованию, ни к повышению квалификации, ни даже к работе. Правда, в 2003 г. правительство привело к исполнению Новую социальную стратегию "От помощи к трудовой занятости", которая, хотя и привела к уменьшению числа безработных, но не успела задействовать нужные для стремления к образованию и высокой квалификации мотивы. Это, к сожалению, проблема не только Болгарии, но, как видно из произошедших в 2005 году во Франции и других странах ЕС выступлений мигрантов из африканских и азиатских стран, тяжелая проблема всей Европы. Она будет усугубляться с каждым годом с нарастающим потоком беженцев из Азии и Африки, исповедующих другие культурные и цивилизационные модели.

Третья тяжелая проблема связана с использованием запущенных сельскохозяйственных земель, которые, по неофициальным данным, превышают 1/3 всей обрабатываемой площади - где-то около 250 тыс. га. В условиях непрерывно повышающихся цен на основные продукты питания оставлять необработанным такое количество земель является преступлением против своего народа, да и против человечества. Видно, что слабые кооперативы не в состоянии справиться с этой проблемой. Наверно придется создать по примеру Франции (она это сделала после Второй мировой войны) Государственный фонд/Центр для восстановления свободных или запущенных земель, которые после восстановления будут предлагаться отдельным фермерам, кооперативам или аграрным обществам, которые бы занялись их эксплуатацией.

Четвертая проблема, которая в некотором смысле оказывает воздействие на решение всех тяжелых проблем Болгарии, - это полученное и углубившееся в девяностых годах отставание от развитых стран. Причин для этого отставания очень много, и здесь нет места анализу их всех. Но здесь можно только подчеркнуть, что как Болгария, так все отстающие страны должны выработать эффективные комплексные модели догоняющего развития, которые бы опирались на национальные традиции каждой страны, интегрировались полноценно в мировую систему, учитывали опыт развитых стран, применяли передовые технологии и повышали качество образования и качество жизни своего народа. Вместе с тем нельзя следовать ничьему чужому опыту, чужой модели, а нужно искать свой путь, свою модель. Опыт всех преуспевающих стран уникален, неповторим. Если были бы универсальные рецепты для успеха, не было бы столько бедных стран и народов.



## ГУМАНИТАРНЫЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Акинчиц И.И.

*Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь*

Глобализация как социокультурный процесс охватывает практически все сферы жизнедеятельности современного общества и поэтому привлекает пристальное внимание ученых. Ее в научных исследованиях можно рассматривать в качестве новой парадигмы. Если раньше исследовалась преимущественно специфика того или иного социального феномена, особенности общественного развития и затем проводились различного рода обобщения, то в наши дни ученые направляют свои основные усилия на изучение главным образом универсальных проблем, влияющих на развитие мирового сообщества в целом. Такой подход имеет огромный потенциал в методологическом аспекте, поскольку ориентирован на перспективу.

Ныне глобализационные процессы проявляются в различных сферах, но наиболее важными из них являются область техники и ее применения, экономическая сфера и прежде всего бизнес, а также стратегия и политика как на уровне межгосударственных отношений, так и в общепланетарном масштабе. Ведь именно техника генерирует материально-техническую основу глобализации, имея в виду главным образом транспорт и телекоммуникации, а также информатику. Применение техники, ее повсеместная диффузия приводят к образованию своего рода «технического капитала». В экономической сфере в результате развертывания глобализационных процессов формируется и укрепляется мировой рынок. На нем международные корпорации диктуют свои кабальные условия, совершается интернационализация капитала, рабочей силы и торговли, которая в то же время вызывает углубление процесса дифференциации мирового хозяйства и расширение миграционных потоков. В сфере стратегии и политики с глобализацией связано решение интеграционных проблем, а также адаптация тех или иных регионов к условиям системной интеграции, их «включенности» в международное сотрудничество по реализации крупномасштабных задач. Среди них необходимо указать на экологическую и медицинскую безопасность, контроль над вооружением, торговлей оружием, угрозой терроризма и т.д. Наконец, глобализационные процессы проявляются в сфере культуры и прежде всего образования и воспитания, создавая таким образом «интеллектуальный капитал». Эта сфера охватывает общественное сознание, социальные связи и идеалы. Согласно концепциям Ф.Фукуямы и С. Хантингтона, значение этой области глобализации будет постоянно возрастать и в конечном итоге приведет к образованию единой планетарной культуры. Поэтому умножение «интеллектуального капитала» следует рассматривать в качестве общественного императива, ибо этот капитал пронизывает практически все глобализационные процессы. Однако, на наш взгляд, их последствия не могут оцениваться только в позитивном плане, поскольку не все из них заранее запрограммированы и несут целенаправленный характер. Например, применение новых технологий связано с некоторым риском, ибо одновременно с ожидаемым положительным результатом практически всегда проявляются побочные негативные последствия. То же самое можно сказать и в отношении принимаемых больным человеком новых лекарств, которые, с одной стороны, помогают победить болезнь, но в то же время оказывают негативное воздействие на здоровье в целом. К тому же накопленный «интеллектуальный капитал» довольно часто выполняет негативную прогностическую функцию, запугивая общество ужасающими картинками будущего. Здесь речь идет о предостережениях, связанных с генной инженерией, клонированием, биомедициной, использованием

микрочипов и т.д. Следовательно, современный человек находится в ситуации, когда ему надо решать, как вести себя не только в семье или ином микроколлективе, но и в глобальном измерении. В связи с этой необходимостью порождаются гуманитарные вызовы глобализации.

Однако в современную эпоху в гуманитарном измерении глобализации главная роль отводится «технологическому капиталу», что неизбежно ведет к нарушению равновесия между техническими достижениями и нравственным здоровьем общества. Нынешнее развитие цивилизации направлено не на то, чтобы всецело служить людям, а на отчуждение человека, превращение его в маргинала. Коммерциализация общественных отношений неуклонно ведет к тому, что в этой сфере люди становятся маргинальным продуктом, а не субъектом исторического процесса. В качестве идеала человек рассматривается лишь как «покупающая машина», которой нет необходимости давать работу, выплачивать различные пособия и страховки, которой не свойственно объединяться в профессиональные союзы, требовать ограничения власти, сужения сферы бизнеса и т.д. Преодоление данных процессов, их поворот в сторону укрепления нравственного здоровья современного общества зависит от многих факторов. Стихийно, автоматически человек не получит преимущества в своих взаимоотношениях с техникой и рынком как плодами глобализации. Для того, чтобы преодолеть эти и другие негативные тенденции, человечеству нужно по-новому осмыслить создающуюся ситуацию.

Но в то же время, согласно неолиберальному проекту глобализации, бизнес и техника создадут «мир новых возможностей», в котором все будет выставлено на продажу: человеческие органы (для «золотого миллиарда»), женщины и дети (в публичные дома или в качестве рабов), политические взгляды (в интересах организованной преступности или коррумпированных элементов), религиозные убеждения (ради духовной или политической карьеры), научные достижения и мозги ученых (для обслуживания диктаторов или жульнической рекламы и т.д.). Разумеется, нельзя трактовать глобализацию как всеобщее зло в этом мире. Однако слишком много негативного несут современные СМИ, глобальная политика и деятельность международных корпораций. Причем их негативная деятельность зачастую не является преднамеренной. Например, благодаря современным СМИ, особенно электронным, основная задача которых - информировать зрителей и слушателей о реальной ситуации, абсолютное большинство населения осознает свое бедственное положение, свою невозможность пользоваться «всеобщими благами». Бедные люди понимают, что не только они, но и их дети, как правило, останутся бедняками. Их ждет рабский труд или же превращение в «детей улицы». Все это, несомненно, генерирует чувство обиды и порождает стремление уравнивать шансы с «золотым миллиардом». У них не только возникает желание отмщения, но и призрачная надежда на то, что даже самыми крайними методами, включая террористическую деятельность, можно добиться справедливости.

В пессимистических представлениях о будущем рисуется картина дегуманизации человеческой жизнедеятельности. Об этом идет речь не только в художественной литературе и кинофильмах, но и в научных футурологических сочинениях. В частности, здесь уместно вспомнить многие произведения С.Лема, фильмы М.Гибсона, футурологию социального пессимизма Дж.Форрестера, Д.Медоуса, Р.Хейлбронера и других. А такие феномены массовой культуры, как «Механический апельсин» или «Бегство из Нью-Йорка» стали уже классикой. Вышеназванные и другие авторы ставят вопрос о том, насколько мир интеграции и глобализации станет миром ненависти, социальных напряжений и конфликтов, терроризма и войн. Ведь уже нынешнее поколение «воспитывается» телевизором, дискотеками, компьютерными играми. Оно живет и действует в окружении агрессии и насилия, в «городских джунглях», где царст-

ует наркомания и преступность, где постоянно растет социальное неравенство, безработица, где господствует массовая культура. Правда, в научных сочинениях при характеристике будущего применяется более точная терминология, преподносимая обывателям в форме фрустрации, патологии, нормативной аномии, деструкции. Ученые-футурологи подчеркивают, что в недалеком будущем машины возьмут верх над человеком, что компьютеры, роботы, киберги и виртуальная реальность – это феномены постгуманистического мира.

Ныне неизвестно, какое пророчество будущего станет явью. Удается ли затормозить прогрессирующую дегенерацию общества, и если да, то какими методами можно достичь успеха – демократическими или же авторитарными? Или общество откажется от старых нравственных норм и критериев и создаст новые, которые потребуют иных критериев нравственного поведения. Во всяком случае, постановка подобных вопросов и поиск их решений становится необходимостью. Но поднимают ли подобные вопросы государственные деятели, политики, бизнесмены и т.д.? Наверно, у каждого из них в этой сфере имеются свои интересы, устремления, амбиции, а также определенный уровень знаний. Однако пока неизвестно, смогут ли они направить хозяйственную и общественную деятельность на путь экологического развития, чтобы усилить контроль над прогрессом науки и техники.

Еще имеющая место стихийность, спонтанность и хаотичность многих социальных процессов, их непредсказуемость не исключают продуманных намерений и результативных действий общества. Например, можно общими усилиями ограничивать сферу влияния инфляции, которая ныне многих людей оставляет за чертой бедности. Можно направлять инвестиции в наиболее важные для широких слоев населения отрасли хозяйственной деятельности, чтобы уменьшить уровень безработицы и повысить жизненный уровень непосредственных производителей материальных благ. Можно общими усилиями минимизировать последствия различных катастроф или же вообще их не допустить. Необходимо постоянно использовать в своей деятельности результаты не только естественных, но и гуманитарных наук. Это поможет воспринимать мир в целом не как что-то стихийное и хаотическое, а также мир человека не как сферы произвола и случайностей, а как мир, подчиненный общим закономерностям, в котором человек благодаря своей активности успешно реализует технические, политические и иные возможности.

В свою очередь наука должна быть не идеологизированной, не апологетической, прислуживающей политикам или бизнесменам, а прагматической, то есть выявляющей и вырабатывающей смыслы, средства и методы человеческой деятельности. Ученые должны концентрировать усилия на поисках наиболее эффективных возможностей достижения общественной синергии. Важно акцентировать их научную деятельность на исследование соотношений и взаимовлияний вышеназванных капиталов, а также обусловленности характера «вложения» этих капиталов в ту или иную сферу человеческой деятельности. При этом сама глобализация будет анализироваться не только как технический, экономический или культурный тренд, но и как трансгрессия, сопутствующая современной системной трансформации общества.

В размышлениях о последствиях глобализации и будущем человечества, на наш взгляд, следует учитывать три перспективы: а) исчезновение (отмирание) определенных общественных феноменов; б) их трансформацию или модификацию; в) зарождение новых социальных феноменов. Например, можно ожидать утрату человечеством существовавших в течение многих столетий позитивных нравственных ценностей. Уже сейчас «городские джунгли» делают неприемлемыми многие методы и критерии народной педагогики, благодаря которым человек находился в гармонии с природой.

В наши дни мы уже не можем, как об этом писал Ж.Ж.Руссо, воспитывать подрастающее поколение «на лоне природы». Исчезают также многие нравственные ценности, активно проповедовавшиеся в предыдущие времена служителями религиозного культа. Уже в современную эпоху многие феномены культуры вытесняются за кулисы человеческой жизнедеятельности. Ныне многие молодые люди стремятся стать лишь узкопрофессиональными специалистами, «забывая» обогатить свою память многими духовными ценностями. Наконец, в дальнейшем произойдет смена традиционных элит. Нынешние элиты, по-видимому, уступят господствующее положение «властителям» техники и новых технологий. Наступит эра «умных машин». Но будет ли новая элита осознавать свою ответственность перед всем человечеством? И что она, в свою очередь, оставит новым поколениям? Возможно, поставленные вопросы сейчас не столь актуальны, но в недалеком будущем они приобретут глобальный характер. Поэтому гуманитарные вызовы глобализации в значительной степени обусловлены убеждением, что новые элиты будут создавать системы, способные к самоорганизации, к достижению синергетических эффектов.

Вместе с тем неизвестно, как новые элиты будут решать проблемы хозяйственно-политического, культурного и военного гегемонизма. В ином аспекте предстанут также вопросы статуса и влияния международных корпораций, функционирования мировой финансовой системы, нового подхода к распределению произведенных ценностей, отношений между правительствами, бизнесом и гражданами. На наш взгляд, наиболее успешное решение данных проблем возможно при условии учета традиций и накопленного опыта, а также инновационных подходов к ним. Гуманизм (как потенциал) не является реликтом, музейным экспонатом мыслей и действий. Он и в будущем способен побеждать антигуманные идеи. Важно при этом, чтобы человечество, идя по пути глобализации, не свернуло на тропу голого прагматизма. Человек, вовлеченный в интеграционные процессы, не должен становиться филистером, а общество не должно уничтожать специфические черты ранее существовавших культур. Ведь глобализация, в ее нынешнем проявлении, направлена на деконструкцию суверенных государств и национальных культур, отрыв элиты от служения национальным интересам.

Мы также не можем признать превосходства утилитарных, прагматических целей жизни и творчества. Еще древние римляне утверждали, что для человека важна не жизнь сама по себе, а жизнь под парусами. В соответствии с этим утверждением мы обязаны создавать новую цивилизацию, преодолевающую потребительский стиль жизни и функционирующую на принципах гуманизма. Глобализационная программа – это программа гуманизации общества, интенсификации образовательных и культурных процессов, расширения демократии и толерантности. В ее реализацию существенный вклад внесли такие харизматические лидеры, как М.Ганди, Н.Мандела, Че Гевара и другие. И ныне права человека и гражданина отстаивают многие известные деятели, для которых слова французского просветителя Ф.Вольтера «Я могу быть не согласным с вашим мнением, но я отдал бы жизнь за ваше право высказывать его» стали программными в борьбе за политическое и юридическое равенство людей.

На наш взгляд, предложенный (хотя и в наиболее общих чертах) проект гуманизации глобальных процессов является реалистичным. Он направлен не только против «новой непрозрачности будущего» (Ю.Хабермас), но и его постмодернистских недооценок в форме «открытия уже открытого» (Ж.Бодрийар). Стремление к гуманистическому переустройству общества становится императивом. Важная роль в этом деле должна быть отведена гуманитарным наукам, диалектическому сочетанию традиций, накопленного опыта и инноваций в деятельности ученых и общественных деятелей.

## ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ И СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

А.А. Лазаревич

*Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь*

Понятие глобализации приобрело особую актуальность в конце XX века и сегодня трудно найти какой-либо дискурс, в рамках которого оно бы не затрагивалось. Глобализация чревата унификацией, всеобщностью, однородностью, экспансией и давлением. В известной степени это закономерный процесс системной организации отдельных элементов, всегда испытывающих влияние целостности всей системы. Если иметь в виду общество (человечество) как единый социальный организм, то входящие в эту системную организацию отдельные государства, народы, национальные культуры не могут не испытывать влияние целостности системы, что проявляется в обязательном следовании определенным унифицированным принципам и нормам развития, несоблюдение или нарушение которых ведет к распаду целостности. Таков закон развития.

Общество, социум сами по себе выступают как глобальные образования по отношению к входящим в них отдельным этносам, нациям, культурам и т.п. Поэтому доминирование и влияние социальной целостности всегда имеет место. Это справедливо также в том смысле, что развитие человечества всегда богаче и опережает развитие отдельных его субъектов. Человек отставал и будет отставать от человечества. Он объективно не способен в полной мере усваивать наследие прошлого, имея в виду накопленную сумму знаний, опыта, исторические традиции, культурные ценности и т.д. Сегодня человек находится под ударом обрушившейся на него новой и новой информации, с трудом используя лишь маленькую ее часть и в этом смысле проявляя индифферентные связи с окружающей его действительностью. Это же можно сказать и об отдельных странах, народах, национально-этнических образованиях, культурах. Все они, несмотря на свою исключительную ценность и богатство собственного содержания, несомненно, беднее целостности культурно-исторического опыта и всегда будут испытывать подчиненность этому опыту, потребность в дополнении и обогащении им. Данное обстоятельство выступает одной из объективных предпосылок глобализации современного общества.

Другое дело, что целостность социальной организации может обеспечиваться различными способами и механизмами. Наиболее приемлемый характер развития той или иной системы основывается на так называемом комплементарном взаимодействии входящих в систему элементов. В случае с глобальными социальными системами это будет означать, что входящие в них отдельные страны, культуры, этносы и т.п. должны строить свои взаимосвязи на согласованном сближении позиций, обмене опытом, традициями. Именно такой подход лежит в основе понятия интеграции, нередко критикуемой за ее «глобальные» проявления. Но интеграция и глобализация совершенно разные феномены по своей природе и сущности. Первая строится на учете интересов, другая – на доминировании и экспансии некоторых из них.

Темпы доминирования играют весьма заметную роль в числе наиболее значимых признаков современной глобализационной динамики. Если раньше изменения и достижения в различных областях жизни того или иного государства длительное время оставались незамеченными широкими слоями населения мира, то сегодня ситуация складывается по-другому. Достижения в искусстве, литературе, науке, материальной практике фактически мгновенно передаются по каналам коммуникации в самые отдаленные регионы мира, создавая таким образом эффект быстрого вторжения в существующие культуры и системы ценностей. Первичные восприятия глобализации связываются именно с подобными эффектами быстрого действия и мгновенного распространения информации с помощью все более изощренных технологий современной коммуника-

ции. С точки зрения психологии социальной индивидуальности, акты вторжения новых ценностей всегда предстают чем-то чужеродным и угрожающим, даже в тех случаях, когда они находят свое практическое применение и не трансформируют устоявшийся уклад жизни. Элементы чужеродности и выступают одной из основных причин отторжения глобализационного воздействия, по крайней мере – на психологическом уровне.

В социально-практическом отношении процессы противодействия глобализации обретают конкретные формы политических, экономических и духовно-культурных мероприятий. Но каковы бы ни были эти мероприятия, достойное и эффективное противодействие глобализации может реализоваться только в плоскости проявления следующих двух групп активности: генерирования материальных и духовных инноваций (не исключая при этом значения существующих ценностей), во-первых, и создания технологий их экстраполяции за пределы сфер креативного и локального значения, во-вторых. Не случайно в состязательном технологическом развитии государств предпочтение отдается разработкам новых средств коммуникаций и техникам владения ими, поскольку речь идет не только о возможностях приобщения к другим культурам и ценностям, но и об экстраполяции собственного опыта, создающей предпосылки доминирования (превосходства) в соответствующих областях социальной активности.

Превосходство ряда современных государств неотделимо от их преимуществ в инновационно-технологической и информационно-коммуникативной сферах. Именно по этим показателям они демонстрируют сегодня дух глобализационной экспансии, что связывается с восприятием глобализации как экспансии ценностей отдельного государства. Последнее обстоятельство также можно отнести к числу отрицательно воспринимаемых черт глобализации. Но противопоставить что-либо данной тенденции можно лишь в контексте осознания того, что глобализация – это своего рода конкуренция и состязательность, наводящие на мысль о качестве товаров, услуг, культуротворческого процесса в целом, демонстрирующих свои преимущества в глобализирующемся универсуме аналогичных явлений. Только таким образом можно сохранить оригинальность и самобытность материальной и духовной культуры. И это не самый трудный способ противостоять процессам глобализации и влиять на них. Трудности более серьезного характера связаны с неподвластностью обычным нормам социального регулирования чувственно-бессознательной сферы человека, расположенной к оценке различных феноменов по особым критериям психологического восприятия. В этом ряду наиболее серьезных факторов глобализации можно назвать массовую культуру, универсализирующую современный социум, особенно молодежную его среду, по принципам приверженности моде, популярности, дестандартизации поведения, абстрактного самовыражения и т.п. Все это в конце концов приводит к унификации сознания, мышления и поведения человека, что не может не вызывать отрицательной реакции со стороны образовательных и воспитательных институтов современного общества.

В мозаике взглядов на глобализацию нельзя недооценивать и наличие поляризации общественного мнения в оценках этого социального явления. В частности, нередки выводы и относительно того, что глобализацию не следует преувеличивать и абсолютизировать, что процессы взаимодействия культур, цивилизаций, их поглощение друг другом, интеграция и интернационализация жизни уже имели место и в этом смысле не новы. Более того, встречаются и такие выводы, что значительная часть населения земного шара вообще не имеет представления о том, что существует некая глобализация, и, что она что-то меняет в мире. То есть, люди как жили в условиях определенного социально-экономического и культурного уклада, так и продолжают жить до сих пор. Мировая статистика, например, свидетельствует о том, что в развивающихся странах большинством людей никогда не пользовались даже обычным телефоном, не говоря уже о современных средствах массовой коммуникации.

Думается все же, что последние доводы следует воспринимать скорее в качестве сдерживающей методологии, направленной на взвешенный анализ происходящих в социальном развитии процессов и на недопущение отождествления глобализации с очередным мифом, пришедшим на смену другим социальным утопиям.

Нет сомнения в том, что мобильность и взаимосвязь населения мира, стран и народов в целом возрастает. Этому способствует унификация жизненных стандартов, возросшая информированность, утверждение взаимоприемлемых норм межгосударственных отношений, интернационализация науки, образования и технологий, гуманизация воспитания и т.п. Универсализация индивидуального опыта ведет к росту критического отношения к традиционным стереотипам поведения, сформировавшимся в пределах локальных социальных пространств и соответствующих культур. Все это действительно не может не наводить на мысль о формировании некой качественно новой системы мирового социального устройства, национально и культурно обезличенной, в которой доминирует дух инновационной однородности, не оставляющий места национально-историческим традициям, нормам и ценностям.

Следует согласиться с тем, что нынешняя глобализация предоставляет неравные условия для ее участников. Мир не интегрируется с учетом интересов всех стран, его деловая активность контролируется ограниченным числом наиболее сильных государств. Не случайно в связи с этим высказаны опасения участников так называемого Форума тысячелетия, собравшего по инициативе ООН в мае 2000 г. в Нью-Йорке представителей свыше тысячи неправительственных и иных гражданских организаций из более чем ста стран мира. Эти опасения указывают на то, что глобализация нуждается в эффективном демократическом общественном контроле. Блага глобализации распределяются неравномерно, мировой рынок не действует по правилам, основанным на общих для всех социальных задачах. Поэтому главный вызов времени состоит в том, чтобы координировать процессы глобализации в интересах всего человечества.

В документах Форума четко просматривается различие глобализации «сверху», проводимой в интересах богатых и сильных и воспринимаемой большинством людей как установление экономического, политического и культурного господства более сильных над более слабыми, и глобализации «снизу», выражающейся в беспрецедентных контактах, связях, обменах, взаимодействии между индивидами, организациями, странами, в кристаллизации нового общественного сознания на основе ценностей мира, демократии, социальной справедливости [1, 53-54].

В контексте решений Форума тысячелетия следует особо подчеркнуть бесперспективность политики однополюсного сосредоточения власти и финансово-экономических ресурсов у незначительной части стран и организаций мира, провоцирующей поглощение «глобализации достатка» глобализацией бедности, болезней и эпидемий, истощения природных ресурсов и экологических катастроф, экономической и политической нестабильности. Важно сегодня найти приемлемый баланс встречных потоков «верхних» и «нижних» уровней глобализации.

Глобализация непосредственно затрагивает проблему национального государства. В обыденном сознании людей национальное государство предстает как универсальная форма организации общества, призванная создать все необходимые условия для жизни людей, защиты их прав, достоинств, деятельности. Еще совсем недавно государства представлялись как исключительные субъекты международных отношений и посредники в поиске и обеспечении сотрудничества для различных внутригосударственных субъектов. В условиях глобализации ситуация резко меняется. Можно сказать, ее сутью становится неподвластный государству процесс информационных, финансово-коммерческих, культурных и иных коммуникаций, лежащих в основе формирования новых

надгосударственных общностей. По большому счету глобализация и есть надгосударственность, с чем и связываются ее противоречие и конфликтные восприятия.

Становление и развитие новых транснациональных надгосударственных общностей «создает угрозу, - пишет В.В.Соколов, - для одной из фундаментальных ценностей цивилизации – гражданского равенства, поскольку люди, вошедшие в мощные и организованные объединения, получают преимущества перед людьми, не включенными в такие объединения или принадлежащими к относительно слабым общностям. Поэтому представительство и защита интересов людей, не входящих в такие объединения, становится одной из важнейших функций государства... Отказ государства от исполнения этих функций вызовет выпадение огромных масс населения как из мирохозяйственной системы, так и из гражданских политических отношений» [2, 14]. Эту же мысль продолжает и Н.А.Симония, подчеркивая, что «национальное государство должно отстаивать интересы своей страны и регулировать ситуацию не против глобализации, а за более гладкую, более бесконфликтную интеграцию данного национального государства в эти глобальные процессы. Вот почему роль национального государства даже возрастает, чтобы плавно интегрировать свое сообщество в мировое» [3, 40]. В этом смысле оно (государство) и призвано выступать гарантом сохранения национальных, этнических, культурных, языковых и иных ценностей, а глобализация в таком случае не должна означать размывание всех национальных рамок и культурной специфики.

Государства и общества, как известно, состоят из конкретных людей, выступающих носителями определенной культуры, традиций, мировоззрения, сознания и самосознания. Сознание человека является концентрированным выражением социально-практических и духовно-культурных ценностей определенной национально-территориальной среды обитания, выступает индикатором ее жизнеспособности и продолжателем в будущем. «Чистота» национально-культурного самосознания индивида определяется степенью естественности и подлинности связанного с ним социально-природного пространства.

Опасность глобализации, особенно в ее глобально-информационном, постиндустриальном измерении, состоит в том, что человек постепенно утрачивает каналы непосредственной связи с естественным природным и социально-культурным пространством, которое медленно растворяется в супертехнологическом развитии современного общества, унифицируется под воздействием новых стандартов массовой культуры и стилей жизни.

#### Литература

1. Вебер, А. Что стоит за так называемым антиглобализмом? / А. Вебер // *Мировая экономика и международные отношения*. – №12. – 2001.
2. Соколов, В.В. Контур будущего мира: нации, регионы, транснациональные общности / В.В. Соколов // *Мировая экономика и международные отношения*. – №3. – 2001.
3. Симония, Н.А. Глобализация и неравномерность мирового развития / Н.А. Симония // *Мировая экономика и международные отношения*. – №3. – 2001.

### **СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ**

Я.С. Яскевич

*Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь*

*Глобализация – естественно-исторический процесс и вместе с тем интегративная концепция, отражающая тенденции развития в экономической, политической, информационной, культурной сферах на современном этапе мировой истории.*



Раскрывая исторические истоки глобализации, ориентируясь на опыт взаимодействия между различными цивилизациями, В.Л. Иноземцев четко и жестко заключает, что *глобализация* — это не процесс становления единой цивилизации, разделяющей пресловутые «общечеловеческие» ценности, а *процесс экспансии «западной» модели общества и приспособления мира к ее потребностям*. То, что сегодня называют глобализацией, более точно может быть определено как *вестернизация*, явления универсального по своему временному характеру и географическому охвату и представляющего собой модель технологического общества, управляемого из единого центра на основе единых принципов со всеми его атрибутами — от массового потребления до либеральной демократии, с четким различием между «ведущим» и «ведомым», центром и периферией [1, с. 21].

Глобализация, как отмечается в ряде работ, не является приметой нашего времени. Возникновение этого явления можно отнести к середине XV в., когда началось освоение географического пространства, европеизация, формирование капиталистических отношений, которое не было торжеством свободного рынка и общечеловеческих ценностей, но закладывались основы того мирового порядка, который мы наблюдаем и поныне. Именно эта «глобализация» с неизбежностью приводила к включению многих новых территорий в зону европейского влияния. Она резко активизировала международную торговлю и создала условия для распространения по всему миру единых принципов социального общежития, отсутствие которых воспринимается сегодня столь болезненно. И, наконец, эта «глобализация» не только трансформировала периферийные народы, но сделала более зрелым и сам западный мир. Не зря многие философы отмечают, что модернизировать, «будучи порождено Европой, в то же самое время само породило Европу» как социальную систему, способную к быстрому и динамичному развитию.

Не идеализируя времена европейского колониального владычества, современные авторы подчеркивают ряд обстоятельств, серьезно отличающих «глобализацию» XIX — начала XX вв. от глобализации нынешней. Во-первых, «глобализация» XIX — начала XX вв. имела *четкую направленность*: европейцы выступали движущей силой этого процесса, его субъектом, периферийные народы — объектом. Потоки технологий, товаров, финансовых ресурсов и людей двигались из Европы в направлении мировой периферии, а не наоборот. Эта «глобализация» фактически была, как уже отмечалось, *вестернизацией, то есть процессом распространения западных технологий, хозяйственных и политических форм на остальной мир*.

Во-вторых, «глобализация» XIX — начала XX вв. *не являлась «естественным» и «самоподдерживающимся» процессом*. На протяжении десятков лет европейцы прилагали гигантские усилия по переустройству периферии, освоению отдаленных регионов мира и включению их во всемирную систему культурного обмена, торговли и коммуникаций.

В-третьих, «глобализация» XIX — начала XX вв. выгодно отличалась от нынешней глобализации тем, что *европейцы поддерживали жесткий контроль над мировой периферией*. Они не только пресекали вооруженные столкновения населявших ее народов и полностью элиминировали потенциальные угрозы, которые она могла представлять для Запада, но и устанавливали культурное взаимодействие с этой частью человечества.

В-четвертых, «глобализация» XIX — начала XX вв. резко отличалась от нынешней той *ролью, которую играла в то время военная и хозяйственная мощь стран-гегемонов*. Несмотря на подавляющее превосходство европейцев в вооружениях и военной технике, реалии той эпохи требовали тонкого политического лавирования и образования союзов с периферийными народами (это иллюстрирует, в частности, история британского владычества в Индии).

С середины 90-х годов XX века вполне отчетливо обозначилась тенденция к замыканию постиндустриального мира, о чем свидетельствует статистика мировой эконо-

мики. На индустриально высокоразвитые страны Запада сегодня приходится: 76 % прямых иностранных инвестиций; 73 % объемов международной торговли; 88 % всех регистрируемых в мире патентов; свыше 90% пользователей глобальной сети Интернет. Углубляющиеся разрывы в технологическом и социально-экономическом развитии стран и народов приводят к формированию своего рода «клуба избранных», возведения новых, все более изощренных экономических барьеров.

*Информатизация бизнеса и финансов с их перемещением в формирующееся виртуальное пространство ломает традиционные институты национальных суверенитетов, обеспечивая все возрастающее экономическое и культурное вторжение третьей волны цивилизационного развития. В последнее время усложняются отношения между силами индустриализма и «новой экономики», своеобразная смесь из которых определяет неповторимость обликов наиболее развитых стран. Однако общее направление процесса сегодня уже достаточно ясно: глобальная гонка будет выиграна теми странами, которые закончат свой переход к информационной цивилизации в кратчайший срок, с минимальными усилиями и без разрушительных внутренних социальных потрясений.*

Распространение информационных технологий резко изменяет относительную ценность ресурсов, выводя на первый план интеллект и финансы как наиболее мобильные в условиях современной экономики, для которой возрастающее значение играет время и скорость бизнес-процессов. Важнейшим практическим следствием этой тенденции становится относительное обесценение традиционных технологий и продуктов их применения по мере распространения технологий, воплощающих новые принципы, ценные знания и обработанные информационные ресурсы. В русле этой тенденции США и технологически развитые страны проводят в последнее время политику «сбрасывания» за пределы страны не только экологически, но также «интеллектуально грязных» и примитивных производств с низким объемом наукоемкой продукции и прибыльности.

Основными последствиями развития и распространения информационных технологий являются: углубление сложившегося разрыва между развитыми и развивающимися странами, а также появление нового разрыва между постиндустриальными странами и странами с традиционными индустриальными экономиками; выделение во всех странах мира групп людей, связанных с информационными технологиями, и их обособление в автономное «информационное сообщество»; перетекание интеллектуальных ресурсов в наиболее развитые страны с постепенной концентрацией информационно-коммуникационного потенциала в корпорациях и государствах постиндустриального типа; замедление и/или прекращение научно-технического прогресса в отстающих с проведением информатизации общества, нарастание в них финансовых трудностей и социальной деградации.

Глобализация мировой истории, сопровождающаяся обострением кризисных ситуаций в экономической, финансовой, социально-политической, экологической и социально-духовной сферах современного цивилизационного развития, выдвигает на передний план проблему регулирования стихийных процессов в целях выживания человечества в новых условиях существования. Наибольшее внимание политологов, экономистов и других специалистов в настоящее время привлекает внимание вопрос *о судьбе и функциях конкретных государств в условиях глобализации*. Утверждения о неминуемом отмирании национальных государств представляются сомнительными. Координация политики государств в области правового регулирования информационного пространства, экологии, борьбы с терроризмом, наркобизнесом и преступностью, не ослабляет внешнеполитическую роль современного государства, требует усиления института государственной власти в области как международного сотрудничества, так и изменений в функциях государства внутри страны. Возникает парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что чем богаче и крепче внутренние связи общества,

чем больше уровень его экономической и социальной консолидации и выше значение системы «национального ромба», который графически выражает взаимосвязь и взаимодействие компонентов саморазвивающейся национальной экономической системы (производственных факторов, внутреннего спроса, уровня межотраслевой кооперации, стратегии банков и фирм), тем успешнее оно использует преимущества интеграционных связей в условиях глобализации [2, с. 238].

Глобализация означает процесс выхода людей, народов, наций, других человеческих популяций на общемировые, всечеловеческие потребности, интересы и условия жизни. Выходя на общее, можно реализовать особенное, индивидуальное. Во всечеловеческом объединении народов, постепенном, но неуклонном выравнивании уровней их социального развития, заложен смысл глобализации человечества. Если на предшествующих этапах социальной эволюции каждый народ жил по законам национальной истории, то на рубеже XVIII - XIX веков истории народов сливались во всемирную историю. В основании этого находились процессы интернационализации социально-экономической, политической и культурной жизни промышленных наций (М.Г. Алиев).

Вслед за объединением национальных экономик и историй интегрируются национальные культуры. Всемирно-историческое согласие ориентирует государственные власти и социальные институты на усиление взаимосвязи стран и народов во всех сферах жизнедеятельности. Инновационной формой глобализации человечества стало формирование охватывающего все человечество информационного пространства. В свою очередь, научная, политическая, социальная, экологическая и иная информация, а также знания превратились в основной элемент общественного богатства.

Всемирно-историческое согласие народов земного шара находит отражение и в других сферах жизнедеятельности. Национальные государства провозглашают более или менее тождественные правовые принципы и нормы, признают приоритет общечеловеческих ценностей и норм международного права, прав и свобод человека и гражданина, исходя в своей деятельности из принципов равноправия и самоопределения народов. Глобализация в правовой сфере проявляется в формировании и функционировании системы международных организаций, осуществляющих свою деятельность на основе принципов, изложенных в международном праве (ООН, ЮНЕСКО, Совет Европы и др.).

Активность информационных процессов к концу XX – началу XXI века стала столь высокой, что возникает необходимость адаптации всей системы культуры к становящемуся глобальному информационному пространству. *Изменяется традиционная система культурной коммуникации, в результате чего начинается разрушение локального характера культуры* [3, с. 27-43].

Формируется общее коммуникационное пространство, пронизывающее все культуры, с общепринятыми правилами, нормами и стереотипами коммуникации. Становление глобального коммуникационного пространства несомненно меняет характер диалога между отдельными локальными культурами. Глобальное коммуникационное пространство само создает правила и способы диалога между культурами как необходимые средства и условия межкультурного общения. Классическая эпоха локальных культур с ее завершенностью, стационарностью, наличием соответствующих культурных оппозиций («свой-чужой»), пространственной отдаленностью друг от друга, своего рода «иммунитетом» к другой культуре, не допускающему чуждых элементов и влияний, относительно замкнутой семиотической, языковой системой, жесткой рационально-теоретической парадигмой с высоким статусом и верой в науку, трансформируется в современной ситуации в *Глобальное Коммуникационное Пространство*.

Современное коммуникационное пространство создает иные правила и способы общения, обеспечивая динамичное развитие культуры, теряющей стационарность и завер-

шенность, разрывая границы между культурами и создавая предпосылки иного типа культурного единства. В общемировом общении начинают, к примеру, господствовать интегративные языковые тенденции, расширяется «псевдокультурное» поле общения, когда диалог осуществляется по принципу наиболее доступных, совпадающих смысловых структур, с общими стереотипами, общими оценками, общими параметрами требуемого поведения. Общее коммуникативное поле значительно расширяет возможности диалога, одновременно упрощая его. Разнообразие локальных культур поглощается при этом интегративной суперкультурой. Кроме этого, становление глобального коммуникационного пространства приводит к увеличению скорости разрушения старых ценностей, к сжатию временных рамок этого процесса (иногда этот процесс укладывается в рамки жизни одного человека или того меньше), не позволяя новым символам и знакам адаптироваться к традиционной знаковой системе ценностей. Нарушается также пропорция между высокой и низкой культурами. Низовая культура становится массовой как по количеству вовлеченных в нее субъектов, так и по упрощению потребляемого продукта.

В условиях информатизации обществ и глобализации международной жизни на первое место все заметнее выдвигаются обстоятельства социально-культурного порядка. «Культурный империализм» больше не захватывает территорию, но подчиняет себе сознание, образ мышления, образ жизни (Жак Ланг, 1982). Культурный империализм утверждает, что один набор ценностей заведомо выше и лучше другого. Поэтому все более очевидной становится необходимость сохранения национальной культуры как культуры определенной нации, сложившейся на протяжении ее исторического развития на основе этнической культуры.

Глобальное взаимодействие культурных традиций, не оставляющее иллюзий о сохранении «чистых», локальных образований в их первоначальном этническом и социокультурном изоляционизме, приводит к становлению в XXI столетии *глобальной культуры*, с глубинным диалогом философии, религии, морали, искусства, науки и новой шкалой *общечеловеческих ценностей*.

Исследование оснований современной культуры обнаруживает ее трагедии и парадоксы, этические перекосы и новые смыслы, требуя от философа погрузиться в отдельные области - науку, политику, право, этику, эстетику и т.д. и обязывая тем самым философа становиться философом науки, философом права, этики, эстетики. В акте современной философской рефлексии обнажаются проблемы выживаемости человека и человечества, его экологической выживаемости, сохранения целостности человеческой личности, формирования коммуникативного единства человечества, механизмов обеспечения личностной и национальной самоидентификации. В этом плане современную философию по выполняемым ею интегративным функциям можно назвать *«симфонической»*, объединяющей философов и философствующих ученых по выработке новых мировоззренческих приоритетов и ценностей личностного и вещного бытия человека.

Современное общество риска предъясвляет новое понимание глобализации, включающей в себя политическое, социальное, гуманитарное, философское ее измерение и систему ценностей, этическое отношение, ответственность за исторические перспективы цивилизационного развития человечества.

#### Литература

1. Иноземцев В.Л. «Глобализация» национальных государств и современный энергетический кризис//Проблемы теории и практики управления. 1999. №3.
2. Яскевич Я.С. Социальная философия: антиномии человеческого бытия. - Мн., 2005.
3. Миронов В.В. Коммуникативное пространство как фактор трансформации культуры и философии//Вопросы философии. 2006., №2.

## ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В.Н. Варич

*Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь*

Глубокий анализ современного общества как особого типа социальности, обусловленного стремительным развитием средств массовой коммуникации, производит знаменитый французский философ Ж. Бодрийяр. В своих работах «Реквием по масс-медиа» и «Экстаз коммуникации» он показывает, что массовая коммуникация, во-первых, не является коммуникацией по существу, так как осуществляется в одностороннем порядке (от передающей инстанции к принимающей), а во-вторых, имеет настолько обезличенный и обезличивающий характер, что формирует особую форму существования социального – массу, в которой социальность как таковая перестает существовать. Средства массовой коммуникации в настоящее время выступают в качестве антипроводника, они нетранзитивны и антикоммуникативны. Существенное значение приобретает не содержание сообщения, а само сообщение и способы его кодировки, в силу чего коммуникация сменяется симуляцией коммуникации, из которой изначально исключены обоюдность, амбивалентность и антагонизм партнеров. В таких условиях прекращает существование само социальное пространство, превращаясь в сферу симуляции, гиперреальность.

Гиперреальность возникает как следствие стремительного экстенсивного развития западной цивилизации: «Это была всеобъемлющая оргия материального, рационального, сексуального, критического и антикритического, оргия всего, что связано с болезнями роста. Мы прошли всеми путями производства и скрытого сверхпроизводства предметов, символов, посланий, идеологий, наслаждений. Сегодня игра окончена – все освобождено» [1, 8]. Средства массовой коммуникации в настоящее время выступают в качестве антипроводника, они нетранзитивны и антикоммуникативны. Существенное значение приобретает не содержание сообщения, а само сообщение и способы его кодировки, в силу чего коммуникация сменяется симуляцией коммуникации, из которой изначально исключены обоюдность, амбивалентность и антагонизм партнеров. В таких условиях прекращает существование само социальное пространство, превращаясь в сферу симуляции, гиперреальность. С этой точки зрения, западная культура не имеет перспектив развития – все конечные цели достигнуты, а массовое общество находится в состоянии перманентного предвосхищения всех возможных результатов и априорного знания всех возможных знаков, форм и желаний. «Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова» [1, 9]. В таких условиях происходит фатальная, с точки зрения Бодрийяра, трансформация ценностей, в результате которой ценности утрачивают свой смысл и предназначение.

В классификации ценностей мыслитель выделяет три фундаментальные формы: начальную стадию, когда существовали повседневные бытовые ценности; рыночную стадию, когда ценность стала выступать как средство обмена; структурную стадию, когда появилась ценность-символ. Начальной стадии соответствует естественное природное состояние мира, и ценность развивается в соответствии с существующими обычаями. Рыночной стадии соответствует эквивалентность обмена, и ценность развивается согласно логике торговли. На третьей стадии появляется определенный свод правил, и ценность развивается в соответствии с существующей совокупностью образов. В настоящее же время ценности (как и социальность в целом) переживают, по Бодрийяру, стадию дробления: «На четвертой же стадии – стадии фрактальной, которую мы могли бы назвать также вирусной или стадией диффузии ценностей, уже не существует соответствия чему бы то ни было. Ценность распространяется во всех

направлениях, без какой-либо логики...» [1, 11]. Подобно тому, как квантовая механика обнаружила невозможность точного определения координат, скорости и траектории элементарной частицы, так и вся западная культура находится в таком состоянии, когда определима только большая или меньшая вероятность ценностной значимости: «...каждая ценность или часть ее лишь мгновение сверкает на небосклоне лицедейства, а затем исчезает в пустоте, перемещаясь вдоль ломаной линии, редко соприкасающейся с траекториями других ценностей. Такова схема дробления – нынешняя схема нашей культуры» [1, 12]. Вещи, знаки и действия освобождаются от своей сущности и ценности, от происхождения и предназначения; все существующее продолжает функционировать, в то время как смысл существования давно исчез: «... идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Идея богатства, которая предполагает производство, исчезла, но производство как таковое осуществляется наилучшим образом. И по мере того, как исчезает первоначальное представление о его конечных целях, рост производства ускоряется. Идея исчезла и в политике, но политические деятели продолжают свои игры, будучи втайне совершенно равнодушными к собственным ставкам» [1, 13]. На смену выраженной иерархии ценностей приходит «мета-статический беспорядок» - размножение ценностей путем простого соприкосновения, не подчиняющегося какой-либо цели и не имеющего внутреннего смысла.

Экономика перерастает в трансэкономику, эстетика – в трансэстетику, сексуальность – в транссексуальность, происходит взаимное проникновение разнородных явлений, смешение жанров, подмена одной сферы деятельности другой. Во всех областях социального бытия наблюдается фазовый переход ценностей в свою противоположность вплоть до полного исчезновения. «Каждая категория склонна к своей наибольшей степени обобщения, сразу теряя при этом всю свою специфику и растворяясь во всех других категориях. Когда политично все, ничто больше не политично, само это слово теряет смысл. Когда сексуально все, ничто больше не сексуально, и понятие секса невозможно определить. Когда эстетично все, ничто более не является ни прекрасным, ни безобразным, даже искусство исчезает» [1, 21]. И в политике, и в экономике, и в искусстве развитие сменилось бесконечным воспроизведением и симуляцией. Ничто не смогло стать идеальной формой жизни – напротив, все ценности и смыслы растворились в повседневности. «Прославленное движение современности привело не к трансмутации всех ценностей..., но к рассеиванию и запутанности ценностей» [1, 18].

В условиях массовой коммуникации происходит отчуждение социальных отношений от самих себя, и поэтому они развиваются внутри коммуникационных сетей, не выходя за их пределы. Коммуникация при этом является следствием неспособности общества преодолеть свои границы и устремиться к иным целям в силу того, что любая коммуникация, по сути, есть лишь принудительный сценарий и непрерывная фикция. Нынешнее историческое время, когда бывшие социалистические страны подключились к пространству западной культуры, обнаруживает различные варианты возможного будущего: «... сталкиваются две разновидности конца Истории: та, где История прекращает существование, дойдя до точки замерзания и концентрационных лагерей, и та, где она завершается полной центробежной экспансией средств коммуникации» [1, 141]. Это столкновение может, по мысли Бодрийяра, привести к катастрофическим для западной культуры последствиям, поскольку возникнет своего рода политический парниковый эффект: «Если страны Востока приведут в движение весь огромный запас свободы, который они удерживали, то тем самым лишится стабильности хрупкий метаболизм ценностей Запада, который желает свободы не как действия, но как виртуального согласованного взаимодействия, не как драмы, но глобальной психологической драмы либерализма» [1, 143].

Оборотной стороной обезличивающего и бессубъектного характера массовой коммуникации является интенсивный поиск отличий и исследование либо имитация «другого». В самом деле, если коммуникация нетранзитивна и необратима, то из нее исчезает отличие, сам субъект становится индифферентным и к собственной субъективности, и к собственному отчуждению. И даже в интерактивном общении субъект не несет в себе чьего-либо отражения, поскольку в такой коммуникации также не происходит обмена, возникает своеобразный гомеостаз, в котором отличия ликвидируются. Вместе с тем сильное отличие репрезентируется как различие, которое колеблется от абсолютного минимума до нуля: «... для того, чтобы предотвратить полную гомогенизацию мира, появляется чудовищная метафора Другого, компиляция всех отличий, приговоренных нашей системой к уничтожению, - смертоносная вирусная отчужденность» [1, 192]. Логика различий является универсальной имитацией, которая постепенно принимает форму безнадежной галлюцинации различия. Иначе говоря, попытки «разумного» проведения различия и дистанцирования от «другого» приводят лишь к тому, что за пределы культурного пространства западного общества вытесняются те культуры, которые живы своим своеобразием и своей исключительностью, которые не тешат себя иллюзией связать воедино весь мир. «Тот, кто является властелином универсальных символов отличия и различия, тот и властелин мира. Замышляющий различие является антропологически высшим существом (что естественно, ибо он сам и создает антропологию). У него все права, ибо он их сам изобретает. А тот, кто не замышляет различие, кто не играет в игру различия, должен быть уничтожен» [1, 197]. «Другой» в его радикальном проявлении оказывается невыносимым в пространстве масс-медиа, его нельзя уничтожить, но нельзя и принять, однако можно включить во всеобщий процесс диффузии ценностей и смыслов.

Именно поэтому современный западный человек ориентирован не на познание самого себя, не на осознание направления собственного движения, не на веру в себя, а на размышления о пути «другого», на веру в тех, кто верит. Он не в состоянии вынести ответственность за собственную жизнь, и для него естественно вручить свою участь, желания и волю кому-нибудь другому: происходит циркуляция ответственности, отклонение желаний и перемещение форм. «Мы уже не способны верить, но верим в того, кто верит. Мы уже не способны любить и любим лишь того, кто любит. Мы не знаем, чего хотим, и хотим лишь того, чего хочет кто-то. Происходит нечто вроде всеобщего уклонения, в процессе которого желания, способности, знания оказываются не то чтобы заброшенными, но пригодными для второй инстанции» [1, 246].

Даже в науке «другой» как объект научного исследования постепенно исчезает (поглощается самим процессом исследования), поскольку обнаруживает свою изменчивость, обратимость, неуловимость и недетерминированность; объект ведет себя как странный аттрактор, который нельзя постичь, даже принося в жертву постулаты науки и сам научный разум.

Эти же качества демонстрирует и масса, как новая (и последняя, по Бодрийяру) форма социальности: они выступают как слепой исполнитель главной роли, неотступно следующий по политическому лабиринту, - такой исполнитель, которого невозможно ни распознать, ни назвать, ни указать. Массы более не заинтересованы в собственной субъективности, не верят в собственные качества, но зато обладают изворотливостью, позволяющей вершить бесконечные изменения, и объективным цинизмом в том, что касается смысла и сущности современной культуры: «Вероятно, История станет асимптотической траекторией, бесконечно приближающейся к своему конечному значению, но никогда его не достигающей и в конце концов удаляющейся от него в противоположном направлении» [1, 147].

#### Литература

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. - М., 2000.

# SYSTEMIC SOCIETY TRANSFORMATION: HISTORICAL EXPERIENCE AND THE PRESENT, ITS PROSPECTS IN TERMS OF GLOBAL SOCIETY AND INTEGRATION PROCESSES

Hans Walz

*Hochschule Ravensburg-Weingarten. University of Applied Sciences, Germany*

## **Topic of my speech:**

### **Ethical basics for science and professional practice (in the perspective of social work) in view to interprofessional and intercultural cooperation in the process of global society transformation**

In our universities as well as in our societies we all belong to different disciplines and professions. But if we wish to live and work together, we need a basic perspective for inter-professional and intercultural cooperation local, global and glo-cal.

#### **1. Which ethical perspectives are leading us in our scientific or professional area?**

- Maybe a specific religious or political perspective like Catholic, Protestant, Christian, Jewish, Muslim, Buddhist, Marxist, Pacifist, Humanist or Socialist
- maybe a patchwork of value orientation
- maybe Value neutrality according to the classical sociologist Max Weber,
- maybe a value orientation like in the 'Critical theory of the Frankfurt School' (Theodor W. Adorno, Erich Fromm, Herbert Marcuse, Max Horkheimer, Jürgen Habermas)

Whatever direction our perspectives of thinking and acting take, in view of the question of value orientation in the science, the following three points are currently most evident in the worldwide community of science: (1) Despite personal declarations of neutrality, values may unwittingly obtrude research; (2) It is not clear that neutrality, even in principle, is possible; (3) It is not always evident that neutrality is desirable; on some questions (for example discrimination of migrants, violence against women or abuse of children) nobody should be neutral.

#### **2. From Aristotle to Kant: A perspective of freedom and justice for all**

##### **2.1 The need for a basic ethical perspective of intercultural and inter-professional cooperation**

In September 2004 15 colleagues from several universities in southern Germany came together for an interdisciplinary conference on Ethics. We represented several disciplines in our Universities. For example: law, social work, public administration, agriculture, marketing, engineering, sociology, physics, economics and philosophy. Our goal in the conference was to develop a leaflet on basic ethical perspectives for interprofessional cooperation at our universities and for inter-professional and intercultural cooperation with other universities, both national and international. This was because recently we recognized that a basic ethical perspective, agreed to voluntarily, for all our different disciplines and cultures was necessary. For example, in our national and international projects for health management, or European exchange programmes for students, and last but not least: for planning and managing the living conditions in our cities to enable a successful coexistence of people from different cultures and religions. After a first step of the debate a philosophically-oriented colleague proposed:

We could write on our leaflet as basic understanding of ethics according to the following sentence made by the ancient Greek philosopher, Aristotle (384/3 – 322/1 a. Chr.).

##### **2.2 Aristotle's ethical view of well-being and critical discussion thereof**

Ethics in the view of Aristotle, is the theory of a good and successful life which is taken from his concept of 'Eudaimonia'. Eudaimonia is less 'happiness and rather more of a 'good



life, having to do with character'. It is the activity of soul and the development and integration of happiness, success, wellbeing and having a good guardian spirit.<sup>16</sup> 10 of the 15 colleagues agreed to this understanding of ethics according to Aristotle. The other five did not agree. One of them opposed by stating: This ethical goal of Aristotle is too individualistic and idealistic, Immanuel Kant would say: too moralistic and fostering elitism. Another critical colleague added: From a critical sociological view, the ethical theory of Aristotle concentrates on the development of men and well-off citizens. Women and slaves are more or less neglected. All these terms focus on the common (!) understanding of human beings on men. All these arguments can be summarized as follows: The ethical theory of Aristotle supports the tendency to neglect social groups who are not supported by helpful living conditions in the society to fail to achieve 'eudaimonia'. Furthermore we can generalize that all ethical theories, which exclude some social groups, are not suitable for a basic worldwide, ethical perspective to live and work together with people and different disciplines, professions, cultures and religions. As a goal for the development of an ethical theory in view to the process of European enlargement and integration and furthermore, in view of the worldwide process of globalisation we can proclaim: **The goal for ethical theory is, to support the development of justice and well-being for all human beings and to prevent exclusion of any social ('marginal') groups.**

### **2.3 Freedom and justice for all in Kant's concept of ethics**

**Freedom as fundamental human right:** On the 12th of February in 2004 we have celebrated the 200th anniversary of the death of the great philosopher Immanuel Kant (\*22.4.1724,+12.2.1804). He was the first philosopher in the modern history to develop a rational theory of ethics through the perspective of justice. He rejected the goal of 'well-being' found in Aristotle's theory of ethics, because this aim is too hypothetical. Instead of well-being Kant developed the concept of freedom as the fundamental ethical goal. Freedom is for him the only value and right, which all we human beings bring with us at the time of our birth. Freedom therefore is the basis of all ethical theory and practice. Kant argues: If everybody wishes to live in freedom, then he must also respect the freedom of others. Since all others are equal to each other, freedom can only be achieved, when we respect the equal right of others to live their lives in freedom too.

**Justice as a consequence of freedom for all and the categorical imperative:** This perspective, to realize freedom in human equality, which we call dignity, leads to Kant's proclamation for justice as a logical consequence of freedom for all human beings. In this global perspective Kant develops his ideas of the necessity of an universal right in the process of world citizenship.<sup>17</sup> Kant formulates his universal perspective of a principal guideline for all human beings in the so-called Categorical Imperative. (Universal Law Formulation): **"Act only according to that maxim by which you can at the same time hope that it should become a universal law."**<sup>18</sup>

The two terms 'categorical' and 'imperative' mean that this principal is in a logical sense a 'categorical' challenge for the ethical behaviour of all human beings. This means, in the view of Kant, that this imperative can be the basis of an universal law for all human beings. In view of our individual behaviour as well as for our professional or scientific activities, this categorical imperative means, that immorality occurs, when the categorical imperative is not followed. When a person attempts to set a different standard for themselves than for the rest

<sup>16</sup> See in the ethical and political scriptures of Aristotle (384/3 – 322/1 a.Chr.) with the title 'Ethica Nichomachea' the book 'Ethica Eudemia', especially Eth. Nik. A.6 and 9).

<sup>17</sup> See Kant 1784, 15-32, here: 22.

<sup>18</sup> <http://encyclopedia.thefreedictionary.com/Categorical+Imperative>, 7.10.2004.

of humanity. With regard to our question, 'What could be a basic ethical perspective for intercultural and inter-professional processes of living and working together in science and practice?', we can now conclude that **freedom and justice for all human beings are the fundamental ethical perspectives for living and working together in intercultural and inter-professional processes.**

**Freedom in the Declaration of Human Rights and in sciences :** We can see: Kant's concept is the one scientific concept to show freedom and justice in science and practice. In the Declaration of the Human Rights, proclaimed in 1948 from the United Nations in New York, this perspective is shown as a basic orientation for living and working together in local, national, continental and global processes of intercultural, interprofessional cooperation .

Meanwhile many scientists adopt the perspective of freedom and justice to their understanding of science, for example the philosopher Hanna Arendt , the geographer Arno Peters , the sociologist and philosopher Jürgen Habermas. In the science of Social Work I am reminded of the studies by Joseph Wronka ,Jim Iffe and Silvia Staub-Bernasconi , in view of more and more practitioners all over the world, also in Belarus, who integrate the perspective of freedom and justice in their theoretical concepts of Social Work.

### **3. The perspective of freedom and justice in sciences: for example the concept of Social work as a Human Rights Profession'**

In 1992 the UN, in association with the International Association of Schools of Social Work (IASSW) and the International Federation of Social Workers (IFSW), brought out a handbook entitled "Human Rights and Social Work" for the study and practice of social work and in it, proclaimed social work as a worldwide, human rights profession..Silvia Staub-Bernasconi was one of the first in the world's community of social work scientists to demonstrate the importance of Human Rights for teaching social work at our Universities. But in contrast to the philosophical concept of Immanuel Kant, who derives the universal perspectives in ethic and science from freedom, she proceeds from the concept of human needs. Indeed, this alternative is not only more definite than the concept of freedom, but also more suitable to Asian thinking. This is also demonstrated to us by the peace-researcher Johan Galtung, who also bases his theory of human rights on human needs in his book entitled "Human Rights in another key". Finally,Silvia Staub-Bernasconi also shows us, that on the basis of needs, it is more relevant, to develop a scientific self-understanding of the science of Social Work.

#### **3.1 Universal human needs as a basis for Human Rights**

In her article "The professional self-concept of Social Work" (1995) Staub-Bernasconi shows, that human rights can offer Social Work the possibility of leaving the alienation imposed by external institutions which have the power to give orders to help, to an independent scientific order instead of a theoretical foundation. She has developed the following basic theory:

**Human Rights are the local and global answer to basic human needs.** Responding to these needs, Social Work can gain an independent scientific basis for its self-concept. This means that in Social Work need-orientation takes priority over function-orientation. To support this theory, Staub-Bernasconi demonstrates that the development of Social Work in German-speaking areas is characterized by being too bureaucratic, different from Social Work practice in Latin America during the Sixties with their re-conceptualization of their methodologies. Because of this Staub-Bernasconi demands social workers take the needs of the relevant people as the basis of their work – their needs and their resources, rather than function and regulation."This demand is not something new", she says, "It was proclaimed in 1921 in "utmost radicality" by Ilse Arlt from Austria, one of the early founders of the theory of Social Work. Long before Maslow and Rogers came up with their ideas, Arlt

had developed a theory of human needs relating to frustration about a life in illness, housing shortage, poverty, unemployment and hopelessness. Finally Staub-Bernasconi (1995, 320) concludes: "Considering how the theory of Social Work developed, the category of need has a central significance; and it can be considered as the root of different theories opening up new ways of dealing with the reality of social life – especially the opening up of new resources..."

### **3.2 Needs as basis for an independent scientific concept of Social Work**

According to needs as a basis for Human Rights and also for Social Work, Staub-Bernasconi distinguishes between three categories of needs, in line with her colleague in Zurich, Werner Obrecht (1995): 1. Biological needs to protect our body against violation; 2. Psychical needs to stimulate our senses, to perceive the world around us and to find our ways in it; 3. Social needs for emotional care, participation in social groups, dignity.

Current research results show it can be confirmed that these needs belong to every person, worldwide. Therefore a theoretical-scientific explanation of Human Rights exists and at the same time for the concept of its realisation - local, global and 'glo-cal'. On the basis of this concept of Social Work we can conclude: In whatever institutions social workers are employed – governmental, religious or any other so-called 'free' ('private') institutions – **the obligation and responsibility of Social Work grows directly out of the needs of the society's citizens ('clients')**. All orders coming from institutions are indirect orders because in general they depend directly on the needs of the social citizens. When regarding human needs as basis for Human Rights, the affected people should not be seen as a 'client' or 'customer' but as a 'social citizen'.<sup>19</sup>

### **3.3 Human rights-orientation in social work regarding Multiculturalism**

The orientation of Social Work on basic human needs and by the Human Rights that respond to those needs, has a quality of urgency about it. In the "Ethics of Social Work – Principles and Standards" (IFSW General Meeting in Sri Lanka 1994) this urgency is proclaimed as follows: Social Work is not a profession with professional values "as you like", Social Work is a Human Rights profession. This is also emphasized in the latest definition of Social Work, proclaimed by the General Meeting of IFSW and IASSW in Montreal in 2000: "Principals of human rights and social justice are fundamental to social work." The most current definition of social work according to the worldwide international guidelines for 2003 is as follows: "The social work profession promotes social change, problem solving in human relationships and the empowerment and liberation of people to enhance well-being. Utilising theories of human behaviour and social systems, social work intervenes at the points where people interact with their environments. Principles of human rights and social justice are fundamental to social work." (IASSW/IFSW 2003,6f.).

### **3.4 Linking Human Rights and Sustainable Development**

Human Rights are not to be understood as a fixed dogmatic block of articles. Rather their basic ethical demands have to be developed and continually realised in actual manifestations – globally and regionally. So this development could happen when we confront the pillars of Human Rights – dignity, self-determination and justice – with the global and regional circumstances of human coexistence. The result of this coexistence is the urgency that all human beings are responsible for building their future through participation and cooperation.

Living conditions include the three most important dimensions of ecology, social life and economy. The significance of these collective dimensions for our common future was proclaimed 1992 at the UNCED-Conference in Rio de Janeiro, where most states of the world (178) committed themselves to developing the concept of 'Sustainable Development'. This concept is also called 'Agenda 21', because it deals with the most important global tasks in

<sup>19</sup> German: ‚Sozial-Bürger‘ und ‚Sozial-Bürgerinnen‘; see Staub-Bernasconi 2000,161-6.

the 21<sup>st</sup> century. The essential message of 'Sustainable Development' was already expressed in the so-called 'Brundtland-Report' from 1987: **Sustainable Development "meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs."** This principle guidance was overtaken by Principle 3 of the Rio-Declaration with the following demand: "The right of development has to be realized in a way that the needs of today's and future generations to development and environment will be fulfilled justly."

### **3.5 The urgency of intercultural and inter-professional cooperation**

Considering that most tasks in Social Work are so complex (theoretically and practically) that they can only be solved by interdisciplinary or inter-professional co-operation, and that most sciences and professions (e. g. technicians, economists, lawyers, architects, et al.) are more orientated towards the concept of Sustainable Development than to Human Rights as Social Work, it seems necessary to combine the anthropologically emphasized concept of Human-Rights-Oriented with the future-orientated ecological, social and economical dimensions of the Agenda 21. The connection between these two concepts to the principal guidance of 'Human-Rights-Oriented Sustainable Development' (Walz 2000) can be seen as a scientific basis for interdisciplinary and inter-professional cooperation in a global, local and 'glo-cal' scale.

#### **Bibliography**

- Kant, Immanuel, *Kritik der praktischen Vernunft*, Phil. Bibl. Meiner, Hamburg 1974 (Erstausgabe: 1788). English: *Groundwork of the Metaphysics of Morals*, New York, Harper Row 1964; *Critique of Practical Reason*, Hackett Classic Series, Werner S. Pluhar.

- Staub-Bernasconi, Silvia: *Das fachliche Selbstverständnis sozialer Arbeit - Wege aus der Bescheidenheit. Soziale Arbeit als "Human Rights Profession"*, in: Wolf Rainer Wendt (Hrsg.): *Soziale Arbeit im Wandel ihres Selbstverständnisses. Beruf und Identität*, Lambertus Verlag, Freiburg/Br. 1995, 57-104.

- Staub-Bernasconi: *Sozialrechte – Restgröße der Menschenrechte?*, in: Udo Wilken (Hrsg.): *Soziale Arbeit zwischen Ethik und Ökonomie*, Lambertus Verlag, Freiburg/Br. 2000, 151-174.

- United Nations, Centre for Human Rights, Geneva/ International Federation of Social Workers/ International Association of Schools of Social Work: *Human Rights and Social Work. A Manual for Schools of Social Work and the Social Work Profession. Professional training Series No 1*, New York/ Geneva (2.) 1994.

## **PROCESY INTEGRACYJNE W RAMACH WSPÓLNOTY NIEPODLEGŁYCH PAŃSTW**

Katarzyna Czerewacz

*Politechnika Białostocka, Białystok, Polska*

### **1. Uwagi wstępne**

Procesy integracji regionalnej stanowią ważny element polityki gospodarczej państw we współczesnej gospodarce światowej. W przypadku krajów silnych gospodarczo często stanowią one element rozszerzania zakresu swoich wpływów gospodarczych i politycznych w regionie. Kraje słabsze poszukują w ich ramach drogi ekonomicznego rozwoju, bezpieczeństwa gospodarczego i politycznego.

Po rozpadzie Związku Socjalistycznych Republik Radzieckich nowopowstałe państwa musiały dokonać nowego określenia swojej roli i miejsca w gospodarce światowej, wyznaczyć kierunki ekonomicznego rozwoju oraz określić zakres prowadzonej zagranicznej polityki ekonomicznej. Próba rozwiązania tej trudnej sytuacji, a jednocześnie stworzenia nowego systemu odniesień była inicjatywa powołania na obszarze poradzieckim Wspólnoty Niepodległych Państw. Ważnym czynnikiem generującym konieczność współpracy w regionie są silne zależności i powiązania infrastrukturalne oraz chęć zapewnienia bezpieczeństwa w regionie.

W ostatnich 15 latach (po rozpadzie ZSRR) polityka wielu nowopowstałych krajów koncentruje się na próbie utrzymania względnej równowagi w relacjach z trzema mocarstwami: Rosją, Chinami i USA próbującymi uzyskać jak największe wpływy w tym regionie. Większość byłych republik ZSRR charakteryzuje się znacznym stopniem komplementarności z Federacją Rosyjską. Wykształcone za czasów ZSRR powiązania gospodarcze są trudne do zastąpienia tym bardziej, że nowopowstające regionalne ugrupowania integracyjne inicjowane przez Rosję intensyfikują ten rodzaj powiązań.

## 2. Zakres i charakter procesów integracyjnych w ramach WNP

Największym, funkcjonującym na obszarze byłego ZSRR, ugrupowaniem integracyjnym jest związek gospodarczo – polityczno – wojskowy, Wspólnota Niepodległych Państw przez dłuższy czas zrzeszająca 12, a od 2005 roku 11 krajów. Geneza tego ugrupowania jest bezpośrednio związana z rozpadem ZSRR, ogłoszeniem przez poszczególne republiki suwerenności a następnie niepodległości. W wyniku tych działań 8 grudnia 1991 roku, głowy trzech państw, Rosji, Ukrainy i Białorusi podpisały umowę o rozpadzie ZSRR i utworzeniu WNP. Przywódcy kolejnych 8 byłych republik przystąpili do układu 21 grudnia 1991 roku w Alma Acie, natomiast Gruzja 22 października 1993 roku. Ponadto w sferze polityczno – wojskowej 15 maja 1992 roku w Taszkencie podpisano Układ o bezpieczeństwie zbiorowym, zobowiązujący państwa członkowskie do natychmiastowej pomocy w przypadku zagrożenia jednego z nich.

WNP ma charakter otwarty i każdy zainteresowany członkostwem kraj może do niego przystąpić przyjmując jedynie zawarte w nim cele i zasady współpracy. Pod względem formy jest organizacją bez ściśle określonych ram organizacyjnych, która ze względu na liczbę wydanych aktów prawnych czy powołanych struktur, może wydawać się skomplikowana. Statut uchwalono dopiero 22 stycznia 1993 roku, a struktury zaczęto powoływać do życia już od chwili powstania. Na pierwszym spotkaniu szefów państw członkowskich Wspólnoty powołano dwa najważniejsze organy WNP: Radę Szefów Państw i Radę Szefów Rządów. Następnie zaczęła swoją działalność Rada Bezpieczeństwa Zbiorowego (T. Łoś-Nowak 2004, s.231). Najważniejszymi organami koordynującymi są: Zgromadzenie Międzyparlamentarne, Rada Ministrów Spraw Zagranicznych, Rada Ministrów Obrony, Komitet Koordynacyjno-Konsultacyjny wraz z sekretariatem, trybunał Gospodarczy, Rada Celna, Komisja do spraw Praw Człowieka, Rada Elektroenergetyczna. We wrześniu 1994 roku powołano kolejny twór organizacyjny Międzypaństwowy Komitet Gospodarczy, w którym głos dominujący miała Rosja, a podejmowane decyzje wymagające 80%, musiały być podejmowane przy współdziałaniu wszystkich państw członkowskich. Problemem jest fakt, że brakowało i brakuje temu komitetowi funkcji kontrolnych (E. Cziomer, L. Żyblikiewicz 2006, s.381-386) i koordynujących umożliwiających wywiązywanie się członków WNP z przyjętych na siebie zobowiązań (T. Łoś-Nowak 2004, s.226).

Wszystkie spotkania przywódców państw mają charakter fasadowy. Prym w podejmowaniu decyzji wiedzie Rosja, która dąży do integracji i współpracy polityczno-militarnej, a unikała przez dłuższy czas jakichkolwiek działań w sferze gospodarczo-finansowej. Na obszarze WNP wyklarował się system rządów prezydenckich o bardzo silnej pozycji prezydenta w stosunku do innych organów państwowych. W praktyce oznaczało to wprowadzenie autorytatywnych rządów sprawowanych przez wąskie kręgi obywateli.

Największe znaczenie dla działalności WNP miały dwa dokumenty regulujące materię bezpieczeństwa oraz współpracy gospodarczej. Pierwszym z nich był układ o bezpieczeństwie zbiorowym z 15.05.1992 podpisany w Taszkencie, a drugim porozumienie o utworzeniu Unii Gospodarczej- 24.09.1993 podpisane w Moskwie, poprzedzające porozumienie o powstaniu strefy rublowej. Pierwszy układ obejmował 6 państw sygnatariuszy. Zawarty został na czas 5 lat i stanowił m.in., że napaść zbrojna na jednego z uczestników układu jest równoznaczna z napaścią na wszystkich uczestników i spotka się z określonym przeciwdziałaniem, nie wykluczając pomocy wojskowej oraz użycia sił zbrojnych. Realizacji tych założeń miała teoretycznie pilnować powołana specjalnie Rada do spraw Bezpieczeństwa

Zbiorowego. W praktyce, głównym gwarantem były stacjonujące na obszarze WNP wojska rosyjskie. Porozumienie z 24 października zakładało stopniową i czasochłonną integrację gospodarczą państw WNP (E. Cziomer, L. Zyblikiewicz 2006, s. 381-386).

Cele statutowe WNP to: „realizacja współpracy w sferze politycznej, ekonomicznej, ekologicznej, humanitarnej i kulturalnej i in.; wielostronny i zrównoważony rozwój ekonomiczny i społeczny państw członkowskich w ramach wspólnej przestrzeni ekonomicznej, kooperacja między państwami i integracja; zapewnienie praw człowieka i podstawowych zgodnie z ogólnymi uznanymi zasadami i normami prawa międzynarodowego i dokumentami OBWE; współpraca między państwami członkowskimi w celu zapewnienia pokoju i bezpieczeństwa międzynarodowego; przyjęcie efektywnych środków w celu zmniejszenia zbrojeń [...] likwidacji jądrowych i innych rodzajów broni masowego rażenia, osiągnięcie powszechnego i pełnego rozbrojenia; wzajemna pomoc prawna i współpraca w innych sferach stosunków prawnych; pokojowe rozwiązywanie sporów i konfliktów między państwami Wspólnoty” (Umowa ustanawiająca powstanie Wspólnoty Niepodległych Państw, 1991).

Działalność państw członkowskich oparta jest na: „zapewnieniu praw i podstawowych wolności człowieka; koordynacji polityki zagranicznej; współpracy w tworzeniu i rozwoju wspólnej przestrzeni ekonomicznej, rynku europejskiego i euroazjatyckiego, polityki celnej; współpracy w zakresie rozwoju systemu transportu, łączności; ochronie zdrowia i środowiska naturalnego; wspólnym uzgadnianiu priorytetów polityki społecznej i migracyjnej; wspólnej walce ze zorganizowaną przestępczością; współpracy w sferze polityki obronnej i ochrony granic zewnętrznych” (Umowa ustanawiająca powstanie Wspólnoty Niepodległych Państw, 1991).

Członkostwo we Wspólnocie uregulował statut w 1993 roku, który wyróżnił państwa założycielskie - te, które do momentu przyjęcia Statutu podpisały i ratyfikowały Porozumienie białowieckie oraz Protokół do porozumienia, państwa członkowskie - te, które w ciągu roku przyjęły na siebie zobowiązania wynikające ze Statutu, oraz członków stowarzyszonych w WNP.

Obszar gospodarczy działalności WNP został uznany w 2000r. za fundament i priorytet w działalności organizacji. Budowę obszaru gospodarczego zamierzono osiągać stopniowo, na początku tworząc strefę wolnego handlu i unię celną. Członkowie Wspólnoty działają w tej płaszczyźnie na podstawie dwustronnych porozumień o wolnym handlu. Dzięki temu na obszarze WNP doszło do powstania mniejszych, bardziej efektywnych gospodarczo ugrupowań integracyjnych, w ramach których integracja ekonomiczna ma dynamiczny przebieg. Najważniejszą w tym zakresie inicjatywą jest Euroazjatycka Wspólnota Gospodarcza integrująca obecnie: Rosję, Kazachstan, Białoruś, Kirgistan, Tadżykistan i Uzbekistan. EAWG postawiło sobie za cel nie tylko stworzenie strefy wolnego handlu i unii celnej ale również doprowadzenie do powstania wspólnej przestrzeni ekonomicznej ze swobodami wspólnego rynku.

Od chwili powołania do życia WNP państwa członkowskie uznały, za cel priorytetowy zachowanie wspólnej przestrzeni wojskowo-strategicznej oraz wspólnego dowództwa. Po sformalizowaniu tych założeń podpisano 15 maja 1992 roku Układ o bezpieczeństwie zbiorowym tzw. Traktat Taszkiencki. Zasadniczym problem była tu jednak rozbieżność w postrzeganiu sposobów współpracy. Rosja pragnęła dla siebie pozycji wyraźnego lidera podczas gdy pozostałe państwa dążyły do równouprawnienia. Względne porozumienie osiągnięto dopiero w 1999r. W wyniku reform WNP przedłużono ważność Traktatu z 1992 r., utworzono nowy organ Komitet Sekretarzy Rad Bezpieczeństwa członków Traktatu, który ma za zadanie koordynować działania państw przede wszystkim w sferze walki z terroryzmem międzynarodowym. Kolejne spotkanie władz państwowych członków WNP zaowocowało porozumieniem w sprawie utworzenia w Azji Środkowej sił szybkiego reagowania. Znaczna część członków WNP zdecydowała o zacieśnieniu współpracy w sferze walki z terroryzmem. Wynikiem tego był przyjęty program państw-członków WNP w walce z międzynarodowym terroryzmem oraz innymi przejawami ekstremizmu na okres do 2003r.. Zdecydowano także o rozwoju współpracy koordynacji polityki zagranicznej (T. Łoś-Nowak 2004, s. 228-229, 238-242).

Funkcjonowanie Wspólnoty Niepodległych Państw jest mało efektywne. Główną przyczyną tego stanu rzeczy jest przede wszystkim niejasność oraz zbyt duża elastyczność kompetencji poszczególnych organów i komitetów. Poza tym, odmienne poglądy państw członkowskich, sprzeczne interesy oraz ich wola polityczna nie wpływają konstruktywnie na rozwój współpracy. Sytuacji nie poprawiają brak zasobów i środków finansowych.

Pomimo powołania do życia wielu organów i podpisania kilkuset dokumentów i porozumień zakres wspólnych działań państw członkowskich jest zdecydowanie niewielki, a większość umów nie została ratyfikowana i nie weszła w życie. Dodatkowym czynnikiem wskazującym na nie najlepsze perspektywy dalszego funkcjonowania tego ugrupowania stała się decyzja Turkmenistanu o rezygnacji ze stałego członkostwa w WNP, oficjalnie ogłoszona 26 sierpnia 2005 r. w Kazaniu (Rosja) podczas szczytu głów państw Wspólnoty Niepodległych Państw. Turkmenistan nie będzie uczestniczył w pracach i szczytach WNP. Według rosyjskiego ministra spraw zagranicznych S. Ławrowa, uzgodniono, że Turkmenistan podpisze odrębną umowę z Komitetem Wykonawczym WNP o współpracy w sprawach, którymi zainteresowane są wszystkie państwa WNP. [L. Pintera, 2005]

Niezaprzeczalny natomiast pozostaje fakt znacznych powiązań handlowych, komplementarności i powiązań infrastrukturalnych pomiędzy państwami WNP. Powiązania handlowe pomiędzy krajami byłego ZSRR są w wielu wypadkach nie do zastąpienia bądź też wymagałyby długoletniej konsekwentnej polityki gospodarczej, której koszty ponosiliby obywatele tych krajów. Możliwości dywersyfikacji zagranicznej polityki gospodarczej tych państw, które pojawiły się po rozpadzie ZSRR w wielu przypadkach były złudne. Pomimo upływu 16 od rozwiązania tego ugrupowania w przypadku wszystkich państw WNP udział wewnątrzregionalnego handlu jest bardzo wysoki. Faktyczną dywersyfikację przeprowadziła tylko Federacja Rosyjska choć w przypadku tego kraju w przeciągu najbliższych kilku lat nastąpią z pewnością istotne zmiany wśród jego głównych partnerów handlowych. (K. Czerewacz 2006, s.59)

### 3. Konkluzje

Na początku lat dziewięćdziesiątych w zblizeniu z zachodem politycy Federacji Rosyjskiej dopatrywali się możliwości odzyskania statusu mocarstwa. Skutkiem tej nietrafionej polityki zagranicznej było zaniechanie uczestnictwa w tworzeniu nowych struktur i układów odniesień na obszarze Azji. Dopiero pod koniec lat dziewięćdziesiątych koncepcja umacniania swojej pozycji w przestrzeni poradzieckiej jako fundamentu budowy swojej mocarstwowości (B. Łomiński, 1997, s.11), znalazła swój wymiar w faktycznych działaniach. Wspólnota Niepodległych Państw ze względu na znikome efekty swojej działalności nie spełniała się jako instrument tego typu polityki. Prawdziwym załączkiem polityki wzmocnienia pozycji Rosji w regionie stały się mniejsze geograficznie inicjatywy, których załączkiem było powołanie Unii celnej, Szanghajskiej „piątki”, Wspólnego obszaru gospodarczego.

Polityka integracyjna jako element konkurencji i poprawy konkurencyjności oraz rozszerzanie wpływu gospodarczego i politycznego danego kraju wykorzystywana jest przez wiele państw we współczesnej gospodarce światowej przykładem mogą tu być Stany Zjednoczone i Unia Europejska, w przypadku Rosji można pokusić się o podobną opinię. Niemniej Wspólnota Niepodległych Państw z całą pewnością nie stanie się instrumentem do jej efektywnej realizacji. Realne efekty przynoszą na tym polu takie ugrupowania jak: Euroazjatycka Wspólnota Gospodarcza, Szanghajska Organizacja Współpracy, Wspólna Przestrzeń Gospodarcza.

### Literatura

1. Czerewacz K., (2006) Processes of Regional Integration in Central and Western Asia, [w:] Kozłowski M., Kacprzyk A. (red), Business Interaction in Local Economies, COPE, USA.
2. Cziomer E., Zyblikiewicz L.W. (2006), Zarys współczesnych stosunków międzynarodowych, PWN
3. Czuderna K (2004), Centrum Studiów Wschodnich, Komentarze, [www.osw.waw.pl](http://www.osw.waw.pl)

4. Declaracja Głównych Państw Rosji, Białorusi i Ukrainy 31 ILM 142 1992; UN Document A/46/771 of December 14, 1991.
5. Deklaracja z Alma-Aty, 31 ILM 148 1992.
6. Karta Wspólnoty Niepodległych Państw, 34 ILM 1279 1995
7. Łoś – Nowak T., (2004) Organizacje w stosunkach międzynarodowych. Istota-Mechanizmy Działania-Zasięg, Uniwersytet Wrocławski.
8. Łoskot-Stachota A. Jarosiewicz A. (2006) Centrum Studiów Wschodnich, Komentarze, [www.osw.waw.pl](http://www.osw.waw.pl)
9. Official Website of the Commonwealth of Independent States  
[http://www.cisstat.com/eng/mac\\_cis.htm](http://www.cisstat.com/eng/mac_cis.htm) (25.04.2006)
10. Pintera L. (2005), "The future of CIS", *Monthly Economic Review*, Vol. 3/2005(83) pp 42-49.
11. Porozumienie Ustanawiające Wspólnotę Niepodległych Państw, 31 ILM 143 1992; UN Dokument A/46/60 30 grudnia, 1991.
12. Stachota K. (2002), Centrum Studiów Wschodnich, Komentarze, [www.osw.waw.pl](http://www.osw.waw.pl)

## EUROPEJSKA WSPÓŁPRACA TERYTORIALNA JAKO JEDEN Z CELÓW UNIJNEJ POLITYKI SPÓJNOŚCI W LATACH 2007 - 2013

Ewa Gińska, Mirosława Laszuk  
*Politechnika Białostocka, Białystok, Polska*

Lata 2007- 2013 to nowy etap w polityce spójności Unii Europejskiej. W okresie tym pojawił się nowy cel określany jako „Europejska współpraca terytorialna”. W związku z tym powstaje szereg wątpliwości co do rozumienia założeń i kierunków realizacji tego celu. Jedną z prób odpowiedzi na tego typu pytania jest niniejszy artykuł, którego zamiarem jest szczegółowa analiza założeń współpracy terytorialnej realizowanej w latach 2007 - 2013.

### 1. Założenia polityki spójności w latach 2007 – 2013

Polityka spójności, określana w latach poprzednich jako polityka regionalna, obejmuje działania mające na celu wzmocnienie spójności gospodarczej i społecznej rozszerzonej Wspólnoty Europejskiej w celu wsparcia harmonijnego, zrównoważonego oraz trwałego jej rozwoju. Działania powyższe są zgodne z treścią art. 158 Traktatu ustanawiającego Wspólnotę Europejską (TWE). Zgodnie z treścią art. 159 TWE działania te powinny być wspierane poprzez środki pochodzące przede wszystkim z funduszy strukturalnych, Europejskiego Banku Inwestycyjnego oraz innych instrumentów finansowych. Efektem tych działań ma być zmniejszenie dysproporcji gospodarczych, społecznych i terytorialnych, które powstają przede wszystkim w państwach i regionach o niższym poziomie rozwoju.

Na lata 2007 – 2013, zgodnie z treścią art. 3 rozporządzenia Rady (WE) nr 1083/2006<sup>20</sup> określone zostały następujące cele polityki spójności:

- *pierwszy cel – konwergencja* – jest on ukierunkowany na przyspieszenie konwergencji najuboższych państw członkowskich i regionów. Cel ten osiągnięty jest poprzez poprawę warunków wzrostu gospodarczego, wzrostu zatrudnienia poprzez zwiększenie ilości i polepszenie jakości inwestowania w kapitał ludzki i materialny, rozwijanie innowacyjności i budowę społeczeństwa opartego na wiedzy, zwiększenie zdolności przystosowawczych do zmian społeczno eko-

<sup>20</sup> Rozporządzenie Rady (WE) nr 1083/2006 z dnia 11 lipca 2006 roku *ustanawiające przepisy ogólne dotyczące Europejskiego Funduszu Rozwoju Regionalnego, Europejskiego Funduszu Społecznego oraz Funduszu Spójności i uchylające rozporządzenie (WE) nr 1260/1999* (Dz. Urz. UE L 210 z dnia 31.07.2006 roku).



onomicznych, ochronę i poprawę jakości środowiska oraz zwiększenie skuteczności administracji;<sup>21</sup>

- *drugi cel – konkurencyjność regionalna i zatrudnienie* – ukierunkowany jest on na zwiększenie konkurencyjności i atrakcyjności regionów, jak również zatrudnienia. Cel ten osiągany jest poprzez przewidywanie zmian gospodarczych i społecznych w tym związanych z liberalizacją handlu, a także poprzez zwiększenie i poprawę jakości inwestycji w kapitał ludzki, wzrost innowacyjności i promowanie społeczeństwa opartego na wiedzy. Niezbędnym do osiągnięcia tego celu jest również rozwój przedsiębiorczości, ochrona i poprawa jakości środowiska naturalnego oraz poprawa dostępności, zdolności adaptacyjnych pracowników i przedsiębiorców, jak również rozwój rynków pracy sprzyjający integracji społecznej.

- *trzeci cel – europejska współpraca terytorialna* – jest on ukierunkowany na wzmacnianie współpracy poprzez wspólne inicjatywy lokalne i regionalne oraz umacnianie współpracy transnarodowej za pomocą działań sprzyjających zintegrowanemu rozwojowi terytorialnemu powiązanemu z priorytetami wspólnotowymi, a także umacnianie współpracy międzyregionalnej i wymianę doświadczeń na właściwym szczeblu terytorialnym.

W Unii Europejskiej liczącej 27 państw, cel pierwszy (konwergencja) relokowany jest na terytorium 17 państw członkowskich – obejmuje 84 regiony o ludności liczącej 154 milionów, w których poziom PKB przypadający na głowę jest niższy od 75 % przeciętnej europejskiej, a także 16 regionów o populacji 16,4 milionów, gdzie poziom PKB nieznacznie tylko przewyższa ów próg, objętych wygasającą pomocą przejściową w związku z efektem statystycznym rozszerzenia UE. Fundusze dostępne w ramach celu „konwergencja” wynoszą 282,8 miliardów EUR, co stanowi 81,5 % ogółu środków; podział tych funduszy przedstawia się następująco: 199,3 miliardów EUR dla regionów konwergencji, przy zastrzeżeniu 14 miliardów EUR rezerwy dla regionów objętych wygasającą pomocą przejściową oraz 69,5 miliardów EUR na Fundusz Spójności obejmujący 15 spośród państw członkowskich.<sup>22</sup>

W przypadku drugiego celu do objęcia pomocą kwalifikuje się łącznie 168 regionów o ludności liczącej ogółem 314 milionów mieszkańców. Wśród nich, trzynaście regionów zamieszkałych przez 19 milionów ludności stanowi obszary stopniowo dochodzące do pełnych płatności, które otrzymują specjalne przydziały finansowe w związku z ich dotychczasowym statusem regionów objętych celem pierwszym. Na cel drugi przeznaczona zostanie kwota 55 miliardów EUR, – z czego 11,4 miliardów przeznaczono na regiony stopniowo dochodzące do pełnych płatności – stanowi ona zaledwie 16 % ogółu wyasygnowanych nakładów. Celem tym objęte są regiony położone w 19 z państw członkowskich.<sup>23</sup>

## **2. Europejska Współpraca Terytorialna**

Jak wspomniano powyżej w latach 2007 - 2013 współpraca w wymiarze transgranicznym, transnarodowym i międzyregionalnym będzie realizowana w ramach odrębnego celu polityki spójności Unii Europejskiej – Europejska Współpraca Terytorialna (EWT). Cel Europejska Współpraca Terytorialna dotyczy współpracy terytorialnej - transgranicznej i międzynarodowej. Uznano, że współpraca transgraniczna jest sferą o bardzo wysokiej wartości dodanej w skali całej Unii Europejskiej. Cel ten ma w zamierzeniu umocnienie współpracy transgranicznej w drodze wspólnych inicjatyw na szczeblu lokalnym i regionalnym, współpracy międzynarodowej służącej zintegrowanemu rozwojowi

<sup>21</sup> S. Naruszewicz, *Fundusze strukturalne w polityce regionalnej*, Białystok 2005, s. 256

<sup>22</sup> [http://ec.europa.eu/regional\\_policy/policy/object/index\\_pl.htm](http://ec.europa.eu/regional_policy/policy/object/index_pl.htm), stan na dzień 7 maja 2007 roku

<sup>23</sup> [http://ec.europa.eu/regional\\_policy/policy/object/index\\_pl.htm](http://ec.europa.eu/regional_policy/policy/object/index_pl.htm), stan na dzień 7 maja 2007 roku

przestrzennemu oraz międzyregionalnej współpracy i wymiany doświadczeń. Zgodnie z treścią art. 7 rozporządzenia Rady (WE) nr 1083/2006 do finansowania kwalifikują się regiony Wspólnoty poziomu NUTS 3 położone wzdłuż jej wszystkich wewnętrznych i niektórych zewnętrznych granic lądowych oraz wszystkie regiony Wspólnoty poziomu NUTS 3 położone wzdłuż granic morskich.

Programy Europejskiej Współpracy Terytorialnej (European Territorial Cooperation) oraz Europejskiego Instrumentu Sąsiedztwa i Partnerstwa (European Neighbourhood and Partnership Instrument) zastąpiły przedsięwzięcia realizowane w ramach Inicjatywy Wspólnotowej INTERREG III 2004-2006. Komponentom INTERREG-u III odpowiadają trzy typy programów Europejskiej Współpracy Terytorialnej:<sup>24</sup>

- programy współpracy transgranicznej zastąpią INTERREG III A, których celem jest rozwijanie wspólnych inicjatyw regionalnych i lokalnych;

- programy współpracy transnarodowej zastąpią INTERREG III B, ukierunkowanymi na integrację terytorialną Unii Europejskiej poprzez wspieranie dostępności, zrównoważonego rozwoju obszarów miejskich, innowacyjność i ochronę środowiska naturalnego,

- programy współpracy międzyregionalnej (INTERREG IV C) zastąpią INTERREG III C, umożliwiające wymianę doświadczeń i najlepszych praktyk w zakresie m.in. wspierania innowacyjności i gospodarki opartej na wiedzy oraz ochrony środowiska.

Programy operacyjne Europejskiej Współpracy Terytorialnej w ramach poszczególnych komponentów wdrażane są zgodnie z jednolitymi zasadami, wynikającymi z doświadczeń zdobytych w trakcie realizacji programów Inicjatywy Wspólnotowej INTERREG III. Wprowadzenie jednolitych zasad wdrażania przyczyni się do ułatwienia zarządzania samymi programami oraz wspólnymi, międzynarodowymi projektami finansowanymi ze środków EFRR w ramach celu Europejska Współpraca Terytorialna.

Zasady te polegają głównie na:

- utworzeniu wspólnych Instytucji Zarządzających, Certyfikujących i Audytowych,
- obowiązkowym udziale w projekcie co najmniej dwóch partnerów z różnych krajów,
- stosowaniu „zasady partnera wiodącego” w realizacji projektów,
- utworzeniu wspólnego budżetu i jednego konta bankowego dla programu,
- utworzeniu międzynarodowych Wspólnych Sekretariatów Technicznych wspierających Instytucje Zarządzające we wdrażaniu programów.<sup>25</sup>

Współpraca w ramach projektu Europejskiej Współpracy Terytorialnej może przyjąć następujące formy:

- wspólne przygotowanie projektu (zaangażowanie wszystkich partnerów w przygotowanie propozycji projektowej, wspólne planowanie działań),
- wspólna realizacja (podział ról pomiędzy partnerami, wykonywanie komplementarnych działań),
- wspólny personel zatrudniony do realizacji projektu (wyznaczenie osób odpowiedzialnych za realizację poszczególnych komponentów projektu oraz wszystkich partnerów, wyznaczenie wspólnego koordynatora),
- wspólne finansowanie (wspólny budżet projektu, podział budżetu na poszczególnych partnerów, odpowiadających przewidzianym dla nich działaniom, realizowanym na rzecz wszystkich uczestników projektu).

<sup>24</sup> <http://www.interreg.gov.pl/20072013/> stan na dzień 7.05.2007

<sup>25</sup> <http://www.interreg.gov.pl/20072013/> stan na dzień 7.05.2007

Podkreślić należy, że w każdym projekcie w ramach programów współpracy transgranicznej i transnarodowej muszą uczestniczyć partnerzy z co najmniej dwóch państw, w tym co najmniej jedno państwo członkowskie Unii Europejskiej. Partnerzy realizujący projekt współpracy transgranicznej lub transnarodowej muszą uwzględnić co najmniej dwie z powyższych współpracy.

Z kolei w projekcie współpracy międzyregionalnej muszą uczestniczyć beneficjenci z co najmniej trzech regionów w trzech państwach członkowskich Unii Europejskiej. W przypadku projektów z udziałem beneficjenta z państwa spoza Unii Europejskiej wśród trzech regionów, co najmniej dwa ulokowane powinny być w państwach członkowskich. Projekt współpracy międzyregionalnej powinien obejmować wszystkie cztery formy spośród wyżej wymienionych.

## **2. Finansowe aspekty Europejskiej Współpracy Terytorialnej**

Wyodrębnienie współpracy terytorialnej jako osobnego celu polityki spójności potwierdza duże znaczenie wspólnych przedsięwzięć podejmowanych przez partnerów unijnych. O rosnącym znaczeniu tego typu współpracy świadczy również zwiększenie wysokości środków z Europejskiego Funduszu Rozwoju Regionalnego. W latach 2007-2013 na rozwój współpracy terytorialnej z budżetu Unii Europejskiej zostanie przeznaczonych łącznie **7,75 mld euro**. Polska alokacja na realizację programów w ramach Europejskiej Współpracy Terytorialnej wyniesie **557,8 mln euro**. Dodatkowe **173,3 mln euro** zostanie przeznaczonych przez Polskę na współpracę transgraniczną z państwami nienależącymi do Unii Europejskiej w ramach Europejskiego Instrumentu Sąsiedztwa i Partnerstwa (EISP).<sup>26</sup>

W ramach celu Europejska Współpraca Terytorialna środki zostały podzielone pomiędzy programy współpracy przygranicznej, programy współpracy transnarodowej oraz programy współpracy międzyregionalnej.

Podział środków na *Programy współpracy przygranicznej* (78,62% całości alokacji, 438,5 mln euro) kształtuje się następująco:<sup>27</sup>

- Polska-Niemcy (woj. zachodniopomorskie – Meklemburgia/Pomorze Przednie - Brandenburgia) – 8,96% całości alokacji (49,97 mln euro),
- Polska-Niemcy (woj. lubuskie – Brandenburgia) – 8,98% całości alokacji (50,01 mln euro),
- Polska-Niemcy (woj. lubuskie i dolnośląskie – Saksonia) – 12,56% całości alokacji (70,06 mln euro),
- Polska-Czechy – 20,76% całości alokacji (115,78 mln euro),
- Polska-Słowacja – 15,40% całości alokacji (85,91 mln euro),
- Polska-Litwa – 7,48% całości alokacji (41,72 mln euro),
- Południowy Bałtyk (Polska, Szwecja, Dania, Litwa, Niemcy) – 4,48% całości alokacji (25,0 mln euro).

Projekty finansowane w ramach programów transgranicznych powinny sprzyjać budowie wzajemnych powiązań „ponad granicami” pomiędzy samorządami lokalnymi, instytucjami edukacyjnymi, organizacjami pozarządowymi czy też instytucjami kulturalnymi. Każdy projekt musi również wykazywać znaczący „wpływ transgraniczny”. Wspólne, transgraniczne działania dotyczą takich zagadnień, jak:

- wspieranie przedsiębiorczości, rozwój małych i średnich przedsiębiorstw, turystyki, kultury oraz handlu transgranicznego,
- ochrona dóbr naturalnych i dóbr kultury, zapobieganie zagrożeniom naturalnym i technologicznym,
- wspieranie powiązań między obszarami miejskimi i wiejskimi,

<sup>26</sup> <http://www.interreg.gov.pl/20072013/> stan na dzień 7.05.2007

<sup>27</sup> Narodowe Strategiczne Ramy Odniesienia 2007-2013 (NSS), dokument przyjęty przez RM 29 listopada 2006 r.

- poprawa dostępu do sieci transportowych, informacyjnych i komunikacyjnych,
- gospodarka wodna, gospodarowanie odpadami oraz systemy energetyczne,
- rozwój i wspólne wykorzystanie infrastruktury, w szczególności w takich dziedzinach jak ochrona zdrowia, kultura i edukacja,
- współpraca administracyjna oraz integracja społeczności lokalnych poprzez realizację wspólnych działań dotyczących rynku pracy, promocji równouprawnienia (w tym równouprawnienia kobiet i mężczyzn), rozwoju zasobów ludzkich oraz wspierania sektora badawczo-rozwojowego.

Beneficjentami programów realizowanych w ramach współpracy transgranicznej są jednostki samorządu terytorialnego wszystkich szczebli, podmioty i jednostki organizacyjne powoływane lub tworzone przez państwo, wojewodów w celu świadczenia usług publicznych, pozarządowe organizacje non-profit, izby gospodarcze, handlowe i rzemieślnicze, szkoły wyższe, instytucje publiczne prowadzące działalność edukacyjną lub badawczą, instytucje kultury, kościoły i związki wyznaniowe oraz euroregiony.

*Podział środków na Programy współpracy transnarodowej (21,38% całości alokacji, 119,23 mln euro) kształtuje się następująco:*<sup>28</sup>

- Region Morza Bałtyckiego – 8,55% całości alokacji (47,7 mln euro) - uczestniczą w nim: Polska, Dania, Estonia, Finlandia, Litwa, Łotwa, Niemcy (wybrane regiony), Szwecja oraz 3 państwa spoza UE: Białoruś (wybrane regiony), Norwegia i Rosja (wybrane regiony);
- Obszar Środkowo-Wschodni – 12,83% całości alokacji (71,54 mln euro) - uczestniczą w nim: Polska, Austria, Czechy, Niemcy (wybrane regiony), Słowacja, Słowenia, Węgry, Włochy (wybrane regiony), Ukraina (wybrane regiony).

Do głównych priorytetów współpracy realizowanej w ramach poszczególnych programów operacyjnych współpracy transnarodowej należą:

- wsparcie innowacyjności,
- poprawa dostępności do obszaru programowego oraz wewnątrz obszaru programowego między innymi poprzez rozwój transportu,
- zwiększenie atrakcyjności i konkurencyjności miast i regionów,
- rozsądne korzystanie oraz zarządzanie środowiskiem naturalnym.

Beneficjentami programów współpracy transnarodowej są między innymi podmioty uczestniczące w realizacji polityki przestrzennej na poziomie krajowym, regionalnym i lokalnym, jednostki samorządu terytorialnego, instytucje zajmujące się rozwojem regionalnym i rozwojem obszarów miejskich oraz wiejskich, ochroną środowiska, transportem, technologiami i innowacjami, partnerzy społeczni i ekonomiczni, organizacje pozarządowe, agencje rozwoju regionalnego oraz inne agencje zajmujące się promocją przedsiębiorczości, innowacyjności.

*W ramach współpracy międzyregionalnej realizowany będzie Program współpracy międzyregionalnej (INTRREG IV C) obejmujący całe terytorium UE. Uczestniczą w nim wszystkie państwa członkowskie. Budżet programu wynosi 321 mln euro i są to wyłącznie środki Europejskiego Funduszu Rozwoju Regionalnego. Z środków tych sfinansowane zostaną również programy: URBACT, INTERACT II oraz kontynuacja programu ESPON.*<sup>29</sup>

Program współpracy międzyregionalnej obejmuje trzy główne priorytety:

I - dotyczy innowacyjności oraz gospodarki opartej na wiedzy koncentrując się przede wszystkim na kwestiach związanych z innowacyjnością, badaniami i rozwojem technologii, przedsiębiorczością oraz MŚP, społeczeństwem informacyjnym, zatrudnieniem i kwalifikacjami;

<sup>28</sup> Narodowe Strategiczne Ramy Odniesienia 2007-2013 (NSS). dokument przyjęty przez RM 29 listopada 2006 r.

<sup>29</sup> <http://www.interreg.gov.pl/20072013/EWT/miedzyregionalne/>. stan na dzień 25.04.2007

II - dotyczy środowiska naturalnego oraz zapobiegania ryzyku, a w szczególności kwestii związanych z zagrożeniami naturalnymi i technologicznymi, gospodarką wodną, gospodarką odpadami, różnorodnością biologiczną oraz zachowaniem dziedzictwa naturalnego, energetyką, zrównoważonym transportem, dziedzictwem kulturowym i krajobrazem;

III - dotyczy technicznego wsparcia dla programu (pomoc techniczna).

#### **4. Europejskie ugrupowania współpracy transgranicznej**

W celu pokonania przeszkód utrudniających współpracę terytorialną ustanowiono na poziomie wspólnotowym instrument współpracy pozwalający na tworzenie na terytorium Wspólnoty ugrupowań zajmujących się współpracą, wyposażonych w osobowość prawną. Są to europejskie ugrupowania współpracy terytorialnej (EUWT)<sup>30</sup>.

Europejskie ugrupowania współpracy transgranicznej posiadają zdolność prawną i zdolność do czynności prawnych. Celem EUWT będzie ułatwianie i promowanie transgranicznej współpracy państw członkowskich oraz społeczności regionalnych i lokalnych w celu zwiększenia spójności ekonomicznej, społecznej i terytorialnej. W tym zakresie przedmiotem ugrupowań jest również ułatwianie i promowanie współpracy transnarodowej i międzyregionalnej.<sup>31</sup>

Zgodnie z art. 3 rozporządzenia nr 1082/2006 w skład europejskich ugrupowań współpracy transgranicznej wchodzić mogą państwa członkowskie, władze regionalne, władze lokalne i inne lokalne organizacje publiczne. Zasadą jest, że EUWT składa się z członków położonych na terytorium co najmniej dwóch państw członkowskich.

#### **5. Podsumowanie**

Konstatując, należy stwierdzić, że wprowadzenie nowego celu polityki spójności Unii Europejskiej jest rozwiązaniem dobrym. Realizacja przedsięwzięć stanowiących konkretyzację niniejszego celu przyczyni się do rozwoju współpracy międzynarodowej, wymiany wzajemnych doświadczeń. Efektem wspólnych inicjatyw lokalnych i regionalnych będzie bardziej intensywny rozwój rejonów przygranicznych. Działania powyższe wpłyną również pozytywnie na regiony położone przy wschodniej granicy Polski. Kwestia powyższa jest istotna o tyle, że regiony te wymagają wsparcia finansowego na podniesienie swojej konkurencyjności. Działania podejmowane w ramach programów operacyjnych wpłyną również pozytywnie na regiony państw nienależących do Unii Europejskiej a biorących w nich udział.

## **СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ КАК ГЛОБАЛИЗИРУЮЩИЙ И ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР**

Шебанова И.А.

*Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь*

«Общественная жизнь зависит в большей мере от характера средств, при помощи которых люди поддерживают между собой связь, чем от содержания их сообщений».

Маршалл Маклюэн «Средство само есть содержание»

Переходный процесс от одной формы организации общества к другой сопровождается возникновением механизмов самоорганизации. Механизмы самоорганизации – это информационные процессы и связи. Новые информационные процессы и связи ответственны за возникновение новой социальной реальности.

«Информационное общество – понятие, предполагающее взгляд на современное общество с точки зрения стремительно возрастающей, всепроникающей информати-

<sup>30</sup> Rozporządzenie Parlamentu Europejskiego i Rady (WE) nr 1082/2006 z dnia 5 lipca 2006 roku w sprawie europejskiego ugrupowania współpracy terytorialnej (EUWT) (Dz. Urz. L 210 z dnia 31.07.2006)

<sup>31</sup> S. Naruszewicz, *Fundusze strukturalne w polityce regionalnej*, Białystok 2005, s. 276.

зации всех сторон его жизнедеятельности» [1]. Это понятие все чаще употребляется в научных публикациях в поисках ответов на вопросы: что происходит с человеком в процессе продолжающегося «информационного взрыва», каковы экономические, социальные и культурные последствия развития информационных технологий и средств массовой коммуникации, об их влиянии на глобализацию повседневного общения и формирование духовной жизни на планете в целом?

Производство информации из вспомогательной отрасли становится самостоятельным видом деятельности, оказывающим преобразующее влияние на другие технологии, которые зависят теперь от информированности и владения современными средствами и технологиями. Средства коммуникации становятся неотъемлемым компонентом такой информационной деятельности. С социологической точки зрения актуализируется изучение влияния на человека, общественные организации, институты и мир в целом новых форм и средств коммуникации.

Существует множество определений социальной коммуникации. Наиболее часто встречающиеся из них:

1) социальная коммуникация – это передача информации, идей, эмоций посредством знаков, символов;

2) это процесс, который связывает отдельные части социальных систем друг с другом.

Рассуждая о социальных и организационных следствиях информационной революции, Фрэнсис Фукуяма, в своих тезисах, представленных на конференции, проводившейся в 2000 г. РЭНД корпорейшин, остановился на том, что информационная революция изменила в промышленно развитых странах не столько количество социальных связей или их интенсивность, сколько их «радиус». Фукуяма заметил, что, освобожденный от ограничений, наложенных географией, каждый из участников глобальной сети может взаимодействовать с множеством различных сообществ, идентифицируя себя с ними. Окончательные социальные последствия этих изменений еще остаются неосознанными и нерассмотренными.

Появление новых возможностей коммуникации, считает социолог С.Н. Щеглова, явится «фактором социальной идентификации индивида с сообществом, ликвидацией комплекса отчужденности от процессов глобального развития, ментального напряжения, связанного с комплексом провинциализма, цивилизационной неадекватности» [2, с. 131].

С появлением электронных глобальных средств коммуникации и вместе с ними огромных возможностей связи человеческая цивилизация, без сомнения, многое приобретает и одновременно изменяется сама.

В доалфавитных или дописьменных обществах основным органом ощущений и общественной ориентации было ухо. Речь являлась социальным путеводителем. Изобретение алфавита и письменности приводит к замене основного вида приема и передачи информации с уха на глаз. И в современной культуре рациональный человек - это в первую очередь визуальный человек.

Платон в своей аллегорической сказке «Федр» предупреждал, что фиксация знаний в книгах разрушит устную традицию знания и педагогики. Люди потеряют способность помнить, и образование перестанет быть живым обсуждением, спором, диалогом между учеником и учителем. Образование, говорил он, станет безжизненным процессом извлечения фактов из немых объектов, осуществляемых в одиночестве. Когда появились газеты, люди перестали собираться на площадях, чтобы встретиться и послушать путешественников. Напечатанная книга многое прибавила к культу индивидуализма. Стала возможной личная установившаяся точка зрения, и грамотность подарила возможность обособленности, изоляции.

Изобретение кино и телевидения объединило «ухо и глаз» - визуальную и акустическую информацию.

В 80-х гг. XX в. Дж. Голдхаберг в своей харизматической модели коммуникации писал, что телевидение больше действует на эмоции, чем на разум. Поэтому успех телевизионных передач меньше связан с информационным содержанием, а напрямую зависит от «харизмы» той личности, которая на экране.

Средства массовой информации порой возвращают современное человечество в те далекие времена, когда люди испытывали племенные эмоции и чувства единого первобытного сообщества. Глобальная сеть и телевидение крепко соединяют людей друг с другом. «Электронная техника питает и поощряет процесс объединения и сплывания», - считал Маршалл Маклюэн.

Массовые средства коммуникации создают массовую культуру. Массовая культура создает массу, а не отдельных индивидуумов с собственными установившимися взглядами на мир.

Вряд ли в настоящее время имеются ответы на то, как применение новых средств коммуникации может повлиять на общество, на здоровье человека, на его психологическое состояние, на окружающую среду. Какие средства защиты и лекарства существуют в отношении отрицательных последствий? Какие существуют рычаги воздействия на процессы регулирования и использования технологий?

Открытая, или кибернетическая, система, взаимодействуя с окружающей средой, обмениваясь с ней веществом, энергией или информацией, способна накапливать информацию для изменения своей структуры и самоорганизации. В социальной системе функцию взаимодействия социальных групп и индивидов выполняет социальная коммуникация.

Социальная коммуникация в процессе своего осуществления решает три основные взаимосвязанные задачи:

1. Интеграцию отдельных индивидов в социальные группы и общности, а последних - в единую и целостную систему общества.
2. Внутреннюю дифференциацию общества, составляющих его групп, общностей, социальных организаций и институтов.
3. Отделение и обособление общества и различных групп, общностей друг от друга в процессе их общения и взаимодействия, что приводит к более глубокому осознанию ими своей специфики.

В настоящее время происходит процесс модернизации двух различных типов коммуникаций:

- 1) развитие транспортных систем для перемещения людей в географическом пространстве для персонализированных контактов;
- 2) развитие средств для виртуальных контактов, виртуальных перемещений и присутствия в нужных точках пространства.

Второй тип технологий основывается на электронных средствах коммуникаций, таких как телефон, факс, Интернет и т.п. и создает условия для расширения масштабов социально-экономических взаимодействий и формирования информационного общества.

Любая человеческая личность в любом историческом обществе формируется, находясь в связях, сообществах, сетях. В современном сообществе грань между реальными и виртуальными связями очень тонка. Скорее актуальным становится возможность выбирать «on» или «off». Возможность такого выбора - это новая форма свободы, возникающая в новых условиях информационного общества.

Появление мобильной телефонной связи в современном обществе вновь актуализировало наше несколько забытое «племенное ухо». Мобильный телефон становится своеобразным социальным путеводителем в современном мире, все больше приобретающем черты виртуального.

Современные мобильные средства связи – это новая возможность, новая свобода выбора. Этот феномен уже состоялся, и игнорировать его трудно.

Молодой человек, студент, пришедший на лекцию, в качестве необходимых для него атрибутов готовит на столе конспект, ручку и мобильный телефон – пусть даже с отключенным звуковым сигналом. Наличие с собой мобильной связи как бы гарантирует возможность всегда находиться на связи и быть в информационной «сети». Это своеобразный уход от страха потеряться, выпасть из социальной сети взаимодействий.

Небольшой пилотажный опрос нескольких групп студентов показал, что полностью мобильные телефоны отключают единицы и только на ночь. Обычно отключены звуковой и вибрационный сигналы. Боязнь молодежи временно выйти из «он» в «off» – это боязнь оказаться вне сети социальных связей.

Для многих пожилых людей такой страх ассоциируется с уходом на пенсию. Это тоже своеобразный разрыв и уход из привычной сети взаимодействий. Если к этому возрасту уже существует развитая другая социальная сеть, в которую включена личность (семья, внуки, коллеги по даче и др.), – уменьшается страх ухода на заслуженный отдых.

Молодым людям было предложено ответить на вопрос, что они ощущают, когда с ними не оказывается мобильного телефона. Наиболее повторяемые ответы: «настороженность – вдруг что-то случится», «беспомощность – как без рук», «как будто не хватает чего-то», «как будто оставил часть себя», «плохо, так как не знаю сколько времени». И только 7 человек из 50 опрошенных написали, что остаются спокойными. Двое студентов написали, что не имеют мобильных телефонов и не пользуются ими.

С кем чаще всего нужна связь участникам мобильных телефонных взаимодействий? Во-первых, с друзьями, далее с родителями, с любимым человеком, «по работе». Перечисленными оказались так называемые агенты первичной социализации.

Таким образом, напрашивается вывод, что посредством включения в мобильную сеть происходит новая форма социализации личности. Вряд ли стоит с этим бороться или этого бояться. Бояться новых возможностей – значит упускать их и оставаться в стороне. Скорее бояться нужно не приобретения современного мира, а при этом не воспользоваться возможностями этого мира.

Современные молодые люди общаются в виртуальном мире взаимодействий посредством СМС-посланий. Что в данном случае привлекает молодежь (и порой раздражает другие поколения)? Это четкость и краткость посланий, включающих большой информационный объем. Это отсутствие необходимых этикетных норм и штампов, необходимо присутствующих при визуальном и вербальном контакте. Это отсутствие страха от непосредственного контакта. Очень привлекательным является скорость передачи и получения информации. Можно рассматривать СМС-переписку как усовершенствованную альтернативу телеграмм. Это самостоятельно задаваемый темп, интерактивность, получение информации в любое время и в любом месте. При этом мобильные телефоны позволяют сохранять избирательную информацию. Вырабатывается своеобразный язык. Он очень обеднен образно-чувственными формами и оборотами (максимум чувств выражает «смайлик»), но он вырабатывает другую способность – концентрированность, сжатость актуальной информации.

При опросе оказалось, что все-таки иногда молодые люди сознательно выходят из мобильной сети. Были названы следующие причины: «когда все время звонят», «когда не хочу, чтобы меня нашли», «когда хочу остаться один». Таким образом, новые средства коммуникации принесли с собой и новую усталость. Уход на время в одиночество становится желанным отдыхом.

«Расширение любого чувства изменяет образ нашего мышления и деятельности – нашего восприятия мира. Когда изменяются эти соотношения, изменяются и люди». Маршалл Маклюэн.

Итак, на смену учителям-перипатетикам приходят буквенные тексты и электрон-



ные библиотеки. Общение в виртуальном пространстве посредством Интернета и мобильных телефонов выполняет функцию социализации. Информационно-отражательная способность социальной системы приводит к новым формам детерминации поведения при помощи социальной информации. Общество, выступающее как адаптирующая система, приспособливает среду обитания к своим потребностям и само приспособливается к изменяющейся среде обитания.

#### Литература

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества. Сокращ. перев. Ю.В.Никуличева// Новая технократическая волна на Западе. Под ред. П.С.Гуревича. - М., 1988. - с. 330.
2. Щеглова С.Н. Использование интернет-технологий в преподавании социологических дисциплин // СОЦИС. – 2002. – № 4. – С. 130–134.
3. Маклюэн М. Средство само есть содержание [Электронный документ] Режим доступа <http://ncdo.levsha.ru/Pub/028D.htm>

## РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОНЯТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Д.Д. Эйдуkene

*Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, Литва*

В социальной и политической теории мы не найдем единого понятия гражданского общества. В течение нескольких столетий сформировалось многообразие пониманий этого феномена, непосредственно связанных с разными интеллектуальными традициями и разным социальным и политическим контекстом. Вопрос понятия гражданского общества особенно важен для стран постсоветского пространства с ситуационно-аналитических позиций. Вполне оправдано заметное стремление и возможность опереться на реальный опыт демократии Запада. Но так называемые страны «молодой демократии» должны скорректировать степень универсальности применения классических идей гражданского общества, потому что контроверсии, созданные «демократическим транзитом», их вынуждают к этому.

Это обстоятельство заставляет ученых глубже изучать понятие гражданского общества с целью избавиться от возможных стереотипов и установить тенденции его трансформации в условиях модернизации государства и общества. Тем более, что в нашем бывшем общем государстве до 8-ого десятилетия XX в. гражданское общество было как будто на периферии рефлексии демократии. Таким образом, концепция гражданского общества должна выкристаллизоваться из бытия определенной нации, из взаимосвязей ее политических и культурных начал.

Более того, проблема актуальна и в том отношении, что государство способно стать правовым и демократическим только при двух условиях: насколько 1) активным является гражданское сообщество, и 2) сколько объединяющих интересов находят его составляющие группы [1, с. 8]. На практике это означает потребность в новом качестве общества, которое было бы способным создавать такое государство, какое ему нужно и было бы способным требовать такую власть, которая удовлетворяла его надежды и чаяния. Речь идет о жизнеспособном гражданском обществе, которое смогло, во-первых, контролировать власть, во-вторых, желало и было бы способным действовать коллективно во имя общего блага, вместо того чтобы отдать все функции государству. Словом, необходим настрой граждан брать ответственность за судьбу собственного государства и умение мобилизоваться независимо от государства.

Потенциал общества, ростков которого ищем, требует понимания гражданского общества, кардинально отличающегося от того, которое было сформировано во времена коммунистического режима. Тоталитарный режим, безусловно требовавший от людей покорности политической системе и тем самым, отрицая возможность гражданственности народа, поощрял видеть гражданское общество как от государства независимую область, имеющую возможность воспротивиться государству. Основной чертой гражданского общества была ее аполитичность, понимая политику в узком смысле как область деятельности институтов власти. В тогдашнем контексте автономность от традиционной политики была обязательной предпосылкой для оппозиционной деятельности граждан для перехода к демократии. Гражданское общество было сферой, в которой граждане могли защитить себя от тирании режима, достигать либерализации и демократизации общественных процессов. Но сегодня мы живем в другом политическом измерении. Противопоставление гражданского общества политическому обществу уже не может быть понято как средство для достижения большей эффективности демократических институций власти.

Ученные Института гражданского общества Литвы считают приемлемым определение гражданского общества как «арену, отдельную от семьи, рынка и государства, в которой люди самоорганизуются для коллективной деятельности в достижении общих целей» [2, с. 13]. Но в этом определении необходимо разглядеть несколько аспектов. Во-первых, это новый ракурс отношений гражданского общества с государством. Черты, которые связывают гражданское общество со сферой власти, это – публичность и достижение общего блага. Границы между этими сферами не являются четкими. Гражданское общество предоставляет возможность определять индивидов не только как статистические единицы, обладающие гражданством государства, имеющие право голосовать на выборах, но и как граждан, втянувшихся в процессы самоуправления. Более того, члены гражданского общества - это масса людей, имеющих чувство гражданского долга и ощущающих себя как политическую силу, сообщество. Это потенциал гражданской солидарности.

Существует ли такой потенциал в странах постсоветского пространства? И если да, то как помочь ему развиваться? Палитра ответов на эти вопросы в Литве дихотомическая. Пессимисты отвечают, что «социальность нашего общества подорвана», что в нашей жизни что-то «судьбоносно расстроено» [3, с. 52]. Оптимисты считают, что в Литве существуют жизненные ростки гражданского общества, которые необходимо опознать и создать условия для их роста. Но перед тем, как выяснить, какие социальные практики стоит стимулировать и пестовать, от чего зависит активность людей и способность организоваться, что может побудить действовать во благо общих целей, необходимо осмыслить, осталось ли у гражданского общества прежнее бытие с его негосударственной и аполитической сущностью.

Но если продолжать определять гражданское общество как продукт противостояния и толерантности общества и государства, то значит не видеть очень значительного стержневого момента в конструкции этого феномена. Речь идет о политической компоненте современного гражданского общества, которая является необходимой для взаимодействия его и государства. Эта компонента является необходимым условием для уменьшения упомянутой дистанции между гражданским обществом и государством. Более того, аполитичность гражданского общества была бы помехой для его саморазвития, а его политическая компонента является необходимым условием для равномерных взаимосвязей с государством.

Политическая компонента не должна выпадать из общего контекста даже тогда, когда мы подчеркиваем, что одной из важнейших черт гражданского общества явля-

ется умение мобилизоваться для общей деятельности и самим решать общие проблемы. В этом пространстве само организации важное место занимает и свойство политической ангажированности, т. е. желание и определенная имеющаяся потенция участвовать в процессе принятия решений и контролировать политическую власть. Другими словами, «гражданское общество является политически активным обществом» [1, с. 92]. А Свердиолас замечает, что «решение «я политикой не интересуюсь» отнюдь не выносит так решающего за пределы политического поля, потому что такого предела вообще не существует. Человек просто становится пассивным объектом игры, «мячом» [4, с. 22], а для гражданского общества это неприемлемо по той простой причине, что за этим стоит атомизация и разрушение общества.

Таким образом, основополагающая ось современного гражданского общества, или точнее, преобладающее современное аналитическое положение - эта неполитическая суть ее является ошибочной. Гражданское общество не может быть самообразованием частных индивидов, достигающих собственных целей. Оно натуральнее, чем старания государственного объединения этих индивидов. Но такое понятие гражданского общества предполагает недостатки консолидации общества и опасность его фрагментации. Можно прямо сказать, что мотив аполитичности гражданского общества сам себя ограничивает, призывая все общество не быть аполитичным. Значит, имеет смысл формулировать проблему политического содержания гражданского общества или проблему субполитики, т. е. формы негосударственной политики. Это значит, что смысл гражданского общества является и «дележ» функций, выполняемых государством. В связи с этим Р. Дарендорф отмечает: «Гражданское общество – это не частная игра интеллигентных дискуссий, в которой не участвуют институции власти, а может быть и игра, направленная против этих институций» [5, с. 65].

Словом, компоненты гражданского общества должны быть пополнены компонентой политического взаимодействия, которое является наиболее проблематичным. Это не имеет ничего общего с тотальной политизацией гражданского общества. Речь идет лишь об одном дополнительном его сегменте, а точнее, его «инкорпорации». А это означает, что «в гражданском обществе, кроме всего прочего, имеет смысл разглядеть «натуральный» политический консолидационный потенциал, в корне противоположный «искусственному» [6, с. 50]. Но и здесь мы, понимая смысл «искусственной» консолидации, обнаруживаем, что его основой толчок – скрыто политический. Автор его – государство. Для государства гражданское общество навсегда останется заветной целью.

Политичность гражданского общества не следует отождествлять с политичностью или публичностью этатизированного общества. Но было бы неправомерным рассоединить политику от повседневного и частного по той причине, что модернистские тенденции современной жизни меняют взгляд на политику, участие в политическом действии и его формы. Все перемешалось: политика, частные интересы, повседневность, технология политического выбора. Модернизированная повседневность уже не может «спрятать» частное бытие индивида от универсалий современности. В современном обществе частная жизнь есть только в абстракции, что еще раз убеждает нас о зыбкости границ пространств «политического» и «гражданского». Более того, может был бы правомерным вопрос: не выполняет ли гражданское общество той же самой политической функции, объединяя общую волю для созидания публичных ценностей и для гарантий их общественной доступности, только способом негосударственной организации?

Ученые и политики стран «старой демократии», да за ними и наши, связывают становление современного гражданского общества только с либеральной демократией, как современным необходимым условием для его возникновения и развития. Но данную тему на постсоветском пространстве пока можем обсуждать только на акаде-

мическом уровне как когда-то во второй половине XIX века в Германии обсуждался либерализм. Я в гостях у Вас и у наших друзей - поляков неоднократно говорила [7, с. 112-122, с. 169-174], что исторический спор идеологий незакончен, потому что на сцене истории все еще остается идеология классического либерализма, процветающая на постсоветском пространстве. Таким образом, сплоченность современного модернистского постматериального и информационного общества в странах Центральной и Восточной Европы потребует больше политических сил. Само создание гражданского общества напрямую связано с возникновением модернистского государства. Эти два феномена формируются и развиваются вместе как взаимосвязанные процессы трансформации общества и государства. Но такая позиция создает иллюзию «равновесия», якобы они равноправные партнеры. Лояльность, наверно, реальнее. Но оно может действовать как дисфункция по отношению к государству. Но гражданственность является антиподом только тотальной политизации общества.

Таким образом, в реконструкции понятия гражданского общества особое место принадлежит политической компоненте, которая открывает дополнительные перспективы в поиске методов трансформации потенциальных социальных сил человека в реальные социальные силы.

#### Литература

1. R. Žiliukaitė, A. Ramonaitė, L. Nevinskaitė, V. Beresnevičiūtė, Inga Vinogradnaitė. Neatrasta galia. Vilnius: Versus aureus, 2006.
2. L. Donskis. Be pykčio: vienerių metų minčių žemėlapis. Vilnius: Versus aureus. 2006.
3. A. Giddens. Modernybė ir asmens tapatumas. Asmuo ir visuomenė vėlyvosios modernybės amžiuje. Vilnius: Pradai, 2000.
4. A. Sverdiolas. Lėkštutėlė lėkštelė: keli dabartinės Lietuvos viešosios erdvės ypatumai. Vilnius: Versus aureus, 2006.
5. R. Dahrendorf. Modernusis socialinis konfliktas. Vilnius: Pradai, 1996.
6. V. Laurėnas. Pilietinės visuomenės sąvokos rekonstrukcija // Pilietinė visuomenė: politikos įpilietinimo projekcijos. Klaipėda: KU leidykla, 2006.
7. D. Eidukienė. Глобализация и проблемы национального государства / Kultura – gospodarka – kształcenie. Wybrane problemy państw Europy Politechnika Białostocka Rozprawy naukowe Nr. 133 – „Kultūra – gospodarka – kształcenie. Wybrane problemy państw Europy Środkowo-Wschodniej w dobie globalizacji”. Białystok: Dział Wydawnictw i Poligrafii Politechniki Białostockiej. – 2006; D. Eidukienė. Кризис современной демократии / Системная трансформация общества: исторический опыт и современность. Сборник научных трудов кафедр социально-гуманитарных наук. Выпуск III. – Брест: издательство БрГТУ. – 2006.
8. J. L. Cohen, A. Arato. Civil Society and Political Theory. Cambridge: MIT Press, 1992; J. Keane. Civil Society: Old Images, New Visions. Stanford: Stanford University Press, 1998.

### ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

А.И.Сытник

*Луцкий государственный технический университет, г. Луцк, Украина*

Для социально-политической жизни многих постсоветских стран характерными стали некоторые общие черты. Во-первых, противоречие между принципами национального строительства и демократизации. Главная государственная дилемма состоит в вопросе, что первично: национальная идея (формирование такого культурного климата, когда граждане государства субъективно идентифицируют себя с одной на-

92

цией и данная нация фактически совпадает с населением данного государства) либо институциональный порядок. Данное противоречие снимается в рамках направления на строительство государства-нации, что дает возможность следовать демократизации политической системы и поддерживать согласие в культурно-разнородном обществе.

Во-вторых, характер институциональных изменений. Речь идет о том, какую модель демократии и какими темпами целесообразно внедрять на данной конкретной территории. Неизменно острым остается вопрос о том, что есть наиболее адекватным данным социально-политическим условиям и характеризуется наименьшими потерями: конструирование новых институтов эволюционным путем либо их импорт из стран-примеров.

В-третьих, политический процесс в постсоветских странах отражает перманентные политические изменения, которые есть следствием вышеназванных особенностей. Политические изменения понимаются как трансформация институциональных структур, процессов и целей касательно властных полномочий по управлению данным обществом, связанная с нарушением баланса социальных участников, с изменением их потенциалов и позиционного распределения политических сил.

Указанные вопросы государственного строительства являются природными для демократизации, транзитного состояния политической системы, особенно если учесть, что понятие демократии охватывает и идеологические, и институциональные основания государства.

В современной политической науке идеологическая сущность современной демократии заключается в понимании того, что она не приводит и не должна приводить к единомыслию, гомогенности, общего согласия. Наоборот, она предполагает неизбежность и естественность политических различий, противоречий и конфликтов, а главное - множество и равноправие организованных политических интересов. Для обозначения институциональных решений во многосоставном обществе используют термин «полиархия» - «правление многих», что подчеркивает политический плюрализм и возможность институтов современной демократии обеспечить взаимодействие и согласование интересов без потери их самостоятельности принципиального равенства.

Можно выделить конкретные особенности переходного периода постсоветских политических систем: плюрализм, институциональный динамизм и неопределенность результатов. Соответственно, позиции и контрпозиции касательно демократии оборачиваются вокруг ее качества и эффективности, а главной целью государственного строительства выступает существование баланса между ними, соединение принципов плюрализма с требованиями порядка.

Для таких стран при обозначении трансформации политических институтов могут быть использованы такие понятия, как устойчивость, равновесие, стабильность, кризис, консолидация и адаптация.

Устойчивость динамической системы обусловлена действием двух полярных тенденций, одна из которых связана с воспроизведением и сохранением «старых» системных качеств, тогда как другая, наоборот, обеспечивает возможность адаптации политических структур к «новым» условиям, изменениям внешней среды. При этом динамическая устойчивость политического порядка на той или иной фазе политического процесса носит относительный характер касательно непрерывной изменчивости социальной среды.

Понятие стабильности в политике рассматривается в контексте устойчивости динамической системы.

Стабильность соотносят с ситуативными и оперативными параметрами политической динамики, устойчивость – со стратегическими, историческими ее измерениями.

При соотношении демократии и стабильности речь может идти только о динамическом равновесии влияния разных сил, которые стремятся к защите своих интересов.

Демократическая политическая стабильность рассматривается как возможность демократических структур быстро реагировать на общественные настроения, которые изменяются как систематические отношения, которые содействуют управлению изменениями.

Таким образом, политическая стабильность выражает такое состояние политической динамики, при котором достигнуто временное равновесие сил главных политических участников.

С понятием равновесия политических сил тесным образом связано понятие адаптации системы к изменениям. При дестабилизации адаптация выражается в адекватной реакции неформальных институтов на влияние формальной (правовой) среды. Адаптация выступает одной из эволюционных стратегий системы и призвана сократить затраты переходного состояния.

Консолидация демократии содержит в себе два главных компонента: ценностный (достижение консенсуса касательно набора политических процедур) и институциональный (построение властных структур, которые впитывают в себя конкурентные интересы разных политических сил). Сущность консолидации заключается в том, что и на элитарном, и на массовом уровнях достигается такой уровень согласия и доверия, что легитимными есть нормативная и поведенческая склонность к специфическим правилам и процедурам, закреплённым в конституции. Когда представительская демократия действует соответственно конституции, что ограничивает государственную власть и гарантирует основные права всем гражданам, такая форма правления называется конституционной демократией. В таком обществе права большинства и меньшинства защищены законом и институтами, которые воплощают законы в жизнь. Конституционность всегда приводит к усложнению политики и предполагает, что правовые отношения гражданского общества вместе с принципами государственного расчёта - единственное закрепление в виде императивного авторитета основного закона (конституции), который стоит вне государства. Условием демократической консолидации есть распределение власти между политическими институтами. Институты структурируют политический процесс, определяют доступ к участию.

Таким образом, демократическое правление возможно только при наличии добровольного консенсуса между различными частями элиты по вопросу принятия ограничений на власть. В большей степени стремлению к ограничению, делению и разграничению власти разными способами отвечает консенсусная модель демократии. Данная модель предполагает соответствие организации государственной власти принципам правления большинства и уважения прав меньшинства, представительскому и легитимному характеру власти.

Основными чертами консенсусного типа демократии есть: пропорциональное представительство, многопартийность, коалиционное правительство. Такое распределение власти легко совершить в условиях парламентской формы правления и системы пропорционального представительства, чем в условиях президентско-мажоритарной системы.

В политической науке укоренилась мысль, что для системы в переходном (транзитном) состоянии важнее эффективность той или иной формы организации власти, чем ее качество. В этой связи примером выступают формы государственного правления, принятые постсоветскими странами, с преобладанием президентских республик. Парламентская республика, как правило, воспринимается как громоздкий механизм с бесчисленным множеством «усредненных» звеньев – парламентариев, связанных фракционными конъюнктурными интересами, безответственностью и размыванием властных полномочий.

Если оценивать качество конкретного типа демократии по таким показателям, как ответственность и стабильность правительств, доступ оппозиции к принятию решений, то наиболее ревалентными можно считать парламентские формы правления с пропорциональной избирательной системой. В условиях парламентской республики правительство имеет сильные позиции. Парламент наделен прерогативой в формировании и контроле за политикой правительства, но иные полномочия парламента скорее сокращены.

В зависимости от характера электорального законодательства сформированный кабинет имеет определенный политический характер – либо однопартийный (при мажоритарной системе), либо коалиционный (при пропорциональной).

ритарной системе), либо коалиционный (пропорциональное представительство). Как правило, считается, что наиболее сильное и стабильное правительство в условиях парламентско-мажоритарного соединения, поскольку комбинация партийной и избирательной систем дает возможность избежать «распределенного правления» (идеологического расхождения между парламентом и правительством).

Главное преимущество парламентской модели в том, что она дает возможность согласовывать две функции, одинаково необходимые в политике: преемственность и изменение. Техническое решение, которое обеспечивает соединение этих противоречивых целей, заключается в органичном удвоении функций власти: на базе различения исполнительной и законодательной ветвей, которые сотрудничают, каждая из них образует по два органа, один из которых обеспечивает функцию преемственности, другой – изменений. Двумя органами, на которые возложена функция преемственности, являются глава государства и верхняя палата. Тогда как правительство воплощает функцию изменений в системе исполнительной власти благодаря своей политической ответственности. Симметрично нижняя палата исполняет в системе законодательных органов их же функцию изменений, потому что возможным есть ее роспуск, вследствие чего продолжительность деятельности правительства может быть разной. Кроме того, коалиционные кабинеты часто действуют более открыто, чем однопартийные. Также при смене коалиционных кабинетов их состав, как правило, изменяется не так сильно, как при радикальном чередовании правительств в парламентско-мажоритарных странах.

Ряд исследователей выделяют на основе эмпирических исследований такие социально-экономические особенности парламентско-пропорционального правления, как сравнительное превосходство в деле нивелиаций межэтнических противоречий, высокие показатели контроля за безработицей и экономическим ростом. Это объясняется тем, что в кратковременном плане однопартийные кабинеты или президенты полностью могут быстрее формировать экономическую политику. В долгосрочном же плане политика, которая стоит на широком консенсусе, имеет больше шансов на успешную реализацию и на то, чтобы выдержать проверку временем.

Таким образом, не следует недооценивать пропорциональное представительство и парламентскую форму государственного правления как вариант для новых демократий. Парламентско-пропорциональные системы почти неизменно показывают лучшие результаты, особенно касательно представительства, защиты интересов меньшинства, активности избирателей и контроля над безработицей.

Но прежде чем внедрять определенный вариант государственного правления, необходимо четко сформулировать, какие особенности прежней формы правления были полезными и необходимыми для функционирования данного социального организма, а какие особенности исчерпали свою актуальность: необходимо оценить, чем можно пожертвовать во имя социального развития и установления порядка, а что следует оставить неизменным, охраняя социальную систему от ненужных потрясений.

## **ХАРАКТЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ НА ДИВЕРСИФИКАЦИЮ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ**

Т.И.Предко

*Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь*

Прошрое столетие, насыщенное эпохальными событиями, положило начало процессам системной трансформации, интеграции и глобализации. Ныне в результате развертывания этих процессов мир становится принципиально иным, формируется его единство. Поэтому многие современные феномены культурной жизни не имеют аналогов в истории общества, являются качественно новыми. Вместе с тем культур-

ный процесс, представляющий собой непрерывное создание новых ценностей, может успешно развиваться только на основе ранее произведенных культурных ценностей. Ведь необходимым условием естественного развития культуры является ее традиционность. В противном случае общество теряет тот культурный фонд, без которого становится невозможным существование самой культуры. Пагубным для культуры любого этноса может также стать внедрение в нее чуждой культурной традиции, поскольку в данном случае утрачивается ее самобытность, ее специфические черты, качественно отличающие ее от культур других этносов. А такая опасность заметно возрастает в связи с интеграцией и глобализацией.

Религия, являясь специфическим культурным феноменом, также оказалась подверженной влиянию интеграции и глобализации как реалий современного общества. Религиозные верования в своеобразной форме реагируют на развертывание данных процессов, видоизменяя религиозное сознание как на уровне религиозной идеологии, так и на уровне обыденного сознания верующих. С одной стороны, необходимым условием функционирования религиозных объединений является сохранение ими религиозных традиций в форме догматов, канонов и обрядов. Но, с другой стороны, консерватизм необходимо сочетать с модернизацией вероучения и культа, ибо в противном случае данное верование будет неуклонно терять своих адептов. Интеграция и глобализация способствуют ускорению этой модернизации, следствием чего становится изменение религиозных стереотипов, диверсификация религиозных представлений верующих. Если на уровне религиозной идеологии под влиянием глобализационных и интеграционных процессов модернизируется вероучение и культ всех традиционных религий практически в более или менее равной степени, то на уровне религиозной психологии данная модернизация в различных вероучениях происходит неодинаково, поскольку обуславливается также местом проживания верующих, их социально-демографическими характеристиками, степенью «включенности» в общественную жизнь не только религиозной общины, но и секулярного коллектива, а также рядом других обстоятельств. Поэтому на данном уровне не так отчетливо проявляются общие закономерности модификации сознания, присущие религиозной идеологии. У адептов одного и того же вероучения можно обнаружить своеобразный веер сформировавшихся под влиянием глобализации и интеграции религиозных взглядов и представлений. Однако в целом их диверсификация происходит по двум основным направлениям. Во-первых, в обыденном сознании верующих уменьшается удельный вес сугубо религиозных представлений, «священное» (sacer) уступает место «мирскому» (profano). Во-вторых, интенсифицируется религиозное осмысление глобальных проблем, идет восхождение от сугубо вероучительных к общечеловеческим ценностям с целью придания им религиозной значимости.

Существенным показателем такого поворота является изменение отношения верующих к окружающей среде, осознание меры своей ответственности за все живое на Земле, необходимости сохранения и рационального использования природных ресурсов. Например, в христианстве человек и окружающий его мир традиционно рассматриваются как творение божье. В связи с этим каждый верующий должен бережно относиться к обитаемой среде, прилагать свои усилия для ее сохранения. Однако в сочинениях ранних христианских богословов со ссылкой на Священное Писание утверждалось, что человек есть не только «венец божественного творения», но и «хозяин тварного мира» (Быт., 1:26,28) и поэтому может распоряжаться окружающей средой по своему усмотрению. В условиях глобализации христианские идеологи пересматривают данную концепцию. В наши дни они уже пишут о том, что экологический кризис есть следствие греховного устремления людей к «самообожествлению». Современный человек «забыл» о Боге, отвернулся от него и благодаря научно-техническим достижениям возомнил себя всемогущим, равным высшему существу. За это он рас-



плачивается отчуждением себя от естественной среды обитания. Выход из создавшегося положения христианские богословы видят в дополнении библейского постулата о «владычестве над природой» доктриной «ответственности людей перед создателем в управлении природой», ибо Бог не только повелел человеку владычествовать над землей, но и «наполнять ее» (Быт., 1:28).

Рядовые адепты также убеждены в том, что христианское учение должно быть положено в основу решения современных экологических проблем. При этом успех в их решении они связывают с возвращением человека к Богу, с восстановлением «экологии души». Необходимо обуздать стремление к «самообожествлению», исправить греховные наклонности человека, переосмыслить материальные потребности, реализовать принципы «хозяйственного аскетизма» в общественной и личной жизни, утвердить духовные ценности. Современные верующие убеждены в том, что нельзя рассматривать творение Богом природы лишь только для того, чтобы она служила человеку. Если она сотворена только для служения людям, то она должна восприниматься как что-то внешнее. А такая установка не может быть согласована с христианским учением, исходящим из принципа гармонии природы и человека. Отношения «Бог-человек», «Бог-природа» и «человек-природа» должны находиться в неразрывном единстве. По их мнению, только идя по пути восстановления единства природы, человека и Бога, можно успешно решать современные экологические проблемы.

Диверсификация религиозного сознания под влиянием глобализации и интеграции проявляется также в результате экуменической деятельности Церкви, главной целью которой является объединение христианских конфессий. На богословском уровне речь идет о необходимости движения к христианскому универсализму, основанному на солидарности всех христиан во Христе Иисусе. Поэтому та или иная Церковь может не соглашаться на компромиссы в догматических вопросах, но должна направлять свои усилия на преодоление церковного национализма и конфессионального фанатизма. Современные христианские богословы заявляют о том, что церковная культура основывается на органическом и положительном единстве национального и универсального. «Церковный национализм и фанатичный конфессионализм, - пишет православный теолог А.Р.Бессмертный, - обедняют религиозную жизнь, даже хранящую полноту истины во всей целостности своей традиции» [1, с.166]. Поэтому нельзя считать экуменизм ересью, но в то же время нельзя впасть в противоположную крайность, «размывая в своей экуменичности все границы между христианскими, а иногда и нехристианскими вероисповеданиями» [1, с.139].

На уровне обыденного религиозного сознания изначальной установкой экуменического движения являются слова И.Христа: «Идите, научите все народы (курсив мой – Т.П.), крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа...» (Матф., 28:26). Современные приверженцы христианства также акцентируют внимание на то, что в апокалипсических видениях апостола Иоанна, завершающих Священное Писание, торжественно возвещается высшая мистическая избранность каждого народа. «После этого взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесать, из всех племен, и колен, и народов, и языков стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих» (Откр. Иоан., 7:9).

Рядовые верующие убеждены в том, что реальный христианский экуменизм на деле является внутренней установкой личности, осознающей всехристианское единство в братской любви и общем исповедании И.Христа Сыном Божиим. Поэтому они считают себя открытыми всему живому и человеческому в других исповеданиях и не выступают против доброжелательного диалога, оставаясь в то же время верными догматам и канонам собственной церковной традиции. Такая экуменическая установка, диверсифицирующая обыденное религиозное сознание современных верующих, несомненно, обусловлена развертыванием процессов глобализации и интеграции. Она в

своей сущности не сводится лишь к аморфному христианскому эклектизму и одновременно не является идеей чисто внешнего административного объединения Церквей. Она также направлена на активизацию миссионерской деятельности, имея в виду евангелизацию всех народов.

Такая направленность обусловила актуализацию в сознании верующих проблемы нации и национальных отношений. Идеологи христианской Церкви специально не занимались разработкой данной проблемы, но Церковь придерживается определенной концепции как в доктринальном, так и в практическом смысле. Доктринально Церковь умалчивает и даже нигилистически относится к национальному фактору, поскольку ее миссией является «избавление в целом мире и во все времена». Церковь присвоила себе роль «матери и наставницы семьи народов», выражая это в форме христианского космополитизма. Но, поскольку практическое существование и деятельность Церкви протекает на национальной почве, она вынуждена приспособляться к национальной форме бытия общества, давать собственную интерпретацию национальным отношениям, а также реагировать на нехристианские, а также секулярные концепции в целом. Эти отношения интерпретируются в основном с позиции христианской этики. При этом нация лишается субстанциональной значимости, а национальные ценности попадают в разряд второстепенных, ибо на первое место возводятся «эсхатологические ценности».

В обыденном сознании верующих национальное и религиозное тесно переплетаются, взаимодействуют и также отчетливо проявляется тенденция поставить национальное в зависимость от религиозного. Современные адепты христианства убеждены в том, что основная причина нынешних конфликтов на национальной почве заключается в отходе человека от религиозных принципов миролюбия и всепрощения, в желании многих людей, отошедших от истинного миропонимания, показать свою национальную исключительность. Следовательно, если в социальном смысле связь религии и ее институтов с нацией нередко имеет негативный характер, то в сознании рядовых верующих, как правило, не возникает чувство своего национального превосходства или национальной ограниченности других людей. В данном случае убеждение в истинности «своего» вероучения и «неполноты истины» в других конфессиях не перерастает в идею превосходства одной нации над другими.

Глобализация и интеграция оказали влияние и на иные религиозно-мировоззренческие представления верующих. В частности, адепты христианского вероучения ныне акцентируют внимание на проблемах теософии, оккультизма, астрологии и других подобных феноменах, приводящих к диверсификации этих представлений.

#### Литература

1. Бессмертный А.Р. Национализм и универсализм в русском религиозном сознании // На пути к свободе совести. – М.: Прогресс, 1989.

## GREAT TRANSFORMATION IN THE SYSTEM OF SOCIAL CONTROL IN THE XXTH CENTURY

Professor Craig Little  
State University of New York at Cortland, USA

The types of social control deployed in societies are closely related to what people generally believe are the reasons why people deviate--their commonly accepted "theories of deviance." And beliefs about what causes deviance have varied greatly in Western history. This paper examines the changes in the predominant theories of deviant behavior, and the related shifts in the predominant approaches to social control, over the last 400 years. In it I will make very broad generalizations which can only be claimed to be true as a general rule.

In detail, there are many exceptions. Nevertheless, it is useful to put our current social control practices in a broad historical context.

## IMAGES OF DEVIANCE IN WESTERN HISTORY

### Sin, Crime and Sickness

Three approaches to explaining deviance have competed for ascendancy throughout Western history: 1) deviance as sin, 2) deviance as crime, or 3) deviance as sickness. Sometimes two or all three have existed side by side, and in virtually every period there have been some adherents to each one. In a particular period, however, within very broad time frames, when one image of deviance has tended to dominate others, it should not be surprising that the dominant image is linked to that period's dominant groups and social institutions. For example, in Western medieval or feudal society, dominated by theological reasoning and ecclesiastical authority, theories of deviance emphasized sin, evil, and fall from grace. The clergy, whose authority was anchored in theological doctrine and tradition, were the primary social control practitioners. Medieval social control practices, reflecting the apparent need to atone for sin or expunge evil, often involved penance or corporal punishment.

In contrast, late-welfare-state capitalism (such as current American society) is dominated by giant corporations, large, bureaucratic government, and technocrats--highly trained scientists, engineers, and other skilled professionals. In this technologically oriented society, the management of deviance is increasingly being placed in the hands of specialists. The ascendant image of deviance conceptualizes wrongdoing as evidence of sickness. Medical, psychiatric, and social scientists, along with various helping professionals (social workers, probation officers, counselors) increasingly preempt or share in social control decisions with the courts. Techniques of social control include drugs and surgery intended to "cure" the behavior in question.

In each historical period there were specific characteristic images of deviance and approaches to social control. This point is related to Goffman's observation that "Every human community has its own special set of boundaries (norms), its own unique identity, and so we may presume that every community also has its own characteristic styles of deviant behavior. Societies which place a high premium on ownership of property, for example, are likely to experience a greater volume of theft than those which do not, while societies which emphasize political orthodoxy are apt to discover and punish more sedition than their less touchy neighbors"[1:19-20].

Thinking in such a grand historical frame of reference is useful for uncovering large-scale patterns. However, there are specific exceptions to and reversals of the general tendency to move from images of deviance as sin, to crime, to sickness. Indeed, in American society within the past 100 years or so, there has been a cyclical pattern in deviance designations alternating between images of crime and sickness [2: 274]. For example, from the 19th century to the present, opiate addiction has been alternately defined as no problem, a medical problem, a crime, and currently, a hybrid legal-medical phenomenon. Throughout the same period, alcoholism has carried a mixed connotation of immorality, illegality, and sickness. In respect to alcohol, the medical model presently dominates. The prevailing definition of homosexual behavior has moved from sin to crime to sickness, and most recently, to demedicalization and "normalization." After an intense struggle the American Psychiatric Association voted in 1973 to drop the classification of homosexuality as a mental illness, and various attempts have been made to recognize the civil rights of homosexuals, but at the same time efforts by some religious or conservative groups to brand homosexuality as sinful or to retain its definitions as illegal (and immoral) acts have been increasing.

## APPROACHES TO SOCIAL CONTROL

### Changing Modalities of Control

The history of criminal punishment most clearly conveys the outlines of the major Western transformations in social control. Until the end of the Middle Ages in the 15th century, most deviance was handled informally in families and villages. In cases not involving the

Church, the chief deterrent was the fear of private vengeance by victims or their relatives. Jails were not used as punishment; when sanctions were applied by city or village officials, the penalty tended to be corporal or capital punishment for the poor and fines for the wealthy. As city-states developed into nation-states, governments took on more of the responsibility for punishing crime. Punishments, however, tended to remain brutal. Even through the 18th century, those convicted of crimes were apt to face hanging, decapitation, physical dismemberment (cutting off a finger, hand, ear, etc.), branding, or public disgrace in the pillory of the town square. Punishment focused on the body of the condemned [3]. Social control was characterized by public displays of retribution, with minimal involvement by the state and none by the penological experts.

During the 19th century this changed. The change is best represented by the emergence of large-scale institutions of control, including the prison and the asylum [4]. With their predominance, the place of control moved from the public square of the community to behind the high walls of institutions run by penal or therapeutic experts and professionals (wardens, penologists, phrenologists, psychiatrists, criminologists and therapists). By the mid-1800s the major changes were clear; Cohen notes the following [5]:

- The increasing involvement of the state in the building and administration of bureaucratic institutions for the punishment, custody, or cure of deviants.
- The dominance of professional experts who concentrate on differentiating and classifying deviant and dependent groups according to "scientific" criteria.
- The placement of deviants into segregated "asylums."
- A decline in punishment involving public displays of physical harm.

There is little dispute that these changes occurred; there is less agreement about the reasons why. Durkheim [6] hypothesized that more simple, homogeneous societies held together by "mechanical solidarity" are dominated by "repressive" law that focuses on punishment. In contrast, complex, heterogeneous societies that cohere by "organic solidarity" are characterized by "restitutive" law that seeks to correct or restore rather than punish. Others have linked the changes more to the specific historical developments of political economy. Gibbs [7] documents how changes in English crime control are embedded in the larger capitalist transformation from a society dominated by rural landed aristocracy to one dominated by industrial factory owners. With the increasing importance of factory labor came a greater need to control workers' behavior and invest in "human capital." Therefore, underlying the changes in approaches to social control was an increasing rationalization of the system aimed at achieving the goals of discipline and productivity over punishment [8].

Large, bureaucratic, segregating institutions of social control--often called total institutions [9]--remained the unchallenged mode until the 1960s. Then there began, in the U.S., a "deinstitutionalization" movement intended to return social control to the community. The ideology of this destructuring movement called for decentralization, decriminalization, deinstitutionalization, deprofessionalization, self-help, and the removal of stigma and labels [4]. The apparent reality of the trend is best exemplified by the sharp reductions in mental institutions over the past four decades. The reasons for "decarceration" range from the alleged failures of the treatment model, to the noninterventionist social policy implications of labeling theory, to the need of governments to relieve themselves of excessive financial burdens [5]. The result has been an increase in community-oriented social control strategies that often include the private sector, an emphasis on self-help and the proliferation of surveillance.

None of this, however, has meant an overall reduction in the social control of deviance. Rather, it has meant more. As Cohen [5: 347] puts it, "the major results of the new movements towards "community" and "diversion" have been to increase rather than decrease the amount of intervention directed at many groups of deviants in the system and, probably, to

increase rather than decrease the total number who get into the system in the first place. In other words: "alternatives" become not true alternatives at all, but new programs which "supplement the existing system or else expand it by attracting new populations." In this expanding system of social control, next to the older, exclusive, coercive, authoritarian total institutions now stand newer inclusive, treatment-oriented, professionally administered, community-based facilities and normatively oriented, self-help organizations such as Alcoholics Anonymous [2; 10; 11].

#### Literature

1. Goffman E. Behaviour in Public Places. New York, 1963.
2. Davis, Nanette J. and Clarice Stasz. Social Control of Deviance. New York: McGraw-Hill, 1990.
3. Foucault M. Discipline and Punish. New York: Pantheon, 1977.
4. Blomberg, Thomas G. and Stanley Cohen. Punishment and Social Control. New York: Aldine. 1995.
5. Cohen, Stanley. Visions of Control: Crime, Punishment and Classification. Cambridge: Polity, 1985.
6. Durkheim E. The Division of Labor in Society. New York: Free Press, 1933.
7. Gibbs, Jack P. 1989. Control: Sociology's Central Notion. Urbana, IL: University of Illinois Press.
8. Staples, William G. The Culture of Surveillance: Discipline and Social Control in the United States. New York: St. Martin's. History, 1998.
9. Goffman E. Asylums. Garden City; New York, 1961.
10. Horwitz, Allan V. The Logic of Social Control. New York: Plenum, 1989.
11. Innes, Martin. Understanding Social Control. Open University Press, 2003.

## POMOC HUMANITARNA JAKO INSTRUMENT POLITYKI UNII EUROPEJSKIEJ W OPARCIU O PRZYKŁAD AKCJI POMOCY HUMANITARNEJ W KOLUMBII

J. Prystrom

*Politechnika Białostocka, Białystok, Polska*

### 1. Wstęp

Każdy dzień niesie ze sobą mnóstwo niespodzianek, szczęścia, radości, pomyślnych nowin, lecz także tych smutnych informacji, jak np. wiadomości o ludzkich krzywdach i cierpieniach. Te ostatnie mogą być zarówno wynikiem oddziaływań człowieka np. degradacja środowiska naturalnego, działania wojenne, itp., czy też klęsk żywiołowych, które w ostatnim okresie dość często nawiedzają kulę ziemską i mieszkańców jej zakątków. Przykładem tego mogą być sytuacje w Iraku, Kolumbii, czy też tereny dotknięte tsunami.

Na pomoc ofiarom tych zająć wychodzi Unia Europejska, realizując w ten sposób politykę pomocy humanitarnej.

Celem referatu jest przedstawienie unijnych działań ukierunkowanych na akcje niesienia pomocy humanitarnej oraz efekty tych poczynań. Analizując rezultaty pomocy humanitarnej oparto się na przykładzie akcji pomocy humanitarnej w nekanej, od około 40 lat, wojną domową Kolumbii.

### 2. Unijna pomoc humanitarna i ECHO

W rozporządzeniu Rady (WE) nr 1257/96 z dnia 20 czerwca 1996 roku założono, iż pomoc humanitarna Wspólnoty miałaby obejmować „*akcje niesienia pomocy, akcje ratunkowe i działania ochronne opierające się na zasadach niedyskryminacji, mające na celu pomoc ludziom w państwach trzecich. Pomoc tą zaadresowano do najbardziej bezbronnych spośród nich, (...) ofiarom klęsk żywiołowych, katastrof wywołanych działalnością człowieka, takich jak wojny i wybuchy walk...*” [1, art. 1]

Unijne akcje pomocy humanitarnej miałyby być prowadzone w okresie czasu, niezbędnym do zaspokojenia potrzeb humanitarnych, mogących powstać na skutek powyższych zająć i sytuacji. Pomoc ta miałaby obejmować również działania ukierunkowane na zapewnienie

pożądanego stanu gotowości czy też na zapobieganie występowaniu klęsk i katastrof.

Za wiodące cele pomocy humanitarnej uznano takie działania, jak: [Ibidem, art. 2]

- 1) ochrona i ratowanie życia ludzkiego w sytuacjach krytycznych i bezpośrednio w ich następstwie oraz podczas klęsk żywiołowych;
- 2) niesienie i udzielanie pomocy oraz wsparcia ludziom narażonym na długotrwałe kryzysy, będące w szczególności rezultatem starć zbrojnych i wojen;
- 3) finansowanie transportu przedmiotów służących do akcji pomocy humanitarnej;
- 4) odbudowa i rekonstrukcja infrastruktury oraz sprzętu, służącego do pomocy humanitarnej;
- 5) reakcje i działania związane z migracją ludności (przesiedleńcy, repatrianci i uchodźcy), będącą skutkiem klęsk żywiołowych i oddziaływań zbrojnych;
- 6) zapewnienie należytego stanu gotowości w wypadku wystąpienia klęsk żywiołowych oraz odpowiedniego systemu ostrzegania i interwencji.

Powyższe założenia i zadania przypisano organowi Unii Europejskiej, którym jest Wspólnotowe Biuro Pomocy Humanitarnej, ECHO (European Community Humanitarian Office). Zostało utworzone 1 marca 1992 roku, a zasady jego działania reguluje Rozporządzenie Rady (WE) 1257/96 z dnia 20 czerwca roku 1992 (OJ nr L180), dotyczące pomocy humanitarnej.

Jako unijny organ zajmujący się pomocą humanitarną, ECHO jest odpowiedzialne za: [3]

- pomoc humanitarną i żywnościową;
- mobilizację działań pomocowych i osób pracujących podczas akcji pomocy humanitarnych;
- zapobieganie katastrofom i utrzymanie stanu gotowości w przypadku ich wystąpienia;
- koordynowanie, informowanie, finansowanie pomocy humanitarnej i wszelkie prawne aspekty z tym związane.

Unijna pomoc humanitarna oraz przeznaczone na ten cel fundusze zostały podzielone i przypisane poszczególnym regionom i działaniom. Dokładnie, na przykładzie 2003 roku, obrazuje to tabela 1.

Tabela 1. Geograficzny rozkład pomocy finansowej w ramach ECHO, przyjęty na rok 2003.

Jednostka/region	Kwota w tys. euro	% (w zaokrągleniu)
<b>Echo – 1: Afryka, Karaiby, Pacyfik</b>	<b>225 285</b>	<b>38%</b>
Róg Afryki	50 700	
Wielkie Jeziora	88 000	
Afryka Zachodnia	33 185	
Karaiby, Pacyfik i Ocean Indyjski	1 400	
Afryka Południowa	52 000	
<b>Echo – 2: Europa Środkowa i Wschodnia, WNP, Morze Śródziemne, Okupowane Terytoria Palestyny</b>	<b>94 003</b>	<b>16%</b>
WNP (Czeczenia, Kaukaz, Tadżykistan, ...)	39 200	
Balkany Zachodnie	7 660	
Tereny Palestyny	38 000	
Kraje basenu Morza Śródziemnego	9 143	
<b>Echo – 3: Azja, Irak, Ameryka Łacińska</b>	<b>224 199</b>	<b>37%</b>
Azja	116 949	
Środkowy Wschód/Afryka Północna/Irak	97 139	
Ameryka Łacińska	10 111	
<b>Dipecho – Gotowość na wypadek klęski żywiołowej</b>	<b>12 000</b>	<b>2%</b>
<b>Finansowanie tematyczne</b>	<b>23 196</b>	<b>4%</b>
<b>Pomoc techniczna (eksperti i konta zaliczkowe)</b>	<b>16 917</b>	
<b>Wydatki pomocnicze (audyt, ocena, itd.)</b>	<b>4 749</b>	<b>1%</b>
<b>OGÓŁEM na rok 2003</b>	<b>600 349</b>	<b>100%</b>

Źródło: [http://europa.eu.int/comm/echo/pdf\\_files/strategy/report/pl2003.pdf](http://europa.eu.int/comm/echo/pdf_files/strategy/report/pl2003.pdf), 18.03.2006 r.

Z tabeli 1 wynika, że w roku 2003 roku największego wsparcia finansowego w ramach akcji pomocy humanitarnej udzielono regionom Afryki, Karaibów, Pacyfiku, Azji, Irakowi oraz Ameryce Łacińskiej. Budżet pierwszej grupy wyniósł 38% całości przygotowanego budżetu, natomiast grupy drugiej – 37%.

Razem z darami płynącymi z krajów członkowskich Unia Europejska jest największym darczyńcą pomocy humanitarnej na świecie. Niestety mimo dość wysokich nakładów finansowych i szczerych chęci nie zawsze są w stanie udzielić niezbędnej pomocy w pojedynkę. Warto również dodać, iż ECHO samo nie prowadzi akcji pomocy humanitarnej, lecz je realizuje za pośrednictwem organizacji, których działania finansuje. [5]

Z tego względu część swoich działań pomocowych ECHO łączy z partnerami, do których można zaliczyć między innymi agendy ONZ (np. UNICEF), Czerwony Krzyż, Czerwony Półksiężyc oraz organizacje pozarządowe (NGOs). Liczba tych ostatnich wynosi około dwustu. [Ibidem]

Biuro pomocy humanitarnej ECHO przyjęło model finansowania potrzeb humanitarnych zgodnie z własnym podejściem, opierający się na zasadzie udzielania pomocy ofiarom kryzysów humanitarnych stosownie do potrzeb.

W 2003 roku ECHO przeznaczyło 64% (347,6 mln euro) swojego budżetu na pomoc obszarom najbardziej potrzebującym. Dla porównania, w roku 2002 pomocowe wsparcie finansowe stanowiło 49% ogólnego budżetu. Tworząc roczną strategię na rok 2003 ECHO zwróciło uwagę na koncentrowanie się na zapomnianych kryzysach, które niestety w niewielkim stopniu interesują opinię publiczną i innych ofiarodawców. Owe zapomniane zapomniane kryzysy obejmują Saharę Zachodnią, Demokratyczną Republikę Kongo, Myanmar (Birmę), Angolę, Burundi, Północną Koreę, Filipiny, Północny Kaukaz (Czeczenię), Tajlandię, Ugandę i Jemen. [Ibidem]

### **3. Akcje pomocy humanitarnej w Kolumbii**

Kolumbia – kraj dość odległy, lecz znany, wręcz słynący z kawy i kokainy. Niewiele natomiast słyszy się o trwającej tam od około czterdziestu lat wojnie domowej. Społeczność kolumbijska jest zmuszona żyć wśród stałej przemocy, wokół terroru i starć zbrojnych. Ostry konflikt, rozdzierający obywateli Kolumbii jest zakorzeniony w wielkich różnicach ekonomicznych dzielących jej mieszkańców. Ponad połowa z 40 milionów Kolumbijczyków żyje w biedzie, a jedna piąta nie ma pracy. 85% mieszkańców żyje na wsi, uprawiając zaledwie 15% ziemi. Natomiast 1% obszarów posiada prawie 50% gruntów - do tego - najbardziej urodzajnych. [6]

Ostatnie lata wojny domowej w Kolumbii przyniosły ogromne straty. Liczba uchodźców osiągnęła liczbę około miliona osób. Odnotowano około 5 000 zbiorowych zabójstw. Ponad 4 000 Kolumbijczyków uznano za zaginionych, a prawie 10 000 osób zostało wziętych jako zakładnicy. W wielu miastach podkładane były bomby. Przez dziesięć ostatnich lat, w wyniku ich eksplozji, zginęło około 2 000 osób, w tym 300 to dzieci. [Ibidem]

Obok przerażających danych liczbowych pojawiają się kolejne mroźące krew w żyłach fakty. Wysoki Komisarz ONZ ds. Uchodźców doniósł, iż w Kolumbii w walkach partyzanckich biorą udział mali chłopcy, rekrutowani spośród uchodźców. W tropikalnej puszczy, na terenie kolumbijskiej prowincji Urabá, od dłuższego czasu toczą się walki lewicowych grup, zwanych guerillas oraz prawicowych bojówek. Uczestniczą w nich nielegalnie utworzone oddziały paramilitarne, w których skład wchodzi także dzieci z przygranicznych terenów.

Oddziaływania zbrojne powodują migrację ludności kolumbijskiej. Większość z uchodźców osiedla się na terenach w pobliżu granic Kolumbii z Ekwadorem i Panamą. To właśnie dzieci tych uchodźców są rekrutowane do wojska. W związku z tym istnieje obawa, że wraz z zaostrzeniem konfliktu, którego końca jak na razie nie widać, wzrośnie również liczba dzieci, uczestniczących w walkach. Warto zaznaczyć, że jest to sprzeczne z prawem międzynarodowym oraz prawami dziecka. [7]

Zmuszeni do przesiedlenia Kolumbijczycy oprócz obawy przed zwerbowaniem do oddziałów zbrojnych, jak wspomniano również dzieci, bardzo często osiadają w miejscach niebezpiecznych, gdzie brakuje dostępu do podstawowych wymogów higienicznych, takich jak czysta woda i odpowiednie warunki sanitarne. Niedobór żywności, niemożność korzystania z edukacji, świadczeń zdrowotnych i socjalnych to krótki opis horroru, który w rzeczywistości każdego dnia przeżywa społeczność kolumbijska.

Zgodnie z przedstawioną misją unijnych działań ukierunkowanych na pomoc humanitarną i odpowiednio do założeń ECHO, Unia Europejska poczyni kroki akcji pomocy humanitarnej między innymi w Kolumbii.

Od 1994 roku Wspólnotowe Biuro Pomocy Humanitarnej przeznaczyło i ofiarowało około 100 mln euro na pomoc humanitarną w Kolumbii. W swych działaniach dąży tam przede wszystkim do lokalnych inicjatyw w celach pokojowych czy też do reformy administracyjnej i sądowniczej. Kolumbia korzysta także z działań ECHO ukierunkowanych na zapewnienie stanu gotowości na wypadek wystąpienia klęski żywiołowej – wspomniane w Tabeli 1 DIPECHO. [4]

W marcu 2005 roku Komisja Europejska zatwierdziła wysokość 12 mln euro [ibidem], przeznaczonych na akcje Wspólnotowego Biura Pomocy Humanitarnej, zaadresowanej do ofiar konfliktów w Kolumbii. Owe wsparcie finansowe miało stanowić ochronę, pomoc i ułatwienie tzw. „startu w nowym życiu” osobom, którym ten konflikt dokuczył i zaszkodził najmocniej. Część tej kwoty uwzględniono na poczynania związane z konsekwencjami migracji ludności kolumbijskiej. Dokładnie pieniądze miałyby trafić do nękanie od kilku dekad Kolumbii oraz Ekwadoru i Wenezueli, dokąd przybywają kolumbijscy przesiedleńcy. ECHO przeznaczyło tej grupie ludności część kwoty z 12 mln euro, przypisując temu trzymiesięczny okres czasu, w którym migrująca ludność miałaby rozpocząć swoje nowe życie na wybranych terenach.

Biorąc pod uwagę wysokość pomocy finansowej ECHO, udzielonej Kolumbii w przeciągu trzech lat, wygląda to następująco: [ibidem]

-rok 2003 – 8,2 mln euro,

-rok 2004 – 8,5 mln euro,

-rok 2005 – 12 mln euro.

Znaczna część tej pomocy została przypisana Międzynarodowemu Czerwonemu Krzyżowi, jak wcześniej wspomniano, będącemu jednym z wielu partnerów Wspólnotowego Biura Pomocy Humanitarnej.

Osoby działające podczas akcji pomocy humanitarnej unijnego organu pomocy humanitarnej oraz jego partnerów przemieszczają się z wioski do wioski, pomagając zwłaszcza mieszkańcom osad położonych wysoko w górach. Bezpłatnie przeprowadzane są tam badania, szczepienia oraz szkolenia dotyczące zasad higieny. Wymagający pacjenci objęci są także opieką lekarską lekarzy specjalistów, dentyków i psychologów. Ci ostatni pomagają zarówno dorosłym, jak i dzieciom, żyjącym w ciągłym terrorze, strachu i depresji. Stany lękowe pacjentów wynikają właśnie z przemocy, której ciągle doświadczają oraz z warunków wydających się przez wielu ludzi za niemożliwe do życia.

#### **4. Podsumowanie**

Obecna sytuacja w Iraku, Afganistanie, w regionach Afryki, zajścia na terenach palestyńskich, huragan Katrina czy też omawiany kryzys w Kolumbii to jedne z wielu zająć, które powodują klęski żywiołowe oraz ludzkie cierpienia i krzywdy.

Na przekór temu postanowiła wyjść Unia Europejska chcąc realizować politykę pomocy humanitarnej. W tym celu powołała organ – Wspólnotowe Biuro Pomocy Humanitarnej, ECHO.

Miliony euro przeznaczone na realizację założeń ECHO oraz zapał i wytrwałość osób, które pod kierunkiem tego biura chcą nieść pomoc i wspierać potrzebujących, mogłyby wydawać się czymś wielkim. Niestety każdego dnia, każdej godziny, minuty i sekundy gdzieś na świecie ktoś doświadcza nowego nieszczęścia i cierpienia.



Należy mieć nadzieję, że zawsze znajdują się ludzie i grupy, takie jak ECHO i jego partnerzy oraz środki, za pomocą których będzie można zapobiec, choć w najmniejszym stopniu, oddziaływaniom zbrojnym i klęskom żywiołowym oraz ulżyć cierpieniom ich ofiar. Trzeba wierzyć, że dążenia, wysiłki i nakłady finansowe się opłacą i że w końcu w obranej jako przykład Kolumbii zamilkną konflikty zbrojne. Należy mieć nadzieję, że dzieci zamiast walczyć na polach walki, będą bawić się ze swoimi rówieśnikami i zdobywać wiedzę oraz że zanikną choroby, głód, brud i ubóstwo, w jakich przyszło żyć kolumbijskim przesiedleńcom. Powinno się wierzyć i do tego dążyć, że kiedyś zapanuje dobro, pokój i szczęście na całym świecie.

#### Literatura

- 1) Rozporządzenie Rady (WE) nr 1257/96 z 20 czerwca 1996 roku (Dziennik Urzędowy L163) dotyczące pomocy humanitarnej.
- 2) Sprawozdanie Komisji, Biuro Pomocy Humanitarnej (ECHO) – Sprawozdanie roczne 2003.
- 3) [http://europa.eu.int/comm/echo/pdf\\_files/strategy/report/pl2003.pdf](http://europa.eu.int/comm/echo/pdf_files/strategy/report/pl2003.pdf).
- 4) <http://europa.eu.int/rapid/pressReleasesAction.do?reference=P/91/69&format=HTML&aged=1&language=EN&guiLanguage=en>, 18.03.2006r.
- 5) [http://europa.eu.int/comm/echo/field/colombia/echo\\_en.htm](http://europa.eu.int/comm/echo/field/colombia/echo_en.htm), 17.03.2006r.
- 6) <http://www.pomagamy.pl/numery/13/echo.html>, 18.03.2006 r., M. Wojtalik, *Unia Europejska pomaga! A my?*
- 7) [http://www.pomagamy.pl/niusy/wojna\\_kolumbia\\_msf.htm](http://www.pomagamy.pl/niusy/wojna_kolumbia_msf.htm), 08.05.2007r., jm *Wojna domowa w Kolumbii*.
- 8) [http://www.pomagamy.pl/niusy/kolumbijscy\\_uchodzcy-dzieci.htm](http://www.pomagamy.pl/niusy/kolumbijscy_uchodzcy-dzieci.htm), 08.05.2007r., at *Mali uchodźcy na wojnie*.

## ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ И ИНТЕГРАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ

Л.Г.Титаренко

*Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь*

Рассматривая процесс постсоветского изменения идентичности граждан Беларуси, мы исходим из признания его непрерывности, постоянной динамичности, накопления новых черт эволюционным путем. Дело в том, что смена типов социокультурной идентичности никогда не происходит в точном соответствии с политическими изменениями: последние могут иметь точные даты, тогда как первые – нет. Идентичность не обретается раз и навсегда ни человеком, ни обществом; «будучи живой, идентичность всегда есть проект, а не завершенный результат, что указывает на ее неизбежно временный характер...» [1]. Поэтому, анализируя совокупность факторов, под влиянием которых осуществляется изменение современной белорусской идентичности, мы всегда должны указывать на тот временной отрезок, о котором идет речь. В данном контексте фокус нашего исследовательского внимания направлен на эпоху постсоветского развития Беларуси, поэтому от факторов, выходящих за указанные рамки, мы абстрагируемся, хотя и допускаем, что они тоже могут оказывать воздействие на трансформацию базовых ценностей и идентичности.

В целом, можно условно разделить факторы, оказывающие влияние на процесс трансформации социокультурных ценностей и национальной идентичности на пространстве Беларуси, на два класса – внешние и внутренние. К внешним факторам, прежде всего, относятся глобализационные процессы, которые неизбежно воздейст-

вуют и на нашу страну, независимо от чьего-либо субъективного желания. Сегодня весь мир глобализируется, все страны подвергаются массивному экономическому, политическому, культурному воздействию. Беларусь – не исключение. Страна включена в мировую систему и не находится в изоляции: в информационную эпоху любая страна посредством СМИ, Интернет-сетей связана со всем миром. Процессы, имеющие место в мире, отражаются и на Беларуси. Если раньше только соседские страны могли оказывать непосредственное влияние на белорусов, сегодня сфера воздействия значительно расширилась, включая и позитивные, и негативные аспекты. На амбивалентность воздействия глобальных процессов на постсоветское пространство указал М.Кастельс: по его мнению, они внесли значительный вклад в развал Советского Союза [2].

Из многообразия глобальных факторов влияния на современную белорусскую идентичность важнейшим является фактор ее геополитического расположения на границе Востока и Запада Европы. Территория Беларуси (независимо от того, к какому государству она относилась) всегда воспринималась и соседями, и местными жителями как культурное пограничье, на котором зачастую сталкивались разные интересы соседских народов. Поляки называют западные белорусские земли своей «восточной границей», тогда как в Советском Союзе республика служила «западными воротами» для всей страны. Сами белорусы не делали и не делают практической проблемы из своего пограничного положения и, естественно, вступают в кросскультурные и экономические связи, взаимодействуют с соседями, что-то перенимая от них и делясь с ними своим культурным богатством. Соседские же народы (как и ряд западных авторов), в зависимости от собственных геополитических интересов, определяют белорусов либо как нацию, ориентированную на Запад (и тогда призывают к сближению с Евросоюзом), либо как ближайшего союзника нынешней России (и тогда предсказывают Беларуси путь дальнейшего сближения на государственном уровне с сильным восточным соседом вплоть до их слияния) [3; 4].

Не вдаваясь в дискуссии по этому вопросу, поскольку это не входит в наши задачи, отметим, что ситуация геополитического и культурного пограничья – не уникально белорусская. Так, республики Балтии тоже можно считать пограничными, поэтому идентичность их населения подвержена тем же проблемам, что и Беларусь. Еще раз подчеркнем, что этот фактор всегда имел место, но в эпоху глобализации он усилился, и поэтому теперь стал восприниматься особенно явственно. Сошлемся на Г.Миненкова, который верно указывает на то, что современная Беларусь существует в глобализирующемся мире, и для того чтобы найти в нем свое место, Беларусь должна адекватно реагировать на эти процессы. Это означает, что Беларусь так или иначе воспринимает культурные воздействия извне, становясь поликультурной, культивирует плюрализм (конечно, не порывая при этом с собственными «корнями», но и не замыкаясь в своем национальном прошлом) [5]. С этой точки зрения, лишь молодое поколение белорусов сумеет репрезентировать новую белорусскую идентичность.

Несмотря на значительность глобализационных факторов, тем не менее, не они, а внутренние факторы оказывают доминирующее влияние на трансформацию базовых ценностей белорусов и их социокультурной идентичности. С этой точки зрения, ключевым фактором в постсоветской трансформации базовых ценностей и социокультурной идентичности белорусского населения, определяющим ее современное состояние и перспективы на ближайшее будущее, можно считать уникальное советское социальное и культурно-политическое наследие. Это наследие можно также рассматривать как фактор, связанный с прежней интеграцией советских республик, которая до конца не разрушена и поныне.

Под советским наследием мы понимаем в данном контексте сохранение отдельных фрагментов советской марксистской идеологии, некоторых концептов социальной

философии (прежде всего, концепции «советского человека», хотя и в реформированном варианте), стереотипов массового сознания, предрассудков на уровне общественной психологии, а также ряда представлений массовой культуры, сформировавшейся во многом в советское время и транслированной в постсоветское общество. Поскольку процесс политического перехода от социализма к современному строю произошел в Беларуси мирным бескровным путем, прежние ценности и представления о жизни в Беларуси сохраняются в большем объеме (особенно в массовом сознании), нежели в ряде других постсоветских республик.

За годы советской власти население Беларуси подверглось радикальным воздействиям во всех сферах жизни, претерпело такие перемены, которые не только не могли быть «снівелированы» за пару десятков постсоветских лет, но в корне изменили и образы прошлого Беларуси (ее досоветского развития), сменили акценты в трактовке ее культурного достояния и истории. Беларусь из страны неграмотных крестьян стала индустриальной державой и страной сплошной грамотности. В то же время были уничтожены многие ценности (прежде всего, религиозные, семейные), которые не «вписывались» в марксистскую концепцию культурной революции.

Очевидно, что духовное наследие советских времен и сегодня оказывает амбивалентное влияние на современное состояние белорусского общества, его ценностное сознание, поведенческие шаблоны его граждан, даже на государственную идеологию Республики Беларусь. С одной стороны, современное общество стремится сохранить то лучшее, что было создано в прежнюю эпоху (прежде всего, социальные завоевания), с другой, боясь «выплеснуть с водой ребенка», оно вольно или невольно может способствовать консервации отдельных устаревших практик, стереотипов, подходов.

Можно выделить некоторые общие ценности, оставшиеся белорусскому народу в качестве «культурного наследия» советской эпохи, которые в той или иной мере разделяются белорусами с другими соседними народами постсоветских стран (в первую очередь, россиянами и украинцами). Это, прежде всего, коллективистские черты, присущие современному общественному сознанию белорусов, а также в целом уважительное отношение к своему советскому прошлому, советской истории.

Важной социокультурной ценностью белорусов, разделяемой ими с другими упомянутыми народами бывшего СССР, можно считать стремление народа к социальному равенству и социальной справедливости. Социализм провозглашал эти ценности частью марксистской идеологии, и поэтому они ассоциируются в сознании масс с советской эпохой. Конечно, это не совсем верно: равенство и справедливость присутствуют в ряде других философских концепций, поэтому они являются витальными ценностями, имеющими общечеловеческий характер.

В результате противоречивого воздействия данного фактора (советского наследия) на белорусское общество, многие показатели современного социокультурного развития Беларуси, включая социокультурную идентичность разных половозрастных групп населения, разделяемые ими базовые ценности, отличаются от ценностей западных моделей трансформации и национальной идентичности. Последние предлагались в годы перестройки как единственно приемлемые трансформационные стратегии. Белорусы, как и россияне, сегодня довольно умеренно относятся к неолиберальным ценностям, активно навязываемым постсоветскому населению в начале 1990-х. Более того, как утверждают российские социологи В.В.Гаврилюк и В.В.Маленков, «очевидно, что ни «общечеловеческие ценности», ни особенности «национальной идеи» не стали конструктивными факторами в консолидации современной России» [6, 44].

Противоречивость влияния советского наследия является, на наш взгляд, основной для адекватного понимания всех процессов постсоветской трансформации, в ча-

ственности – процессов изменения национальной идентичности: она действительно изменилась, но в то же время она еще вполне «узнаваема» и связана пуповиной с прежней, советской идентичностью. Эта особенность во многом предопределила базис, взятый нами для создания концепции формирования новой социальной и национальной идентичности белорусского населения.

Имеются другие важные факторы, связанные с внешними и внутренними процессами развития белорусского общества, которые оказывают существенное воздействие на трансформацию современной белорусской идентичности и ценностей.

Прежде всего, постсоветская трансформация возродила у белорусского народа большой интерес к своему досоветскому культурно-историческому наследию. Здесь имеются в виду и культурные феномены, относящиеся ко времени Великого княжества Литовского, и история белорусов в царской России, и еще более ранние культурные образования белорусов, уходящие корнями в дохристианскую эпоху. Данная особенность постсоветской трансформации – переплетение интереса к стародавней истории с советским наследием – свидетельствует о том, что процесс трансформации не является линейным; именно поэтому заимствования западных «идеальных моделей» формирования социокультурной идентичности, не учитывающих диалектику постсоветской трансформации, не могут быть плодотворными для научного объяснения белорусской реальности.

Если мы признаем важное влияние досоветского культурного наследия на трансформацию современной белорусской идентичности, тогда необходимо отыскать в белорусской идентичности (хотя бы в латентной форме) проявления неких культурных архетипов, константно присущих традиционному массовому сознанию и быту народа, и доказать их наличие в некоем модифицированном виде и в советских, и в постсоветских культурных ценностях белорусов. В генетическом плане эти культурные архетипы сформировались под влиянием длительного исторического развития народа. В содержательном плане они отражают менталитет белорусов, те культурные особенности, которые и выделяют их среди других соседних (близких в этническом и культурно-историческом плане) народов. Такими архетипами могут считаться сохранившиеся обряды Купалья, народные традиции (каляды, «гуканья вясны») и т.п. Наличие у современных белорусов прочных «исторических корней» – это фактор, позволяющий им создавать новые материальные и духовные ценности, тогда как люди, не знающие корней и не уважающие своих традиций, бесплодны. В советское время элементы этих архетипов были вплетены в семейные праздники и ритуалы. Сегодня они возродились в массовых гуляньях и религиозных практиках, которые сознательно культивируются среди населения и охотно воспринимаются.

Концептуальная идея трансформации белорусской идентичности состоит в признании процессуального характера этого процесса: на протяжении относительно длительного времени в обществе могут сосуществовать как «ростки» новой идентичности, так и «проявления старого», типичного для прежних эпох самоопределения индивидов, групп, других общностей. Выявление социального механизма смены идентичности, определение доминирующих факторов, оказывающих на него наибольшее влияние, способов и средств целенаправленного конструирования новой белорусской идентичности, адекватной современным целям развития Республики Беларусь позволит научно объяснить этот процесс и вносить в него необходимые управленческие коррективы.

Немаловажными факторами, воздействующими на современную социокультурную идентичность белорусов, выступают узаконенное в стране двуязычие и религиозный плюрализм. Эти факторы также сложились исторически и отражают специфику развития народа, его неразрывную связь с соседскими народами. Двуязычие испокон веку практиковалось на белорусских землях. Проживавшие здесь народы, чтобы торговать

и общаться, были вынуждены изучать языки друг друга. Поэтому многовековое существование поликультурного Великого княжества Литовского привело к массовому билингвизму и полилингвизму. Так, например, А. Мальдис вспоминает, что в его родном местечке в белорусско-литовском пограничье население свободно переходило (в зависимости от необходимости) с белорусского на литовский, а в официальных случаях на польский [7].

Во времена царской России официальным языком стал русский. В советское время билингвизм закрепился окончательно: бесспорно, этот факт во многом способствовал практическому доминированию русского языка, однако белорусский язык не исчез. По мнению А. Мальдиса, факты полонизации, а затем русификации белорусов в современной науке зачастую трактуют однозначно, преувеличивая принудительный характер этих процессов, которые были «скорее, культурологическими... Это был достаточно противоречивый процесс, потому нельзя однозначно говорить, что он был всецело отрицательным и что таким образом белорусским национальным интересам наносился один только урон...» [7]. По его мнению, если белорусы умеют грамотно говорить на нескольких языках, надо этим гордиться. Как добавляет Е. Гапова, переход от белорусского к русскому был зачастую свободным волеизъявлением индивида, а не насилем, т.к. знание русского давало при советской власти больше возможностей карьерного продвижения. [8].

Фактор использования нескольких языков действительно стал повседневностью. По данным переписи 1999г., 75.5% населения Минска признали родным языком язык своей национальности [9]. В конце прошлого столетия среди жителей Минска, например, разговаривали дома на белорусском языке 12.9%, на русском – 86.9% [10]. В целом, большинство белорусов владеют двумя языками, а также без особого труда понимают украинский и польский. Этот фактор делает Беларусь страной, где есть условия для одновременного развития многих культур и языков, что, несомненно, вносит позитивный вклад в культурный диалог народов и способствует их взаимопониманию.

Следующим существенным фактором, определяющим базовые ценности белорусов и их идентичность, является религиозный плюрализм. Данный фактор также сложился исторически: «испокон веков на территории современной Беларуси рядом мирно сосуществовали православные и язычники, католики и мусульмане. Где еще в мире православная и униатская церкви, католический костел, синагога и мечеть могли быть расположены очень часто буквально рядом?!» [7]. Белорусы спокойно воспринимали религиозное и культурное многообразие, относились к нему с уважением.

Сегодня религиозная толерантность так же отличает белорусов, как и в прежние времена. Белорусское православие и католицизм официально считаются традиционными вероисповеданиями народа, наряду с признанием значительного вклада в духовное развитие белорусов и ряда других конфессий (евангелической, иудаистской, мусульманской) [11]. Пожалуй, этот фактор ярче других свидетельствует о том, что белорусская идентичность позволяет оценить белорусов как современную европейскую нацию, не уступающую другим нациям в культурном развитии.

Резюмируем рассмотрение факторов, влияющих на трансформацию базовых ценностей и социокультурной идентичности белорусов. К настоящему времени процесс постсоветской трансформации белорусской социокультурной идентичности не закончен. Продолжают действовать все перечисленные выше факторы. Оформилась некая переходная модель идентичности, которая базируется как на некоторых прежних ценностях, так и постоянно подвергается новым воздействиям современности (глобальным факторам).

Можно выделить следующие черты, характерные для процесса трансформации белорусской социокультурной идентичности и конституирующие ее многообразие:

1. Незавершенный характер трансформации (неполная сформированность того или иного типа идентичности, динамичность стереотипов массового сознания, харак-

теризующих идентичность). Неопределенность дальнейшего хода и темпов развития процесса конструирования белорусской социокультурной идентичности обостряется с каждым заметным обострением в международных отношениях, с экономическими сложностями развития Беларуси (например, поставками нефти). Изменения векторов внешней политики сказывается на определении тех, кого белорусы считают «своими», «близкими» или «чужими» народами. Как показывают опросы общественного мнения, в переломные исторические моменты всегда имеются индикаторы, которые свидетельствуют о разнонаправленности интересов населения и, следовательно, о возможности разных сценариев развития идентичности в будущем. Отчасти эта особенность предопределена исторически: Беларусь всегда находилась между Востоком и Западом и поэтому имела амбивалентные интересы. Конечно, социокультурные ориентиры не меняются очень быстро, но и на них политические изменения накладывают свой отпечаток.

2. Сильная связь с традициями прошлого и историческими корнями народа. Традиции, как правило, сохраняются и передаются в рамках малой группы (семьи, школьного класса, родного села), а также посредством интериоризации ценностей в рамках своей территориальной общности. Традиционные механизмы социализации помогают сохранять устойчивость и ценностный баланс общества.

3. Несклонность белорусов к разжиганию и поддержанию конфликтов и к открытой борьбе за свои социально-культурные интересы. Даже когда эти интересы четко артикулируются, белорусы предпочитают занимать спокойную позицию (иногда даже пассивную), но не проявлять агрессивность. Данная черта связана с высокой толерантностью белорусов и их исторически выработанной адаптивностью к изменениям условий жизни (необходимостью выживать в любых условиях). Поэтому радикальные типы политической и социокультурной идентичности среди белорусов – редкость.

4. Более низкий уровень развития национального самосознания населения Беларуси, нежели у соседских народов. Поскольку белорусская нация практически сложилась только в XX веке, а национальные элиты нередко предавали интересы Беларуси ради получения политических и экономических привилегий, вряд ли можно упрекать белорусов в том, что они не выработали такое же развитое самосознание, как русские или поляки. Даже некоторые представители нынешней политической оппозиции признают, что эта особенность белорусов исторически обусловлена, и ее надо принимать как факт [12]. Принудительное ускоренное развитие национального самосознания не может решить проблему, т.к. данная сфера изменяется по своим внутренним закономерностям и поэтому не подчиняется волевым указаниям и решениям. Точно так же, как большинство белорусов не захотели «большевистскими темпами» отказаться от использования русского языка в начале 1990-х годов и проголосовали на референдуме 1996 года за государственный билингвизм, сегодня большинство граждан остаются в стороне от политической активности в рамках политических партий, не откликаясь на политическую пропаганду. Можно предположить, что умеренность и взвешенность, присущая белорусам, в полной мере проявляется и в вопросе о национальном самосознании. Поэтому белорусский путь развития, включая трансформацию национальной идентичности, будет отличаться от пути развития других, даже близких народов-соседей.

#### Литература

1. Calhoun, C. *Critical Social Theory: Culture, History, and Challenge of Difference*. Oxford, 1995.
2. Castells, M. *Information Age: Economy, Society, and Culture*. Vol. 1. *The Rise of the Network Society*. Oxford, 1996.
3. Zaprudnik, J. Belarus in search of national identity // Korosteleva E., C. Lawson, R. Marsh (eds.). *Contemporary Belarus. Between Democracy and Dictatorship*. London, 2003.
4. Ioffe, G. Understanding Belarus: Questions of Language // *Europe-Asia studies*. – 2003. – Vol. 55. – № 7.

5. Миненков, Г. Я. *К новой оппозиции* // Режим доступа: <http://belintellectual.com/discussions>. – Дата доступа 18.09.2006.
6. Гаврилюк, В.В., Маленков, В.В.. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // *Социс*. – 2007. – №4.
7. Мальдис А.И. *О главной болезни нации* / А.И.Мальдис// Режим доступа: <http://www/bdg/org>. – Дата доступа 03.03.2006.
8. Гапова Е. О политической экономии «национального языка» в Беларуси // *Ab Inperio*. 2005. – № 3.
9. *Население Республики Беларусь*. Стат. сборник. - Минск: Минстат, 2000.
10. *Минчане в начале XXI века: социально-экономический и психологический портрет*. - Мн.: Юнипак, 2005.
11. Закон Республики Беларусь «О дополнениях к Закону о свободе совести и религиозных организациях»// Национальный реестр законодательных актов Республики Беларусь, 2/886. – Минск, 2002.
12. Акудович, В. Архипелаг Беларуси // Режим доступа: [www.txt.knihi/frahmenty](http://www.txt.knihi/frahmenty). - Дата доступа: 18.9.2006

## БОРЬБА С ИНФЛЯЦИЕЙ В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ: СОВЕТСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ БЕЛАРУСИ

Н.Б. Нестерович

*Институт истории НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь*

Существует богатейший мировой опыт борьбы с инфляцией в странах с переходной экономикой. И для Беларуси, перед которой еще стоит такая проблема, было бы непозволительно не воспользоваться им. Тем более что она сама уже имела такой опыт в прошлом. Этим прошлым была первая половина 1920-х годов – время нэпа, когда осуществлялась попытка перехода от командной к рыночной экономике. И бесспорно, что исходя из уже имеющегося собственного современного опыта борьбы с инфляцией и учитывая практику борьбы с ростом цен в годы нэпа вкупе с накопленным международным опытом, можно умело и последовательно решить до конца эту непростую задачу.

В то время задача обуздания роста цен и укрепления национальной валюты стояла чрезвычайно остро. В результате безудержной эмиссии дензнаков на военные нужды инфляция достигла колоссальных размеров. На 1 января 1919 г. покупательная способность рубля снизилась в сравнении с 1913 г. в 16 раз, а на 1 января 1920 г. – уже в 2420 раз [11, с. 219]. Использование денег в силу их непрерывного обесценения резко сократилось. Первенствующее значение получил прямой обмен товара на товар. Процессу натурализации экономических связей в значительной мере способствовала политика «военного коммунизма», сделавшая в условиях непрерывно нарастающего обесценения и ненужности денег ставку на сворачивание товарно-денежных отношений. Единственным выходом из создавшегося положения было восстановление денежно-рыночных отношений, свободных от угнетающего влияния продрозверстки (являвшейся формой безвозмездного присвоения продуктов труда), и введение свободных рыночных цен.

Такой шаг был сделан в марте 1921 г.: продрозверстка была исключена из системы рыночных цен, форма безвозмездного присвоения была отделена от формы чисто рыночного эквивалентного обмена. Этот переход, восстановив прежнее разделение между налогом и рыночными ценами, устранил систему твердых государственных указанных цен и восстановил свободные рыночные цены, а тем самым и ценорегулирующее действие рыночного механизма.

Цены были, как сейчас принято говорить, отпущены на свободу. И через некоторое время рыночная конъюнктура и наполнение рынка товарами остановили их быстрый рост.

Формирование либерального механизма ценообразования явилось необходимой отправной точкой в борьбе с инфляцией, важнейшим экономическим методом этой борьбы. Далее последовали другие меры как экономического, так и административного характера, нашедшие свое выражение в денежной реформе, начавшейся осенью 1922 г.

Денежная реформа была построена на принципе установления в банковском порядке паритета между червонцем и казначейской валютой, обеспечения этого паритета путем создания фонда червонцев для свободного обмена казначейских билетов на червонцы и обратно. Она предусматривала проведение двух групп мероприятий, имевших своей непосредственной задачей воздействие как на денежное обращение, так и на товарооборот и товарные цены: максимальное снижение бюджетного дефицита и сведение к минимуму казначейской эмиссии для его покрытия; сжатие банкнотной эмиссии, в особенности за счет сокращения закупки иностранной валюты Госбанком и сокращения кредитов на хлебозаготовки для экспорта; накопление золотовалютных резервов и энергичные валютные интервенции на свободном валютном рынке; повышение процента по вкладам в банках и понижение процента за пользование кредитом; временную приостановку экспорта хлеба; продажу хлеба, принадлежащего госорганам и кооперации, в потребляющем районе по лимитным ценам; организацию продовольственной интервенции по товарам рабочего питания (мясо, сахар, жиры и т.п.); обязательное понижение оптовых и розничных цен при переходе на твердую валюту и др.

Все эти меры преследовали две цели: с одной стороны, стабилизацию денег в смысле стабилизации бумажного рубля по отношению к золоту (т.е. мировым валютам) и, с другой стороны – стабилизацию цен, т.е. удержание того общего уровня цен, который был к моменту денежной реформы, а также начало пересмотра цен в сторону их понижения, большего сближения с мировым уровнем цен.

Вначале, как мера легко осуществимая, было начато понижение курса валютных ценностей посредством выброса Госбанком на рынок золотой и иностранных валют. Это вызвало протесты экспортеров, поскольку понижение цены иностранной валюты стало приносить им огромные убытки. Однако вскоре, благодаря сокращению банковского кредитования на закупку хлеба и временной приостановке его экспорта, удалось добиться от хлебозаготовителей понижения лимитных цен, и экспорт получил необходимое для развития пространство.

Понижение хлебных цен, которые к началу денежной реформы были таковы, что в Москве хлеб стоил дороже, чем в Лондоне, вкупе с понижением цены иностранной валюты дало возможность возобновить экспорт при пониженном уровне хлебных цен. Понижение цены иностранной валюты привело к тому, что импорт оказался более выгодным для промышленности, и закупка хлопка стала более дешевой, что привело к понижению цен на текстильные товары внутри страны (в то время цены мирового рынка на хлеб и хлопок являлись основным фактором развития товарооборота СССР, всей его экономики).

Широкое цепное понижение цен по всем отраслям позволило минимально изменить соотношение между отдельными ценами и максимально изменить общее соотношение между ценами и советской твердой золотой валютой. В результате была достигнута стабилизация советской валюты по отношению к золоту, т.е. мировым золотым деньгам – долларам, и в общем утвердился средний индекс товарных цен внутри страны, который проявлял тенденцию к понижению [7, с. 172, 178-179, 210-212].

Проведение денежной реформы осуществлялось в несколько этапов и технически состояло из ряда мероприятий. Началом стал выпуск в 1922 г. в обращение банковских билетов – червонцев, которые обменивались на золото (1 червонец = 10 дорево-



люционный золотым рублям = 7,74 г чистого золота). Одновременно были выпущены новые совдензнаки, которые продолжали обесцениваться. Параллельное обращение устойчивых червонцев и обесценившихся совдензнаков продолжалось до апреля 1924 г., когда в результате достигнутых серьезных успехов в развитии экономики и продвижении ее к рынку уже были созданы финансовые предпосылки для завершения денежной реформы.

Эти предпосылки выражались не только в тенденции к понижению среднего индекса цен, но и в достижении положительного сальдо баланса внешней торговли, росте доходов государственного бюджета, ликвидации бюджетного дефицита и в ряде других моментов, укрепивших финансы Советского государства. Такие предпосылки создавались и в народном хозяйстве Беларуси [4, с. 17; 6, с. 65-66, 162, 226-227, 250].

Завершение денежной реформы было осуществлено в течение февраля-апреля 1924 г. прекращением эмиссии совдензнаков и вводом в обращение разменных по отношению к червонцу казначейских билетов, серебряных и медных монет. Совдензнаки были изъяты из обращения и выкуплены по твердому курсу: 1 руб. казначейских билетов за 50 тыс. руб. совдензнаков выпуска 1923 г. Внутри страны и за рубежом червонец свободно обменивался на золото и основные иностранные валюты по довоенному курсу царского рубля (1 USD = 1,94 руб.) [4, с. 17; 7, с. 174-177, 219-223; 11, с. 223].

Таким образом, в годы нэпа борьба с инфляцией осуществлялась весьма эффективно. В ней использовались преимущественно экономические методы, заключавшиеся в создании экономических и финансовых условий, сдерживающих стремление и возможности продавцов повышать цены. Административные меры, к которым относились установленные государством ограничения на повышение цен, также имели определенное значение в борьбе с инфляцией, поскольку государство, вмешиваясь в образование цен, стремилось устанавливать не произвольные, а экономически обоснованные цены и тем самым ограничивало монопольный произвол на рынке.

В начале 1990-х годов в Беларуси инфляционные процессы, как и в первые годы нэпа, приобрели огромные масштабы. Если в 1991 г. индекс потребительских цен по сравнению с предыдущим годом составил 147,5 %, то в 1992 г. – уже 1559,1 %, а в 1993 г. и в 1994 г. – соответственно 1996,5 и 1959,9 % [8, с. 38].

Основными экономическими факторами инфляции стали: снижение реальных объемов производства и производительности труда; рост цен на энергоносители, сырьё и материалы; монополизм производителей на рынке; рост номинальных доходов населения, который не соответствовал уровню производительности труда и был обусловлен исключительно целями поддержания существующего уровня жизни.

Практика нэпа показала, что основной финансово-экономический инструмент в борьбе с инфляцией – это ограничение совокупного спроса с помощью сокращения бюджетных расходов и жесткой денежно-кредитной политики. Но в 1991-1994 гг. руководство Беларуси, выбравшее путь неспешного, постепенного перехода к рынку, пытаясь уменьшить масштабы кризисного сокращения производства, наоборот, проводило стимулирующую производство, мягкую бюджетную и денежно-кредитную политику. Ее элементами были обильные дотации и льготные кредиты убыточным предприятиям, взаимозачеты долговых обязательств предприятий, низкая учетная ставка процента и т.п.

При этом возрастающий дефицит госбюджета покрывался в основном за счет денежной эмиссии: объем денежной массы в республике только за 1992-1994 гг. увеличился почти в 302 раза [11, с. 403]. И это – при продолжающемся устойчивом снижении реальных объемов производства. В результате совокупный спрос еще больше возрастал, что, в свою очередь, вызывало новый рост цен.

В 1995 г. государство взяло новый курс в борьбе с инфляцией. Главным средством в ней стала жесткая бюджетная и денежно-кредитная политика. В первой половине года на кредитном рынке страны были введены положительные (т.е. выше уровня

инфляции) ставки процента, ограничена денежная эмиссия, дефицит госбюджета в меньшей степени стал финансироваться за счет кредитной эмиссии Нацбанка. Благодаря этим мерам удалось добиться кратковременной стабилизации курса национальной денежной единицы и существенного снижения инфляции – до 2,5 % в месяц в июне против 39,2 % в месяц в январе. Быстро росли чистые инвалютные активы Нацбанка, достигшие к августу небывалой величины – ориентировочно 220-250 млн. USD. [3, 1995, № 26, с. 19; № 29, с. 5; № 34, с. 7; № 37, с. 1; 1996, № 8, с. 26].

Временная стабилизация курса BYR требовала одновременной стабилизации производства, мер по структурной перестройке экономики в плане ее разгосударствления и приватизации для устранения монополизма на рынке, повышения степени его конкурентности. Однако существенных сдвигов в этом направлении не последовало, и как результат – усилились инфляционные ожидания, спрос на иностранную валюту как средство спасения денег от обесценения резко повысился (с августа), что, в свою очередь, привело к быстро нарастающему истощению инвалютных резервов государства. Уже к 20 сентября Нацбанк, чтобы поддерживать установившийся курс BYR, вынужден был продать, по некоторым оценкам, не менее 90 млн. USD.

В этих условиях главная ставка в борьбе с инфляцией была сделана на административное удержание курса BYR. Если раньше он поддерживался Нацбанком с помощью воздействия на соотношение спроса и предложения посредством изменения официальной процентной ставки, норм обязательных резервов, сдерживания роста денежной массы, то теперь нужное соотношение спроса и предложения стало устанавливаться на Межбанковской валютной бирже путем отсеивания заявок на покупку валюты под закупку тех товаров, которые якобы не имеют первостепенного значения для республики [3, 1995, № 37, с. 1; № 48, с. 3; № 49, с. 5; № 50, с. 5].

Одновременно с началом администрирования в валютном курсообразовании стала постепенно сворачиваться система положительных процентных ставок на кредитном рынке, которые в IV квартале 1996 г. стали отрицательными, не обеспечивающими сохранности денег от инфляции. Изымаемые по этой причине из обращения белорусские рубли конвертировались в твердую валюту, создавая тем самым дополнительное давление на валютный рынок, дополнительный инфляционный навес над ним. Вновь стали значительно расти объемы денежной эмиссии Нацбанка на нужды неэффективного производства – основного финансового источника инфляционного роста цен. Только за три квартала 1996 г. она увеличилась на 77 % [2, с. 6; 5, 1997, № 3, с. 4; № 6, с. 21]. Все это фактически означало отказ от жесткой бюджетной и денежно-кредитной политики. Кроме того, начиная со второй половины 1996 г., в борьбе с инфляцией государство все шире стало применять прямое административное ограничение роста цен [1, с. 56].

Такая непоследовательность правительства в проведении финансовой политики привела к тому, что в январе 1997 г. произошел резкий инфляционный скачок цен на 13,3 %. При этом чистые иностранные активы Нацбанка сократились до чрезвычайно низкого уровня – 9,5 млн. USD, увеличилось расхождение между стоимостью валюты на официальном и "черном" рынках [2, с. 9, 21]. Сложившаяся относительная финансовая стабильность была нарушена. За 1997 г. потребительские цены возросли на 63,1 %, за 1998 г. – на 181,7, за 1999 г. – на 251,2 % [9, с. 32-33].

Осознание бесперспективности в борьбе с инфляцией проводимой бюджетной и денежно-кредитной политики привело в конце 1990-х годов к ее изменению. Вновь, как и в 1995 г., был взят курс на ее ужесточение. Нацбанк значительно ограничил темпы денежной эмиссии, вновь были введены положительные процентные ставки на кредитном рынке страны. В результате валютный рынок стал нормализоваться. Была ликвидирована множественность курсов белорусского рубля, и в сентябре 2000 г.

осуществлен выход на единый на всех сегментах валютного рынка курс. Основной объем операций по покупке-продаже иностранной валюты к этому времени переведен на организованный рынок (валютную биржу), где заявки удовлетворялись в полном объеме, на основании спроса и предложения. За январь – сентябрь 2000 г. чистые иностранные активы Нацбанка выросли с 50 до 107 млн. USD [3, 2000, № 40, с. 3, 7; № 43, с. 8].

Достижение относительной стабильности курса BYR (с ноября 2003 г. он установился и держится с небольшими отклонениями на отметке 2142 BYR за 1 USD) [10, с. 30] способствовало постепенному снижению темпов роста цен. В 2000 г. индекс потребительских цен в республике составил 107,5 %, в 2001 г. – 46,1, в 2002 г. – 34,8, в 2003 г. – 25,4, в 2004 г. – 14,4, в 2005 г. – 8 %, в 2006 г. – 6,6 % [3, 2007, № 5, с. 11; 9, с. 33].

Тем не менее, несмотря на прекратившийся значительный рост цен, уровень инфляции в Беларуси по мировым меркам остается все еще весьма значительным. В Китае, например, инфляция за 2006 г. составила 1,5 % и белорусские 6,6 % для него – просто катастрофа [3, 2007, № 8, с. 10]. Инфляционный потенциал экономики Беларуси не ликвидирован, поскольку продолжают действовать многие важнейшие экономические источники инфляции – рост цен на энергоносители, сырье и материалы, особенно в результате белорусско-российского нефтегазового конфликта конца 2006 – начала 2007 гг., медленные темпы разгосударствления и приватизации (удельный вес частного сектора белорусской экономики составляет сегодня всего лишь около 25 %), опережающий рост доходов населения по сравнению с ростом производства (в 2006 г. реальная начисленная заработная плата в республике увеличилась на 17,6 %, а ВВП вырос на 9,9 %) [3, 2006, № 9, с. 11; 2007, № 5, с. 11], относительно небольшая сфера действия рыночных цен (сегодня в Беларуси государство, как и ранее, сохраняет административное регулирование цен по основным позициям – по топливу, связи, транспорту, жилищно-коммунальному хозяйству и др., а также цен на товары и услуги субъектов хозяйствования, которые занимают доминирующее положение на товарных рынках республики) и др.

Таким образом, белорусский опыт переходных к рынку периодов первой половины 1920-х и 1991-2006 гг. показывает, что только строгое следование, прежде всего экономическим методам, может дать в борьбе с инфляцией стабильный, окончательно положительный результат. Борьба с инфляцией должна вестись не только методами одной монетарной политики, но и обязательно подкрепляться мерами по общеэкономическому реформированию.

#### Литература

1. Беларусь: Цены, рынки и реформа предприятий. - Вашингтон, 1996.
2. Белорусская деловая газета. 1997. № 13.
3. Белорусский рынок: Еженедельная аналитическая газета для деловых людей (с 2005, № 33 – Белорусы и рынок). 1995. № 26, 29, 34, 37, 48-50; 1996. № 8; 2000. № 40, 43; 2006. № 9; 2007. № 5, 8.
4. Большая Советская Энциклопедия. Т. 14. - М., 1952.
5. Национальная экономическая газета. 1997. № 3, 6.
6. Развитие экономики Белоруссии в 1921-1927 гг. - Мн., 1973.
7. Сокольников Г.Я. Новая финансовая политика: на пути к твердой валюте. - М., 1991.
8. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2003. - Мн., 2003.
9. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2006. - Мн., 2006.
10. Цены в Беларуси. 1991-2005. Стат. сб. Мн., 2006.
11. Эканамічная гісторыя Беларусі. Мн., 1995.

## ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

Лысюк А. И.

*Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина, г. Брест, Беларусь*

Успешность процесса Евроатлантической интеграции зависит преимущественно от трех факторов. Во-первых, от степени готовности ЕС и НАТО принять в «свое лоно» другие государства. Во-вторых, от того, насколько серьезным и ответственным является «евроатлантический выбор» для политических элит, общественного мнения «заинтересованных» стран и каким является процесс его институционального сопровождения. В-третьих, от содержания и перспектив интеграционных потоков на постсоветском пространстве с естественным центром притяжения в Москве (структуры СНГ, Союзного государства, Единого экономического пространства, ОДКБ), поскольку ориентации соответственно на Запад и на Восток не только противоречат, но и по многим параметрам взаимно исключают друг друга.

ЕС в настоящее время скорее склонен к консервации собственных структур, чем к продолжению экспансии на восток и юго-восток. Для него актуальной задачей является необходимость «переварить» в собственном теле «новые государства» после впечатляющего расширения последнего десятилетия. Европейский Союз, хотя и интенсифицировал диалог с Украиной, стремится, тем не менее, не брать на себя принципиально новых обязательств, и называть, тем более, конкретные сроки вступления Украины в эту организацию. По заявлениям отдельных еврокомиссаров, подобная перспектива будет невозможной для Украины в течение ближайших 15-20 лет. Максимум, что предлагается пока украинским партнерам – это неопределенный статус «привилегированного партнерства», новое **усиленное соглашение**, основу которого должна составить «постепенная экономическая интеграция» и «углубление политического сотрудничества». Речь идет по сути дела о швейцарской или норвежской модели отношений с Евросоюзом.

Проект вступления Украины в ЕС не обладает большинством и в общественном мнении Объединенной Европы. Исследования Еврокомиссии, проведенные летом 2005 года, засвидетельствовали, что за полноправное участие Украины в евроинтеграционном процессе выступают 45% опрошенных граждан ЕС, а 41% – против. Кстати, отношение европейцев к вступлению Украины в Европейский Союз с точностью до процента отражает отношение к евроинтеграции Румынии, ставшей членом ЕС начиная с 2007 г.

Что касается НАТО, очевидно, что перспективы присоединения Украины к Плану действий относительно членства в НАТО (ПДЧ) являются реальными. На фоне наметившейся конфронтации между Москвой и Вашингтоном, которую некоторые аналитики уже успели окрестить началом новой холодной войны, зазвучала и украинская тема. Генсек НАТО Яап де Хооп Схеффер на Мюнхенской конференции по безопасности (2007 г.) заявил, что в 2009 году хотел бы видеть среди кандидатов на вступление в НАТО Сербию, Украину и Грузию.

Для успешной интеграции в Евроатлантические структуры на первый план выступает степень соответствия определенным, заранее известным и однозначным условиям. «Копенгагенские критерии» (1993 г.) вступления в ЕС предполагают обязательное соответствие следующим принципам:

- наличие демократических институтов, соблюдение демократических норм и определенных избирательных стандартов, стабильность демократических процессов в стране;
- свобода СМИ;
- соблюдение прав человека;
- существование рыночных институтов и устойчивое функционирование рыночной экономики и др.

Критерии вступления в НАТО в целом совпадают с условиями членства в ЕС. Как отмечает Д. Грин, «по своей сути НАТО – союз демократических государств и их народов, объединенных вместе для общей защиты своих общих ценностей». Поэтому процесс подготовки к членству в НАТО предполагает серию преобразований: демонополизацию «национальной экономической и политической жизни, далеко идущие реформы сектора обороны и безопасности и, что самое важное, изменение отношений между государством и его гражданами» [2, с. 237].

Украина соответствует этим критериям лишь незначительно. Характерным в этом отношении является признание известного украинского политолога В.Круглашова, который, говоря о проблемах интеграции Украины в Евроатлантическое сообщество, замечает, что эта общая ориентации не сопровождается позитивными изменениями в реформировании экономической и политической сфер жизни Украины. «Национальное сообщество все больше маргинализируется в социальном отношении, становится убогим экономически, деградирует в духовно-культурном и интеллектуальном измерениях. Это «уверенное» движение не к Европе, а в противоположном направлении [4, с. 22]. Надежды, рожденные «оранжевой революцией», и породившие у значительной части украинского общества уверенность, что во взаимоотношениях Украины с ЕС и НАТО начнется качественно новый этап ускоренного сближения и последующей интеграции, оказались в силу слабости государственного лидерства несбывшимися и нереализованными.

Украина по отношению к НАТО занимает особую позицию. Как прежде, так и нынешнее политическое руководство государства в принципе позитивно относятся к вступлению Украины в эту организацию, практически не высказывая недовольства расширением НАТО на восток и имея с этим блоком длительный позитивный опыт конструктивного сотрудничества. В конце мая 2002 г. Совет национальной безопасности и обороны поддержал решение, целью которого является вступление Украины в НАТО. В настоящее время Украина выразила желание принять участие в реализации Пакта стабильности на Балканах и Проекта создания сил быстрого реагирования. Однако законодательно установленный курс на вступление Украины в НАТО остается одним из наиболее дискуссионных и спорных в современном украинском обществе. Как справедливо отметил украинский аналитик Н.Сунгуровский, «расхождение позиций по этому вопросу в процессе последних избирательных кампаний приобрели признаки раскола общества, что усложняет общенациональную консолидацию не только вокруг провозглашенного внешнеполитического курса, а и в реализации национальных интересов страны» [7].

По данным различных социологических исследований свыше половины украинских экспертов и представителей политической элиты поддерживают идею вступления Украины в НАТО. Общественное мнение страны в своем большинстве занимает иную позицию. Социологические опросы, проведенные в мае 2005 г. Центром Разумкова и Киевским международным институтом социологии, показали, что 55,7% населения страны выступают против интеграции Украины в НАТО, и только 22,1% - «за». На первом месте среди основных страхов противников НАТО находятся опасения, что «это может втянуть Украину в военные действия НАТО», на втором – «это потребует значительных дополнительных вложений» Большинство граждан Украины (свыше 53%) воспринимают НАТО как агрессивный блок. [3, с. 431].

В некоторой степени препятствуют отношениям Украины и НАТО также незрелость и неразвитость демократических институтов, гражданского общества и рыночных структур. К ним добавляется еще несколько важных военно-политических обстоятельств. Во-первых, слабость демократического контроля за вооруженными силами.

Во-вторых, очевидное общее ухудшение состояния боеспособности вооруженных сил Украины. Например, в 2006 г. программы разработки вооружений и военной техники для ВСУ были профинансированы в объеме 9% от потребностей, а программы за-

купки новой техники – в объеме 25% от необходимого. В совокупности это составило 31,2 млн. долл. Для сравнения: ежегодные ассигнования в Польше на приобретение новых вооружений и военной техники выделяются в объеме 800—850 млн. долл. [1].

В-третьих, отсутствие, с одной стороны, реального внешнего противника Украины, а с другой, желания НАТО взять на себя ответственность за безопасность Украины.

В-четвертых, непоследовательность курса президента и правительства Украины, сдерживающая процесс интеграции страны в НАТО. Президентство В.Ющенко, несмотря на многообещающее начало и проНАТОВские интенции, не смогло интенсифицировать диалог с альянсом и придать ему новую динамику.

В-пятых, слабая информированность населения об этой организации.

Все эти факторы в купе создают мощные барьеры на пути вступления Украины в НАТО, преодолеть которые в обозримом будущем может только экстремальная международная ситуация, требующая привлечения Украины к активным военным операциям в системе НАТО.

Обязательным условием Евроатлантической интеграции является ясность и однозначность Европейского выбора, в особенности, артикуляция четкой ориентации государства на вступление в ЕС.

Высшее руководство Украины заявляло и заявляет о приоритетности европейского выбора и даже превращения его в составную часть национальной идеи. Эта позиция пользуется существенной поддержкой населения. По результатам социологических опросов, около половины из них хотят, чтобы Украина стала членом Европейского Союза. Результаты исследования Центра Разумкова (2006) показывают, что со вступлением Украины в Евросоюз согласны 40,7% (!) респондентов, не согласны — около трети (34,2%) (Табл. 1). В 2005 г. 72,2% экспертов полагали, что вступление Украины в ЕС соответствует национальным интересам Украины [6, с. 345].

Следует отметить также, что, если в Украине на вопрос, должна ли их страна идти тем же путем, что и западные страны, отвечают утвердительно 44,8% жителей, в Беларуси – 39,6%, то в России – 24,7% (в Польше – 81,3%, в Венгрии – 88,1%) [5, с. 87].

**Таблица 1.** Распределение ответов на вопрос: «Необходимо ли Украине вступить в Европейский Союз?», в %

Варианты ответа	%
Да	40,7
Нет	34,2
Затрудняюсь ответить	25,1

Оценка готовности вступления Украины в ЕС осуществлялась ее гражданами в первую очередь с позиций социально-экономических стандартов. В начале 2005 г. большинство граждан Украины полагали, что основными преградами на пути вступления Украины в ЕС являются низкий уровень жизни людей, недостаточное экономическое развитие Украины.

В конечном счете все эти факторы существенным образом замедлили евроинтеграционную поступь Украины. Большинство опрошенных экспертов (77%) критично характеризуют динамику отношений Украины с ЕС.

Разочарования и неудачи на евроинтеграционном пути, неспособность «оранжевой коалиции» реализовать европейские устремления значительной части украинского общества привели к усилению восточного вектора во внешней политике Украины, политическим символом которого является приход к власти «антикризисной коалиции».

Говоря о Евроатлантической интеграции необходимо осознавать, что этот процесс осуществляется не только на институциональном уровне, но и на уровне народов, их культур и ценностей. Социокультурный фактор, диалог европейских культур стал действительно важным компонентом в деле построения современного Европейского Союза.

Для украинцев европейская идентичность является чрезвычайно важной составляющей их национальной идентичности. Однако в украинском обществе также существует известное предубеждение относительно «западной культуры». В частности это проявляется в том, что западная культура воспринимается как несущая некую угрозу. Согласно результатам социологического опроса, проведенного Центром Разумкова, тезис о том, что «западная культура оказывает на нас негативное влияние» в 2006 г. поддерживали 45% граждан страны. Несогласие с ним выразили 26% респондентов [8].

В настоящее время на ценностном уровне украинцев и народы, представляющие евроатлантическую цивилизацию, разделяют, тем не менее, три культурологических фактора. Во-первых, это несовпадение господствующих типов политической культуры: утвердившаяся «на Западе» гражданская политическая культура «на Востоке» только зарождается.

Во-вторых, очевиден культурологический диссонанс в пространстве ценностной доминанты. В восточноевропейских «транзитных обществах» господствуют так называемые «материальные ценности», ставящие во главу угла проблемы материального существования, безопасности и справедливости, в то время как в странах западной цивилизации все более распространяются и укореняются постматериальные ценности: гендерные, экологические, проблемы войны и мира и др. Данный ценностный диссонанс не носит принципиального характера; он историчен и преодолевается посредством интенсивной модернизации общества.

В-третьих, в определенной мере сказывается и фактор цивилизационный, обуславливающий линии водораздела между западной и славянской цивилизациями. Украина в цивилизационном отношении является «расколотым государством» с доминированием славянского элемента.

Очевидно, что по большинству параметров в настоящее время Украина не готова интегрироваться в структуры НАТО и ЕС. Ее евроинтеграционные перспективы в решающей степени будут зависеть от готовности предпринять интенсивные рыночные преобразования и либеральную трансформацию социально-политических структур. В настоящее время эта готовность выступает скорее в потенции, чем в реальности.

#### Литература

1. Бадрак В. Синдром безоружности// Зеркало недели. – 2007. – 10 февраля. – № 5.
2. Грин Дж. Украинское демократическое движение и евроатлантическая интеграция: естественное состояние, но сложный путь// Украина: гражданское общество в контексте европейской интеграции. – Луганск: Знание, 2004.
3. Гуйтор М. Інтеграційні орієнтації України як складова політичних технологій// Політологічні та соціологічні студії. Збірник наукових прац. Том IV. – Чернівці: «Прут», 2006.
4. Круглашов А. Розширення НАТО та європейська інтеграція: взаємозалежність та перспективи// Проблеми прикордонних регіонів у контексті розширення НАТО: Матеріали науково-практичного семінару. – Чернівці: БУКРЕК, 2001.
5. Лапкин В.В., Пантин В.И. Восприятие западных институтов и ценностей в постсоветском пространстве: опыт Украины и России// Полис. – 2004. - № 1.
6. Ротар Н. Євроінтеграційний дискурс як чинник електоральної участі громадян України// Політологічні та соціологічні студії. Збірник наукових прац. Том IV. – Чернівці: «Прут», 2006.
7. Сунгуровский Н. Украина – НАТО: проблема сознательного выбора// Зеркало недели. – 2006. – 2 декабря – № 46.
8. Шангина Л. 15 лет спустя: страна та же, люди те же, вот только...// Зеркало недели. – 2006. – 2 декабря. – № 46.

## STOSUNKI POLITYCZNE UKRAINY I FEDERACJI ROSYJSKIEJ

Agnieszka Konopelko  
*Politechnika Białostocka, Białystok, Polska*

### Wprowadzenie

Ukraina staje się istotnym podmiotem międzynarodowych stosunków globalnych i regionalnych, a zwłaszcza przyszłej struktury bezpieczeństwa europejskiego. Ze względu na swoje geostrategiczne i geopolityczne położenie oraz potencjał ekonomiczny znajduje się ona w kręgu zainteresowań wielu krajów i organizacji międzynarodowych. Od kilku lat główne kierunki ukraińskiej polityki zagranicznej pozostają niezmiennie, czyli strategiczna współpraca z Unią Europejską, Sojuszem Północnoatlantyckim oraz Rosją.

Uwarunkowania historyczne, polityczne, ekonomiczne i kulturowe powodują, że Ukraina pozostaje w rosyjskiej strefie wpływów. Należy się zgodzić z wieloma opiniami, że głównym punktem odniesienia wszelkich działań w Europie Wschodniej jest Federacja Rosyjska, a formułowane kierunki polityki wobec Ukrainy stanowią część składową tej polityki. Jak pokazują dotychczasowe doświadczenia, stanowisko Rosji postrzegające pozostałe kraje WNP, w tym Ukrainę, jako własną strefę wpływów, nie spotyka się praktycznie z wyraźnym sprzeciwem krajów Europy Zachodniej [5, s. 31].

### Ewolucja relacji dwustronnych

Proklamowanie niepodległego państwa ukraińskiego w 1991 roku wywołało zaniepokojenie w Rosji. Wiele środowisk politycznych obawiało się negatywnego wpływu utraty Ukrainy dla gospodarki rosyjskiej oraz możliwości stworzenia przez nią centrum opozycji antyrosyjskiej w sojuszu z innymi państwami Europy Środkowej i Wschodniej.

W pierwszych latach po uzyskaniu niepodległości przez Ukrainę uwidoczniły się problemy w stosunkach wzajemnych, dotyczące granicy (spory z Rosją o Krym, o status portu – bazy wojennej w Sewastopolu), mniejszości (mniejszość rosyjska na wschodzie), a także nie zakończone spory graniczne na Morzu Azowskim i w Cieśninie Kerczeńskiej [7, s.5].

W 1992 roku prezydenci Rosji i Ukrainy zgodzili się co do równego podziału Floty Czarnomorskiej i jej czasowego stacjonowania w Sewastopolu (co jednak zostało później zanegowane przez obie strony), a w 1994 roku Rosja oficjalnie potwierdziła gwarancje dla granic Ukrainy i jej suwerenności. Ostatecznie, po wieloletnich negocjacjach, w 1997 roku premierzy obu państw podpisali kilkanaście porozumień, na mocy których, między innymi, potwierdzono bezwarunkową suwerenność Ukrainy nad Sewastopolem i zagwarantowano Rosji prawo do stacjonowania marynarki wojennej przez co najmniej 20 lat. Więcej kontrowersji wzbudził spór o Cieśninę Kerczeńską, przez którą przepływają statki z Morza Czarnego na Morze Azowskie. Rosja twierdziła, że użytkowanie wód powinno być wspólne, natomiast Ukraina uważała je za własne wody terytorialne. W 2003 roku prezydenci obu państw podpisali umowę o współpracy i wykorzystaniu wód Morza Azowskiego i Cieśniny Kerczeńskiej [2, s. 134-137].

Ogłoszenie Aktu Niepodległości przez Ukrainę (1991) zmusiło Rosję do zweryfikowania swoich priorytetów w polityce zagranicznej i polityce bezpieczeństwa. Dla Ukraińców najważniejszym celem stało się utrzymanie niepodległego państwa, natomiast władze rosyjskie początkowo praktycznie nie miały żadnej koncepcji polityki wobec Ukrainy. Ukraina, podobnie jak Litwa, Łotwa i Estonia, przeciwstawiła się zdecydowanie rosyjskiej koncepcji zwierzchnictwa Moskwy nad byłymi republikami radzieckimi. Władze rosyjskie zaczęły postrzegać Ukrainę jako istotnego partnera w polityce międzynarodowej [2, s. 57-58].

Pomimo wielu nierozwiązanych problemów, Moskwa była gotowa do ułożenia stosunków z Kijowem. W ramach reorientacji polityki zagranicznej władze rosyjskie dążyły do zmniejszenia znaczenia współpracy wielostronnej w ramach Wspólnoty Niepodległych Państw na rzecz umocnienia stosunków bilateralnych.

Wyraźne ocieplenie stosunków dwustronnych nastąpiło w 2000 roku, po objęciu funkcji ministra spraw zagranicznych przez Anatolija Zlenko, który od początku stwierdził, że



Ukraina ma dwóch partnerów strategicznych: Federację Rosyjską i Stany Zjednoczone, odsuwając na dalszy plan stosunki z Unią Europejską [11, s. 11].

Wraz z wyborem nowego prezydenta Rosji Władimira Putina, nastąpiła dalsza poprawa we wzajemnych relacjach. Rosja zrezygnowała z traktowania WNP jako narzędzia reintegracji i postawiła na stosunki dwustronne. Wspomniana wcześniej umowa bilateralna z 2003 roku o granicy państwowej jest formalnym potwierdzeniem suwerenności Ukrainy przez Rosję [9, s. 22].

Istotnym elementem determinującym wzajemne stosunki są kwestie tranzytu rosyjskiego gazu przez Ukrainę (zależność Ukrainy od dostaw rosyjskich surowców energetycznych oraz zależność Rosji od tranzytu energii przez terytorium ukraińskie). Konflikt wokół tranzytu rosyjskiego gazu i walka Ukrainy o jej bezpieczeństwo energetyczne były powodem narastającego kryzysu na linii Moskwa – Ukraina, zagrażającego stabilności oraz niezależności państwa. W 2005 roku, pomimo podpisanej wcześniej przez władze Rosji i Ukrainy umowy o opłatach za tranzyt gazu do 2009 roku i o dostawach gazu na Ukrainę, Rosja zażądała od Ukrainy nowych warunków współpracy w tej dziedzinie (pod groźbą zablokowania dostaw gazu na Ukrainę). Zatem, nastąpiło jednostronne podwyższenie cen gazu dostarczanego przez Gazprom na Ukrainę. W 2006 roku Gazprom zmniejszył ciśnienie gazu dostarczanego na Ukrainę, jednocześnie ograniczając dostawy gazu do Europy Zachodniej. Ostatecznie, w styczniu 2006 roku doszło do podpisania nowej pięcioletniej umowy na dostawy gazu rosyjskiego na Ukrainę, na mocy której zrezygnowano z barterowych rozliczeń gazowych oraz zerwano trwale związki ceny gazu i ceny tranzytu gazu przez Ukrainę. W zamian jednak, strona ukraińska musiała zapewnić szeroki dostęp do rynku odbiorców przemysłowych dla związanych z Gazpromem spółek pośredniczących w handlu gazem [6, s. 55-63].

Jak można zauważyć, porozumienie to nie gwarantuje w dłuższej perspektywie całkowitej niezależności Ukrainy od Rosji. Może ono mieć w przyszłości negatywne skutki w sferze bezpieczeństwa energetycznego państwa. Sytuacja taka nie ułatwia również dążeń Ukrainy do integracji ze strukturami unijnymi.

#### **Wspólna Przestrzeń Gospodarcza**

We wrześniu 2003 roku Ukraina przystąpiła do tworzonej przez Federację Rosyjską Wspólnej Przestrzeni Gospodarczej na terytorium Białorusi, Kazachstanu, Rosji i Ukrainy. Wspólna Przestrzeń Gospodarcza miała być odpowiedzią Rosji na rozszerzenie UE na Wschód i sposobem na silniejsze związanie ze sobą byłych republik radzieckich. Przystąpienie Ukrainy do strefy wolnego handlu i unii celnej w ramach WPG miało między innymi umożliwić tanie dostawy rosyjskiej ropy i gazu, ale z drugiej strony, postawiło pod znakiem zapytania perspektywę integracyjne Ukrainy i Unii Europejskiej (co zresztą było podnoszone od początku przez ukraińską opozycję).

Niejednoznaczne jest stanowisko prezydenta Wiktora Juszczonki w sprawie pogłębiania relacji z Rosją w ramach Wspólnej Przestrzeni Gospodarczej. Podczas szczytu państw WNP w 2005 roku prezydent Ukrainy potwierdził częściowe uczestnictwo Ukrainy w WPG, ale tylko w takim stopniu, w jakim nie będzie to przeszkadzało planom integracji z Zachodem oraz sprzeciwił się idei tworzenia ponadnarodowych organów tej organizacji [6, s. 64].

#### **Wspólnota Niepodległych Państw**

Wspólnota Niepodległych Państw została utworzona w grudniu 1991 roku przez 11 byłych republik radzieckich<sup>32</sup>.

Właściwie od początku istnienia Wspólnoty nie określono jednoznacznie jej statusu, strategii działania, zasad członkostwa oraz powołania ewentualnych organów. Wydaje się, że dla Ukrainy ma ona charakter luźnego porozumienia międzypaństwowego, stanowiącego

<sup>32</sup> Armenia, Azerbejdżan, Białoruś, Kazachstan, Kirgizja, Mołdawia, Rosja, Tadżykistan, Turkmenistan, Ukraina, Uzbekistan. W 1993 roku do WNP dołączyła Gruzja. Wspólnota Niepodległych Państw, <http://www.cis.minsk.by>, 11.03.2006.

platformę współpracy byłych republik radzieckich. Natomiast, Rosja zainteresowana jest, nie tylko współpracą gospodarczą, ale jak najszerszym zacieśnianiem relacji między państwami członkowskimi prowadzącymi do pełnej integracji [2, s. 149-150].

Rosja, zgodnie z przyjętą doktryną militarną, uznaje WNP za regionalną organizację bezpieczeństwa. Jednym z celów Federacji Rosyjskiej jest zbudowanie szerokiego systemu bezpieczeństwa zbiorowego oraz sojuszu obronnego państw postradzieckich w ramach WNP. Zasady systemu bezpieczeństwa zbiorowego określono w Układzie Taszkienckim podpisanym w maju 1992 r. Ukraina nie przystąpiła do tego Traktatu, ani do układu o wspólnej ochronie granic i innych porozumień WNP, które uważała za niekorzystne dla siebie, preferując współpracę dwustronną [9, s. 21-22].

W praktyce, działalność WNP koncentruje się na konsultacjach politycznych oraz nielicznych wspólnych operacjach pokojowych. Rosyjska strategia polityczno-wojskowej integracji w ramach WNP budzi zastrzeżenia ze strony Ukrainy, aczkolwiek Kijów prowadzi politykę tzw. biernego uczestnictwa. Poza tym, Rosja nie ma wypracowanej koncepcji, ani długofalowej strategii wobec WNP.

Pomarańczowa Rewolucja na Ukrainie ujawniła rywalizację Unii Europejskiej i Rosji o wpływy na terenie Wspólnoty Niepodległych Państw. Rosja oczekuje od UE uznania całej WNP, traktując Ukrainę jako część tej wspólnoty, za jej naturalną strefę wpływów. Aczkolwiek, w wyniku trudności z dostawami istotnych dla gospodarki Ukrainy surowców energetycznych (wysokie ceny gazu) pojawiły się nawet sugestie o wystąpieniu Ukrainy z WNP [3, s. 128].

#### **Podsumowanie**

Z badań przeprowadzonych przez Instytut Spraw Publicznych oraz Kijowski Międzynarodowy Instytut Socjologii wynika, że 31% Ukraińców jest za integracją z Państwem Związkowym Białorusi i Rosji (opcja wschodnia), a jedynie 15% za integracją z Unią Europejską (opcja zachodnia), natomiast 23% obywateli ukraińskich opowiedziało się za równoczesną integracją z Rosją i Białorusią oraz z UE (opcja wielowektorowa) [4].

Opinie Ukraińców podlegają silnym wahaniom w zależności od bieżących wydarzeń na scenie politycznej, ale od kilku lat dominuje opcja zwolenników integracji ze wschodem, którzy twierdzą, że Rosja lepiej rozumie potrzeby Ukrainy.

Ukraina, z uwagi na swoją wielkość, zasoby naturalne i walory geopolityczne może pełnić szczególną rolę w kształtowaniu polityki bezpieczeństwa na obszarze byłego ZSRR. Punktem wyjścia określenia strategii i wytyczenia kierunków w polityce zagranicznej powinno być jasne określenie jej celów.

W dniu 12 lutego 2007 roku prezydent Wiktor Juszczenko, podczas spotkania z szefami placówek dyplomatycznych i organizacji międzynarodowych działających na Ukrainie, zapewnił, że Ukraina będzie konsekwentnie kontynuować kurs na integrację europejską i euroatlantycką. Wyraził także nadzieję na dobrą współpracę z Rosją, między innymi, w ramach ukraińsko-rosyjskiej komisji międzypaństwowej. Zapewnił, że Kijów uważa za strategiczne stosunki ze wszystkimi sąsiadami i pragnie umacniać strategiczne partnerstwo z USA. Podkreślił, że Ukraina odrzuca politykę "nieokreśloności" i będzie kontynuować praktyczny dialog z NATO dla wspólnego bezpieczeństwa i wspólnej stabilności. Jednak, wydaje się, że ewentualna integracja Ukrainy z NATO, wpłynie na pogorszenie wzajemnych stosunków w sferze wojskowo-obronnej oraz w kwestii stacjonowania rosyjskiej Floty Czarnomorskiej w Sewastopolu.

Co do perspektywy członkostwa Ukrainy w Unii Europejskiej, prezydent potwierdził europejski wybór Ukrainy, lecz nie wskazał daty docelowej, twierdząc, że takie konkretne deklaracje są przedwczesne (zwłaszcza na etapie formułowania strategii polityki zagranicznej Ukrainy).

W praktyce jednak, Kijów wciąż pozostaje dla Moskwy najważniejszym i najpoważniejszym partnerem wśród krajów WNP. Wielu komentatorów sceny politycznej, jak i samych polityków podkreśla, że prędzej czy później Ukraina stanie się rzeczywistym partnerem strategicznym Rosji. Jak określił Zbigniew Brzeziński „bez Ukrainy Rosja przestaje być imperium, ale z jej podległą Ukrainą Rosja automatycznie staje się mocarstwem” [1].

Rosja oficjalnie nie neguje prawa Ukrainy do integracji z Unią Europejską, ale w praktyce, wydaje się, że ewentualna akcesja Ukrainy do UE (czy nawet integracja gospodarcza) nie jest zgodna ze strategicznym interesem Federacji Rosyjskiej. Polityka prezydenta Rosji zmierza raczej do stopniowego włączenia Ukrainy w sieć powiązań ekonomicznych z Moskwą. Świadczą o tym deklaracje Putina o tworzeniu strefy wolnego handlu pomiędzy Rosją a Ukrainą, co byłoby szczególnie korzystne dla Ukrainy. Wydaje się, że zgoda na ten projekt ma wymiar polityczny i zmierza do osłabienia europejskich dążeń Ukrainy. W tym sensie można powiedzieć, że polityka Putina jest dokładnie przemyślana i ukierunkowana na wzmocnienie rosyjskiej strefy wpływów (reintegracja obszaru poradzieckiego w ramach WNP). Oferta Rosji staje się coraz bardziej interesująca ze względu na rozwój gospodarczy w Rosji napędzany przede wszystkim wysokimi cenami surowców energetycznych na rynkach światowych oraz euroazjatyckim kierunkiem polityki rosyjskiej. Natomiast, Unia Europejska, skupiona na reformie struktur, akcesji nowych członków i sporach wokół Traktatu Konstytucyjnego, nie składa Ukrainie konkretnych propozycji członkostwa, co nie utwierdza Ukrainy w kursie proeuropejskim. Zbliżeniu wzajemnych kontaktów rosyjsko-ukraińskich towarzyszy również ekspansja rosyjskiego kapitału na Ukrainę.

Niewątpliwie, brak własnych surowców energetycznych na Ukrainie oraz fiasko planów dywersyfikacji ich dostaw umożliwi Rosji wywieranie nacisku na Kijów i skutecznie ogranicza pole manewru w zakresie formułowania polityki zagranicznej.

Niemniej jednak, Prezydent Ukrainy twierdzi, że niezależność Ukrainy od Rosji i przyszła integracja z Unią i Sojuszem Północnoatlantyckim przyniesie większe korzyści dla obu sąsiadów.

Wydaje się, że problemy polityczne zdominują działania ukraińskich władz w kolejnych latach. Niestabilność może też wpłynąć negatywnie na pozycję Ukrainy w dalszych rozmowach gazowych z partnerem rosyjskim. Konieczność dostosowania kraju do wyższych cen importowanego gazu jest obok reform strukturalnych głównym wyzwaniem dla przyszłych rządów w Kijowie. Chociaż, według niektórych komentatorów, kwestie energetyczne w relacjach rosyjsko – ukraińskich mogą pełnić rolę stabilizującą we wzajemnych stosunkach, gdyż ze względu na wzajemną zależność, jak i kontakty z partnerami europejskimi, obie strony będą musiały wypracować wspólną formułę w zakresie bezpieczeństwa energetycznego, łącznie z umową o systemie dostarczania gazu [8].

Ponadto, prognozuje się, że istotnym czynnikiem równoważącym konflikty w dwustronnych stosunkach gospodarczych, będzie przystąpienie obu krajów do Światowej Organizacji Handlu (WTO) oraz postępujący wzrost poziomu wzajemnych inwestycji bezpośrednich.

#### LITERATURA

- [1] Brzeziński Z., *The Premature Partnership*, Foreign Affairs, March/April 1994
- [2] Donaj Ł., *Polityka bezpieczeństwa niepodległej Ukrainy*, Wyższa Szkoła Studiów Międzynarodowych w Łodzi, Łódź 2005
- [3] Fiszer J. M., *Systemy polityczne*, PAN, Warszawa 2005
- [4] Konieczna J., *Ukraina po pomarańczowej rewolucji*, Ośrodek Studiów Wschodnich, Warszawa 2006
- [5] Lenarczyk W., *Europejskie i euroatlantyckie aspiracje Ukrainy w ocenie niemieckiej*, Instytut Europy Środkowo - Wschodniej, Lublin 2003
- [6] Staniszewski R., *Stosunki gospodarcze Polski z Ukrainą w warunkach „pomarańczowej rewolucji”*, w: *Stosunki gospodarcze Polski ze Wschodem*, [red.] P. Bożyk, Wyższa Szkoła Ekonomiczna - Informatyczna, Warszawa 2006
- [7] Szmyd Z., *Kalendarium stosunków Unia Europejska-Ukraina*, Ministerstwo Spraw Zagranicznych, Warszawa 2002
- [8] *Ukraina: jak żyć z Rosją? Rosja: jak żyć z Ukrainą? Stosunki ukraińsko-rosyjskie w 2006 roku i w najbliższej przyszłości* [red.] W. Konończuk, Fundacja im. Stefana Batorego, Warszawa 2006
- [9] *Ukraina. Przewodnik dla przedsiębiorców*. UNIDO ITPO, Warszawa 2006
- [10] Wspólnota Niepodległych Państw, <http://www.cis.minsk.by>
- [11] Zamarlik M., *Ukraina między Rosją a Zachodem*, Instytut Studiów Strategicznych, Kraków 2001

## ЕЭП И УКРАИНА: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

И.А. Ковальчук

*Вольинский государственный университет имени Леси Украинки, г. Луцк, Украина*

19 сентября 2003 года в Ялте высшие руководители Украины, России, Беларуси и Казахстана подписали соглашение о создании Единого экономического пространства. Это был начальный этап практической реализации концепции, которую еще в 1991 году пытался осуществить в Ново Огареве, тогдашний президент СССР М.С. Горбачев.

Следующим этапом стал проект нового Союзного договора от 24 сентября 1993 г., когда 9 членов СНГ взяли на себя обязательства по поводу создания Экономического Союза. Грузия и Туркменистан стали его полноправными членами в декабре 1993 года, а Украина присоединилась к Экономическому Союзу в следующем году в качестве ассоциированного члена. Но этот союз так и не был реализован, потому, что Россия не ратифицирована подписанное еще 15 апреля 1994 г. соглашение о зоне свободной торговли в рамках СНГ, поскольку ей оно было экономически не выгодно.

Очередным этапом регионального сотрудничества стал союз стран Центральной Азии, который создали в 1994 г. Казахстан, Киргизстан и Узбекистан.

В 1998 году этот союз превратился в Экономический союз, и в этом же году к нему присоединился Таджикистан.

Параллельно в 1995 году Россия, Казахстан и Беларусь основали Таможенный Союз (ТС), к которому в 1996 году присоединился Киргизстан, а в 1999 г. – Таджикистан. В октябре 2000 года был провозглашен новый Евразийский Экономический Союз. Также в этом году было продекларировано создание еще одного регионального союза – зоны свободной торговли в рамках ГУУАМ (Грузия-Украина-Узбекистан-Азербайджан-Молдова).

Наконец 23 февраля 2003 г. президенты Украины – Леонид Кучма, России – Владимир Путин, Беларуси – Александр Лукашенко и Казахстана - Нурсултан Назарбаев заявили о намерении создать Единое Экономическое Пространство к сентябрю 2003 года. Тогда же была создана специальная Рабочая группа Высокого уровня, которая провела несколько заседаний и подготовила проект соглашения о Едином Экономическом пространстве, что и было сделано на встрече глав государств в Ялте 19 сентября 2003 г.

Там же была принята концепция формирования ЕЭП, которая является неотъемлемой частью этого соглашения.

«Под Единым экономическим пространством (далее ЕЭП) государства-участники понимают экономическое пространство, объединяющие таможенные территории государств-участников, на котором функционируют механизмы регулирования экономики, которые основаны на единых принципах и которые обеспечивают свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, и проводится единая внешнеторговая и согласованная, в той мере и в том количестве, в каких это необходимо для обеспечения равноправной конкуренции и поддержании макроэкономической стабильности, налоговая, денежно-кредитная и валютно-финансовая политика» - говорится в первой статье соглашения.

Координирование и управление формированием и функционированием ЕЭП на межгосударственном уровне будет Совет глав государств на основании принципа «одно государство – один голос». Этому органу на основании международных соглашений стороны делегируют часть своих полномочий. Также стороны основывают единый регулирующий орган ЕЭП, решения которого принимаются голосованием, а количество голосов каждой стороны определяют с учетом их экономического потенциала, и эти решения «являются обязательными для выполнения каждой стороной». Соглашение о формировании ЕЭП открыто для присоединения других государств – отмечается в подписанном документе, и оно подписано на неопределенное время.

Во время представления проекта ЕЭП украинский и российский президенты Л.Кучма и В.Путин заявили, что создание регулирующего органа не будет ограничени-

ем суверенитета стран-участниц, никоим образом не приведет к возникновению таких взаимоотношений между странами, какие были при Советском Союзе.

После встречи на высшем уровне 26 июля 2004 г. в Ялте Президент России Владимир Путин еще раз подчеркнул, что «ЕЭП не ставит перед собой каких-либо политических целей, а направлено на развитие экономик двух стран и повышение благосостояния наших народов. Именно на это направлены все наши усилия по созданию ЕЭП». Постоянно это утверждал и Президент Украины Леонид Кучма, который подчеркивал, что соглашение носит экономический характер и все договоренности в рамках ЕЭП не должны противоречить статьям Конституции Украины.

Таким образом, 20 апреля 2004 года Верховная Рада Украины и Государственная Дума России ратифицировали соглашение о создании ЕЭП соответственно 265 голосами украинских парламентариев и 408 голосами их российских коллег.

Вместе с тем перспективы ЕЭП очерчены очень туманно. С одной стороны, для полноценного функционирования ЕЭП, как было решено на саммите глав государств в июне 2004 г., необходимо подготовить и подписать ряд документов к 15 сентября 2004 г., из которых - 61 законопроект и 50 нормативных актов, в сжатые строки. С другой стороны, подписанное соглашение о создании ЕЭП вызвало некоторые противоречия в государствах - членах союза и, особенно серьезные в Украине - протестные кампании оппозиции и местных органов власти в западных регионах страны, противостояние политических сил во время президентской избирательной кампании 2004 года. Именно на этом была основана поддержка Россией на выборах Виктора Януковича и не заинтересованность администрации В.Путина в победе В.Ющенко. Последний после победы на выборах Президента взял курс на присоединение Украины к ЕС, поскольку, по его мнению, пользы от сотрудничества в рамках ЕЭП для Украины немного. Правда, Президент Украины В.Ющенко по поводу этого отметил: «Парадокс прошлых лет был в том, что Украина формально желала вступить в ЕС и получить от этого много пользы, но ЕС пока что не спешит объединяться с Украиной». Невосприимчивость ЕЭП было вызвано планированием создания наднационального органа, что противоречит Конституции Украины. Вызывает также сомнение и необходимость глубокой координации торговой, экономической и финансовой политики с Россией, Беларусью и Казахстаном, которые не ориентируются на европейские принципы в проведении реформ, намерением Украины интегрироваться в Европейский союз.

В то время украинские и зарубежные аналитики отмечают как позитивные, так и негативные факторы членства Украины в ЕЭП.

К позитивным моментам следует отнести, прежде всего, экономические факторы:

- это поиск рынков сбыта готовой продукции, в связи с ростом производства в Украине. Поскольку Европа не очень рада украинским товарам на своих рынках, с одной стороны, а с другой, ЕС проводит ограничительную торговую-экономическую политику к другим государствам, то взгляд на Восток Украины есть вполне объективен. Кстати, товарооборот Украины со странами ЕС составляет 13 млрд. долларов, тогда как с Россией он достиг 15,4 млрд. долларов;

- это рост рабочих мест и возможность легального использования украинской рабочей силы в странах ЕЭП;

- это объективное уменьшение товарооборота с соседями (Польша, Венгрия и др.), которые стали членами ЕС 1 мая 2004 г. Как прогнозировали аналитики, Украина с 2005 года ежегодно от этого будет терять 350-370 млн. долларов;

- это создание зоны свободной торговли (а это одно из условий членства Украины в ЕЭП) и отмена ограничений для свободного передвижения товаров, услуг и капиталов в рамках ЕЭП;

- это возможность монополизировать Украиной российских и казахских энергоносителей на Запад;

- и, наконец, Украина имеет возможность стать узловым государством экономической интеграции и взаимодействия Востока и Запада Европы, с перспективой получения высокого статуса влияния в мировой политике.

К негативным моментам следует отнести:

во-первых – ЕЭП не будет способствовать последующей демократизации Украины, поскольку все ее участники далеки от идеалов развитой демократии;

во-вторых – членство в ЕЭП объективно изменит возможность более тесных взаимоотношений Украины с Европой, об этом утверждают польский аналитик Марек Домбравский и Стивен Пайфер, бывший посол США в Украине;<sup>7</sup>

в-третьих – Украина может попасть под влияние Москвы во внешней политике и быть изолированной от прямого диалога со странами Запада;

в-четвертых – в ракурсе уменьшения конкуренции и одностороннего развития промышленности Украина может остановиться в своем промышленном росте;

в-пятых – более сильный и зрелый российский бизнес может скупить всю украинскую экономику и иметь большое влияние на политику в Украине.

Наконец – русский язык, как язык межгосударственного общения, имеет все возможности вытеснить украинский язык, особенно на юге и востоке Украины, и соответственно российская культура может иметь объективно преобладающее влияние на украинское население.

Таким образом, подводя итоги анализа взаимоотношений и возможных последствий членства Украины в Едином экономическом пространстве, можно констатировать следующее: во-первых – с точки зрения начального этапа формирования ЕЭП и отсутствия его реальной нормативной базы – общие перспективы ЕЭП и отдельно Украины четко не очерчены;

во-вторых – в рамках намерений реализации соглашения существует угроза суверенитету Украины;

в-третьих – есть возможность некоторой экономической изоляции Украины со стороны ЕС, с другой – потеря реального суверенитета национальной экономикой.

Поэтому в сущности Украина сегодня находится в неопределенном экономическом и политическом состоянии. Особенно это усиливается в рамках экономической нестабильности и политического кризиса в Украине после мартовских выборов 2006 года и до настоящего времени.

В этих условиях следует, наверное, прислушаться к высказываниям известного украинского экономиста В Черняка, что «для Украины наилучшим выходом из ситуации есть зона свободной торговли на Востоке и интеграционный процесс на Запад». Это не противоречит заявлениям президента России В.Путина, который говорил: «Мы ни в коем случае не должны противопоставлять себя Западу, мы - объективная часть мировой экономической системы. Объединяя наши усилия, мы повышаем нашу конкурентоспособность». С этим нельзя не соглашаться, поскольку это главный экономический фактор и позитивный момент «создания Единого экономического пространства России, Беларуси, Казахстана и Украины, который может стать «могучим рычагом экономик «четверки», повысить их конкурентоспособность на глобальных рынках и, главное – позволит повысить качественный уровень жизни граждан четырех стран.

#### Литература

1. Концепция формирования единого экономического пространства. – С. 1.
2. Там же. – С. 1.
3. Интерфакс. – 25.05.2004. – С. 1.
4. Лебедев А. Синхронная ратификация // Киевский телеграф. – 30 апреля 2004 г. – С. 26.
5. Афиша V.I.P. – 24 февраля 2005 г. – С. 4.
6. Российская позиция в отношении выборов президента Украины и перспектив российско-украинского сотрудничества (меморандум Российского клуба). – К., 2004. – С. 22.
7. Демабраглов И. ЕЭП: интеграция не цель, а инструмент // 2000. – 19.X.2004. – С. 133.
8. РИА «Новости», - 20.07.04.

## ИНТЕГРАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ (РУССКИХ, ПОЛЯКОВ) В ЛИТВЕ

Виталия Кециорите

*Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва*

В данной статье с различных точек зрения анализируются способы интеграции двух самых крупных национальных общин Литвы – русских и поляков. Какие пути адаптации выбрали эти две крупнейшие национальные общины? Анализируя статистические и социологические данные, аргументируется, что большинство поляков выбрали сегрегационный способ (определенное отделение от большинства), а русским более характерен способ инкорпорации (сливание с большинством). Возникает вопрос: что способствует таким отличиям? В статье раскрывается мысль, что выбранные национальными меньшинствами пути адаптации зависят не только от демографических и социальных условий, но и от взгляда большинства на них. Социологические опросы показывают, что большинство менее предрасположено к полякам, нежели к русским. Именно это и есть одна из основных причин, почему поляки и русские выбрали различные способы интеграции.

### **Вводное слово**

Быстро меняющаяся ситуация требует адекватной интерпретации и анализа, обязывая нас внимательнее рассматривать вновь возникающие проблемы. И одна из таких тем – проблематика национальных меньшинств. Ее актуальность, в первую очередь, определяют изменения в мире (Балканский регион) и все более возрастающая Европейская интеграция. Вновь создаваемая новая Европа понимает, что, не закрепив права национально этнических меньшинств, будет трудно удержать достигнутые результаты.

Нельзя говорить обобщенно о положении национальных общин/меньшинств в том или ином обществе, т.к. проживающие в одном государстве различные национальные группы могут выбрать различные пути адаптации. Для определенных групп способы интеграции определяют не только социальные, экономические, демографические ресурсы, но также и культурный идентитет, который создать и подтвердить можно только при взаимосвязи с большинством.

Основываясь на законе о национальных меньшинствах Литвы и на принятом Организацией объединенных наций Международном пакте о гражданских и политических правах, можно утверждать, что национальное меньшинство - это "... община граждан государства не основных национальностей, меньшая, нежели часть жителей государства основной национальности, язык, привычки и черты которых отличаются от черт большинства и члены которой стараются сохранить свои традиции, религию, солидарность и гражданские права" (1,4).

В демократичном и плюралистическом обществе то, что условно названо "меньшинством", пользуется всеми правами и свободами, как и те, которые условно принадлежат "большинству".

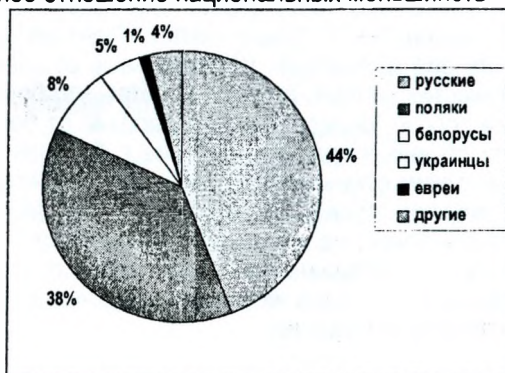
Основываясь на отношении большинства к меньшинству, можно утверждать, что определенная группа может инкорпорировать в более крупную общину, при этом сохраняя свой идентитет, или наоборот – пытаться сегрегировать, т.е. выдерживать определенную дистанцию с большинством, отделяться от большинства.

### **1. Социологические данные**

Можно утверждать, что большинство русских Литвы выбрали инкорпорационный путь, более интегрируются в гражданское общество Литвы, однако полякам характерна сегрегация. Данное различие идентитетов объясняется не только социальными и демографическими различиями, но и различным отношением большинства к данным двум национальным группам.

По данным Департамента статистики в 2006 г., в Литве проживало 219,8 тыс. русских (6,31% процента от общего числа жителей) и 234,9 тыс. поляков (6,74% процентов от общего числа жителей). Русские составили 44,6% от всех лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, а поляки - 37,6%.

1 график. Процентное отношение национальных меньшинств



Это самые большие национальные общины в Литве (на третьем месте - белорусы: 42 тысяч).

Социологические исследования показывают, что из всех национальных общин поляки наиболее подчеркивают свою национальную принадлежность. Это прекрасно показывают следующие статистические данные.

Таблица 1. Тенденция коллективного идентитета по национальностям (в процентах)

Национальность	Никакой	Слабая	Средняя	Сильная	Очень сильная
Литовцы	6	26	39	20	8
Русские	7	27	41	19	6
Поляки	4	22	39	21	14
Белорусы	6	30	32	28	4
Другие национальности	6	30	32	28	4

Видим общую тенденцию: поляки наиболее, из всех национальных общин (включая и литовцев), подчеркивают свою принадлежность нации. Без сомнения, еще нельзя сказать, что это обозначает сегрегационное положение, однако это первая ссылка.

Интересные данные, показывающие различные взгляды с точки зрения литовского языка. В данном случае литовский язык - это язык большинства, поэтому отношение различных национальных меньшинств к нему как раз-таки показывает, как меньшинство относится к данной проблеме.

В 2006 г. Национальный исследовательский центр провел исследования на тему "Восточная Европа и государственный язык" (было опрошено 1000 жителей Швенчениса, Шалчининкая, Игналины, Тракая и Вильнюсских районов). По данным исследования, уровень знания литовского языка распределился следующим образом:

Таблица 2. Национальность и уровень знания литовского языка (проценты)

Национальность	Уровень знания литовского языка			
	Хорошо говорят и пишут	Говорят, но не пишут	Понимают, но не говорят	Совсем не знают
Литовцы	97,7	1,7	0,6	-
Поляки	60,0	21,1	13,9	5,1
Русские	49,3	20,7	23,3	6,7
Белорусы	34,1	24,4	29,3	12,2
другие	56,5	30,4	4,3	8,7



Как видим, поляки лучше знают литовский язык, нежели русские – и это не удивляет. Ведь большинство поляков родились в Литве. А в то же время русские – иммигранты, поэтому выучить литовский язык им сложнее. Однако другие данные показывают интересную тенденцию: более распространено использование литовского языка и в семье, и в общественных местах именно у русскоязычных, а не у поляков, как это могло бы показаться с первого взгляда.

Таблица 3. Использование литовского языка в семье (проценты)

Родной язык	Язык, на котором говорят в семье			
	литовский	польский	русский	другой
Литовцы	95,8	2,8	1,4	-
Поляки	6,9	87,8	5,3	-
Русские	11,5	4,3	83,7	0,5
другие	7,3	7,3	65,9	19,5

Таблица 4. Использование родного языка при общении с коллегами (проценты)

Родной язык	Язык, на котором говорят с коллегами			
	литовский	польский	русский	другой
Литовцы	83,5	4,2	4,8	-
Поляки	19,8	50,4	14,2	-
Русские	32,2	5,8	49,0	-
другие	22,0	14,6	41,5	4,9

Эти данные показывают, что, как в частном, так и в общественном пространстве, русскоязычные чаще, чем польскоговорящие, используют литовский язык. Это можно считать одним из показателей того, что русские выбирают путь интеграции в гражданское общество Литвы. В то же время поляки, как в частной, так и в общественной жизни, более склонны использовать свой родной язык. Можно сказать, что условно большинство поляков имеют ориентацию национального меньшинства.

## 2. Образование

Образование является одной из важнейших областей, где подтверждается национальная принадлежность. Изменения в данной области прекрасно выражают интеграцию национальных общин и их сегрегацию. Поэтому очень важно показать динамику школ, где обучение происходит на языке национальных меньшинств. В 1989 году было 87445 учеников (15,72% от общего числа учеников), обучение которых в общеобразовательной школе проходило на русском языке, а в 2006 - 51155 (8,29% от общего числа учеников). Видим явное уменьшение. В то же время в 1999 году на польском языке обучались 10623 ученика (2,09% от общего числа учеников), а в 2004 г. - 21038 (3,76% от общего числа учеников). Данные цифры показывают общую тенденцию: число учеников, обучающихся на польском языке, постоянно растет, обучающихся на русском языке – уменьшается.

Еще более яркие сдвиги видны, если проанализировать динамику школ, где обучение происходит на русском и польском языках. В 1989 году было 98 русскоязычных школ и 44 польские школы, в 2006 году русскоязычных школ – 74, польских – 71.

Просматривается общая тенденция: уменьшается количество “чистых” русских школ, увеличивается число смешанных, и в первую очередь русско-польских (в 1989 г. было 19, в 2006 г. уже 28). Это можно объяснить тем, что в период советизации большинство лиц польской национальности учились на русском языке. Но после получения независимости, престиж русского языка в Литве значительно упал, поэтому вновь возвратились к польскому языку. Однако такое явное уменьшение объясняется не только этим. В то время лица, принадлежащие к русскому национальному меньшинству, с желанием своих детей отправляли в литовские школы, а поляки, все же, хотели,

чтобы их дети учились в польских классах. Значит можно делать вывод, что цель русских была интегрироваться в гражданское общество Литвы, цель же поляков – усиление своего национального идентитета.

### **3. Visuomeninės organizacijos**

Явные различия видны при анализе распределения общественных организаций. Общественные организации являются очень важным фактором для организации ориентаций национальных общин, при создании демократического общества. Поэтому очень важно анализировать их распределение. Ведь создаются такие организации, которые соответствуют потребностям национальных меньшинств. В соответствии с тем, как и какие организации создаются, можно решить об ориентациях национальных меньшинств. Мы знаем, что цели национальных общин ограничиваются не только сохранением культурного идентитета, они свои интересы пытаются защищать и в сфере социальной. По иному говоря, распределение в социальных сферах осуществляется по национальному принципу.

У поляков 46 организаций, у русских – 55. На одну польскую общественную организацию приходится 5578 человек, на русскую – 55428. Видим, что распределение практически одинаково, однако существует явно выраженное структурное различие.

По четырем основным критериям – национальному, культурному, социальному и религиозному – можно распределить все общественные организации.

Таблица 6. Общественные организации (русские)

Национальный	9	16,4%
Культурный	28	50,9%
Социальный	14	25,5%
Религиозный	4	7,3%

Таблица 7. Общественные организации (польские)

Национальный	13	28,3%
Культурный	11	23,9%
Социальный	20	43,5%
Религиозный	2	4,3%

Ясно видно, что польские общественные организации ориентированы на социальные группы, в то время как русские – на культурную деятельность.

Можно спросить, почему возникло различие данных двух национальных общин, какова причина? Без сомнения, их существует больше и они разнообразны. Социологи в первую очередь это объясняют демографическими критериями. Однако только по данным критериям объяснить эти различия невозможно. Для анализа ниже представлены социологические исследования, на основе которых будут объяснены соответствующие различия.

#### **Статистические данные**

Используя данные переписи 2006 года, можно проанализировать социальные, демографические, образовательные отличия русских и поляков. На их основании можно утверждать: если большинство поляков родились в Литве (87,2%), то русских – только примерно половина (49,7%). Значит большинство русских в Литве это эмигранты. СССР давал возможность более свободной миграции ее гражданам. В Польше же данный процесс был достаточно сложен. Можно было бы предположить, что факт рождения в определенном государстве позволяет лучше интегрироваться в общество данного государства. Однако социологические данные говорят об обратном. Значит, желая объяснить существующие отличия, этот фактор не подходит. А как раз-таки, наоборот, позволяет верить в то, что поляки должны выбрать путь интеграции.

Большее число поляков Литвы живут в деревне (43,3%), а русских – только 10,3%. Условно поляков в деревне живет даже больше, чем литовцев (31,1%). Национальное меньшинство поляков сконцентрировано: оно компактно расположилось на юго-востоке Литвы, большинство же русских проживает в городах. Достаточно важны и социальные различия. Самый большой процент лиц, имеющих высшее образование, принадлежит русским. Поэтому не удивительно, что большинство работают служащими. Эти статистические данные позволяют думать, что именно демографическое и социальное положение русских позволяет им лучше организовать и ограничить себя как национальное меньшинство. Высшее образование, большой процент работающих не на физической работе, большой процент рожденных не в Литве – все это может помочь формированию. Поляки же, наоборот, как это может показаться, имеют меньше возможностей: большой процент живет в деревне, имеют более слабое образование и т.д. С другой стороны, эти же данные можно интерпретировать и по-другому: русские, получившие лучшее образование, имеющие лучшие рабочие места, лучше адаптировались. А поляки не в состоянии конкурировать в социальной и рабочей сфере, неизбежно сегрегируют. И все же нельзя однозначно основываться на похожие объяснения. Демографические, социальные структуры, без всякого сомнения, очень важны, однако не обязательно всеохватывающие. Также очень важно анализировать, какие установились отношения между меньшинством и большинством, как думает большинство о меньшинстве и наоборот.

#### **Выводы**

1. Используя социологические и статистические данные, можно утверждать, что полякам Литвы более характерна сегрегация, а русским Литвы – инкорпорация.

2. Оценивая статистические данные – образование, миграция, социальное положение – которые часто представляются в качестве объяснения различных способов интеграции, можно утверждать, что эти данные все же свидетельствуют об обратном или являются амбивалентными.

#### **Литература**

1. Lietuvos statistikos metraštis/Statistical Yearbook of Lithuania – 2006
2. Leonavičius V. Tautinės mažumos ir emigrantų identiteto orientacijos//Šiuolaikinio socialinio diskurso analizė.-Vilnius: Baltos lankos, 1996
3. Juozeliūnienė I. Individual and Collective Identity in Changes of Identity in Modern Lithuanian Institute of Philosophy and Sociology, 1996
4. Trinkūnienė I. Ethnic relations and stereotypes//Changes of Identity in modern Lithuania.-V.,1996

## **СОЦИАЛЬНО-ИНСТРУМЕНТНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ СЛУХОВ**

Валдас Прускус

*Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва*

#### **Введение**

Слухи – это передаваемая во время общения неформальная информация. Жажда такой информации довольно распространена. Поэтому неудивительно, что слухи есть во всех культурах, обществах и распространены во всех их слоях. Правда, на масштабы распространения влияют и культурный менталитет народа, обычаи, традиции. Несмотря на это, у этого явления есть своеобразная общественность, так как оно включает в себя все группы и профессии. Хотя впитывание слухов у разных групп и профессий различное, их влияние чувствуют все.

Ясно, что само влияние слуха может быть разным. Оно может помочь лицу, группе, организации достичь желаемых результатов, но может и принести вред. С этой стороны на слух можно смотреть как на средство своеобразной борьбы за свои интересы, которыми особенно склонны воспользоваться заинтересованные группы, коммерческие организации, политические партии и так далее. Так, можно утверждать, что у слуха есть инструментное предназначение выполнять своеобразные социальные функции. Часто он становится средством контроля социальных групп и их поведения, также охраной их индивидуальности и стабильности.

20 знаменитых западных социологов обратили на это внимание: A.Ross (1901), F.E.Lumley (1925), E. Diurkheim (1964), m.Gluckman (1963), R.Paine (1970) и др. Например, A.Ross исследуя особенности социальных групп США, обратил внимание на влияние слухов на них (A.Ross 1903). E. Diurkheim акцентировал роль слухов на контроль девиантного поведения социальных групп (E. Diurkheim 1964). Но более глубоко авторы эту проблему не анализировали. Можно сказать, они о ней только упомянули, исследуя другие социальные проблемы. Говоря иначе, смотрели на неё в контексте исследуемых проблем.

В Литве работ ученых на эту тему нет. Не находим и более ясного и фокусированного взгляда на инструментное предназначение слухов. А главное - определение и показания, в чём это инструментное предназначение слухов и как конкретно оно проявляется. Также нет и ясного понятия и определения тех допущений, которые придают слуху живость. В это время более глубокое и многостороннее понятие инструментной роли слуха и раскрытие его выявления помогли бы легче понять своеобразие феномена слухов, допустимость его распространения.

Цель этой статьи – раскрыть инструментное предназначение слухов и допустимость их распространения.

Чтобы достичь этой цели, выявляются такие задания :

1. Определить особенности слухов как предмета социального контроля группы;
2. Определить причины распространения слухов.

**Объект расследования** – функционирование феномена слуха и его проявление.

**Метод расследования** – критический анализ литературы и источников, авторские выводы.

### **1. Слухи как предмет социального контроля**

Так как слух проявляет большое влияние, ясно, что он может быть успешно использован в социальном контроле общества, говоря иначе, стать, одним из главных предметов контроля. Первым это заметил знаменитый американский социолог 19 – 20 веков A.Ross вместе с коллегами F.Gidings и L.Ward, издавая социологический журнал "*American journal of sociology*" (1895 – 1905).

A.Ross опирался на идеи представителя французской школы H.Spencer. Он говорил, что общество похоже на биологический организм, что его эволюция такая же, как и любого живого организма. Как и в биологическом организме, есть разные органы, которые, работая заодно, исполняют главные функции организма, так и в "социальном теле" общества разные группы совершают разные социальные функции, гармонически работая, утверждают нормальную эволюцию общества. Также на это влияют слухи, которые, как форма неформальной коммуникации, очень влиятельна и играет важную роль, изобретая и утверждая социальный порядок в обществе. В книге "Социальный контроль: обзор основы порядка" A.Ross исследовал и показал, что слухи очень повлияли на формирование и утверждение демократических норм политической, экономической и социальной жизни США 19 века. (A.Ross 1901:89).

Другой исследователь этого феномена F.E.Lumley также в своей монографии "Средства социального контроля" выделил отдельный отдел, где обсуждает влияние слухов на контроль поведения членов девиантных групп. (F.E.Lumley 1925:211-234)

На сегодняшний день утверждение, что слухи исполняют важную функцию во всех первичных организациях (в семье, среди друзей), уже стало социологической калеккой. Однако внимание к слухам как к средству контроля за поведением их членов не уменьшается. Тем более, что это неформальный контроль, и поэтому неоднозначно оценивается. Несомненно, слух является типичным образцом неформального контроля. Правда и то, что лучше свои функции он исполняет и в обществе и в малых гомогенических группах. В это время в развитом урбанистическом обществе на стандарты и ценности морали больше влияет институционализированный формальный социальный контроль, поэтому все больше описывает социальное поведение людей.

Однако с ростом стратификации социального общества параллельно национальным, расовым особенным интересам и на других основах выделяются все новые второстепенные группы, которые стараются сохранить свою автономность. Особенно это заметно в больших городах и обществах. Именно здесь слух как средство неформального общения является намного важнее, чем другие (Baumgartner 1984: 89-103), так как играет главную роль социального контроля.

Надо заметить, что долгое время в работах исследователей восточных стран роль слуха, как контроля социальных функций, была связана с периодом жизни домодернического общества. Это в свою очередь усилило исследования социологии, антропологии и правосудия, чтобы показать, что с помощью слуха в примитивных этнических группах контролировалось поведение их членов. (Albert 1972)

Хотя во время таких исследований было установлено много фактов, которые показывали неопровержимое влияние слухов на поведение членов этнических групп, хотя вряд ли в современном обществе этот контроль такой большой. Опыт показывает, что на контроль за поведением лиц все больше влияют формальные средства ( закон, правосудие). Однако нельзя не заметить, что влияние слуха на социальный контроль лица (группы), хоть и не является решающим, но довольно реально и зависимо от многого.

Возникает вопрос: в каких ситуациях и при каких обстоятельствах слух может стать эффективным средством социального контроля лица (группы).

Здесь можно выделить несколько обстоятельств.

**Первое.** Слух может быть эффективным средством контроля в маленьких девиантных группах. Как замечает E. Diurkheim, именно здесь эгзистируют нормы поведения и ценности исполнение которых становится обязанностью для членов группы. Те, кто их не исполняет, вычеркиваются из группы. Более того, они считаются "предателями" и могут дожидаться разных санкций. Поэтому важно, чтобы информация про тебя была без интерпретаций. Для этого нужны усилия, чтобы не попасть "в круг третьего", то есть не дать повода распространять про себя ложную информацию. Поэтому слух в девиантном обществе оказывается средством контроля над могущественными членами группы. (Вспомним, как этим пользуются представители правосудия, стараясь завербовать для сообщества одного или другого члена преступного мира. Говорят, что «если Вы откажетесь работать вместе, мы пустим слух, что вы сделали это и это». С помощью этого часто добиваются согласия работать заодно).

**Второе.** Даже сама информация, распространяемая слухом, в которой осуждается момент поведения или действия может стать толчком изменить своё поведение. Человек видит, что другие его поведение не одобряют и оценивают отрицательно. Таким образом, он получает своеобразный сигнал, как будет он оценен, если так поступит. Пример "жертвы" слуха заставляет размышлять и влияет на решения. Поэтому в этом случае слух играет роль не только социального контроля, но и превенции. Говоря иначе, знание, как окружающие относятся к поступку или действию, давая ему обличие слуха, заставляет человека поступать по стандартам, принятым в его группе. И

есть повод говорить, что слух больше, чем пространство, где проходит процесс социального контроля. Также это и пространство, где выделяются моральные предпочтения участников контроля слухов.

Но слух может быть не оправдан и не принят. Поводом такой реакции может стать и содержание слуха, к которому разные его принимающие лица могут отнестись по-разному. В таком случае никакие дополнительные объяснения не могут ничего изменить. Так как люди понимают вещи именно так. Например, если в девиантной группе этот поступок оценивается так то и представитель этой группы, получая информацию слуха, её воспринимает по масштабам своей группы. Так, сам слух (его содержимое) может быть не одобрен людьми, которые его оценивают через призму своих ценностей. Выделяющееся несогласие в оценивании слуха, обсуждаемого поступка или действия не только ещё больше подчеркнут моральные предпочтения участников, но и покажут их приемлимость обществом. Таким образом, слух сыграет роль социального контроля.

**Третье.** Социальная роль слуха состоит в том, что слух (его распространение) грозит распространителю санкциями и не дает гарантии о возможности удобного поведения. Дело в том, что распространителю слуха не гарантируется уважение окружающих. С одной стороны, люди, чтобы удовлетворить свое любопытство довольно доброжелательно слушают получаемую неконфиденциальную информацию про "третьего, которого нет рядом". С другой стороны, чувствуют, что такое распространение информации, ставшей слухом, является отрицательным поступком. Страх потерять свою репутацию, как замечает Е.М.Альберт, страшнее, чем страх слуха. Особенно из-за слуха (его распространения) потерять репутацию. (Альберт 1972:87)

С другой стороны, явно, что представители разных культур по-разному оценивают слух и его распространение, говоря иначе, по-разному с ним "сживаются". (Льюис:2002) Явно, что это влияет на слух как на объект социального контроля, так же на взгляд на сам слух и на его распространение.

Американский социолог R.L.Rosnow общества (их культуры) делит на две группы по тому, как распространен и укоренился слух в разных слоях : 1)"культура вины" и 2) "культура стыда" (Rosnow 1977:159-160). В первой не уважаются распространители слухов. Здесь существует правило, что про особу, которой нет рядом, говорить нельзя. Даже при том, что плохие, им совершенные, поступки должны были бы быть раскрыты. Но это может быть сделано только при участии провинившегося. Такое мнение распространено в странах Скандинавии (Льюис:2002). А в "культуре стыда" разрешается обсуждать такое поведение человека и без участия виновника, и это считается почти нормой. Такое мнение широко распространено в южных краях и Латинской Америке. Это, в свою очередь повышает напряженность в обществе, так как подозревается, что каждый может стать "героем" слуха, даже сам не зная об этом. Таким образом, может появиться большая подозрительность, которая может перерости в параною ( вредные сопутствующие человеку мысли, что им постоянно интересуются соседи, распространяют разные слухи и т.д) (Gillmore 1978). Параноик уверен, что он постоянно в центре внимания, и что про него постоянно сочиняются разные неправдоподобные истории.

Надо заметить, что слух сам по себе не является важным. Но более важны последствия его распространения, так как он постоянно втягивает в свою сферу новых особ, которые не готовы распространяемую информацию принять критически. Отсутствие иммунитета к слухам делает людей безоружными и ранимыми.

Из того, что было сказано, ясно следующее. Слух совершает социальные функции контроля над лицами, социальными группами, которые как кажется, не вызывают большего недоверия. Но этот социальный контроль напрямую связан с функционированием слухов в обществе, уровнем их распространения в разных социальных груп-

пах. И наконец, от подготовки людей в своей ежедневной жизни доверять и пользоваться слухами. То есть от того, как быстро в обществе "культура стыда" заменит "культуру вины". В это же время явно, что этот процесс не является прямым, быстрым и однозначным. Тем более, что слух в обществе исполняет не только контроль за лицами, социальными группами, но и функцию их охраны.

## **2. Слух как предмет охраны социальных групп**

Место и роль социальной группы в обществе зависит от многих вещей. Но каждая из них старается выжить как стабильное общее, могущее продержаться перед разными наружными влияниями. То есть стабильность и консервативность – вещи, без которых социальная группа тяжело вообразима. На первый взгляд, слух, обращая внимание на отрицательные поступки и действия лиц, распространяет неформальную информацию из не вызывающих доверия источников и может вызвать только деструкцию. Но слух также может действовать как важная функция утверждения охраны и стабильности социальной группы.

Такое понятие первый высказал социальный антрополог Max Gluckman (Gluckman, 1963). Чуть позже его поддержали - U.Hannerz (Hannerz, 1980), D.F.Aberle (Aberle, 1967:79-138), A.Cox (Cox, 1970:88-98), R.Paine (Paine, 1970:172-188).

Суждение, что слухи могут оправдать выделяемость социальной группы, нуждается в более широком пояснении. Max Gluckman предлагает три аргумента. (Gluckman 1963:20-34)

**Первый.** Слух не усиливает эгзистирующих универсальных правил поведения, показывая недопустимые образцы поведения. Но совершает это, показывая доверенность существующих норм и ценностей социальной группы. То есть слух помогает выделить ценности, распространенные в социальных группах, и моральные нормы, выделить их доверяемость в сравнении с универсальными нормами.

Суть в том, что каждый слух имеет свою аудиторию, в которой ориентация его ценностей является допустимой (или недопустимой). Например, слух распространяем между жителями деревни и настолько влиятелен, насколько он выражает понятия о морали и ценности деревенских людей. Эта ориентация на допустимые в социальной группе нормы и ценности заставляет сочинителей слухов их трансформировать в форму, подходящую социальной группе. А принимая этот слух, представители социальной группы по-своему идентифицируют себя как группу. Так слух помогает участникам социальной группы вообразить себя как своеобразное общество, которое имеет похожие понятия и ценности. Этим эта социальная группа выделяется из других. И слух как раз ей помогает понять себя (и выделиться) как стабильной единице.

**Второй.** Слух объединяет его участников в группу, члены которой должны жить по соответствующим правилам. Исполнение этих правил помогает их идентифицировать как членов группы слуха.

Дело в том, что слух своей сутью ориентирован на соответствующую группу людей, где есть общение, распространение информации "о третьем" без его присутствия, "но между ними". Говоря иначе, слух определяет группу, которая получает информацию. Право на участие в слухе является знаком дружбы, признания. Ведь слух распространяется не всем, а только тем, кому доверяется. Значит тебе можно довериться. В свою очередь, участник коммуникации слуха тоже берет на себя своеобразные обязанности, придерживается норм поведения, которые диктует их принадлежность этой группе. Их нарушить - значит нарушить нормы, существующие в группе слуха. А это означает - быть осужденным членами группы, "выталькивание" из области слуха.

Страх между получающими неформальную информацию быть выброшенными из области слуха заставляет жить по принятым в группе нормам и ценностям. С этой

стороны, слух помогает определить моральность и ценности группы слуха. Так как разные социальные группы постоянно распространяют разные слухи одни про других, слух помогает их легче идентифицировать, определить моральные приоритеты и ценности, которые раскрывают ими распространяемые слухи. Можно сказать и так: слух, как губка, собирает вместе тех, чьи моральные нормы и ценности близки. Слух важен с этой стороны, так как собирает вместе лиц в социальные группы. Он их не только «собирает» но и по своему этически выделяет (по их моральным предпочтениям, оценивая, принимая и дальше распространяя информацию слуха). Слух всегда начеку. Это означает, что люди всегда будут стараться искать неформальной информации, которая бы их удовлетворила. (Давайте вспомним о дежурных слухах о ...). Это значит, что все меньше возможность скрыть информацию. С этой стороны, слух и его распространители постоянно возобновляют и укрепляют социальную систему.

**Третий.** В слухе существующая информация, которую принимают члены группы, уменьшает напряжение и угрозу возможности конфликтов между личностями, потому что слух заставляет держаться своеобразных правил поведения. Так, можно допустить, что слух, с этой стороны, регулируя отношения внутри группы, в то же время помогает группе выжить как интегрированному обществу.

Надо заметить, что это утверждение («слух помогает сохранить, стабилизировать социальные группы») может быть принято только в том случае, если все члены группы более-менее признают её моральные нормы и ценности. То есть все себя чувствуют равными членами группы. В другом случае, слух только ускорит дезинтеграцию группы. Значит группы неоднобразны – в них могут быть личности разного морального «качества».

Таким образом, выделяется проблема «качества» социальной группы. Суть в том, что группы могут отличаться не только размерами, их члены могут быть по-разному обязаны исполнять в группе определённые правила, быть более-менее свободны войти и выйти из неё. Понятно, что в этот раз возможности группы влиять на общество невелики.

Намного больше возможностей имеет группа, члены которой не являются случайными, которых легко могут объединить и разделить скандалы. В социальную группу входят люди, у которых общие идеалы, нормы, моральные понятия. То есть это выделяющаяся группа людей. Образцом такой группы могут быть группы судей, медиков. Члены этих групп имеют высокий статус в обществе (признаются важными) и могут в коллектив не принимать карьеристов (жаждущих славы), как это случается в случайных группах. Более того, как хорошо организованная группа, она достигает определённой позиции (прав меньшества).

Главная функция слуха в таких группах, по словам M. Gluckman, неявно показать несогласие с поведением, которое опровергает отношение к морали и ценностям, и, таким образом, идентифицировать группу как таковую. Говоря иначе, слух распространяемый между членами группы, является своеобразным «листочком лакмуса», показывающим мнение членов группы о нём, т.е. неявно проверяющий их моральность. Удачно сданный экзамен принимается в члены группы как свой. Такое мнение вызывает недоверие.

Также нужно припомнить, что при распространении слухов не является основной целью раскрыть суть поведения, его оценить морально, потому что в таком случае будет раскрыт мотив слуха, что закроет дорогу для дальнейшей его интерпретации. Также будет раскрыт источник слуха, и это опровергает логику распространения слухов и их функции – не столько осудить, сколько заинтересовать в поисках правды. С другой стороны, каждый член группы на слух смотрит своими глазами: не только через призму принадлежности группе, но и личного взгляда. Это значит, что личное восприятие слуха не будет адекватно групповому восприятию. В таком случае у члена группы всегда возникает проблема принять ли слух по групповым или личным мо-



ральным стандартам. От этого решения зависит будет ли он принят в группу как свой или нет. Значит решает личность. Он принимает и передаёт информацию как личность, а не член группы.

С другой стороны, ясно, что "группа" влияет на информацию слуха, которой владеет и сам распространитель слухов, и тот кто их принимает. Так или иначе, распространитель слухов не может игнорировать групповую социологическую ориентацию, поведение и манеры общения, а также распределение ролей. Это также влияет на содержимое слуха и форму его преподнесения.

Также нельзя уменьшать важность официально принятых стандартов морали. Иначе говоря, общественное невосприятие аморальных явлений, практику и традиции их осуждения. Это означает одно: в информации слуха упомянутые действия и поведение, их трактование (интерпретация) не могут переступить конкретные границы этики, переступив которые, распространитель слуха рискует потерять репутацию морального человека, а восприниматель слуха – доверие к источнику. В таком случае будет подписан и смертный приговор самому слуху.

Можно утверждать, что информация слуха является управляемой в том смысле, что на неё влияют действия тройного типа. На содержимое, формат и форму преподнесения влияют не только интересы членов слуха (как утверждает Robert Paine (1970:172-184), которые указывают на личные эгоистические цели, а также и "групповые", к которым относится и сам распространитель слухов, социально-психологических характеристик которых он обязан придерживаться, неся собеседнику информацию, и, наконец, уровню общественной моральной нетерпимости к девиантному поведению и ценностям. Каждое из отдельно взятых упомянутых действий может быть значимо и на самом деле выглядеть очень важным для контроля инфослуха. Но это не так. Только все вместе составляют возможность управлять информацией слуха. К сожалению, только теоретически.

Суть в том, что слух является чрезвычайно динамичным и controversialным явлением. Это своеобразное место, где в одно время соприкасаются разные социальные элементы, которые сотрудничают и нейтрализуют себя в неформальном коммуникационном поле, чтобы неожиданно опять возродиться и предложить нам то, чего больше всего желаем – распространения чужой тайны. Именно это и отличает слух знаком двоеобразного несоответствия, который одновременно дает ему нескончаемые жизненные силы.

### Выводы

Социальная роль слухов в контроле над членами группы и хранении её идентичности проявляется в том, что слух:

- помогает подчеркнуть ценности и моральные нормы социальной группы и раскрыть их надежность, уравнивая с универсальными нормами;
- определяет в нем участвующих как группу, члены которой должны придерживаться специфических правил поведения. Исполнение этих правил определяет их как членов группы слуха;
- преподнесенная в слухе информация, которую принимают члены группы, снижает напряженность и возможность конфликтов между лицами, так как слух требует придерживаться специфических правил поведения. Можно утверждать, что, с этой стороны, слух, совершая восстановление отношений внутри группы, в то же время помогает группе выжить как интегрированному обществу.

Каждый член группы на слух смотрит своими глазами не только через призму принадлежности группе, но и со своей стороны. Это значит, что личное восприятие слуха не будет адекватно групповому восприятию. В таком случае у члена группы всегда возникает проблема принять ли слух по групповым или по личным моральным стандартам. В итоге - решает личность. Она принимает и передаёт информацию как личность, а не как член группы. Поэтому в передаваемой ей информации отражаются и

личные интересы, которые сильно влияют на поведение и позицию участников слуха. Можно утверждать, что информация слуха является управляемой в том смысле, что на неё влияют действия тройного типа. На содержимое, формат и форму преподнесения влияют не только интересы членов слуха, которые указывают на личные эгоистические цели, а также и "групповые", к которым относится и сам распространитель слухов, социально-психологических характеристик которых он обязан придерживаться, неся собеседнику информацию, и наконец, уровню общественной моральной нетерпимости к девиантному поведению и ценностям. Каждое из отдельно взятых упомянутых действий может быть значимо и на самом деле выглядеть очень важным для контроля информации слуха. Но это не так. Только все вместе составляют возможность управлять информацией слуха. К сожалению, только теоретически.

#### Литература

1. Albert E.M. Cultural Pattering of Speech Behavior in Burundi . In.: J.J. Gumperz and D. Hymes (eds.) . The Ethnography of Communication. New York : Oxford University Press, 1972. P. 72-105.
2. Baumgartner M.P. Social Control of Suburbia. In: D.Black (ed) . Toward a General Theory of Social Control. Orlando, Fla.: Academic Press, 1984, p.79-103.
3. Cox B.A. What is Hopi Gossip About? Information Management and Hopi Factions. // Man. 1970. Nr. 5. P.88-98.
4. Durkheim E. The Division of Labor in Society. New York: The Free Press, 1964
5. Gilmore D. Varieties of Gossip in a Spanish Rural Community. // Ethnology. 1978. Nr.17. P. 89-99.
6. Gluckman M. Gossip and Scandal // Current Anthropology. 1963. Nr.4 p.307-316.
7. Klapp O.E. Openimg and Closing: Strategiies of Information Adapation in Society. Cambridge: Cambridge University Press. 1978.
8. Lewis R.D. Kultūrų sandūra. Kaip sėkmingai bendrauti su kitų tautų ir kultūrų atstovais. Vilnius; Alma Littera, 2002.
9. Lumley F.E. Means of Social Control. New York: The Century Co, 1925.
10. Hannerz U. Exploring The City: Inquiries Toward an Urban Antrophology. New York: Columbia University Press. 1980.
11. Paine R. Informal Communication and Information Management // Canadian Revue of Sociology and Anthropology, 1970, Nr.7. P.172-188.
12. Rosnow R.L., Gossip and Marketplace Psychology. // Journal of Communication. 1977, Nr. 27, p. 158-163.
13. Ross E.A. Social Control: A Survey of the Foundations of Order. New York: Macmillan, 1901 (1929).

## MOTYWY DAŻENIA DO WŁADZY

Alina Borowska  
*Politechnika Białostocka, m. Białystok Polska*

*Wśród mnogości dążeń człowieka najsilniejszymi są dążenia do władzy i sławy.*

**B. Russel**

Ludzie dążą do władzy z różnych powodów: z poczucia mocy i z poczucia niemocy. Normalne, zdrowe dążenie do władzy wynika z poczucia siły, z chęci realizowania kolejnych wyzwań i sprawdzania się w nowych, trudniejszych sytuacjach; z poczucia zdolności do panowania nad zjawiskami i chęci zrealizowania tych zdolności. Często wynika też z chęci do realizacji pewnych konstruktywnych działań, realizacji celów społecznych lub z potrzeby samorozwoju.

Niezdrowe, chorobliwe dążenie do władzy wynika z poczucia niemocy, z lęku lub z potrzeby kompensacji niepełnego Ja. Dla ludzi tak motywowanych, władza daje poczucie siły i uwalnia od dojmującego lęku oraz zaspokaja ich potrzebę bycia ważnym i wielkim, pozwala również zrekompensować krzywdy doznane w dzieciństwie.

Dla ludzi poszukujących mocy we władzy, „władza to potężny narkotyk – ożywiający, uzależniający, podtrzymujący życie” [4,s.49-50]. Dlatego badacze organizacji twierdzą, że: psychika przywódcy, choć nie zawsze ujęta świadomie, odgrywa ważną rolę w funkcjonowaniu organizacji [4,s.15]. W literaturze przedmiotu, opisane są pewne zaburzenia osobowości w aspekcie władzy, i należą do nich między innymi: neurotyzm, narcyzm i hubryzm.

Neurotyczne dążenie do władzy jest wynikiem słabości i strachu, które chroni przed poczuciem bezradności i przed niebezpieczeństwem płynącym z własnego przekonania, że nic się nie znaczy lub z faktu, że inni są o tym przekonani.

Neurotyk odczuwa niechęć do najmniejszych nawet przejawów własnej bezradności czy słabości, dlatego unika przyjmowania informacji, rady i pomocy, jak również nigdy nie poprosi o nie; nie znosi żadnych zależności od innych ludzi, nie jest w stanie przyznać się do swoich błędów, ustąpić czy zmienić zdanie albo decyzje. Neurotyk uważa, że zawsze powinien sam sobie poradzić ze wszystkimi nawet najtrudniejszymi sprawami i decyzjami. Wynika to jego lęku, że inni odkryją jego słabość i nieadekwatność, a dla niego słabość jest hańbą, dlatego też dzieli ludzi na „silnych”, i „słabych”, podziwiając tych pierwszych a gardząc drugimi.

Jednostka neurotyczna zawsze chce kontrolować zarówno siebie jak i innych, wszelka inicjatywa i akceptacja musi pochodzić wyłącznie od niego. To właśnie dlatego nie akceptuje on żadnej inicjatywy u swoich podwładnych. U neurotyka każda próba przeciwstawienia się wywołuje niewspółmierne silną reakcję obronną, ponieważ musi on zawsze mieć rację i nie przyjmuje do wiadomości, że popełnił błąd. Dlatego sam się odcina od wszelkiej informacji zwrotnej i w związku z tym nie umie wykorzystać wiedzy i umiejętności swoich podwładnych oraz współpracowników. Po pierwsze nie chce przyjąć, że inni wiedzą więcej, po drugie nie umie poprosić i wykorzystać wiedzy innych ludzi. Obce jest mu pojęcie uprawniania i dzielenia się władzą. Zawsze musi postawić na swoim, reaguje rozdrażnieniem jeśli inni nie spełniają dokładnie jego oczekiwań.

Zasadą neurotyka jest aby nigdy nie ustępować. Uznanie czyjejs rady czy sugestii nawet jak najbardziej słusznej, odczuwa on jako słabość, a tej nie może się poddać. Jego skryte przekonanie, jest następujące: „To świat musi się do mnie przystosować a nie ja do świata”.

Cechą szczególną neurotyków jest niezdolność do zawierania jakichkolwiek związków partnerskich, opartych na zasadzie równości. Muszą oni być przywódcami, gdyż inaczej czują się zupełnie zagubieni, zależni i bezradni. Są tak autokratyczni, że wszystko, co nie jest absolutną dominacją odczuwają jako podporządkowanie [2, s.122].

Neurotyk ma poczucie mocy i własnego znaczenia tak długo, jak długo pozostaje osobą wpływową, cieszącą się podziwem i względami. Pomimo osiągniętego sukcesu, zaszczytów i bogactwa, pomimo okazywanej publicznie dumy i wyniosłości, nadal nie posiada poczucia wewnętrznego bezpieczeństwa, i dlatego w obcym środowisku, w którym nie odczuwa poparcia, jego poczucie mocy załamuje się [3, s.,116].

Z dążeniem do władzy bardzo często idzie w parze pragnienie zdobycia prestiżu. Dążenia te nie tylko zabezpieczają przed lękiem ale umożliwiają również ujście dla wypartej wrogości, która manifestuje się zwykle w chęci poniżania innych. Skłonność ta jest najsilniejsza u osób, które zostały boleśnie zranione w swej godności, a które w efekcie szukają odwetu. Ludzie ci zwykle przeżyli w dzieciństwie szereg upokarzających doświadczeń związanych bądź z warunkami społecznymi, w jakich się wychowali (na przykład przynależność do grupy mniejszościowej lub życie w biedzie, mimo że ma się jednocześnie bogatych krewnych), bądź z ich własną pozycją w rodzinie (na przykład pomijanie przy jednoczesnym

wyróżnianiu innych dzieci, odtrącenie, traktowanie przez rodziców jak zabawkę, naprzemienne rozpieszczanie i zawstydzanie czy „ucieranie nosa” [2, s.123,124].

Sklonność do poniżania może ujawniać się w różnych postaciach: np. niemyślne lekceważenie innych (na przykład kazać komuś czekać), mimowolnego stawiania innych w kłopotliwych sytuacjach czy doprowadzaniem ich do zbytniego uzależnienia.

Neurotyczne dążenie do władzy jest wynikiem słabości i strachu a władza neurotyczna to władza autokratyczna, czyli drobiazgowa, bezwzględna i absolutna. W takiej organizacji nie ma miejsca na rozwój pracowników, na współpracę, na kreatywność jednostkową i na innowacje

Innym niezdrowym motywem dążenia do władzy, są potrzeby osobowości narcystycznej, dla której zdobycie władzy pozwala na realizację fantazji dotyczącej jej znaczenia, ważności i praw. Według psychologii „zasadniczą cechą osobowości narcystycznej jest przesadne poczucie własnej ważności albo wyjątkowości, pochłonięcie marzeniami o nieograniczonych sukcesach; ekshibicjonistyczna potrzeba stałego budzenia uwagi i podziwu; charakterystyczna nadmierna wrażliwość na zagrożenie oceny własnej wartości; typowe zaburzenia stosunków interpersonalnych; (...) brak empatii (niezdolność do zrozumienia i wycucia przeżyć wewnętrznych innych ludzi)” [1, s. 298].

Przywódcy z takim rodzajem zaburzeń osobowości zachowują się arogancko, mają przekonanie o własnej nieomyślności, są nietolerancyjni, odrzucają wszelką krytykę, rady oraz kompromis. Narcystyczni przywódcy (menedżerowie) są często bezduszni – nie zwracają uwagi na potrzeby swoich współpracowników, wykorzystują ich lojalność, występują się nimi i bardzo często pomniejszają ich wartość. Dużą wagę przywiązują do rywalizacji.

Fasadowa zarozumiałość i skłonność do samowywyższania się graniczy z nie zawsze ukrywanym lękiem przed własną bezradnością i poczuciem mniejszej wartości.

Dla narcystycznych przywódców władza i prestiż są ważniejsze niż praca i pracownicy. Interesuje ich wyłącznie własna pozycja i znaczenie, gardzą natomiast potrzebami innych ludzi. Inni interesują ich wyłącznie na tyle, na ile realizują ich własne prywatne cele i na ile są przydatni dla nich a nie dla organizacji.

Towarzyszy im zawiść i wrogość do ludzi oraz bardzo często arogancja i nadmierna duma, wzmacniania ich idealizowaniem przez uległych pracowników. Efektem takich zachowań jest bierność pracowników, dławienie ich samodzielności i twórczości, oraz powszechna atmosfera lęku.

Narcystyczni przywódcy są tak przywiązani do władzy, że nie szykują sukcesji czyli nie wychowują sobie następcy, i bardzo często są pozbawiani władzy siłą. Badania wykazują, że narcystyczne zaburzenia osobowości częściej występują u mężczyzn niż u kobiet [1, s.299].

Kolejnym powodem dążenia do władzy motywowanym beznadziejnością, jest niska samoocena. Jednostka, która nie może uzyskać pewności siebie, ma potrzebę wzniesienia się ponad innych. Ludziom z niskim poczuciem własnej wartości władza kompensuje dojmujące poczucie własnej (w ich pojęciu) bezwartościowości. Przywódcy z niską samooceną nigdy do tego się nie przyznają i ukrywają ten fakt pod maską, która stwarza pozory pewności siebie. Powszechnie określa się takie osoby jako osoby z zawyżoną samooceną. Te wygórowane wyobrażenia o sobie, z których rodzi się pycha, mogą dotyczyć np. ich inteligencji, nieskazitelnej uczciwości, zdolności twórczych i umiejętności. Często przeceniają oni swoje zalety a pomijają wady. Ten zdeformowany obraz swojego JA tworzą zgodnie z własnymi interesami i z własną motywacją a proces ten odbywa się poza granicami ich świadomości. Józef Koziński nazywa takich ludzi hubrystami<sup>33</sup> i pisze o nich: „Człowiek hubrystyczny tworzy sobie obraz samego siebie po to, aby służył on jego interesom, takim jak samoak-

<sup>33</sup> Termin *hubris* lub *hybris* wywodzi się z filozofii i z religii greckiej; określano nim człowieka, który się wywyższał. Takie zachowanie określano również jako pychę – wywoływało ono gniew bogów.

ceptacja i poczucie tożsamości, aby nadać sens swojemu życiu. Takie postępowanie wywołuje jednocześnie różnorodne skutki uboczne, które są niekorzystne i lękotwórcze. W niesprzyjających okolicznościach hubrystyczne „ja” może być źródłem kryzysów i katastrof psychicznych, może prowadzić do autodestrukcji. Wówczas to człowiek hubrystyczny dzieli losy bohaterów greckich tragedii: ponosi osobistą klęskę [5, s.418].

Ludzie z niską samooceną podnoszą swoją wartość poprzez imponowanie innym i sobie za pomocą najróżniejszych atrybutów, które w naszej kulturze dodają ludziom prestiżu, jak pieniądze, dzieła sztuki, kontakty ze sławnymi ludźmi – czyli „znajomości”, podróże czy też niepospolita wiedz. Często chwalą się publicznie swoimi dokonaniem prawdziwymi lub nie. Zdradza ich stosunek do innych ludzi – wywyższając siebie często pomniejszając innych – ich osiągnięcia, wiedzę, umiejętności czy charakter.

Wygórowane (zniekształcone) wyobrażenie o sobie pochodzi z niewiedzy. Lecz ludzie o niskiej samoocenie unikają wiedzy o sobie, bo zagraża ona ich poczuciu bezpieczeństwa. Muszą utrzymywać swój fałszywy obraz siebie z lęku przed prawdziwym obrazem samego siebie, dlatego też akceptują z otoczenia tylko informacje pozytywne, potwierdzające ich obraz „JA”, a jednocześnie blokują – za pomocą środków totalitarnych<sup>34</sup> – informacje negatywne, zagrażające lub kwestionujące ich stworzony dla własnych potrzeb obraz siebie.

Badacze wykazali, że elity władzy posiadające w swych szeregach jednostki o tego typu zaburzeniach osobowości, są przekonane o swej nieomyślności i bezgrzeszności oraz o wszechmocy i omnipotencji. Cechuje ich superoptymizm i pycha, co utrudnia racjonalne działanie [5, s.410].

Ludzie motywowani do władzy lękiem, poczuciem bezradności lub potrzebą kompensacji niepełnego JA, rządzą (kierują) innymi za pomocą strachu. Czują się silni jedynie w sytuacji gdy wzbudzają w innych lęk. Używają do tego różnych technik manipulacji, wzbudzają wzajemną wrogość wśród pracowników, osłabiając w ten sposób solidarność grupową, uniemożliwiając pracownikom walkę o swoje prawa.

To czy psychicznemu zdrowiu przywódcy brakuje równowagi, można poznać po pewnych zjawiskach jakie mają miejsce w organizacji, a które stanowią sygnały ostrzegawcze. Należą do nich: brak realizmu w wizjach przywódcy, brak poczucia odpowiedzialności za błędy i zrzucanie winy na innych, sytuacja kiedy przywódca przyjmuje tylko dobre wieści i pracownicy muszą poddawać się autocenzurze; kiedy przywódca chce być ciągle w centrum uwagi i ma obsesję na punkcie swego publicznego obrazu. O braku równowagi psychicznej przywódcy (przywódców) świadczy również chory klimat w organizacji, czyli atmosfera lęku, podejrzliwości i braku zaufania wśród pracowników i na każdym szczeblu zarządzania.

Efekty chorobliwego sprawowania władzy w organizacji są bardzo szkodliwe, ponieważ panująca atmosfera lęku, powoduje obniżenie efektywności pracy, wzrost poziomu stresu a co za tym idzie choroby i absencje. Brakuje również warunków dla kreatywności (stres jest zabójczy dla kreatywności) oraz dla współpracy grupowej.

W takiej sytuacji organizacja oparta na wiedzy, której szansą na przetrwanie jest uczenie się i kreowanie wiedzy oraz innowacji, nie ma warunków na rozwój.

#### Literatura

1. *Encyklopedia psychologii*, Fundacja Innowacja Warszawa 1998.
2. Horney K., *Neurotyczna osobowość naszych czasów*, PWN, Warszawa 1982.
3. Horney K., *Nerwica a rozwój człowieka*, PIW, Warszawa 1980.
4. Kets de Vries M., *Przywódcy, błażni i oszuści*, Centrum Rachunkowości i Finansów Ltd., Skierniewice 1993.
5. Kozielecki J., *Psychologiczna teoria samowiedzy*, PWN Warszawa 1986.

<sup>34</sup> Oznacza łamanie moralnych zasad i demokratycznych form postępowania, wykorzystywanie środków przymusu i represji w celu eliminacji niewygodnych informacji na swój temat [5, s.412].

## ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Лапина И.А.

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь*

Современные условия существования человечества с очевидностью демонстрируют факт наличия закономерных и всеобъемлющих связей-зависимостей между различными и разносторонне направленными социальными феноменами. Преступность, будучи негативным общественным явлением, к сожалению, является неотъемлемой частью любой социальной системы и находится во взаимосвязи как с другими негативными факторами социального бытия, так и с положительными, как это не парадоксально, тенденциями развития общества и государства. Это обуславливается системностью человеческого бытия в целом и государственно-правовых трансформаций в частности.

Теория систем существует уже несколько столетий, но каждое новое исследование окружающего мира, тех или иных его проявлений свидетельствует о ее актуальности и приносит новые доказательства системности происходящих событий. Системный анализ возник в ответ на требования практики, поставившей человека перед необходимостью, во-первых, изучать системы, а, во-вторых, управлять ими. В широком смысле он отождествляется с понятием «системный подход», а в узком – представляет собой совокупность специальных методологических средств, используемых для подготовки и обоснования решений по сложным проблемам в различных сферах науки и других видах деятельности.

В настоящее время, анализируя историю научной мысли, можно сказать, что системность всегда, осознанно или неосознанно, была методом любой науки. Прежде всего, это обусловлено системностью самого человеческого (в особенности – научного) познания. Впервые это свойство нашло свое отражение в философии, логике и математике.

Предпосылкой дальнейшего проникновения системного подхода в науку, с начала XX века и по настоящее время, явился, прежде всего, переход к новому типу научных задач: в большинстве научных областей центральное место начали занимать проблемы организации и функционирования сложных объектов; познание начало оперировать системами, состав и пределы существования которых не являлись строго заданными и постоянными по своим качественно-количественным параметрам. Особенно ярко это проявилось в анализе и синтезе сложных социальных объектов и в последующем управлении этими системами.

Поскольку системы – это совокупности элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих собой целостность, то любая из них может быть рассмотрена как элемент другой системы, равно как и каждый элемент может быть представлен в качестве системного образования. Это связано с тем, что система характеризуется не только наличием внутренних, но и внешних связей. При этом первые сильнее вторых, детерминируя тем самым два обязательных признака (или свойства) системы – целостность и определенную обособленность от внешней среды.

Изучение систем сопряжено с рядом исследовательских процедур, позволяющих рассмотреть как отдельные элементы ее структуры, так и особенности функционирования в целом. Набор этих действий, равно как и порядок их осуществления, задаются одновременно свойствами самой системы, а также целями и задачами ее исследования.

Самый первый и ответственный этап системного анализа – это формулирование проблемной ситуации, возникшей в связи с необходимостью соответствия поставленных исследовательских целей и задач определенным методам и средствам их решения. Далее необходимо выявить всех, кого затронут возможные изменения, и сформулировать вытекающие из этих изменений новые проблемы. Полученное множество проблем, именуемое проблематикой, и является исходным пунктом для системного анализа.

Далее необходимо выделить определенную систему для исследования из огромной метасистемы окружающего мира, но обязательно целиком, со всеми составляющими её подсистемами и элементами, и даже с наиболее существенными элементами окружающей

среды; рассмотреть ее структуру (т.е. совокупность элементов и взаимосвязей между ними) и функции. Это делается посредством построения и изучения соответствующих моделей систем, т. е. объектов-заместителей, которые в определенных условиях могут заменять объекты-оригиналы, воспроизводя интересующие нас свойства и характеристики оригинала [2, с. 34]. При этом структурные системы находят свое отражение в статических познавательных моделях, а функциональные системы – в динамических.

Моделирование систем позволяет не только изучить их состояние в прошлом и настоящем времени, но и спрогнозировать поведение системы в будущем. Это очередной этап системного анализа.

В заключительной стадии анализируются все полученные результаты, которые синтезируются в выводе общих закономерностей исследуемого типа систем. В итоге, на основании исследования познавательных моделей-заместителей реально существующих явлений и процессов создаются модели прагматические, отражающие желаемые изменения окружающей среды и позволяющие сформировать программы действий по их осуществлению.

Однако чтобы реализовать цели, с которыми была создана модель, недостаточно только ее наличия и существования моделируемого объекта. Они должны быть согласованы между собой, т.е. иметь такую степень сходства и различия, которая позволяла бы решить исследовательские задачи в полном объеме в определенном временном промежутке. Адекватное построение возможно, на наш взгляд, при двух условиях: максимальной конкретизации цели исследования и включения в нее элементов, выявленных в результате обобщения и систематизации результатов предыдущих исследований в определенной области.

Рассматривая преступление с позиций системного подхода в криминалистике, можно сделать вывод о том, что это – открытая, динамичная, вероятностная материальная система. Оно реально существует в определенных условиях внешней среды, изменяя их и изменяясь само под их влиянием.

Процесс познания преступления в криминалистике тесно взаимосвязан с процессом его расследования. Таким образом, расследование преступления представляет собой последовательную смену абстрактных познавательных моделей реально существующих подсистем системы преступления материальными и конструирование на их основе моделей прагматических. Познавательные модели в соответствии с целями расследования будут содержать образы реальных структурных элементов, либо сами эти элементы (если речь идет о построении материальных моделей, например, систем вещественных доказательств и т.п.), а также демонстрировать связи между ними и временные характеристики функционирования систем.

Преступление первоначально предстает перед следователем как конкретное событие, свершившийся в определенный промежуток времени факт, определенная совокупность предполагаемых и известных компонент. В этом проявляются главные свойства системы: целостность и структурированность.

В теории криминалистической науки это нашло свое отражение в построении ряда познавательных моделей.

Прежде всего, это модель материальной (криминалистической) структуры преступления. В данном случае эта структурная модель имеет статичный характер. Она содержит знания об основных элементах преступления, синтезированные в результате анализа конкретных преступных деяний. На ее основании можно построить ряд других познавательных и прагматических моделей. Поскольку преступление, как и любое другое событие, отражается в окружающей действительности, и именно эти отражения входят в предметную область криминалистической науки, то основными элементами статичной модели – материальная структура преступления – являются образы субъекта преступления, объекта посягательства и орудий преступления. Они одновременно представляют собой главные источники следственной информации и слеодообразующие факторы.

Субъект изучается в контексте отражательных свойств и возможностей его личностных характеристик (анатомических, психофизиологических, интеллектуальных и профессиональных особенностей), что обуславливает выбор и объекта посягательства, и способа совершения преступления, и другие аналогичные связи. Это даёт возможность идентифицировать личность человека по её отражениям и правильно оценить другие обстоятельства преступления.

В частности, исследования особенностей корыстно-насильственных преступлений показали, что значительная часть преступников избирательно подходит к предмету хищения. Это проявляется, например, в том, что нередко похищаются лишь те из имеющихся вещей, которые лично значимы для преступников, пренебрегших в условиях выбора вещами, более ценными по своей стоимости. Это можно объяснить тем, что явления, вещи имеют объективное значение ценностей в тех случаях, когда они служат или способны служить социально значимой деятельности и достижению ее целей. Соотнесенные с индивидуальными потребностями и целями деятельности субъекта, они приобретают ценностный смысл, становятся личностной ценностью [1, с. 50].

Наличие внутрисистемных связей, как отмечалось выше, позволяет наряду с целостностью выделить такие свойства системы преступления как иерархичность и многоуровневость. Исследование этих связей позволяет выявить условия взаимодействия элементов внутри системы, а также всей системы с другими, внешними, системными объектами. Преступление в этом случае предстает как динамичная система, которую можно отразить в функциональной познавательной криминалистической модели – «механизм преступления». Если модель криминалистической структуры позволяет изучить преступление в статике, то с помощью модели его механизма можно рассмотреть преступление в динамике, исследовать этапы его развития.

Принимая во внимание включенность системы преступления в сложную систему социального взаимодействия, можно говорить о ее «социальных отражениях», т.е. внесение изменений в качественные и количественные параметры окружающих социальных систем. Изучение всей совокупности отражательных свойств и отражений преступления, а именно это является основной задачей криминалистических исследований, позволяет строить и совершенствовать уже имеющиеся познавательные и прагматические модели преступных деяний.

Таким образом, с позиций системного подхода предметное поле криминалистики можно представить в виде модели проблемной ситуации, возникшей в связи с совершением преступления (закономерности механизма преступления и возникновения информации о преступлении и его участниках), необходимостью его расследования (закономерности собирания, исследования, оценки и использования доказательств, а также основанные на познании этих закономерностей специальные методы и средства судебного исследования преступлений) и принятия мер профилактического характера.

Базовым элементом этой модели является преступление, представляющее собой систему, статические элементы которой закреплены и исследуются в модели ее материальной структуры, а динамические – в модели механизма преступления, качественные и количественные параметры которых определяются на основании изучения процессов отражения указанных статичных и динамичных систем в окружающей среде. Выявленные на основании этого закономерности позволяют формулировать выводы и в обратном направлении, делая тем самым возможным спрогнозировать поведение подобных систем в иных пространственно-временных условиях для оптимизации процессов раскрытия и расследования преступлений и мер по их профилактике.

#### Литература

1. Клочков, В.В., Образцов В.А. Преступление как объект криминалистического познания/ Клочков В.В., Образцов В.А. // Вопросы борьбы с преступностью.– М.: Юридическая литература, 1985. – Вып. 42.
2. Перегудов, Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ/ Клочков В.В., Образцов В.А.. – М.: Высшая школа, 1989.



### III. КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ И ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

#### НАУЧНАЯ ШКОЛА В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

С.В.Лапина

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г.Минск, Беларусь*

Пожалуй, главной отличительной чертой XXI века является развитие новых и высоких технологий. Сегодня в полной мере обнаружилась тенденция, сложившаяся еще в XX веке и выразившаяся в переходе общества в глобальном масштабе к тому состоянию, которое обозначают как «общество знания» (Knowledge Society или based on Knowledge Society).

Нынешний век характеризуется быстрым изменением не только характера и содержания труда, но и появлением принципиально новых направлений в развитии науки, техники и производства. В связи с этим экономическая и энергетическая безопасность любого государства зависит от уровня развития наукоемкой и высокотехнологичной промышленности, от повышения конкурентоспособности отечественного производства. Однако выход на новый технологический уровень (пятый или шестой) развития экономики зависит от многих слагаемых, главным из которых является инновационный путь развития, использование и внедрение в производство (во всех отраслях) новейших разработок.

В определении параметров и направлений инновационного развития наука естественным образом оказывается в числе главных факторов общественного развития. Практически производство и экономика в целом становятся неотъемлемыми составляющими инфраструктуры современной науки, куда также входят и многообразные объединения ученых, и целенаправленное регулирование отрасли «наука» со стороны органов государственного управления, включая финансирование, экспертизу проектов, организацию социальной поддержки и создание специальной промышленно-технической базы, обслуживающей научный поиск. В инфраструктуру науки входит также сложное внутринаучное и межотраслевое разделение труда и организация подготовки научных кадров.

Научоведческий анализ показывает, что процесс институционализации науки, связанный и с реорганизацией ее инфраструктуры, модифицируется в зависимости от социально-исторических, социально-экономических и социокультурных условий в целом. Этот же анализ позволяет сделать предположение, что именно научная школа как специфический социокультурный феномен может стать тем элементом, который в значительной степени влияет на реализацию инновационных стратегий развития современного общества.

В современной научоведческой литературе научная школа как специфический социокультурный феномен анализируется чаще всего в виде структурного элемента науки как социального института. Этот факт не вызывает возражений, хотя наука – это сложное системное образование, представляющее собой и специфическую форму общественного сознания, и особый вид духовного производства. В то же время наука обладает рядом характеристик, придающих ей статус социального института. К ним относятся апробированные в социальной практике регулятивы, задающие характер и содержание научно-исследовательской деятельности.

В науке как социальном институте, обладающем системными свойствами, с момента становления в виде специализированного вида социокультурной деятельности, выделяется ряд структурных компонентов, имеющих инвариантный характер. Это – объект научных исследований, субъект научно-познавательной деятельности и средства научного познания, включая методологию.

В эпоху Нового времени – в период становления классической (экспериментальной) науки – названные компоненты сосуществовали в качестве взаимосвязанных, но относительно автономных элементов. XVIII век – век расцвета классической науки в ее дисциплинарной организации – экспериментально закрепил внутринаучное дистанцирование главных составляющих научно-исследовательской деятельности. Наступление эпохи научно-технического прогресса, в котором наука и производство, благодаря техническим инновациям, стали единым процессом, не нарушили структуры взаимодействия основных компонентов научно-познавательной деятельности – объекта научного познания, его субъекта и используемых познавательных средств.

Становление неклассического типа рациональности в конце XX века, привело к изменению образа науки. Наука, научное познание и научное знание как результат специфической человеческой активности приобретало релятивный характер, коррелирующийся со средствами познания, используемыми в научной практике. Так, еще пока в значительно объективированной форме в результате научного творчества «внедрялся» субъект познания. От того, какие средства познания (методологию, методику, приборы и т.п.) он использовал, зависели результаты познавательной деятельности. Яркий пример этих метаморфоз – появление неклассической механики.

Формирование постнеклассической науки в последней трети XX столетия еще в большей степени установило зависимость уже не только результатов, но и всей структуры научно-познавательной деятельности от основных характеристик субъекта познания. Это произошло за счет включения во все элементы научного познания субъектных компонентов, присутствующих не только в выборе познавательных средств и ценностно-мировоззренческих ориентиров **субъекта познания**, но и субъектных особенностей, отличающих **объекты научно-познавательной активности**. Так, в науку пришли «человекообразные» объекты познания.

Внутринаучные трансформации, с одной стороны, были обусловлены общим социальным контекстом функционирования науки в обществе, а с другой – сами, активно взаимодействуя с социальной практикой, включая технику и производство, трансформировали сложившиеся ранее социальные связи. Различные модификации науки как социального института более всего отражались в изменениях инфраструктуры, задавая ее качественную, содержательную специфику.

Классическая, неклассическая и постнеклассическая науки, отвечая сложившимся социальным заказам, предъявляли различные требования к принципам регулирования отрасли «наука» со стороны государства, включая финансирование, экспертизу проектов, организацию социальной поддержки и создание специальной промышленно-технической базы, обслуживающей научный поиск. В различных социально-исторических и социокультурных контекстах по-разному складывалось внутринаучное и межотраслевое разделение труда, трансформировалось взаимодействие между объединениями ученых, предъявлялись различные требования к организации системы подготовки научных кадров.

Фундаментальная наука, создавая научную базу для инноваций, в своем прикладном воплощении является экспериментальным полигоном инноваций как практической реализации научных открытий.

Понятие **инновация** сегодня чаще всего используется в двух взаимосвязанных и взаимодополняющих аспектах:

1 – как новое научно-техническое или организационно-экономическое достижение, как **результат** внедрения новшества;

2 – как **процесс**, который может быть представлен в виде последовательной реализации следующих процедур – «предложение новшества – реализация новшества – внедрение новшества».

- Такое «технологическое» определение содержания понятия «инновация» в некоторой степени затушевывает тот факт, что инновация – это всегда результат сознательной целенаправленной активности некоторого (одного либо нескольких) социальных субъектов. **Инновация, в самом широком смысле – это одновременно и обоснование нового, и процесс его внедрения, и сам новаторский результат.**

Содержание понятия «инновация» отличается от понимаемых более широко изменений, трансформаций, которые могут происходить спонтанно, самостоятельно под воздействием объективных, даже еще не познанных и неосознанных факторов. Так, новый день, который наступает вслед за уходящим, даже не будучи осмысленным, все равно наступит. И это «новое завтра» никто не называет инновацией.

В инновации всегда присутствует субъектная составляющая, которая может быть выражением объективных закономерностей, но преломляемых в действиях наделенных сознанием, целеполагающих социальных субъектов. В роли таковых могут выступать как отдельные индивиды, так и различные по степени общности социальные группы, представляющие социальные институты и социальные организации. В качестве наиболее общего социального субъекта инноваций может выступать общество в целом. В этом случае мы сталкиваемся с определенным общественным выбором, который обозначается как инновационное развитие общества.

**Инновационное развитие представляет собой общую тенденцию в трансформации системы общественных связей, отношений, социальных институтов и структур, выражающуюся в процессах разработки, обоснования и целенаправленного, программируемого внедрения инноваций во всех сферах общественной жизни.** Инновационное развитие современного белорусского общества выражается и в переходе производства на новые уровни технологий, и в реформировании системы коммуникаций, и в создании автоматизированной информационной системы в общенациональном масштабе, необходимой для внедрения новых и высоких технологий во всех сферах общества.

В систему инновационного развития с необходимостью включаются механизмы его регулирования и государственного управления, опирающиеся на нормативно-правовую основу, созданную белорусским государством для регулирования вопросов инновационной деятельности.

Анализ науковедческой, философской и социологической литературы по проблемам формирования и функционирования науки как социального института позволил сформулировать гипотезу о том, что феномен «**научная школа**» является наиболее устойчивым внутринаучным фактором, который, возникнув на заре становления науки (и преднауки в том числе), сохранил свое важное значение в функциональной структуре современной науки.

Анализ сложившихся в русскоязычной научной литературе подходов к анализу феномена научной школы позволяет сделать предварительный вывод о том, что главным в определении сущности научной школы является ее интерпретация как некоторого объединения ученых-исследователей, работающих в одном направлении, внутринаучные коммуникации между которыми носят внеформальный характер, основанный на признании лидерства одного (либо нескольких) авторитетных ученых.

**Внеформальные связи и отношения** представляют собой взаимопересечение формальных отношений, в т.ч. отношений субординации, которые строятся с использованием неформальных межличностных связей, основанных на социально-психологических механизмах межличностного, внутригруппового и межгруппового взаимодействия. Такое понимание сущности феномена «научная школа» в полной мере соответствует микросоциологическим ориентациям.

Однако устойчивость, апробация в социальной практике, а также наличие внутри научной школы особых регулятивов, определяющих содержание, направленность и методологическое единство исследователей, объединенных в ее рамках, позволяют

сделать вывод о том, что научная школа – это не только объединение людей по некоторым общим признакам (социальная группа), но и определенный социальный субинститут, включенный в более сложное образование – науку как социальный институт. Такая интерпретация сущности научной школы выводит анализ на макросоциологический уровень. В нем научная школа выступает в качестве системной целостности, связывающей воедино действующих в ее рамках социальных субъектов на основе сложившихся в научной среде регулятивов (идеалов и норм научно-познавательной деятельности, принятых санкций и др.).

Как видно, и микро- и макросоциологический анализ феномена «научная школа» в современном белорусском обществе включает в свою исследовательскую матрицу характеристики социального взаимодействия. Ими в рамках научной школы являются особые формы информационного взаимодействия – научные коммуникации. Более того, интегральный подход к анализу феномена научной школы дает возможность уйти от традиционных характеристик, в которых научная школа выступала в качестве синонима научно-педагогической школы, и формально соотносилась с научно-педагогическими организациями, функционирующими в Республике Беларусь. Таким образом научная школа трактовалась в Анкете научной школы, разработанной учеными НАН Беларуси.

Современный подход требует рассматривать научную школу как **особую динамичную характеристику сложившегося сообщества ученых**, а не обозначение самого этого сообщества. Сущность этой характеристики состоит в том, что она отражает специфику научных коммуникаций, их содержательную направленность и эффективность. Так научная школа из разряда относительно статичных, формализованных признаков, присущих научно-педагогическим школам, превращается в фактор стимулирования (как всякая оценка) инновационных достижений в развитии современного белорусского общества.

Думается, что теоретическое обоснование содержательной специфики феномена «научная школа» может вывести на построение новой модели научных коммуникаций в формирующемся обществе знания. Ее построение является целью НИР, выполняемой исследователями кафедры государственного управления социальной сферой Академии управления при Президенте Республики Беларусь в рамках реализации проекта «Научная школа в системе инновационного развития современного белорусского общества». Автором данной статьи, руководителем проекта представлены в кратком изложении теоретические основания исследования.

## **СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА**

С.П.Винокурова

*Белорусская государственная академия искусств, г. Минск, Беларусь*

Трансформационные процессы, протекающие в обществе, затрагивают социальную сферу, в том числе и образование, а также сферу духовных ценностей, представленную культурой. Условия, в которых протекают трансформационные процессы, обусловлены действием конкретных механизмов передачи духовных ценностей, которая в свою очередь осуществляется путем традиционного взаимодействия субъектов различных культур в сфере экономики, образования, а также через средства массовой информации, Интернет и т.п. При этом специфика трансформационных проявлений обусловлена общественными, территориальными, региональными и другими особенностями функционирования социальной инфраструктуры.

Трансформационные процессы обуславливают появление принципиально новых признаков в разных сферах общественной жизни. Одним из них выступает процесс интенсивного формирования международного образовательного и культурного пространства.

Для Республики Беларусь как самостоятельного государства включенность в эти процессы исчисляется буквально двумя десятилетиями. Однако результаты происходящих перемен в этой области достаточно очевидны. Заключен ряд международных соглашений, предписывающих развивать международное сотрудничество в образовательной и культурной сферах по общепринятым образцам. Среди этих документов Великая хартия университетов в Болонье (1986г.), Болонская декларация (1999 г.), Пражское коммюнике (2001г.) Республика Беларусь присоединилась к процессу унификации ступеней высшего образования, принятых в Европейском регионе, в результате чего республика вступила на путь преобразования системы высшего образования и подготовки кадров бакалавров и магистрантов, при этом сохранив подготовку кадров высшей квалификации через аспирантуру и докторантуру.

Реформирование образовательной сферы происходит в условиях значительного расширения возможностей для высших учебных заведений при установлении международных контактов и осуществлении подготовки в вузах республики студентов - представителей иностранных государств.

Продемонстрируем это положение на примере развития международных связей Белорусской государственной академии искусств.

Международная деятельность занимает важное место среди приоритетов деятельности Академии. О высоком международном признании свидетельствуют ее многосторонние связи и участие профессорско-преподавательского состава и студентов в художественных выставках, фестивалях, программах и конкурсах.

Академия активно сотрудничает с такими международными организациями как ЮНЕСКО, Белорусско-французской ассоциацией «Завтра – весна», Международной организацией "PAS", Канфедерацией союзов театральных деятелей стран СНГ, Международной гильдией художников, Международным объединением керамистов и др.

За последние 5 лет художественные работы преподавателей Академии экспонировались на более чем 100 международных выставках, из них около 40 выставок были персональными.

Международное сотрудничество Академия развивает в рамках межправительственных соглашений, посредством прямых договоров с зарубежными организациями, путем участия в проектах международных и национальных объединений, через участие в научной и творческой деятельности, подготовку и издание научной и научно-методической литературы.

Соглашениями между Республикой Беларусь и правительствами других стран Министерству культуры и соответственно Академии рекомендовано развивать в качестве приоритетных направлений сотрудничество с родственными вузами Китайской республики, Российской Федерации.

Руководствуясь этими документами, Академия только в 2006/2007 учебном году подписала соглашение о сотрудничестве с Московским институтом леса, а также с Вильнюсской академией изобразительных искусств. Кроме того, в августе 2005 года Академия заключила меморандум о намерениях по сотрудничеству с Челябинской государственной академией культуры и искусств, а в апреле 2007 года заключен договор о сотрудничестве с этим учебным заведением.

В мае 2007 года Академию посетила делегация во главе с ректором Хут-Хотосского профессионального института Китайской провинции Северная Монголия с целью обсуждения вопросов о возможности обучения студентов из Китая в Академии искусств.

Академия искусств в настоящее время представляет на международном уровне различные направления, связанные с театральным, изобразительным декоративно-прикладным, дизайнским, кино-телеобращением и искусством.

Одним из направлений такой деятельности является приглашение зарубежных специалистов для выполнения учебно-методической и научно-исследовательской и творческой работы.

Только в текущем учебном году Академию с этой целью посетили известные за рубежом специалисты и делегации- представители творческих специальностей из различных стран Европы. Так, студенты Академии на семинаре немецкого профессора Рольфа Раутенберга познакомились с особенностями подготовки по специальности «дизайн моды» в Академии искусств Берлин-Вайсензее. Профессор университета Канагава Набуоки Накамота (Япония) на протяжении 4 дней проводил мастер-классы по мастерству актера на театральном факультете. Группа представителей шведской театральной школы (13 человек) провели мастер – классы со студентами Академии, а преподаватели академии в то же время провели мастер-классы для студентов шведской группы.

Белорусская государственная академия искусств имеет налаженные связи с Художественной академией Мюнстера, (Германия), Санкт-Петербургскими высшими учебными заведениями: Академическим институтом живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина, Академией театрального искусства, с Московским государственным художественно-промышленным университетом имени Строганова, Российской академией театрального искусства. В частности, театральный факультет поддерживает тесные связи с Институтом Польским в Минске, с помощью которого в феврале 2007 года осуществлен совместный проект “Тадзуш Кантар и его творчество”, а также осуществлена постановка спектакля “Хам” по повести Э.Ажешко на сцене Театра-студии имени Е.Мировича.

Преподавателями Театрального института имени Б.Щукина в Академии на протяжении недели проведены мастер-классы в рамках международной программы “Мастер-классы по этапам обучения на режиссерском и актерском факультетах высших учебных заведений для соотечественников в странах ближнего зарубежья и России”.

Не менее важным направлением международной деятельности является выезд по приглашениям вузов, творческих объединений зарубежных стран преподавателей, аспирантов, ассистентов-стажеров и студентов на стажировки, повышение квалификации в зарубежные научные и творческие учреждения. Это направление представлено достаточно широко. Преподаватели Академии постоянно приглашаются для участия в качестве членов жюри представительных международных конкурсов, проводят мастер-классы в учебных заведениях Франции, Англии, США, Австрии, Швеции, Финляндии и других стран. Исходя из общего количества представителей профессорско-преподавательского состава насчитывающего около 140 человек, десятки преподавателей ежегодно выезжают за рубеж с целью участия в научных и творческих проектах, для проведения персональных выставок, участия в международном составе жюри. Сюда входит организация и участие в международных конгрессах, конференциях, симпозиумах, по направлениям учебной, научной и творческой работы.

Только по одной кафедре костюма и текстиля факультета дизайна и декоративно-прикладного искусства в 2006/2007 учебном году осуществлено участие в 9 мероприятиях международного уровня. Так, в Международном конкурсе молодых дизайнеров одежды «Мельница Моды» (май 2007г.) приняли участие 24 студента, занимающиеся по данной кафедре, 5 из них победили в конкурсе. Все победители конкурса будут направлены на стажировку в Швецию, Германию, Испанию, а также их работы будут представлены в благотворительном фонде «Русский силуэт», г. Москва, Россия.

Книга-календарь «Белорусские иконы на перекрестках европейских дорог», подготовленная доцентом кафедры костюма и текстиля Лискуном Ю.А. и изданная в г. Милане (Италия) в 2007г., вышла на пяти языках (русском, итальянском, французском, немецком, испанском).

Сотрудники и студенты Академии участвовали в различных мероприятиях и проектах международного уровня. Это - международная выставка игрового оборудования (г. Киев), международный фестиваль анимационной рекламы «ELLEX-2006» (г.Москва), международная выставка компьютерных игр (Лас-Вегас, США. 2006г.), международный 2 биенал плаката (Варшава, Польша. 2006г), 22 биенале графического дизайна (г. Брно,

Чехия. 2006г), 7 Международный биенал графического дизайна «Золотая пчела» (Москва, Россия. 2006г. ), 8 Международный триенал плаката (г. Таяма, Япония. 2006г.).

Проблемам организации учебного процесса в условиях трансформации общества посвящены международные конференции, проведенные на базе академии искусств. Так, в октябре 2006 года проведена Международная научно-теоретическая конференция «Актуальные проблемы искусства и современной художественной школы Беларуси в условиях глобализации культуры», в апреле 2007 года - Международная научно-практическая конференция «Культура. Наука. Творчество». Участие в конференциях ученых и представителей творческих профессий из различных стран позволяет осмысливать образовательные процессы и процессы современных культурных изменений путем сравнительного анализа. При этом современные проблемы художественного образования осмысливаются в контексте программы развития регионов Республики Беларусь с позиций проблем освоения, сохранения и развития традиций белорусского искусства и культуры в прошлом, настоящем и будущем. Вопросы образовательных инноваций в творческих вузах: вопросы унификации процесса и выработки образовательных стандартов занимают важное место при обсуждении актуальных проблем развития культуры и искусства.

Развитие международных связей в образовательной сфере способствует становлению общего образовательного и культурного пространства, что является чрезвычайно важной задачей для выхода на качественно новый уровень выработки ценностно-мировоззренческих установок социально-гуманитарного знания. Сегодня, с абсолютной уверенностью можно отметить, что без международного диалога творческой молодежи и изучения классических и современных образцов мирового искусства процесс интеграции в европейскую и мировую культурно-образовательную сферу в значительной степени затрудняется, а также замедляется реализация тенденции, связанной с интернационализацией высшего образования, повышением его качества и авторитета на международном уровне.

Таким образом, проведение международных обменов, открытый диалог, обмен идеями будут способствовать объединению усилий тех, кому дороги духовная культура, гуманистические традиции народов, мир и благо всего человечества.

#### Литература

1. Гончаренок И.И. Болонская декларация и Пражское Коммюнике программные документы развития высшего образования в Европе. // «Высэйшая школа». 2002.- №4.

## **РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ**

В.И. Гладковский

*Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь*

Стратегия образования в условиях трансформирующегося общества, помимо всего прочего, должна быть направлена на развитие субъекта образовательной деятельности, способного не только обслуживать уже имеющиеся сложные, наукоемкие и социально полезные технологии воспроизводства общественной жизнедеятельности, но и выходить при необходимости за пределы нормированной предыдущими поколениями деятельности, проявлять инициативу, осуществлять инновационные процессы, которые можно назвать процессами творчества в самом широком смысле этого слова. Следовательно, образовательная деятельность, как в средней, так и, особенно, в высшей школе, должна быть построена так, чтобы обеспечить не только обучение, но и развитие субъекта образовательной деятельности.

Для построения проблемной ситуации рассмотрим притчу о трех каменотесах, везущих тачки с камнями на строительство храма. В ответ на вопрос: «Что вы делаете?», первый из них молвил *уныло*: «Камни таскаю», второй сказал *спокойно*: «На жизнь зарабатываю», а третий ответил *гордо*: «Храм строю». Что же можно увидеть в этих ответах?

М. Т. Громкова, доктор психологических наук, отмечает, что каменотесы эмоционально неодинаково относятся к своему труду [2, с. 87]. Следовательно, в психологическом контексте в качестве характеристики деятельности выделяется *эмоциональное отношение к деятельности*.

М. Н. Аплетаяев, доктор педагогических наук, обращается к притче с другой стороны — со стороны рефлексивного отношения к действительности. Для перехода в рефлексивную позицию необходимо ответить на вопросы *рефлексивного ряда*: «Что я делаю?», «Зачем я это делаю?», «В чем смысл того, что я делаю?» Первый каменотес, который тащит надоевшую ему тачку с камнями, как раз и отвечает на первый вопрос о содержании деятельности. Он даже не задумывается о том, зачем он это делает. Второй — спокоен, поскольку знает, зачем он это делает: семью надо кормить. Третий с гордостью сообщает о строительстве храма как о цели *своей* деятельности. К таким выводам он мог прийти только в результате развитой рефлексии. [1]. Получается, что с педагогической точки зрения различие в ответах каменотесов объясняется разной степенью *развития рефлексивной способности*.

М. А. Розов, доктор философских наук, полагая, что у первого каменотеса отсутствует цель как основной компонент деятельности, основное внимание уделяет актам деятельности второго и третьего каменотесов, которые, по его мнению, отличаются друг от друга только целевыми установками. При этом участник, зарабатывающий на хлеб семье, строит и собор, а тот, кто строит собор, зарабатывает и на хлеб. Переход от одного акта деятельности к другому осуществляется при помощи *рефлексивного преобразования цели деятельности*.

С целью более тщательного анализа, построим модель деятельности каменотесов по В.В. Краевскому, который определяет модель как «систему элементов, воспроизводящую некоторые стороны, связи, функции объекта исследования» [3, с. 201]. В состав деятельности каменотесов входят: предмет, процесс, способ, продукт, цель, отношение к деятельности, уровень рефлексии. Первое, что бросается в глаза при анализе состава — это то, что категории, относящиеся непосредственно к процессу деятельности: предмет, процесс, способ и продукт деятельности — у всех каменотесов абсолютно одинаковы. Отличия сводятся к разнице в целях, в отношении к деятельности и уровне рефлексии. Первый каменотес говорит не столько о цели своей деятельности, сколько, о ее содержании, а также о самом главном для него — о своем негативном отношении к инструментальному оснащению деятельности. Как будто во всех его бедах виновата тачка, а не он сам. Цель как основной компонент деятельности в его ответе явно не просматривается. На этом основании М.А. Розов полагает, что набор действий первого каменотеса нельзя считать деятельностью и совсем не рассматривает его [6, с. 72]. Тем не менее, хотя первый каменотес явно цель не формулирует, она, несомненно, существует! Ведь набор его операций вовсе не случаен. Тачка с камнями перетаскивается из каменоломни на строительство, т.е. с одного *определенного* места на другое *определенное* место. И первый каменотес об этом *знает!* Иначе он просто не смог бы везти груз в *надлежащее* место. Может быть в силу чрезвычайной сосредоточенности на самой деятельности или по какой-нибудь другой неизвестной нам причине, он не находит нужным сообщить об этом. Поэтому, необходимо все-таки признать, что все каменотесы занимаются одной и той же деятельностью, но на различных ее уровнях.



Действительно, первый каменотес не задумывается над тем, зачем он *уныло* тащит свою тяжелую кладь. Степень его рефлексии низкая, что характерно для *первого уровня целеполагания*. Ему кто-то выбирает цель и определяет способ достижения. Поэтому первого каменотеса целесообразно назвать *исполнителем*, выполняющим чьи-то указания. Собственно, это и есть цель его деятельности. Иначе говоря, выполнение указаний, распоряжений, инструкций и т. п. является для такого человека самоцелью. Спрос на исполнителей никогда не убудет, поскольку от них тоже есть своя польза.

Второй каменотес *спокойно* говорит лишь о том, что нужно ему и его семье, какую выгоду он лично извлекает из своего труда: "На хлеб зарабатывать, семью кормить надо". Поэтому он тоже не упоминает о цели строительства. Ему, в сущности, все равно, чем заниматься, лишь бы платили. Второго каменотеса целесообразно назвать наемником или прагматиком. Наемники особо не задумываются над своим *внутренним миром*, над своим *опытом* и над своим *отношением* к миру и своему опыту. Ведь для того, чтобы заняться *другой* деятельностью, к примеру, рефлексией, необходимо прекратить *эту* деятельность. Но им некогда, у них дела, им торопиться надо... Заметим, тем не менее, что целевая установка прагматика направлена только на компенсацию, которую он может получить, выполнив то или иное действие. Следовательно, основной механизм его деятельности носит компенсационный характер. Прямого отношения к цели строительства целевая установка наемника не имеет. Поэтому такой уровень рефлексии естественно назвать средним. Целеполагание второго каменотеса относится ко *второму уровню*, поскольку он сам выбирает цель, но использует традиционный способ ее достижения.

Третий каменотес, в отличие от первых двух, ясно осознает цель всего строительства. Не зря он с *гордостью* отвечает: "Я строю Собор!" Правда, он забывает о том, что он не один строит Собор. Ведь кто-то до него уже *осознал* необходимость постройки, *нашел* средства, *спроектировал* здание, *организовал* строительство. Поэтому для третьего каменотеса более четким был бы ответ: "Я *участвую* в строительстве храма, для людей *стараюсь*". Этим тоже можно гордиться... Уровень его рефлексии явно высокий. Его целеполагание относится к *третьему уровню*. Он сам выбирает цель и способ ее достижения. Третьего каменотеса целесообразно назвать *созидателем*. Созидатель сам распоряжается своей деятельностью в соответствии с общим замыслом строительства.

Если понимать «тачку с камнями» не буквально, а в переносном смысле, как совокупность повседневных обязанностей, которые так или иначе приходится выполнять каждому человеку, то от незатейливой притчи о трех каменотесах можно перейти на более абстрактный уровень рассмотрения способов существования человека с учетом и без учета преемственности в делах и поступках на протяжении всей жизни. С. Л. Рубинштейн писал по этому поводу, что "Линия, ведущая от того, чем человек был на одном этапе своей истории, к тому, чем он стал на следующем, проходит через то, что он сделал. В деятельности человека, в его делах, практических и теоретических, психическое, духовное развитие человека не только проявляется, но и совершается" [4, с. 643].

Другими словами, любую деятельность можно понимать и как цель и как смысл существования. Поэтому, трудно не согласиться с мнением А.И. Жука о том, что именно реализация деятельностной функции выявляет практическую значимость педагогики как науки [5, с. 52].

В самом деле, *исполнителю* достаточно дать указание по выполнению задания. Если это в его силах и он обладает соответствующей квалификацией, то исполнитель обязательно выполнит указание, как бы он к нему не относился. Компенсацией для него является удовлетворение от выполненного задания. Но в любом случае контекст выполнения вносит свои коррективы в первоначальную установку и поэтому даже самому ретивому исполнителю приходится хотя бы в малой степени проявлять

инициативу потому, что нельзя составить инструкции на все случаи жизни. В силу своих особенностей исполнитель нуждается в *инструктивном руководстве*.

*Прагматику* довольно пообещать награду в любой форме, устраивающей его, и тогда он способен выполнять объем работы, превышающий норму при условии соответствующей компенсации. Другими словами, на основе механизма компенсации деятельности он способен к проявлению инициативы в большей степени, чем исполнитель. Если уровень сложности и трудности деятельности не соответствует квалификации наемника, то он может отказаться от ее выполнения, но скорее всего проявит инициативу и найдет способ повысить свою квалификацию. Главное для него — захотеть получить компенсацию за свою деятельность. Поэтому прагматик нуждается в *управлении*, понимаемому по Г.П. Щедровицкому в смысле деятельности над деятельностью [7, с. 429].

*Созидатель* должен знать, осознавать и разделять общую цель деятельности. Остальное он построит для себя сам в процессе *самоуправления* своей деятельностью на основании рефлексивного преобразования цели деятельности.

Таким образом, определяющей для развития личности субъекта образовательной деятельности в трансформирующемся обществе является рефлексивное преобразование цели деятельности. Оно может быть только целенаправленным, осознанным и самостоятельным. Собственно, именно такое преобразование деятельности Г.П. Щедровицкий называл управлением, имея в виду целенаправленную деятельность по преобразованию другой деятельности. Поэтому, перефразируя С. Л. Рубинштейна, можно утверждать, что именно в такой деятельности личность субъекта образовательной деятельности, а также его инициатива не столько проявляется, сколько образуется, а, следовательно, становится и развивается.

#### Литература

1. Аплетаяев, М.Н. Образовательная рефлексия как форма нравственной деятельности / М.Н. Аплетаяев // Педагог 3 1997 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://bspu.secna.ru/Journal/pedagog/pedagog\\_3/pedagog3.html](http://bspu.secna.ru/Journal/pedagog/pedagog_3/pedagog3.html). — Дата доступа: 02.02.2007.
2. Громкова, М.Т. Психология и педагогика профессиональной деятельности: Учеб. пособие для вузов. / М.Т. Громкова — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003, — 415 с.
3. Краевский, В.В. Методология педагогики: пособие для педагогов-исследователей / В.В. Краевский — Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. — 244 с.
4. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб.: Питер, 2003. — 713 с.
5. Основы педагогики: Учеб. пособие / А. И. Жук, И. И. Казимирская, О. Л. Жук, Е. А. Коновальчик; Под общ. ред. А. И. Жука. — Мн.: Аверсэв, 2003. — 349 с.
6. Розов, М. А. В поисках Жар-птицы / М. А. Розов // Вопросы философии — 2005, №6. — С. 63—82.
7. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий — М.: Шк. Культ. Полит., 1995. — 800 с.

## ЗНАЧЕНИЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА ДЛЯ НАЧАЛА РЕФОРМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ЕС

Кристина Алдона Блажене

*Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса, г. Вильнюс, Литва*

Дайва Даугвилене

*Вильнюсская коллегия коммерции и права, г. Вильнюс, Литва*

Создание Европейского Союза – экономического и политического союза двадцати семи стран – важнейшие функции которого это-общие рынки, поддержание единой валюты и общей политики развития земельного хозяйства, в настоящее время

является актуальнейшей темой также и для Литвы, вступившей в Европейский Союз 12 июня 1995 года.

Для Литвы, вступившей в Европейский Союз, как и для большинства других стран ЕС, реформа системы просвещения стала для страны необходимым и неотделимым от интеграции в ЕС условием. Просвещение стало восприниматься как краеугольный камень в оплоте внешней политики ЕС, а образованность людей, их знания и компетенции – как "ключ от будущего Европы". Поэтому одна из существенных целей ЕС – "создавать Европу, как пространство для учебы всю жизнь". Данную идею реально претворить в жизнь только "радикально изменив взгляд на просвещение", поставить перед ним новые цели и задачи, т.е. реформировать или реорганизовать его. Инвестиции в общее и профессиональное образование являются основным фактором конкурентоспособности Европейского Союза, постоянного и непрерывного роста экономики и занятости людей, тем достигая экономических, социальных и политических целей, которые были намечены Лиссабонской стратегией для воплощения в жизнь задач Европейского Союза. Поэтому очень важна связь между просвещением и другими политическими сферами, такими как занятость, исследования, инновации и макроэкономическая политика. При ускорении интеграционных процессов в Европейском Союзе, для оценки и анализа изменений в деятельности систем просвещения, появляется необходимость активно оценивать достижения систем просвещения различных стран, особенности их деятельности.

Европейский Совет и Европейская Комиссия подчеркивают, что, воплощая в жизнь и развивая реформы просвещения, должны усиливаться национальные инициативы. А в будущем необходим обмен опытом и поддержка инициативы всех стран - членов в данной области.

Высшие школы занимают промежуточную грань между важнейшими компонентами развития государства, на основе которых, подкрепленная знаниями, держится экономика и общество, а также и здоровая конкуренция, связанная с развитием Европейского Союза. Таким образом, высшие школы Европы должны достигнуть наиболее высоких результатов в этой области, чтобы Европейское образование стало одним из лучших в мире и могло бы конкурировать с другими мировыми системами просвещения.

Хотя и нет сомнения в том, что Европейское общество достаточно образованно, но только 21% работоспособных жителей ЕС получили высшее образование третьего уровня, а это существенно меньше, нежели в США (38%), в Канаде (43%), в Японии (36%) или в Южной Корее (26%).

В ближайшие 20 лет модель экономики Европы существенно изменится. Производственная основа Европы и далее будет уменьшаться, рост и социальное благосостояние в будущем все более будет зависеть от промышленных сфер и услуг, поощряющих использование знаний, и все большему числу рабочих мест будут необходимы высшие научные знания. Однако Европейские университеты, будучи двигателями создания новой, поддержанной знаниями, модели, не имеют достаточно возможностей полноправно присоединиться к Лиссабонской стратегии.

Европа обязана усиливать вершины своего треугольника знаний: образование, исследования и инновации. Университеты играют ведущую роль во всех трех областях. Увеличение инвестиций на обновление и качество университетов – это прямая инвестиция в будущее Европы и европейцев. В старейшем Европейском университете, образованном в 1088 г. в Болоньи (Италия), 19 июня 1999 г. ответственные за высшее образование министры 29 европейских стран, с целью объединить системы высшего образования в общее пространство высшего образования Европы, подписали декларацию, которая стала политическим действием и толчком для начала перемен в странах Европы. Появление данной декларации и обозначает начало Болонского процесса. Так как в Болонском процессе участвует не только Европейский Союз, но и

другие страны, с географической точки зрения он охватывает большую территорию от Атлантики до Тихого океана. Однако, с политической точки зрения, Болонский процесс является частью политической деятельности Европейского Союза, и вопросы по его развитию, в первую очередь, рассматриваются с учетом перспектив развития Европейского Союза.

Координирует и осуществляет Болонский процесс BFUG (Bologna Follow-up Group) группа, в которую входят действительные члены – страны, участвующие в Болонском процессе и Европейская Комиссия (The European Commission) – и совещательные члены: ассоциация Европейских университетов (The European University Association, EUA), национальные союзы студентов Европы (The National Unions of Students in Europe, ESIB), ассоциация институций высшего образования Европы (The European Association of Institutions in Higher Education, EURASHE), центр высшего образования Европы (The European Centre for Higher Education UNESCO-CEPES), ассоциация качества высшего образования Европы (The European Association for Quality Assurance in Higher Education, ENQA), структура международных союзов образования Европы (The Education International (EI) Pan-European structure), союз конфедераций промышленности и работодателей (The Union des Industries de la Communaute europeenne, ENICE).

Говоря об истоках Болонского процесса, в качестве источника идей всегда вспоминается Сорбонская декларация, которую, в мае 1998 г. в Париже подписали министры Франции, Италии, Объединенного Королевства и Германии. Именно тогда появились двухуровневые системы обучения, принципы сравнимости ученых степеней и принципы академической мобильности, которые позже более подробно были изложены в документах Болонского процесса.

В рамках Болонского процесса был достигнут существенный прогресс в основных областях реформ просвещения, т.е. принимались решительные меры, реформируя просвещение в странах, участвующих в Болонском процессе. Министры стран, участвующих в Болонском процессе, 19 сентября 2003 г. на состоявшейся в Берлине конференции "Создание пространства для высших школ Европы" представили ряд приоритетов, которые в первую очередь необходимо учитывать при создании общего пространства для высших школ Европы до 2010 г. и которые ускорят данный процесс. Министры стран, участвующих в Болонском процессе, в первую очередь:

- заверили, что поддерживают дальнейшее улучшение качества образования в институциях, на национальных и общеевропейских уровнях, а также подчеркнули, что и в дальнейшем должны развиваться намеченные критерии и методы в данной области;
- заверили, что уже с 2005 г. воплощена в жизнь двухуровневая система высшего образования. Также обязались создать максимальные границы улучшения качества реформ по системе образования высших учебных заведений;
- подчеркнули значение Лиссабонского договора по признанию квалификаций высших учебных заведений Европейского региона, которое должно быть ратифицировано всеми странами, участвующими в Болонском процессе;
- наметили цель, что каждый, закончивший обучение студент автоматически и бесплатно получит выписку из диплома.

Также министры подчеркнули важность усиления пространств между европейскими высшими школами и европейскими научными исследованиями. В конце концов, все министры однозначно решили общими силами контролировать достижения всех стран, участвующих в Болонском процессе.

Данные достижения для реформы просвещения очень важны и не должны быть забыты, т.к. истоки Лиссабонских реформ просвещения и есть реформы, начатые на

Болонском процессе. Университеты же здесь играют важнейшую и существенную роль (имеются в виду заведения высшего образования всех сортов, действующих по национальным правовым распоряжениям, а также система выполнения практик, где приобретает квалификацию определенного установленного уровня или получают дипломы, игнорируя название их статуса, который может отличаться из-за отдельных обычаев страны).

В 2004 г. после вступления Литвы в ЕС, вырос бюджет трех программ *Comenius*, *Erasmus*, *Grundvig*, поощряющих мобильность. Сравнивая с 2005 г. количество средств, получаемых от Европейской Комиссии на данные программы, выросло почти в четыре раза: с 4,2 млн. литов в 2005 г. до 14,8 млн. литов в 2006 г. По прелиминарным данным, благодаря программе *Erasmus* по обмену студентами, в 2005/2006 учебном году выехало 1500 студентов, это на 300 больше, нежели в 2004. В течение того же периода за границей стажировались около 600 преподавателей. По программе *Comenius* (обмен школами) в 2005 г. выехало почти 200 школьных групп. В 2004 г. это число не доходило и до ста. Литва также стала все более притягательна для студентов других стран. Увеличивается число студентов, прибывающих в Литву по программе *Erasmus*. В этот учебный год прибыло почти 500 студентов, это в два раза больше, чем в прошлом. Будущие учителя, участвующие в проекте подготовки учителей, также активно интересуются Литвой. Литва дождалась ассистентов по языкам (программа *Comenius*) из Германии, Италии, Великобритании и др.

Интернационализм Вильнюсского технического университета им. Гедиминаса неотрывно связан с государственной социально-экономической стратегией Литвы и Европейского Союза. ВТУ является важным и активным участником в международной деятельности страны и Вильнюсского региона, добившийся хороших результатов в масштабах республики и влияющий на всю стратегию интернационализма страны. Также ВТУ постоянно осуществляет планы мобильности, увеличивая мобильность, как преподавателей, так и студентов. Мобильность студентов (SM): осуществлена на 84,2%, т.е. из запланированных 330 студентов выехало 278 (еще 2 студента уехали в Швейцарию с государственной стипендией), сравнивая с 2005/2006 г., SM выросла почти на 24%. Мобильность преподавателей (TM): осуществлена на 87,6%, т.е. из запланированного 121 визита преподавателей выехало 106, сравнивая с 2005/2006 г. TM выросла почти на 23%.

Изменилось и географическое распределение студентов: большинство студентов все еще приезжает из Германии (31), составляя 21% от всех прибывших студентов, из Португалии (25), Испании (25), Турции (25), последние составляют 17% от всех прибывших студентов. 2005/2006 г. большинство студентов приехало из Австрии (10), Португалии (18) и Германии (21). Мобильность студентов из Финляндии, Чехии и Польши все еще достаточно мала: из Польши (2), Финляндии (1), Чехии (2) студента. 2006/2007 г. в мобильности все активнее стали участвовать студенты из Турции. Самым популярным факультетом для приезжающих студентов остается факультет коммерции, на котором проходят обучение более чем 33% от всех приезжающих студентов. На втором месте, более 17%, в 2006/2007 г. был факультет электроники, обогнавший факультет окружающей среды, имевший в 2005/2006 г. соответствующие позиции. Наименьшее число студентов (1) дождался факультет транспортной инженерии.

С 2003 г. из 146 институций высшего образования, представивших запросы в ECTS для получения этикетки, ее получили только 14 (4 в Бельгии, 2 в Финляндии, 2 в Португалии, 2 в Австралии и только по одной в Норвегии, Польше, Испании, Нидерландах). В этом году запросы предоставили 46 высших школ Европы, однако только 7 (15,5%) были оценены положительно. Из них и Вильнюсский технический университет им. Гедиминаса. Оценивая запросы, было принято во внимание мнение ECTS экспертов, посетивших институции. Независимые эксперты рекомендовали

предоставить этикетки ECTS только тем институциям, которым был поставлен общий балл "хорошо" или "очень хорошо". Европейская Комиссия подтвердила, что Вильнюсскому техническому университету им. Гедиминаса предоставлена этикетка ECTS.

Этикетка ECTS – это подтверждение того, что институция является надежным партнером, имеющим хороший процесс обучения и не двусмысленное предоставление информации. Этикетка ECTS предоставляется на 3 года тем институциям, которые применяют ECTS во всех учебных программах первого и второго уровня, она также показывает, что институция является надежным партнером в международном сотрудничестве.

А это значит, что и Литва ориентируется на открытое Европейское пространство просвещения, на более открытый Европейский рынок рабочей силы, на мобильность граждан Европы.

#### Литература

1. Белая книга науки и технологий Литвы. Департамент науки и образования при Министерстве образования и науки, Вильнюс 2001.
2. Важнейшие документы Болонского процесса. Министерство образования и науки. - Вильнюс 2005.
3. Государственная стратегия образования и программа проведения в жизнь 2003-2012 г. [http://www.smm.lt/teisine\\_baze/docs/strategija2003-12.doc](http://www.smm.lt/teisine_baze/docs/strategija2003-12.doc)
4. Закон об образовании Литовской Республики // Изменения. Nr. IX-2292, 2004-06-22. [http://www.smm.lt/teisine\\_baze/docs/istatymai/i-1489.htm](http://www.smm.lt/teisine_baze/docs/istatymai/i-1489.htm)
5. Higher education in Lithuania 2001. Department of Science and Higher Education under the Ministry of Education and Science of the Republic of Lithuania, Vilnius 2001.
6. Steve McIntosh, Further Analysis of the Returns to Academic and Vocational Qualifications, Center for the Economics of Education, London School of Economics, London 2004

## GLOBALIZACJA W KONTEKŚCIE KULTURY – WYBRANE KONCEPCJE

Magdalena Ickiewicz-Sawicka

*Politechnika Białostocka, Białystok, Polska*

Globalizacja i procesy ją determinujące stanowią obecnie najbardziej eksploatowany termin w wielu obszarach szeroko rozumianych nauk społecznych. Stanowią „słowo klucz”, które otwiera różnorakie przestrzenie działalności człowieka, także w kontekście kultury. W związku z tym jest przyczyną ogólnoswiatowej debaty, w której jedni interpretują zjawisko globalizacji jako „motor postępu technologicznego i rozwoju gospodarczego”, drudzy zaś twierdzą, że jest ona „wehikułem macdonaldyzacji i bezmyślnej unifikacji lokalnych kultur oraz zagrożeniem dla narodowych tożsamości” czy też „narzędziem amerykańskiego panowania nad światem” [1, s. 9].

Te dwa przeciwstawne stanowiska ukazują wyraźnie wielopłaszczyznowość, wielowymiarowość i wewnętrzne zróżnicowanie globalizacji, która jest jednocześnie interpretowana jako proces integracji i centralizacji życia społecznego oraz jako proces decentralizacji, fragmentaryzacji i dezintegracji [11, s. 588]. To ostatnie stwierdzenia J. N. Rosenau określa się mianem „fragmegracji”, czyli współistnienia integracji i fragmentacji [13, s. 36].

R. Robertson zaś proponuje interpretację opisywanych zjawisk używając określenia „glokalizacja”, kierując uwagę na przenikanie się tego co lokalne z tym co globalne. Natomiast Z. Bauman stwierdza, że globalizacja i „lokalizacja” są wyznacznikiem polaryzacji i stratyfikacji współczesnego świata, podzielonego na „zglobalizowanych” bogatych i „zlokalizowanych” biednych [11, s. 589, 2, s. 70-72]. Odzwierciedla to przepaść ekonomiczną jak i

kulturową pomiędzy bogatą Północą, zamieszkałą przez wiecznych, nienasyconych konsumentów i biednym Południem, zaludnionym przez głodnych obserwatorów zdobyczy cywilizacyjnych tych pierwszych. W ten sposób kształtuje się nowa społeczno-kulturowa hierarchia.

Zdanie to wzmacnia pogląd J. Bielawskiego, który zaznacza, że cechą globalizacji jest jej asymetryczny charakter zarówno w kontekście poszczególnych dziedzin jak i podziału korzyści. W związku z tym wyróżniamy grupę zwycięzców i grupę pokonanych [3, s. 32]. Obydwie grupy podążają różnymi ścieżkami globalizacji i są dowodem na to, że pomimo dążenia do unifikacji, nie mamy do czynienia z homogenną kulturą globalną. Z drugiej strony jednak, R. J. Holton, zwraca uwagę na kształtowanie się zunifikowanego stylu konsumpcji, którego znakami firmowymi jest McDonalds czy Coca-Cola. Stanowią one swoistą ikonę amerykańskiej kultury masowej, [8, s. 155], która staje się centralnym punktem ludzkiej egzystencji. Dla wielu osób wykorzenionych z tradycyjnej kultury, konsumpcja staje się znaczącym źródłem satysfakcji i główną formą rozrywki. Ponadto jest ona coraz mniej związana z zaspokajaniem potrzeb, a jedynie ich podsycaniem, a następnie odczuwaniem, wyrażaniem i w końcu komunikowaniem [9, s. 5].

Spółeczeństwo konsumpcyjne z definicji wyklucza osiągnięcie satysfakcji. Masowy klient nieustannie czegoś pożąda i coraz więcej kupuje i konsumuje. Procesy te dotyczą głównie wysokorozwiniętych krajów bogatej Północy, w pozostałej części globu obserwuje się powrót do tradycyjnych symboli, wartości i tożsamości. Tożsamości rozumianej jako „...wynik dziedzictwa przeszłości, komunikowania wewnętrznego i zewnętrznego, poszukiwaniu sensu egzystencji, przeżywania konfliktów. Z jednej strony osiadłość regionalna, zakorzenienie, ekologiczno-geograficzne czynniki, na które wykazywał już Hipokrates (ukształtowanie powierzchni, zalesienie, flora, fauna), połączone z dziedzictwem kulturowym ojców staje się częścią natury i rzutują na świadomą część osobowości, z drugiej strony pełnione role społeczne oddziałują na nią” [10, s. 39]. Swoiste odradzanie się tradycyjnych wzorców kulturowych jest reakcją na makdonaldyzację [Patrz szerzej: 12,4], unifikację i standaryzację. W związku z tym procesy kulturowe w skali globu z jednej strony wykazują tendencje homogenizacji zachowań konsumpcyjnych, z drugiej zaś eksponują wielokulturowość i różnorodność, poprzez wzmocnienie poczucia tożsamości i odrębności narodów i grup etnicznych [11, s. 579]. Wykazując tym samym na atrakcyjność kultur narodowych, które poprzez swoją odrębność stanowią element identyfikacji i społecznej solidarności [8, s.155]. W wymiarze regionalnym zaobserwować można wówczas zjawisko tożsamości regionalnej, zaś w sferze globalnej pojawiają się symptomy solidarności światowej. Jej rzeczywistym przejawem jest idea praw człowieka, której uniwersalizm promieniuje na wszystkie kontynenty. Z drugiej strony jednak globalizacja pobudza mechanizmy obronne, na rzecz traczonej odrębności kulturowej, swoistych zwyczajów, mentalności, wyznania, światopoglądu.

Wzmocnieniu ulegają lojalności i tożsamości lokalne, religijne i etniczne [14, s. 585]. W związku z tym, francuski socjolog Michel Maffesoli stwierdził narodziny nowej „mentalności plemiennej”. Mentalności, która odwołuje się do pierwotnych wartości, charakteryzujących społeczności tradycyjne. Grupy te opisywał w swoich opracowaniach, między innymi Bronisław Malinowski i A. R. Radcliffe-Brown.

Wymienieni antropolodzy, w trakcie badań terenowych na wyspach Polinezji zetknęli się ze zjawiskami kontaktu kulturowego oraz zderzenia kultur autochtonicznych i powstałego w związku z tym konfliktu. W toku przeprowadzonych obserwacji B. Malinowski odkrył, że podstawą relacji społecznych badanych zbiorowości ludzkich, jest wymiana symboliczna, kultywowana przez mieszkańców Wysp Triobriandzkich. Polegała ona na organizowaniu ryzykownych wypraw między wyspami w celu przekazywania (płynąc zgodnie ze wskazówkami zegara) naszyjników bagii, a płynąc niezgodnie ze wskazówkami zegara, bransolet mwali. Wymieniane przedmioty nie stanowiły wartości materialnych, ale miały charakter symboliczny, który spajał i umacniał więzi społeczne.

Koncepcja ta została rozwinięta przez francuskiego antropologa Marcela Gausa, który zwrócił uwagę, na to jak różnorodne i skomplikowane reguły zawiadują społecznymi

rytuałami. Współcześnie zaś kwesta ta była analizowana przez czołowego przedstawiciela francuskiego postmodernizmu Jeana Baudrillarda, teoretyka mediów i kultury. Zwraca on uwagę na to, że obecnie koncepcja wymiany daru odzwierciedla relacje społeczne, w których władza należy do tych, którzy dysponują podarunkami, jakich nie można odwzajemnić. Na tym właśnie polega fenomen władzy poprzez kontrole mediów, a zwłaszcza telewizji i internetu, rozpowszechniających podobne treści i obrazy, tworząc tzw. imperializm mediów, preferujących konsumpcyjny model kultury amerykańskiej. Powoduje to wzmocnienie dyktatury konsumpcji, ponieważ o kierunku przepływu kulturowego decyduje siła ekonomiczna, wzmocniona możliwościami marketingowymi. Przedstawiciele bogatej Północy, dysponujący nadzwyczajnymi finansowymi ulegają masowej turystyce, demonstrując tym samym wzorce kultury zachodniej, którym próbują sprostać lokalni przedsiębiorcy, ulegając tym samym „akulturacji antycypującej” [14, s. 591]. Przejawia się to poprzez np. naśladowaniu amerykańskiej architektury, kuchni, przemysłu samochodowego, tekstylnego itp.

Proces ten, podobnie jak podboje kolonialne, rodzi skrajne reakcje. Z jednej strony można zaobserwować totalną krytykę globalizacji kultury, która przejawia się w odrzuceniu jej komercjalizacji, standaryzacji i uniformizacji, która prowadzi do deprecjonowania i zanikania całego bogactwa kultur lokalnych oraz do obniżenia jakości treści kulturowych. Z drugiej strony zaś uwidaczniają się inicjatywy społeczeństwa obywatelskiego, które poprzez różnego rodzaju fundacje, stowarzyszenia lub inne formy organizacyjne, propagują wartości lokalne, stają w obronie tradycji, zwyczajów regionalnych, generalnie odrębności kulturowej. W ten sposób przeciwstawiają się upowszechnieniu kultury populamej w jej negatywnej postaci, która czyni zadość najbardziej prymitywnym gustom, a w dalszej konsekwencji prowadzi do „antykultury” lub „nowego barbarzyństwa”.

Ponadto procesy globalizacji kultury oprócz (opisanych powyżej) dylematów społeczno-ideologicznych wywołują również dyskurs teoretyczny; w warstwie badań naukowych. Spośród wielu koncepcji na szczególną uwagę zasługuje pojęcie „globalnej ekumeny” autorstwa szwedzkiego antropologa społecznego Ulfa Hannerza [7, s. 66-75]. Termin ten odnoszący się do zjawisk kulturowych jest analogią do idei „systemu światowego” skupionej w dziedzinie ekonomii [5, s. 126], która odnosi się do zależności i intensywnych relacji w skali ponadlokalnej.

Wspomniana ekumena to „...obszar ciągłych interakcji kulturowych, wzajemnej penetracji i wymiany kulturowych treści” [14, s. 593], pomiędzy kulturami tradycyjnymi a kulturami nowoczesnymi. Te pierwsze tworzą zamknięte, zlokalizowane obszary przestrzenne i czasowe, które zbudowane są na bezpośrednich interakcjach społecznych. Drugie zaś są otwarte i podlegają ciągłemu rozszerzeniu w wyniku nieustannie udoskonalanych zdobyczy cywilizacyjno-technicznych. W związku z tym ekumena uzyskuje charakter globalny, poprzez interakcje i przepływy, przekraczające lokalne ograniczenia.

Schemat funkcjonowania globalnej ekumeny opiera się na wyraźnym wyodrębnieniu centrów, będących inicjatorami treści i peryferii, które wchłaniają i adoptują do swego środowiska „wytwory” pochodzące z centrum. Zazwyczaj przepływ ten jest jednokierunkowy i przebiega z centrum do peryferii, rzadko zdarza się, że jest odwrotnie. Oczywiście przytaczane centra także ulegają ewolucji i każda epoka przedstawia swoje centra, adekwatnie do rozwoju cywilizacyjnego, zdeteterminowanego historycznie.

Koncepcja U. Hannerza opiera się na czterech przewidywanych scenariuszach, które podają ewentualny przebieg globalnej ekumeny kulturowej. Oto ich nazwy: „globalna homogenizacja”, „nasylenie kulturowe”, „deformacja kulturowa” oraz „dojrzewająca amalgamacja kulturowa”.

Pierwszy scenariusz zakłada, że kultura zachodnia zdominuje pozostałe kultury i w ostatecznym rozrachunku doprowadzi do homogenizacji i zniwelowania różnic kulturowych. Drugi scenariusz przewiduje tzw. proces nasycenia kulturowego, który stopniowo zastąpi lokalne idee kulturowe, zunifikowanymi wzorcami płynącymi z centrum. Trzeci zaś wywoła zjawisko „deformacji kulturowej”, która ulegnie degradacji w wyniku jej adaptacji przez kraje peryferyjne. Natomiast czwarty scenariusz będzie przebiegał na podstawie tzw.



„dojrzewającej amalgamacji kulturowej”, polegającej na równorzędnym dialogu i wymianie pomiędzy przedstawicielami centrum i peryferii. W ostatecznym rozrachunku doprowadzi to, do wzbogacenia kultury, pobudzi jej kreatywność, ożywi i utwali zamierające kultury lokalne.

Zdaniem Halerza, ten ostatni scenariusz jest najbardziej prawdopodobny, ponieważ opiera się na założeniu, że w pluralizmie kulturowym tkwi ogromny potencjał społeczności międzynarodowej; ujawniający się w obrębie ekumeny kulturowej, czyli nieustannej wymiany wartości ją tworzących.

Opisana powyżej koncepcja została rozbudowana przez izraelskiego socjologa Shmuela Eisenstadta, który w wyniku badań historycznych stwierdził, że nie ma jednej dominującej cywilizacji i kultury nowoczesnej, ale istnieje wiele „nowoczesności”, [6, s. 412-430]. Te z kolei są zdeterminowane przez występujące po sobie okoliczności. Pierwsze z nich to moment otwarcia się danego społeczeństwa i wejście w obręb kultury globalnej. Drugie zdeterminowane są poziomem rozwoju ekonomicznego i gospodarczego danej zbiorowości lokalnej, trzecie zaś dotyczą stopnia artykulacji, lokalnych teorii filozoficznych i religijnych, dotyczących podstawowych kwestii zarówno ziemskich jak i kosmicznych. Czwartą okoliczność kształtującą związki kulturowe, to zakorzenienie danej społeczności w tradycji wypływającej z historii i wypracowane sposoby reakcji na zmiany kulturowe i społeczne. Miernikiem jest tu poziom ksenofobii i tradycjonalizmu lub przeciwnie tolerancji i akceptacji inności.

Podsumowując powyższe rozważania stwierdza się, że niniejsze opracowanie dotyka istotnych kwestii dotyczących przenikania się kultur w dobie postępującej globalizacji. Opisane zjawiska, w niektórych aspektach przebiegają równolegle w innych zaś krzyżują się, tworząc swoistą mapę kulturową społeczności międzynarodowej, począwszy od tzw. dominującej kultury konsumpcji, do odradzających się kultur lokalnych. Rozwój owych zjawisk stanowi kwestię otwartą i będzie zapewne przedmiotem badań naukowych w przyszłości.

#### LITERATURA

1. Anioł W., *Paradoksy globalizacji*, Warszawa 2002, s. 9
2. Bauman Z., *Globalization*, Cambridge 1998, s. 70-72].
3. Bielawski J., *Wpływ globalizacji na wielostronną współpracę gospodarczą*, Sprawy międzynarodowe, nr 1, 2000, s. 32].
4. Barber B., *Dzichad kontra Macświat*, Warszawa 1997],
5. Dybczyński A., *Globalne rządzenie*, [w:] *Encyklopedia politologii*, t. 5, *Stosunki międzynarodowe*, red. T. Łoś-Nowak, Kraków 2000, 126]
6. Eisenstad S. N., A reappraisal of theories of social change and modernization, [w:] H. Haferkamp, N. J., Seler (red), *Social Change and modernisty*, Berkeley 1992, University of Kalifornia Press, s. 412-430].
7. Hannerz U., *Notes on the global ecumene*, *Public Culture*, vol.1, nr 2/1989, s. 66-75
8. Holton J. R., *Globalization and the Nation State*, Londyn 1998, s. 155]
9. *Niezbędnik inteligenta*, *Polityka*, nr 16 (2601), 21 kwietnia 2007, s. 5].
10. Nikitorowicz J., *Pogranicze, tożsamość, edukacja międzykulturowa*, Białystok 1995, s. 39].
11. Pietraś M., *Procesy globalizacji*, Lublin 2006, s. 588, [w:] M. Pietraś (red), *Międzynarodowe stosunki polityczne*, Lublin 2006]
12. Ritzer G., *Macdonaldyzacja społeczeństwa*, Warszawa 1997,
13. Sassen S., *The Spatial Organization of Information Industries: Implications for the role of State*, [w:] J. M. Mittelman, s. 36].
14. Sztompka P., *Socjologia*, Warszawa 2005, s. 585].

## KULTUROWE UWARUNKOWANIA ROZWOJU PRZEDSIĘBIORCZOŚCI W POLSCE<sup>1</sup>

E. Sadowska

*Politechnika Białostocka, Białystok, Polska*

Szeroko rozumiana przedsiębiorczość odgrywa kluczową rolę w rozwoju społeczno-gospodarczym. Bez gotowości do podejmowania ryzyka, chęci samorealizacji, kreatywności, elastyczności czy wreszcie innowacyjności, czyli cech charakteryzujących tzw. postawę przedsiębiorczą, trudno wyobrazić sobie osiągnięcie sukcesu gospodarczego – tak w skali pojedynczej firmy, jak i całej gospodarki.

W literaturze ekonomicznej przedsiębiorczość jest ujmowana jako swoista forma pracy lub jako samodzielny czynnik wytwórczy, który decyduje o efektywności gospodarowania poprzez wybór kierunków prowadzonej działalności, stosowanych technik wytwarzania i dostosowania ich do założonych celów funkcjonowania przedsiębiorstwa oraz istniejących warunków otoczenia. Współcześnie do czynników wytwórczych, poza ziemią, pracą i kapitałem, zalicza się także zarządzanie, kwalifikacje, innowacje, technologie, informacje, które mieszczą się w szerokim pojęciu przedsiębiorczości [7, s. 54]. Oddziaływanie przedsiębiorcy i jego przedsiębiorczości na czynniki pracy, ziemi i kapitału powodują piramidalny wzrost ich efektywności.

Oznacza to, że dzięki czynnikowi przedsiębiorczości następuje intensywny rozwój pozostałych trzech czynników produkcji. Nawet niewielki przyrost czynnika przedsiębiorczości, w znacznie większym stopniu przyczynia się do przyrostu efektu gospodarowania, powodując jego dynamiczny rozkwit.

Kreowanie postaw przedsiębiorczych wśród społeczeństwa, powstawanie nowych firm, a także rozwój już istniejących przedsiębiorstw nabiera szczególnego znaczenia w przypadku polskiej gospodarki. Zmagą się ona ze zjawiskiem wysokiego bezrobocia, a także migracjami znacznych zasobów siły roboczej do krajów stwarzających korzystniejsze warunki na rynku pracy. Kreowanie odpowiednich warunków do rozwoju przedsiębiorczości zapewni znaczne wsparcie w rozwiązaniu tych problemów.

Na kształtowanie się zjawiska przedsiębiorczości zarówno w kontekście społecznym, jak i ekonomicznym, mają wpływ warunki otoczenia, w których działają poszczególne jednostki i podmioty gospodarcze. Można do nich zaliczyć uwarunkowania polityczno-prawne, uwarunkowania ekonomiczne, czy uwarunkowania kulturowe.

Uwarunkowania kulturowe rozwoju przedsiębiorczości tworzą czynniki związane z historycznie ukształtowanymi wzorcami współżycia społecznego, systemami wartości, normami społecznymi, wzorcami postępowania (jednostki, grup, społeczeństwa) kształtujące pewien wzorec zachowań przedsiębiorczych lub stosunek do ich przejawów. [2]

Istotne znaczenie nadaje się religii (która kreuje takie cechy jak pracowitość, posłuszeństwo, podporządkowanie się tradycji, uczciwość czy lojalność w stosunku do partnerów), więzom rodzinnym (wspierają, pobudzają działania przedsiębiorcze, zachęcają do podejmowania ryzyka) i etnicznym (grupy etniczne tworzą wspólnie akceptowane normy zachowań przedsiębiorczych, korzystają z powiązań personalnych między członkami danej grupy, stanowiącymi gwarancję bezpieczeństwa zmniejszającymi ryzyko zachowań nieetycznych). [1, s. 70-75]

Kultura wywiera duży wpływ na ludzkie zachowania i sposób myślenia. Dostarcza ona zespołu kategorii, wzorców, reguł, przekonań, celów i schematów działań realizowanych na poziomie życia codziennego. Dlatego też, aby zrozumieć istotę przedsiębiorczości, konieczne jest dla niej określenie kontekstu kulturowego. Przejawy przedsiębiorczości są osadzone w kulturowym kontekście i całkowicie przez ten kontekst kształtowane. [6, s. 596]

---

<sup>1</sup> Praca naukowa finansowana ze środków na naukę w latach 2007-2009 jako projekt badawczy nr N118 008 32/3338

Do uwarunkowań kulturowych mających wpływ na stopień rozwoju przedsiębiorczości w danym społeczeństwie można zaliczyć:

- system wartości i przekonań, które znajdują odzwierciedlenie w przestrzeganiu określonych norm moralnych,
- tradycje przedsiębiorczości na danym obszarze,
- klimat sprzyjający/niesprzyjający przedsiębiorczości,
- model rodziny i więzi rodzinnych,
- zaufanie jako zasób kulturowy. [4, s. 167]

Niejednokrotnie kultura ma wpływ dominujący na postawy przedsiębiorcze w danym społeczeństwie. Ilustruje to przykład japońskiej „kultury ryżu” i amerykańskiej „etyki konkurencyjnego indywidualizmu”. W społeczeństwie japońskim funkcjonuje umiejętność dostosowania się, praca zespołowa, wzajemny szacunek i poleganie na sobie nawzajem. Korzeni tych zachowań i postaw można upatrywać w specyfice procesu uprawy ryżu będącego podstawą funkcjonowania bytowego społeczeństwa japońskiego (wyťažona praca zespołowa w krótkich okresach). Historyczne uwarunkowania kulturowe mają wpływ na normy i zachowania we współczesnej gospodarce rynkowej. Japończycy postrzegają kapitalizm jako system, w którym nie tyle jednostka osiąga zyski, ile społeczności służą klientowi. [3, s. 177] W społeczeństwie japońskim widoczny jest kult zbiorowości i wspólnoty – kolektywizm (komunitarianizm). W kulturze japońskiej akcentuje się przede wszystkim udział korporacji w rynku, działanie korporacji na rzecz pracowników i społeczeństwa. Dla kontrastu w indywidualistycznym społeczeństwie amerykańskim najważniejszy jest zysk, dochód w przeliczeniu na jedną akcję i zwrot z inwestycji. [3, s. 194]

Indywidualizm amerykański wywodzi się z wzorca przemysłowca, farmera, trapera, poszukiwacza złota, kształtuje zachowania Amerykanów i ich organizacji. Amerykańscy menedżerowie uznają jednostkę za element podstawowy w konstrukcji przedsiębiorstwa, decydujący o jego sukcesie. Są także wewnątrzsterowni – źródłem celów i kierunków działania przedsiębiorstwa są wewnętrzne przekonania jego pracowników. W żadnej innej kulturze nie wkłada się tyle wysiłku w urzeczywistnianie wewnętrznych pragnień jednostki. Amerykanie są przekonani, że człowiek powinien sam decydować i zajmować się swoimi sprawami, zamiast poddawać się wpływowi bliźnich i biegowi wydarzeń. Są to w istocie cechy, które stanowią o przedsiębiorczości: zdecydowana jednostka niestrudzenie dążąca do realizacji własnych marzeń. [3, s. 56-57] Te wartości odciskają wyraźne piętno na amerykańskim stylu tworzenia dobrobytu. Przedsiębiorczość nie przyniosła tylu korzyści żadnej innej kulturze. Ponadto całe społeczeństwo jest zorganizowane tak, by sprzyjać jednostkom.

W tradycji polskiej przez długi okres funkcjonowało wartościowanie bogactwa i pochwała ubóstwa. [8] Wynikało to z kultury staropolskiej (pomnażanie bogactwa, jako cel życia było niegodne szlacheckiego męża). Podobne podejście miało miejsce w okresie socjalizmu. Przedsiębiorca postrzegany był jako prywaciarz, a jego zajęcie było niegodne obywatela. W Polsce, w początkach transformacji za podstawowe cechy przedsiębiorców postrzegano lekceważenie i omijanie prawa, wykorzystywanie luk prawnych, ale z drugiej strony także odwagę i gotowość do podejmowania ryzyka. Obecnie podejście to ulega zmianie. Przedsiębiorca jest ceniony za pracowitość i zaradność. Z drugiej strony pozostało mniemanie, że osoby posiadające własne firmy w dużym stopniu zawdzięczają sukces omijaniu prawa i kombinacjom, choć przy ciężkiej pracy i specyficznym cechom charakteru. [5, s. 22] Obecnie bogacenie się pewnych grup w Polsce, rozwój przedsiębiorczości coraz częściej postrzegane są jako korzyść dla społeczeństwa, w związku z tworzeniem nowych miejsc pracy.

Czynnikiem kształtującym kontekst kulturowy przedsiębiorczości jest także religia. Na przykład religia protestancka od zawsze sprzyjała rozwojowi przedsiębiorczości. „Na chwałę Boga” należało pomnażać majątek, co pobudzało postawy innowacyjne i przedsiębiorcze, dynamiczny przyrost kapitału. Ubóstwo i nędza zaś były ujmowane w kategorii grzechu związanego z lenistwem, rozrzutnością i nieuczciwością.

Zupełnie inne podejście do pracy i przedsiębiorczości funkcjonuje w hinduizmie, z którym ściśle związany jest podział kastowy i obowiązek jałmużny. Tradycja, kultura i religia z jednej strony dźwierzają pieczę nad najuboższymi, których przeznaczeniem (złą karma) jest ich trudna sytuacja bytowa, nakazując opiekę nad nimi zamożniejszym. Z drugiej strony wyzwalają bierność społeczną, przyzwyczajają do łatwego zarobku, niejednokrotnie dusząc ducha przedsiębiorczości i ograniczając perspektywy wyjścia ze złej sytuacji materialnej.

Religia katolicka natomiast nie neguje przedsiębiorczości, ale jednocześnie nie daje impulsów do jej stymulacji. W Polsce i w innych krajach o przewadze wyznawców wiary katolickiej religia stanowi więc raczej czynnik neutralny w kontekście wpływu na rozwój przedsiębiorczości.

Kolejnym istotnym aspektem kultury mającym wpływ na stopień rozwoju przedsiębiorczości w danym kraju i szczególnie istotny dla przedsiębiorczości kobiet jest funkcjonujący model rodziny i stopień więzi rodzinnych. Tradycyjny model rodziny może determinować większą nieobecność kobiet wśród przedsiębiorców i hamować w nich postawy przedsiębiorcze ze względu na nadmiar obowiązków rodzinnych. Odwrotna sytuacja może występować w przypadku modelu partnerskiego, gdy powinności domowe są równo rozkładane na obydwu partnerów. Są jednak odstępstwa od tej, jak mogłoby się wydawać oczywistej tendencji. Dobrym przykładem jest duży stopień uczestnictwa kobiet w zakładaniu własnej działalności w Polsce, pomimo przewagi tradycyjnego modelu rodziny. Pomimo tej tendencji, nadal jednak odsetek przedsiębiorców-mężczyzn jest wyższy niż udział kobiet-przedsiębiorców wśród przedsiębiorców ogółem w Polsce. Tradycyjny model rodziny panujący w Polsce, wiąże się także z zajmowaniem przez mężczyzn wyższych stanowisk menedżerskich. Występują kulturowe stereotypy postrzegania mężczyzn jako tych, którzy zarządzają i wydają polecenia, są bardziej dyspozycyjni. Ma to niejednokrotnie wpływ na niedoreprezentowanie kobiet na rynku pracy, wśród których występuje większe bezrobocie.

Polska jest także krajem, w którym pomimo niejednokrotnie trudnych warunków ekonomicznych dla rozwoju przedsiębiorczości i krótkiej tradycji tego zjawiska, istnieją aktywne postawy wśród społeczeństwa dotyczące prowadzenia działalności gospodarczej. Ludzie często postrzegają założenie własnej firmy jako jedyną drogę do stabilizacji materialnej, niezależności zawodowej. Dla osiągnięcia tych celów są gotowi na podjęcie ryzyka, ciężką pracę i wiele wyrzeczeń, nie boją się decyzji o rozpoczęciu własnej działalności. Ponadto trudna sytuacja na rynku pracy, niejako wymusza w wielu Polakach dużą zaradność życiową, kiedy to już jako młode osoby muszą niejednokrotnie godzić kształcenie (czasem na kilku kierunkach) z dodatkową pracą (także zagranicą), kursami, stażami, nauką języków obcych. Następnie, po wejściu na rynek pracy zmagają się często z wysoką selekcją, dużymi wymaganiami ze strony pracodawców i stresem. Bardzo wiele osób uczy się przez to zaradności, odporności na trudne życiowe warunki. Z tego względu Polacy pracujący zagranicą postrzegani są z reguły, jako rzetelni pracownicy i dobrzy fachowcy z różnych dziedzin.

Obszar Polski jest zróżnicowany kulturowo, co determinuje rodzaj prowadzonej działalności gospodarczej i stopień przedsiębiorczości. Niektóre tereny, skupione głównie wokół dużych, intensywnie rozwijających się miast, przyciągają kapitał zagraniczny, nowe inwestycje oraz dobrze wykwalifikowaną siłę roboczą. Należą do nich głównie Warszawa, Wrocław, Łódź, Poznań i ich okolice. Obszary te skupiają duże ośrodki akademickie, a ich mieszkańcy w znacznym stopniu skoncentrowani są na realizacji kariery zawodowej. Powstające na tych obszarach firmy w większości opierają się o nowoczesne technologie informacyjne (np. firma Dell w Łodzi, czy LG Philips we Wrocławiu), a także powstają w sektorze usług wymagających wysokich kwalifikacji (np. firmy outsourcingowe).

Natomiast tereny północno-wschodniej i wschodniej Polski, które są uboższe, o charakterze rolniczym, odznaczają się mniejszym stopniem rozwoju przedsiębiorczości. Powstające na tych obszarach firmy związane są głównie z walorami turystycznymi województw (np. gospodarstwa agroturystyczne na terenie województwa warmińsko-mazurskie, czy województwa podlaskiego) oraz z rolniczą tradycją obszarów i wykorzystaniem ich walorów naturalnych (np. rozwój przemysłu spożywczego w województwie podlaskim).

Podsumowując powyższe rozważania można stwierdzić, iż uwarunkowania kulturowe danego obszaru w dużym stopniu wpływają na formę i stopień rozwoju działalności gospodarczej. Oddziaływanie to następuje głównie poprzez tradycje kulturowe dotyczące przedsiębiorczości, respektowany przez społeczeństwo system wartości, religię, model rodziny, czy klimat odnośnie prowadzenia własnych firm. W Polsce pomimo krótkiej tradycji przedsiębiorczości, neutralnego wpływu religii katolickiej, dominacji tradycyjnego modelu rodziny, czy trudnej sytuacji ekonomicznej w kontekście prowadzenia własnej działalności, następuje przyrost nowych inwestycji, widoczne są aktywne postawy wśród społeczeństwa. Co prawda rozwój przedsiębiorczości nie jest równomierny na terenie całego kraju, stanowi jednak szansę dla rozwoju gospodarczego Polski i poprawy sytuacji na rynku pracy.

#### Literatura

1. Brajer-Marczak R., Marciszewska A., *Uwarunkowania zewnętrzne rozwoju przedsiębiorczości*, w: *Uwarunkowania rozwoju przedsiębiorczości-szanse i zagrożenia*, K. Jaremczuk (red.) Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa im. Prof. S. Tarnowskiego w Tamobrzegu, Tamobrzeg 2003,
2. Haber L., *Wzory przedsiębiorczości w świadomości przyszłych menedżerów*, „Studia socjologiczne” nr 1-2, 1995.
3. Hampden-Turner Ch., Trompenaars A., *Siedem kultur kapitalizmu. USA, Japonia, Niemcy, Francja, Wielka Brytania, Szwecja, Holandia*, Oficyna Ekonomiczna, Kraków 2003,
4. Hryń B., *Spółeczno-kulturowe uwarunkowania przedsiębiorczości*. w: *Uwarunkowania rozwoju przedsiębiorstwa - szanse i zagrożenia*, K. Jaremczuk (red.) Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa im. Prof. S. Tarnowskiego w Tamobrzegu, Tamobrzeg 2003,
5. Kisiel P., *Spółeczne uwarunkowania przedsiębiorczości – postawy społeczne wobec przedsiębiorczości*, w: *Przedsiębiorczość a lokalny i regionalny rozwój gospodarczy*, Wydawnictwo Akademii Ekonomicznej w Krakowie, Kraków 1999,
6. Kraśnicka T., *Uwarunkowania rozwoju przedsiębiorczości – podejście wielowymiarowe*, w: K. Jaremczuk, *Przedsiębiorstwo w procesie transformacji*, Przemysł 2000,
7. Lipski S., *Przedsiębiorczość. Postawa, talent czy wiedza*. w: *Przedsiębiorczość młodzież, Szanse, bariery, perspektywy.*, J. Merski, K. Piotrowski (red.), DrukTur, Warszawa 2003.
8. Marmuszewski S., *Bogactwo i ubóstwo – dwa motywy potocznego myślenia*, „Kultura i społeczeństwo” 1998, nr 2.

## ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ – СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛЬСКИХ И РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

М.Н. Чернявска

*Белостоцкий политехнический университет, г. Белосток, Польша*

Изменения государственного строя в странах Центральной и Восточной Европы детерминируют - как можно судить - преобразования религии в сфере доктрины, теологии и институции. Религиозные институты можно рассматривать как ценность саму в себе или как источник ценностей, доминирующих в культурном обороте и политическом дискурсе [6]. В новой ситуации государственного строя они должны перестраиваться так, чтобы была возможность их приспособления к изменяющимся обществам. Одновременно - и это необходимо чётко подчеркнуть - приписывание значения религии и религиозным институтам в общественной жизни в большой степени зависит от состояния религиозности в период, предшествующий трансформации.

В странах Центральной и Восточной Европы в послевоенное время (в России в послереволюционный период) проявлялись процессы секуляризации. Они связывались с разделением религиозной и общественной жизни, а также со значительными ограничениями в

сфере функционирования религиозных институтов. Одним из измеримых последствий проводящейся в настоящее время трансформации государственного строя было право возврата религии в частную и общественную жизнь и даже - вовлечения в политику. Сакральные институты получили правовые гарантии, и была начата новая политика относительно конфессиональных союзов [4]. В случае России и Польши можно, однако, наблюдать дифференцированный характер отношений государство – религиозные институты и общество - религиозные институты. Вопрос идентичности православной церкви в России представляется более сложным, но в связи с ростом религиозности общества говорится о "религиозном ренессансе". Как пишет Л.Г. Ионин [1], «возрождается православие с его богатейшим культурным багажом, часто отождествляемым с русской культурой как таковой» (с.193).

#### КОНКРЕТИЗАЦИЯ ИССЛЕДУЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ

В проводимых нами исследованиях мы старались определить, как воспринимаются отношения на стыке религиозные институты - общественная и политическая жизнь. Мы интересовались мнениями польских и российских студентов на тему источника морали (моральный релятивизм *versus* религиозная этика), секуляризации (религиозное государство *versus* светское государство) и значения религиозных институтов в процессах демократизации общественной жизни (позитивное *versus* негативное влияние на процессы демократизации). Была протестирована гипотеза о разнице в акцептировании установок в обеих студенческих группах.

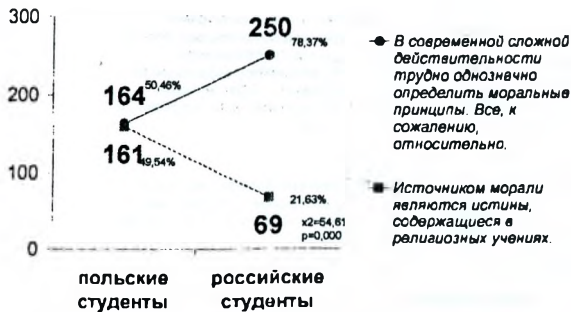
Реакция на перемены в обществе может принять религиозную или светскую форму, выражаться в большей поддержке религиозных институтов и более высоком уровне религиозности, или наоборот - в большем одобрении идеи секуляризации и ограничении религиозности. Согласно общемировой тенденции можно ожидать среди молодежи светских позиций, проявляющихся в светскости социальной жизни, ослаблении влияния религии и религиозных организаций на общество, а также отхождении от этических и религиозных норм, провозглашаемых церковью. Следует подчеркнуть, что отношения государство-общество-церковь в случае Польши и России носят особенный характер. В Польше наблюдаются высокие показатели религиозности и выраженное влияние католической церкви на политическую и социальную жизнь. В России, в свою очередь, отмечается рост религиозности и позитивные ожидания общества, адесованные православной церкви.

**Метод исследования.** Установки – это субкатегории системы убеждений. В данном исследовании они понимаются как эвальвационные суждения, т.е. утверждения, приписывающие разным объектам, личностям и явлениям позитивность или негативность. Респонденты определили своё отношение к 3 парам утверждений. Каждая пара включает два альтернативных убеждения. Задачей респондентов был выбор того убеждения, которое в большей степени отражает установку личности по отношению к поставленной проблеме.

**Характеристика групп исследования.** Исследование было проведено в 2003-2004 гг. в двух польских (Uniwersytet w Białymstoku и Politechnika Białostocka) и в двух российских (Санкт-Петербургский государственный университет и Санкт-Петербургский университет экономики и финансов) вузах. В исследовании приняло участие 644 человека, в том числе 325 поляков и 319 россиян. В польской группе было 165 студентов педагогики и психологии, 160 студентов менеджмента, всего 73 мужчины и 252 женщины. В российской группе было 188 студентов-психологов, 131 студент экономики и управления, всего 63 мужчины и 256 женщин. Средний возраст изучаемых составлял приблизительно 20 лет. Оказалось, что 95,38% поляков и 73,04% россиян признали себя людьми верующими.

#### РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

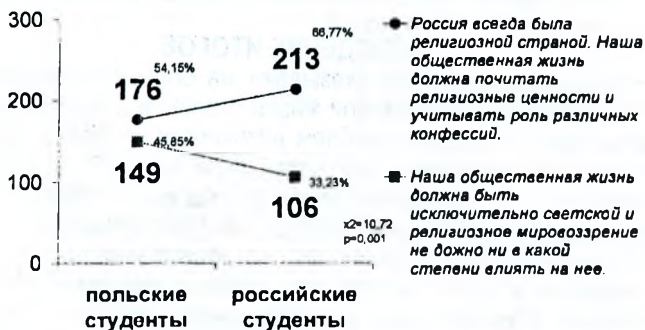
Исследуемые российские и польские студенты определили своё отношение к этике, религии и религиозным институтам.



**Рисунок 1. Национальность как дифференцирующий фактор при выборе предложения в установке 1.**

Мнение, что нравственность связана религиозной этикой, значительно чаще выражали польские студенты (49,54%), чем российские (21,63%). Поляки в 50,46%, а россияне в 78,37% являлись сторонниками идеи морального релятивизма и указывали, что нельзя однозначно определить моральные принципы. Разница при выборе предложений была явной (достигала 28%) и статистически значимой ( $p=0,000$ ) (см. рис. 1).

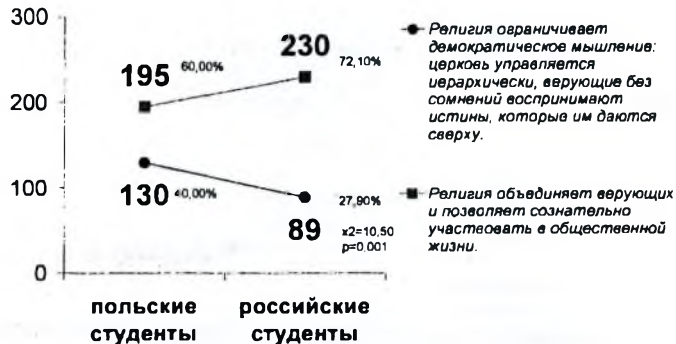
Отмечено «неожиданное» направление зависимости при анализе мнений на счёт влияния на общественную жизнь религиозных институтов и христианских ценностей.



**Рисунок 2. Национальность как дифференцирующий фактор при выборе предложения в установке 2.**

Сторонниками отделения общественной жизни от влияния религиозных институтов (секуляризации) в большей степени были польские студенты (45,85%), чем российские (33,23%). Около 2/3 россиян выражало мнение, что Россия всегда была и будет религиозной страной, поэтому общественная жизнь должна уважать религиозные ценности и принимать во внимание роль религиозных институтов. Аналогичное суждение высказали более половины исследуемых поляков. Разница между группами достигала 13% и была статистически значимой ( $p=0,001$ ). Польские студенты – по сравнению с российскими студентами - чаще воспринимают религию и политику как отдельные сферы и меньше всего ожидают политической активности от религиозных институтов (см. рис. 2). Как легко заметить, одобрение утверждений «Россия/Польша всегда была и будет религиозной страной» даёт право религиозным институтам надеяться на привилегированное положение.

Подобная зависимость замечена при анализе мнений студентов на тему влияния религиозных институтов на демократизацию общественной жизни.



**Рисунок 3. Национальность как дифференцирующий фактор при выборе предложения в установке 3.**

Значительная часть студентов обеих национальностей воспринимает религию как фактор интегрирующий верующих и содействующий участию в общественной жизни. Такое мнение чаще выражали российские студенты (72,10%), чем польские (60,00%). Позицию, согласно которой религия ограничивает демократическое мышление (что связывается с иерархической организацией религиозных институтов и их авторитаризмом), занимали 40% польских студентов и 27,90% российских. Польские студенты чаще выражали опасения, связанные с экспансией католической церкви в публичную жизнь в широком понимании и автократическим способом воздействия на прихожан (см. рис. 3).

#### ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Студенты обеих национальностей указывают на большое значение религиозных организаций в общественно-политической жизни страны и допускают их активность в проблемах, выходящих за пределы проблем духовности человека. Следует отметить, что приверженность к религиозным обычаям характеризует коллективистические культуры, нацеленные на традиционализм, репродукцию общественного порядка, гарантируя, тем самым, относительную однородность и единомыслие [7].

Российские студенты отчетливее указывают, что религиозные организации могут нести общественную поддержку и даже представлять широко понимаемый общественный либо национальный интерес. Следовательно, в целом, можно говорить о придании большого значения православной церкви в общественной жизни России и ожидание того, что она предпримет в направлении общественной интеграции. Не является это, однако, идентичным с апробацией религиозной этики: российские студенты указывают на важную роль религиозных организаций в общественно-политической жизни, однако отличаются довольно сильным моральным релятивизмом. Подобные результаты получил в исследованиях, проводимых в 90-е годы, Д. Фурман [3]. Он указывает, что за максимально обширные и разнообразные задачи церкви высказывалась почти половина россиян и более половины верующих в Бога. В то же время он отметил, что симпатия, связанная с политической ролью церкви, сильнее проявляется у лиц, негативно относящихся к свободному рынку и принципу конкуренции в общественной жизни. Принятие религиозности и роли православной церкви бывает отмечено в России как своеобразное отступление от демократии (интервью с профессором Д.Ф. ср. Woronik [4]). Обращение к религии – это реакция на проблемы и испытываемые трудности в период трансформации государственного строя. Одновременно следует обратить внимание на тот факт, что в современной России подчеркивается необходимость возрождения христианских православных ценностей [2].

В установках польских студентов по отношению к католической церкви обозначено более сильное влияние процессов секуляризации. Они более критически, нежели



российские студенты, относятся к религиозным организациям и указывают на необходимость ограничения их влияния на политическую и общественную жизнь (непосредственное и опосредственное участие в политике), а также на мировоззренческие проблемы. Реальное влияние католической церкви в Польше очень велико, а как указывает почти половина студентов, участвующих в исследовании, слишком велико. Функции и задачи церкви выходят за границы узко понимаемой области религии. Стаивотится заметным протест против достижения политических целей при помощи инструментализации религии [8]. Проявляющееся стремление к «разделению всего того, что относится к религии и политике» и определению новой функции церкви связывается - по мнению И. Боровик [4] - с процессами ускоренной демократизации и модернизации. Одновременно поляки чаще, чем россияне усматривают источник нравственности в религиозной этике, что можно признать за опосредованный показатель религиозности. Обращаясь к результатам других исследований [5], необходимо подчеркнуть, что Польша является единственной страной среди европейских обществ, в которой преобладает убеждение в абсолютных, неопровержимых и неизменных критериях различения добра и зла. Моральный релятивизм, а именно убеждение, что критерии различения добра и зла являются непостоянными и зависимыми от ситуации, доминирует в большинстве стран нашего континента.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Ионин Л. Г. *Социология культуры*. - М.: Логос. 1996.
2. Лаза, В.Д., Передерий С.В. (2000). Проблемы молодежи и необходимость возрождения христианских православных ценностей в современной России // *Вестн. Пятигор. лингвист. ун-та*, № 4, с. 82-84.
3. Фурман Д. Верующие, атеисты и прочие. Новые исследования российской религиозности // *Свободная мысль*, 1997, № 1, с. 5-16.
4. Borowik I. (2000). *Odbudowywanie pamięci. Przemiany religijne w Środkowo-Wschodniej Europie po upadku komunizmu*. Kraków: Nomos.
5. Jasińska-Kania A. (2002). Przekształcenia moralności w Polsce i w Europie. W: M. Marody (red.), *Wymiary życia społecznego. Polska na przełomie XX i XXI wieku* (ss. 398-418). Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar.
6. Jawłowska A. (1993). Kierunki zmiany ustrojowej i konsekwencje społeczne. W: A. Rychard, M. Federowicz (red.). *Spółczesność w transformacji. Ekspertyzy i studia* (ss.168-200). Warszawa: IFiS PAN.
7. Schwartz, S.H. (1996). Value priorities and behavior: Applying a theory of integrated value systems. In: C. Seligman, J.M. Olson, M.P. Zanna (Eds.), *The psychology of values: The Ontario Symposium* (Vol. 8, pp. 1-24). Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
8. Wnuk-Lipiński E. (1996). *Demokratyczna rekonstrukcja. Z socjologii radykalnej zmiany społecznej*. Warszawa: PWN.

### ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ УЧАЩИХСЯ ГОМЕЛЬСКОЙ И ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

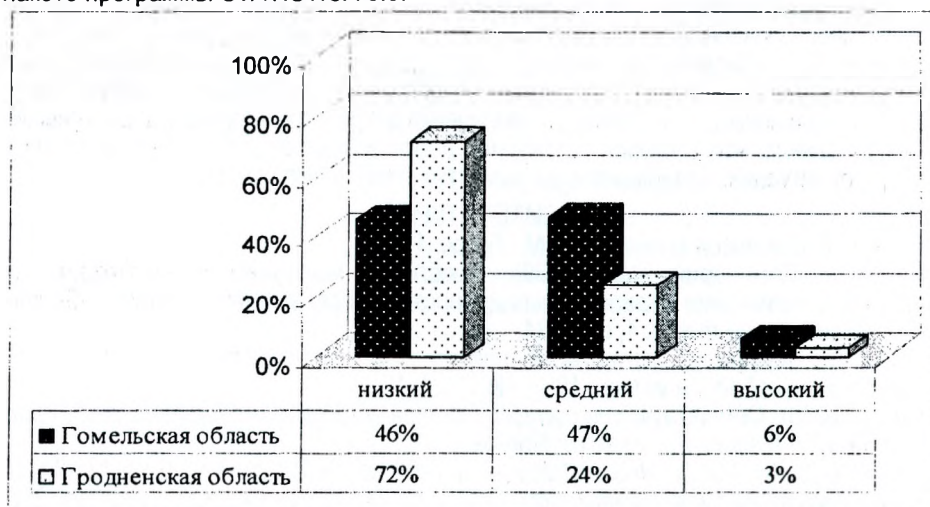
А. В. Чернецкий

*Российский государственный социальный университет, филиал, г. Минск, Беларусь*

Исследование психологических особенностей развития этнического самосознания учащихся Гомельской и Гродненской областей проводилось при помощи методики, разработанной В. Ю. Хотинец. По В. Ю. Хотинец, этническое самосознание имеет три уровня развития: низкий, средний и высокий. Каждый уровень имеет свою специфическую структуру, зависящую от особенностей этнической общности и ее развития [1].

В результате обработки данных было выявлено, что высокий уровень этнического самосознания характерен для 6% учащихся Гомельской области и 3% Гродненской области. Средний уровень развития этнического самосознания характерен для 47% гомельских и 24% гродненских учащихся. Низкий уровень развития этнического самосознания характерен для 46% гомельских и 72% гродненских учащихся (см. рис.1).

Поскольку значения первичных эмпирических данных удовлетворяют нормальному закону распределения, то в качестве метода статистической обработки с целью установления связей между компонентами этнического самосознания использовался расчет коэффициента ранговой корреляции Пирсона. Данный метод реализовался в пакете программы STATISTICA 6.0.

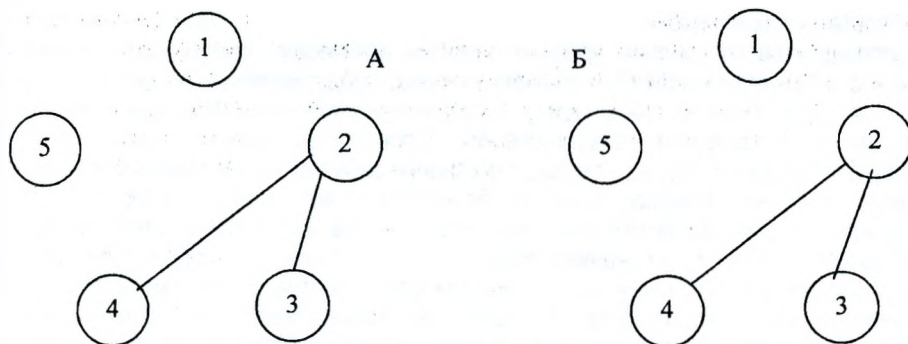


**Рис.1. Уровни развития этнического самосознания гомельских и гродненских учащихся**

Корреляционный анализ дал возможность выявить специфику структуры, уровней развития самосознания гомельских и гродненских учащихся. Результаты корреляционного анализа компонентов этнического самосознания учащихся Гомельской области с низким уровнем развития этнического самосознания, позволяют говорить о наличии двух статистически значимых связей отображенных в схеме на рисунке 2.

Так, была выявлена умеренная положительная корреляционная связь между «осознанием психологических особенностей своего народа» и «осознанием собственных этнопсихологических особенностей» ( $r = 0.46$ ;  $p \leq 0.05$ ); умеренная положительная корреляционная связь между «осознанием психологических особенностей своего этноса» и «осознанием тождественности со своей этнической группой» ( $r = 0.38$ ;  $p \leq 0.05$ ).

Положительная умеренная связь между «осознанием психологических особенностей своего народа» и «осознанием собственных этнопсихологических особенностей» обозначает то, что чем выше осознание психологических особенностей своей этнической общности, тем выше осознание собственных этнопсихологических особенностей и наоборот. Связь между «осознанием психологических особенностей своего этноса» и «осознанием тождественности со своей этнической группой» говорит о том, что, чем выше «осознание тождественности со своей этнической группой», тем выше «осознание психологических особенностей своей этнической группы».



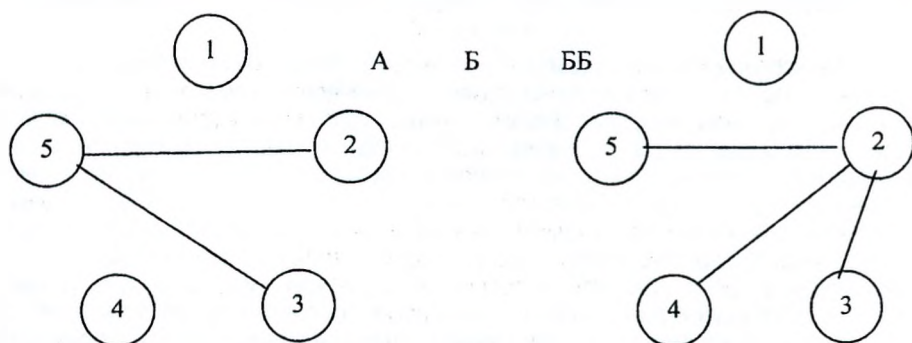
**Рис.2. Схема связей компонентов этнического самосознания низкого уровня развития – гомельских (А) и гродненских (Б) учащихся. 1 – «осознание особенностей этнической культуры своего этноса», 2 – «осознание психологических особенностей своего этноса», 3 – «осознание тождественности со своим этносом», 4 – «осознание собственных этнопсихологических особенностей», 5 – «осознание себя субъектом этнической общности».**

Результаты корреляционного анализа компонентов этнического самосознания учащихся Гродненской области с низким уровнем развития этнического самосознания позволяют говорить о наличии таких же статистически значимых связей, как у гомельских учащихся, отображенных на схеме (см. рис. 2). К этим связям относятся: средняя положительная связь между «осознанием психологических особенностей своего этноса» и «осознанием тождественности со своей этнической общностью» ( $r = 0,44$ ;  $p \leq 0,05$ ); средняя положительная связь между «осознанием психологических особенностей своего этноса» и «осознанием собственных этнопсихологических особенностей» ( $r = 0,59$ ;  $p \leq 0,05$ ).

Таким образом, если сравнить особенности структуры низкого уровня развития этнического самосознания гомельских и гродненских респондентов, то можно увидеть сходство в начальной «точке» его формирования. Этническое самосознание формируется по двум направлениям. Первое – осознание психологических особенностей своего этноса (национального характера, способностей) и осознание собственных этнопсихологических особенностей, детерминированных этносоциальной общностью. Второе – осознание психологических особенностей своего этноса и осознание тождественности со своей этнической общностью. В данной структуре этнического самосознания главным и общим для двух групп выступает такой компонент, как «осознание психологических особенностей своей этнической группы». Впервые этот феномен заметила В.Ю. Хотинец в исследовании этнического самосознания на выборке русских студентов, когда на первом этапе его развития происходит формирование этничности не через знакомство с этнической культурой, а через психологическую сферу [1]. Причиной сдвига развития этнического самосознания в психологическую сферу может служить ориентация этнофоров на западную культуру и ценности.

У гомельских респондентов со средним уровнем развития этнического самосознания результаты корреляционного анализа его компонентов позволяют говорить о наличии новых двух статистически значимых связей, представленных на рис.3. Выявлена средняя отрицательная связь между «осознанием себя субъектом своей этнической общности» и «осознанием тождественности со своей этнической общностью» ( $r = -0,49$ ;  $p \leq 0,05$ ). Это говорит о том, что чем выше этнофор осознает себя субъектом этнической общности, тем ниже осознание своей тождественности со своей этнической общностью и наоборот. Вторая выявленная умеренная, отрицательная связь между «осознанием себя субъектом своей этнической общности» и «осознанием психологических особенностей своего этноса» ( $r = -0,31$ ;  $p \leq 0,05$ ) говорит о том, что чем больше осознание психологических особенностей своего этноса, тем меньше осознание себя субъектом своей этнической группы и наоборот.

Результаты корреляционного анализа компонентов этнического самосознания гродненских респондентов со средним уровнем развития этнического самосознания позволяют говорить о наличии статистически значимых связях, представленных на рис.3. Выявлена умеренная отрицательная связь между «осознанием себя субъектом своей этнической общности» и «осознанием психологических особенностей своего этноса» ( $r = -0,36; p \leq 0,05$ ). Это говорит о том, что чем выше осознание себя субъектом этнической общности, тем ниже осознание психологических особенностей своего этноса и наоборот. Вторая выявленная средняя, положительная связь между «осознанием психологических особенностей своего этноса» и «осознанием тождественности с ним» ( $r = 0,54; p \leq 0,05$ ) говорит о том, что чем больше осознание психологических особенностей своего этноса, тем больше осознание тождественности со своей общностью. Третья выявленная средняя положительная связь между «осознанием психологических особенностей своей этнической общности» и «осознанием собственных этнопсихологических особенностей» ( $r = 0,46; p \leq 0,05$ ). Эта связь обозначает – чем выше осознание психологических особенностей своей этнической общности, тем выше осознание собственных этнопсихологических особенностей.

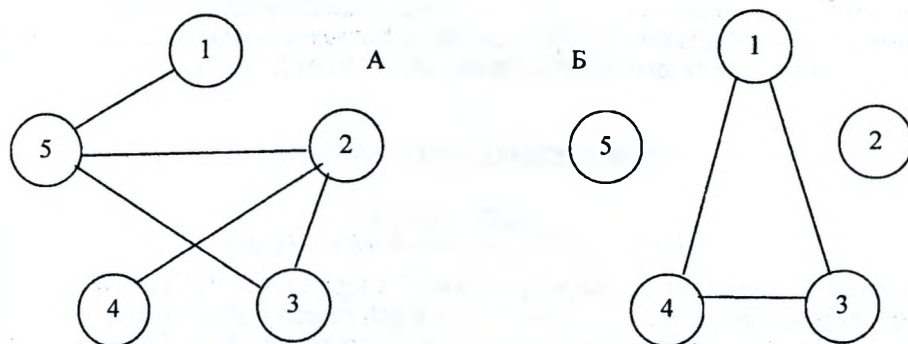


**Рис.3. Схема связей компонентов этнического самосознания среднего уровня развития – гомельских (А) и гродненских (Б) учащихся**

Таким образом, на втором уровне развития этнического самосознания происходят заметные изменения в структуре этнического самосознания гомельских и гродненских учащихся. У гродненских учащихся к существующим двум связям добавляется еще одна отрицательная связь между «осознанием психологических особенностей своего этноса» и «осознанием себя субъектом этнической общности». У гомельских респондентов происходит появление новых двух отрицательных связей (первая – осознание себя субъектом своей этнической общности и осознание тождественности со своей этнической общностью, и вторая – осознание себя субъектом своей этнической общности и осознание психологических особенностей своего этноса) и исчезновение ранее образованных.

В результате корреляционного анализа по группе с высоким уровнем развития этнического самосознания у гомельских учащихся выявились связи с множеством компонентов этнического самосознания (см. рис. 4). Так, были выявлены связи: между «осознанием психологических особенностей своего народа» и «осознанием собственных этнопсихологических особенностей» ( $r = 0,51; p \leq 0,05$ ); между «осознанием психологических особенностей своего народа» и «осознанием особенностей этнической культуры своей общности» ( $r = 0,36; p \leq 0,05$ ); средняя отрицательная связь между «осознанием психологических особенностей своего этноса» и «осознания тождественности со своей этнической общностью» ( $r = -0,46; p \leq 0,05$ ); сильная отрицательная связь между «осознанием себя субъектом своей

этнической общности» и «осознанием тождественности со своей общностью» ( $r = -0.67$ ;  $p \leq 0,05$ ); сильная отрицательная связь между «осознанием себя субъектом своей этнической общности» и «осознанием особенности этнической культуры своей общности» ( $r = -0.68$ ;  $p \leq 0,05$ ).



**Рис.4. Схема связей компонентов этнического самосознания высокого уровня развития – гомельских (А) и гродненских (Б) учащихся**

Результат корреляционного анализа по группе респондентов из Гродненской области с высоким уровнем развития этнического самосознания обнаружили следующие связи (см. рис. 4). Первая выявленная отрицательная сильная связь между «осознанием собственных этнопсихологических особенностей» и «осознанием тождественности со своей этнической общностью» ( $r = -0,94$ ;  $p \leq 0,05$ ) показывает, что чем выше осознание собственных этнопсихологических особенностей, тем ниже осознание тождественности со своей этнической группой. Вторая сильная положительная связь обнаружена между «осознанием тождественности со своей этнической общностью» и «осознанием особенностей этнической культуры своей общности» ( $r = 0,94$ ;  $p \leq 0,05$ ). Эта связь показывает, что чем выше осознание этнической культуры своей общности, тем выше тождественность со своей этнической группой. Третья сильная отрицательная связь между «осознанием собственных этнопсихологических особенностей» и «осознанием особенностей этнической культуры своей общности» ( $r = -0,94$ ;  $p \leq 0,05$ ).

Таким образом, анализ корреляционных связей различных уровней развития этнического самосознания гомельских и гродненских белорусских учащихся показал, что на начальном уровне формирования этнического самосознания в обеих группах происходит осознание своих этнопсихологических особенностей и психологических особенностей своего этноса, а не культуры. На следующем уровне в структуре этнического самосознания происходят заметные изменения в самосознании гомельских и гродненских учащихся. У гродненских учащихся к существующим двум связям добавляется еще одна отрицательная связь между «осознанием психологических особенностей своего этноса» и «осознанием себя субъектом этнической общности». У гомельских респондентов происходит появление новых двух отрицательных связей (первая – осознание себя субъектом своей этнической общности и осознание тождественности со своей этнической общностью, и вторая – осознание себя субъектом своей этнической общности и осознанием психологических особенностей своего этноса) и исчезновение ранее образованных. Зато на завершающем уровне развития этнического самосознания у гродненских происходит перестройка связей, а у гомельских вновь

появляется множество связей между компонентами этнического самосознания, что подтверждает высказывание В. Ю. Хотинец о том, что этническое самосознание является относительно устойчивой системой, а процесс его развития является динамичным [2].

#### Литература

1. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание – СПб.: Алетейля, 2000г. - 240с.
2. Хотинец В. Ю. Исследование различных форм выраженности этнического самосознания у студентов Удмуртов. // Психологический журнал, 1997.Т.18 №4 С. 36 - 42

## RYNEK I MARKETING W SPORCIE

Jarosław Zalejski

*Politechnika Białostocka, Białystok, Polska*

Prowadzenie działalności gospodarczej na rynku oferującym coraz więcej produktów i usług wymaga od przedsiębiorców zastosowania różnorodnych działań marketingowych, które mają na celu zwiększenie zainteresowania potencjalnych klientów ich ofertą. Działania te służą wzbudzeniu wśród odbiorców zainteresowania produktami, umożliwiają wykreowanie pozytywnego wizerunku ich producentów, a przede wszystkim zwiększają znajomość marki oferowanych towarów, co ma niebagatelne znaczenie i niejednokrotnie znajduje bezpośrednie przełożenie na zwiększenie przychodów i skali działania przedsiębiorcy. W przypadku sportu działania te muszą być prowadzone w taki sposób, aby zainteresować i zmotywować różne grupy społeczne nie tylko do oglądania imprez sportowych, śledzenia informacji na temat wydarzeń sportowych ale również do czynnego uprawiania sportu.

Na rynku sportowym działania te są uzależnione między innymi od:

- liczby widzów oglądających widowiska sportowe,
- wzrastającego zainteresowania mediów transmisjami wydarzeń sportowych,
- coraz wyższej wartości obrotów i zysków generowanych na rynku sportowym,
- kreowania sportowców z wizerunkiem „gwiazdy”,
- rozwoju sponsoringu sportowego,
- globalizacji sportu,
- panującej mody na zgrabną, wysportowaną sylwetkę,
- troski społeczeństwa o zdrowie itp.

### RYNEK SPORTOWY I JEGO ELEMENTY

Cechy rynku sportowego i możliwości działań marketingowych zorientowanych na sport podejmowało wielu autorów w swych opracowaniach. W sposób najbardziej kompleksowy opisał je Bernard Mullin w 1985r., który jest uznawany za ojca marketingu sportowego (patrz:tabela 1)

Tabela 1. Cechy rynku sportowego wg B. Mullina

KATEGORIE	CECHY
Rynek	<ul style="list-style-type: none"> <li>▪ organizacje sportowe jednocześnie ze sobą współpracują i rywalizują,</li> <li>▪ konsument na rynku sportowym zwykle uważa się za eksperta,</li> <li>▪ występuje wysoka fluktuacja popytu;</li> </ul>

Produkt	<ul style="list-style-type: none"> <li>▪ produkt sportowy jest niematerialny i subiektywnie oceniany,</li> <li>▪ wynik rywalizacji sportowej jest nieprzewidywalny, więc menedżer nie może zapewnić nabywcom oczekiwanego efektu,</li> <li>▪ sport jako produkt najczęściej jest konsumowany publicznie,</li> <li>▪ sport jest produktem oferowanym zarówno na rynku B2C i B2B,</li> <li>▪ ukierunkowane na efektywność działania marketingowe powinny koncentrować się w szczególności na produkcie poszerzonym,</li> <li>▪ sport jest uniwersalnym nośnikiem przekazu i odwołuje się do wszystkich przejawów życia społecznego;</li> </ul>
Cena	<ul style="list-style-type: none"> <li>▪ cena, jaką płaci konsument za oglądanie widowiska, jest jedynie częścią ogólnego poziomu jego wydatków,</li> <li>▪ często ceny są ustalane na poziomie możliwym do zaakceptowania przez nabywcę, a nie z myślą o całkowitym pokryciu kosztów organizacji sportu,</li> <li>▪ trudno jest ustalić cenę jednostkową metodami tradycyjnymi,</li> <li>▪ dochody pośrednie (np. sprzedaż praw do transmisji), są czasem wyższe od dochodów bezpośrednich (np. ze sprzedaży biletów);</li> </ul>
Dystrybucja	<ul style="list-style-type: none"> <li>▪ podstawowy produkt sportowy, jakim jest czynność, nie wymaga organizacji, dystrybucji fizycznej, gdyż jest świadczony, dostarczany i konsumowany w jednym miejscu i czasie;</li> </ul>
Promocja	<ul style="list-style-type: none"> <li>▪ media poprzez emisję wydarzeń sportowych promują sport,</li> <li>▪ menedżerowie zabiegają o pozytywny wizerunek organizacji sportowej, natomiast media i sponsorzy koncentrują się na tych aspektach sportu, które podwyższają jego oglądalność,</li> <li>▪ wiele firm wykorzystuje pozytywne postrzeganie sportu w swoich działaniach promocyjnych.</li> </ul>

Zródło: B.J. Mullin, *Internal Marketing – a More Effective Way to Sell Sport*, w: G. Lewis, H. Appenzeller (eds.), *Successful Sport Management*, Charlottesville, Michie 1985, s. 15 – 22; cyt. za Z. Waśkowski, *Relacyjny model rynku sportowego i jego marketingowe implikacje*, [www.swiatmarketingu.pl/index.php?rodzaj=01&id\\_numer=79376](http://www.swiatmarketingu.pl/index.php?rodzaj=01&id_numer=79376)

Uproszczony model rynku sportowego został opracowany przez M. Shanka. Zakłada on, że rynek ten tworzą dwie grupy podmiotów (odbiorcy i dostawcy) oraz produkty sportowe, które stanowią przedmiot wymiany.<sup>2</sup>

Za **dostawców** uznaje się te podmioty, które działają bezpośrednio na rzecz sportu lub go bezpośrednio wspierają, czyli takie, które funkcjonują na rynku sportowym i traktuje go jako swój podstawowy obszar działania.

W grupie dostawców przyjmuje się trzy typy podmiotów:

- kluby sportowe oraz pozostałe organizacje kultury fizycznej, do których należy zaliczyć m.in. szkoły sportowe, związki sportowe, ośrodki sportowo-rekreacyjne itp.;
- podmioty produkujące i dystrybutorzy, np. obuwie, odzież oraz sprzęt sportowy;
- usługi związane ze sportem, np.: agent sportowy reprezentujący sportowców lub kluby, wypożyczalnia sprzętu sportowego, serwis sportowy, biura turystyki sportowej,

W modelu wyodrębnić można także dwie grupy **odbiorców**:

<sup>2</sup> M.D. Shank, *Sports Marketing*, Prentice Hall, New Jersey 2002, p. 11-45

- osoby fizyczne, tj. widzowie i uczestnicy biorący aktywny udział w zajęciach sportowych (rynek dóbr konsumpcyjnych - B2C),
- podmioty gospodarcze, które są zainteresowane wykorzystaniem sportu w celach komercyjnych, np. sponsorzy, podmioty nabywające prawa do transmisji sportowych czy też prawa do nazwy klubu lub wizerunku sportowca (rynek dóbr inwestycyjnych - B2B).

Zgodnie z definicją rynku<sup>3</sup> relacje na rynku sportowym jakie zachodzą między dostawcami i odbiorcami mają charakter wymiany dóbr materialnych, usług lub informacji. Efektywność podmiotów działających na rynku sportowym jest uzależniona, tak jak na innych rynkach branżowych, od zastosowania odpowiednich działań marketingowych.

### MARKETING SPORTOWY

Mimo pewnych rozbieżności większość badaczy skłania się ku stwierdzeniu, że marketing sportowy należy rozpatrywać na dwóch płaszczyznach, jako:<sup>4</sup>

- marketing sportu - oznacza prowadzenie działalności polegającej na wytwarzaniu i sprzedaży produktów lub usług sportowych z wykorzystaniem zasad marketingu;
- marketing „przez” sport. - oznacza wykorzystanie przez dowolne przedsiębiorstwo wizerunku sportowca, symboli i barw klubowych, symbolu olimpijskiego itp. w strategii komunikowania się z własnymi klientami.

Marketing sportowy należy uznać za formę marketingu usług. Zgodnie z definicją Amerykańskiego stowarzyszenia Marketingu (AMA), „usługi to czynności, korzyści i zadowolenie oferowane na sprzedaż lub świadczone w związku ze sprzedażą przedmiotów materialnych”<sup>5</sup>, z czego wynika, że imprezy sportowe są tego rodzaju usługami. W działaniach marketingowych stosowane są programy marketingowe z wykorzystaniem tzw. 7P (produkt, cena, dystrybucja, promocja, personel, świadectwo materialne, proces świadczenia usługi)<sup>6</sup>, do których można z pewnością dodać takie instrumenty jak nastrój (elementy przyciągające i wzmacniające przychylność klienta do kupna danego produktu, np. zakup gadżetów reklamowych podczas ważnego meczu reprezentacji Polski) i wydarzenia (np. sponsorowane imprezy sportowe realizowane przez działy public relations).<sup>7</sup>

Marketing sportowy różni się od marketingu tradycyjnego usług koniecznością działania na dwóch rynkach, tzn. na rynku usług sportowych, gdzie odbiorcami są kibice uczestniczący w imprezach sportowych oraz na rynku sponsoringu, na którym organizacje sportowe występują jako podmioty poszukujące sponsorów, a potencjalni sponsorzy stanowią grupę docelową, do której skierowane są działania marketingowe.<sup>8</sup>

Podmioty rynku sportowego, zwłaszcza organizacje sportowe, w coraz większym stopniu muszą poddawać się wymogom rynku. Działania marketingowe tych organizacji powinny respektować oczekiwania i zaspokajać potrzeby klientów tego rynku. Stąd też, wynika rosnące zapotrzebowanie na wykwalifikowanych menedżerów marketingu sportowego, którzy będą potrafili wdrożyć zasady orientacji marketingowej w kształtowaniu relacji z pozostałymi uczestnikami tego rynku.

<sup>3</sup> Rynek to ogół stosunków wymiennych (towarowo - pieniężnych) między sprzedającymi, którzy oferują do sprzedaży towary i usługi po określonej cenie (czyli zgłaszają podaż), a kupującymi, którzy wyrażają chęć zakupu tych towarów i usług popartą odpowiednimi środkami płatniczymi (czyli zgłaszają popyt); S. Młynarski, Badania rynkowe w warunkach konkurencji, Oficyna Wydawnicza Fogra, Kraków 1995, s. 9

<sup>4</sup> B. Mullin, S. Hardy, W. Sutton, Sport Marketing, Human Kinetics, Champaign 2000, s. 8 – 9; cyt. za Z. Waśkowski, Relacyjny model rynku sportowego i jego marketingowe implikacje, [www.swiatmarketingu.pl/index.php?rodzaj=01&id\\_numer=79376](http://www.swiatmarketingu.pl/index.php?rodzaj=01&id_numer=79376)

<sup>5</sup> por: A. Romański, Oddali swój klub, „Gazeta Wyborcza. Sport”, 8.09.2003

<sup>6</sup> A. Panasiuk, Marketing usług turystycznych, PWN, Warszawa 2005, s. 67-69

<sup>7</sup> Por: J. Zalejski, Polityka promocji w przedsiębiorstwie, WSFiZ, Białystok 2001, s. 33

<sup>8</sup> A. Sznajder, Marketing sportowy – koncepcja i uwarunkowania, „Marketing i Rynek”, nr 12, 2003, s.11



## КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ Г.М.МАКЛЮЗНА

Новицкая Т.Е.

*Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь*

Канадский литературовед, социолог, культуролог, видный представитель техницизма в философии культуры Герберт Маршалл Маклюэн известен во всем мире как автор теории, согласно которой качественные сдвиги в истории человечества связаны с появлением и распространением новых технических средств коммуникации.

Маклюэн утверждает, что именно коммуникационные технологии играют в культуре решающую роль, поскольку доминирование тех или иных средств передачи информации формирует облик культуры, определяя способ кодификации реальности. Изменение преобладающего способа коммуникации влияет не только на психический облик личности, но и порождает значительные трансформации в структуре общества. Таким образом, модель коммуникации задаёт как сенсорную, так и социальную организацию.

Под средствами коммуникации Маклюэн понимает не только средства массовой информации, но любые формы человеческого самовыражения, представляющие собой, с одной стороны, внешние расширения способностей человека, а, с другой – являющиеся способами перевода одного рода знаний в другой. К числу средств коммуникации, исследованных Маклюэном в книге "Понимание медиа: внешние расширения человека", относятся устная речь, письмо, числа, часы, дорога, колесо, транспорт, одежда, жилище, город, деньги, печать, книга, пресса, реклама, комикс, автоматическое оборудование, фонограф, радио, телеграф, пишущая машинка, телефон, электрический свет, кино, телевидение, оружие. Важнейшая особенность всякого средства связи состоит в том, что, занимая господствующую позицию в культуре, оно усиливает деятельность той чувственной способности, экспликацией которого является. Каждая культура принципиально отличается от иных культур вследствие свойственной ей интенсификации определенного органа чувств.

Таким образом, средства коммуникации определяют законы восприятия действительности, задают структуру знания, регулируют принципы восприятия пространства и времени, устанавливают их как для индивида, так и для общества. Знаменитый афоризм канадского мыслителя "Средство коммуникации есть сообщение" [1,12] указывает на тот факт, что средство коммуникации "воплощает собой доминирующий в настоящий момент принцип социальной организации, выступает как генератор принципов личного и общественного восприятия". [2, 1] Средство коммуникации имеет большое значение само по себе, даже если отвлечься от информации, которая представляет его содержательную сторону; наиболее важным становится не сообщение, а средство его передачи.

М. Маклюэн выделяет несколько этапов в развитии цивилизации. Первый период, детерминированный устными средствами коммуникации, - это первобытная дописьменная культура, фундированная принципами коллективного образа жизни, восприятия и понимания мира. Устная культура располагает человека к вовлечению всех чувств в процесс восприятия, к эмоциональности, в то время как следующая эпоха в истории человечества, базирующаяся на фонетическом письме, напротив, - выдвигает на первый план визуальную способность.

Одним из наиболее значимых последствий фонетического алфавита как технологии, основанной на полном разделении визуального и слухового миров, стало

создание ценности приватности, отделение индивида от группы. "Из отношений индивида с социальной группой практически полностью исчезает эмоциональное и корпоративное семейное чувство. Происходит обособление от племени, он становится "цивилизованным человеком", человеком визуальной организации, обладающим единообразными установками, привычками и правами наряду со всеми другими цивилизованными индивидами". [1, 94] Фонетический алфавит оказался технологией, посредством которой был создан "цивилизованный человек". "Обособленность индивида, непрерывность пространства и времени и единообразие кодов – вот главные признаки письменных и цивилизованных обществ". [1, 95] Фонетический алфавит задал основу развития западной науки и философии. Он позволил преодолеть разрыв между языком и устной речью, отделив сказанное от говорящего и сделав возможным концептуальный дискурс, стал поворотным пунктом в истории культуры. Греческое общество достигло нового состояния мышления - "алфавитного мышления", качественно трансформировавшего человеческую коммуникацию. Именно эта технология создала на Западе ментальную инфраструктуру для кумулятивной, основанной на знаниях коммуникации.

С изобретением в 1440 году Иоанном Гутенбергом печатного станка на смену письменной культуре пришла новая эпоха. Произошла эволюция в области массовой коммуникации – фонетический алфавит получил универсальное распространение. Способ коммуникации, доминирующий в культуре, коррелирует с апплицируемым им на человеческую психику моделью развития. Стало быть, линейность печатной строки соответствует новому способу восприятия действительности и творческой деятельности. "Повторяемость составляет ядро механического принципа, овладевшего нашим миром, особенно с появлением Гутенберговой технологии. Сообщения печати и книгопечатание – прежде всего сообщение о повторяемости". [1, 182] Технология печати, основанная на воспроизводстве образа повторяемой точности, имеет массу психических и социальных последствий. Будучи расширением визуальной способности, печатный способ передачи информации приводит к акцентированию точки зрения, дающей иллюзию перспективы и представление о том, что пространство визуально и единообразно. "Единообразие и повторяемость печати насквозь пропитали всю эпоху Возрождения представлением о времени и пространстве как о непрерывных измеряемых количествах. Прямым следствием этой идеи стала десакрализация мира природы и мира власти. Новый способ контроля над физическими процессами при помощи их сегментации и фрагментации отделил не только Бога от природы, но и в не меньшей степени Человека от природы, или человека от человека". [1, 200-201] М. Маклюэн усматривает связь между распространением книгопечатания и рождением национализма. По его мысли, печать преобразовала всякий национальный язык, сделав его экстенсивным средством массового общения, а возросшая скорость обмена информацией сформировала новое представление о групповой общности. Таким образом, стало возможным политическое объединение по языковому признаку. Принцип расширения посредством гомогенизации, положенный в основу книгопечатания, был также реализован в массовом производстве, массовых рынках. Культивирование идеи единообразия и повторяемости, произошедшее на почве печати, способствовало появлению системы ценообразования. Вследствие технологии книгопечатания в культуре возникает понятие авторства. "Книгопечатание же создало такое средство коммуникации, благодаря которому открылась возможность громко и дерзновенно высказаться перед всем миром, а также пуститься в плавание по миру книг, до той поры прочно запертых в плюралистическом мире монастырских келий. Дерзновенность монастырской литературы создала дерзновенность самовыражения". [1, 201-202] Воздействие гомогенности печатного слова на устную речь послужило импульсом к формированию

"литературного языка", ставшего "более менее сносным акустическим факсимиле с единообразных и непрерывных эффектов книгопечатания".[1, 204] Типографская технология открыла путь протестантизму, так как возможность осмыслить содержание книги в уединении располагала читателя к индивидуальному постижению истины. Гутенберг как изобретатель наборного шрифта проложил дорогу технологиям, в частности – механизации ремесел.

Новый алфавитный порядок, делая возможным рациональные рассуждения, отделил письменное общение от аудиовизуальной системы символов и восприятий, столь важной для всестороннего развития человеческой мысли. В итоге ценой за опору, которую получила человеческая практика в широко распространённом письменном дискурсе, стала социальная дистанция между печатной и аудиовизуальной культурой. Произошло смещение мира изображений и звуков на задний план, в искусства, имеющие дело с личной сферой эмоций. Лишь в XX столетии аудиовизуальное выражение получило возможность преодолеть влияние печатной коммуникации в сознании большинства людей посредством радио и кино, телевидения и телефона.

Открытие в 1844 году С. Морзе первой телеграфной линии ознаменовало собой начало новой эры, основанной на введении электрической технологии, под давлением которой "галактика Гутенберга" потерпела поражение. Новая форма коммуникации положила конец механической эпохе специализации и индивидуализма.

Например, радио оказало на культуру воздействие, противоположное воздействию книгопечатания. Если типографская технология довела индивидуализм до крайнего предела, то радиовещание существенно повысило вовлечённость людей в жизнь друг друга. "Радио дало первый массивный опыт электронного взрыва вовнутрь, этого обращения вспять всего направления и смысла письменной западной цивилизации". [1, 342-343] Таким образом, радио проявило себя как децентрализующая, плюралистическая сила. Платон говорил о том, что надлежащий размер города определяется числом людей, которые могут услышать голос глашатая. "И...радио, в силу той лёгкости, с какой оно устанавливает децентрализованную интимную связь с небольшими сообществами, может легко воплотить политическую мечту Платона в масштабах всего мира." [1, 350-351]

Все технологии, существовавшие до этого момента, базировались на принципе расширения определенной части человеческого организма, электричество же, по выражению Маклюэна, "вынесло наружу самую центральную нервную систему, включая мозг". [1, 281] В действии электрических средств коммуникации проявляется тенденция к сжатию и объединению того, что находилось в дифференцированном и специализированном состоянии в письменной культуре. "Механизация той или иной задачи осуществляется за счёт сегментирования каждой части действия на ряд единообразных, повторяемых частей. Прямо противоположное характерно для кибернетизации (или автоматизации), которая определяется не только как способ действия, но и как способ мышления. Вместо того, чтобы заниматься обособленными машинами, кибернетизация подходит к производственной проблеме как к интегрированной системе обработки информации". [1, 282] Электрические средства передачи информации становятся определяющим фактором формирования нового типа рациональности, заставляя индивида реагировать на мир как на единое целое. Однако в первую очередь интегральная целостность индивидуального и общественного сознания является порождением мгновенной электрической скорости, способствующей возрастанию вовлечённости реципиента. Электрическая технология приобретает характер тотальности, так как электрические средства связи мгновенно и непрерывно продуцируют универсальное поле взаимодействующих событий,

участниками которого являются все люди. "Теперь мир публичного взаимодействия обладает такой же инклюзивной всеохватностью взаимной интегральной игры, которая до сих пор характеризовала только наши частные нервные системы. А всё потому, что электричество по своему характеру органично и через свое технологическое применение в телеграфе, телефоне, радио и других формах подтверждает органическую социальную связь. Одновременность электрической коммуникации, характерная также для нашей нервной системы, делает каждого из нас наличным и доступным для любого другого человека в мире". [1, 283] Новый способ передачи информации радикально трансформирует такие фундаментальные измерения человеческой жизни, как пространство и время. Распространение электрической формы передачи сообщений приводит к упразднению пространственного измерения как препятствия в процессе коммуникации. Электричество делает возможным расширение сферы межличностных отношений до грандиозных масштабов, создавая представление о мире как о "глобальной деревне". Объединяющий и сжимающий эффект электрической технологии, возникающий ввиду высокой скорости реагирования, заключается в создании тотальной и инклюзивной области отношений. В то время как в визуальных и письменных обществах власть структурирована в соответствие с моделью "центр - периферия", новые медиа "способны навязывать инклюзивный порядок" [1, 291], подобно тому, как это происходило в устной культуре. Таким образом, делегирование властных функций и полномочий для человека "галактики Маркони" не является столь необходимым, как человека "галактики Гутенберга". Аннулирование пространственно-временных расстояний под влиянием техники делает власть "бестелесной", придает ей характер экстерриториальности. Современный социальный мыслитель М. Кастельс, продолжая мысль Маклюэна, писал: "Местности лишаются своего культурного, исторического, географического значения и реинтегрируются в функциональные сети или в образные коллажи, вызывая к жизни пространство потоков, заменяющее пространство мест. Время стирается в новой коммуникационной системе: прошлое, настоящее и будущее можно программировать так, чтобы они взаимодействовали друг с другом в одном и том же сообщении. Материальный фундамент новой культуры есть *пространство потоков и вневременное время*. Эта культура перекрывает и включает разнообразие передававшихся в истории систем отображения; это культура реальной виртуальности, где выдуманный мир есть выдумка в процессе своего создания". [3, 317]

Повсеместное распространение телевидения создало новую коммуникационную "галактику", если воспользоваться маклюэновской терминологией. "Как только новая технология входит в социальную среду, она не может перестать пропитывать эту среду, пока не пропитает насковзь каждый институт". [1, 90] В итоге, другие средства передачи информации были реструктурированы и реорганизованы в систему, ядром которой стало телевидение. Восприятие информации зависит от того, по какому каналу она была передана. Исходя из этого, Маклюэн выделяет горячие и холодные средства коммуникации. Первые – это средства передачи информации, которые мало задействуют способность реципиента к самостоятельному домысливанию, к достраиванию предложенного образа, они расширяют одно чувство до состояния наполненности данными. Вторые, напротив, характеризуются высокой степенью участия аудитории. Телевидение требует от зрителя "постоянного творческого диалога с иконоскопом". [1, 358] По выражению канадского учёного, "с появлением телевидения зритель сам становится экраном". [1, 357] Телевизионная технология, являясь расширением тактильной способности, трансформирует чувственные и умственные процессы; телевидение "развило вкус к переживанию всего в *глубину*". [1, 381]

В целом, воздействие, оказанное на человека электрическими средствами коммуникации, состоит в его трансформации в сложную, глубинно структурированную личность, чувствующую свою тотальную взаимосвязь со всем остальным человечеством.

Несмотря на то, что Маклюэн считают пророком "электронной эпохи", усматривая оптимизм в его взглядах на будущее человечества, не следует забывать, что базовым принципом его концепции истории является принцип самоампутации. "Любое изобретение и любая технология представляют собой внешнюю проекцию, или самоампутацию, наших физических тел, и такое расширение вовне требует, помимо прочего, новых пропорций, или новых равновесий между другими органами и расширениями тела". [1, 54] Необходимость нового изобретения возникает вследствие возрастания нагрузки на некую чувственную способность человека, и в результате появляется технология, эксплицирующая данную способность. Таким образом, принцип самоампутации, заключающийся в немедленном избавлении центральной нервной системы от напряжения, распространяется Маклюэном на все средства коммуникации. Медиа, будучи расширениями чувств и способностей, отделяются от человека и, в конце концов, обретают над ним власть; "развитие технологической инфраструктуры человеческого тела (а затем и человеческих коллективов) сопровождается последовательной «ампутацией» всевозможных человеческих способностей. Развитие электронных средств интерпретируется в этом плане как финальная "ампутация" человеческого сознания". [4, 1]

На основании выше сказанного можно заключить, что, с одной стороны, современный человек, имея широчайшие возможности для коммуникации посредством радио, телевидения, компьютерных технологий, мобильной связи и т.д., получает тем самым способность вмещать в себя всё человечество. Маклюэн предсказывал восстановление контакта с окружающим миром на базе электронных средств общения, возвращение общности, переход к коммуникации в мире "глобальной деревни".

Однако, с другой стороны, расширяя вовне нервную систему, современные средства передачи информации создают угрозу контроля и эксплуатации человека. Без правильного понимания природы медиа и их влияния на психическую и социальную жизнь, вероятность подобного воздействия возрастает. В этом контексте особенно важной становится идея канадского учёного о том, что существенные последствия для частной и общественной жизни человека имеет не только содержание средства коммуникации, но в первую очередь - его форма.

#### Литература

1. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. - М., 2003.
2. Тетерин. Херберт Маршалл Маклюэн. // [www.countries.ru](http://www.countries.ru)
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. - М., 2000.
4. Николаев В.Герберт Маршалл Маклюэн и его книга "Понимание средств коммуникации // [www.strana-oz.ru](http://www.strana-oz.ru)
5. Ализар А. Интернет - это расширение наших нервов // [www.webplanet.ru](http://www.webplanet.ru)
6. Архангельская И.Б. Творческое наследие Герберта Маршалла Маклюэна в контексте развития теории коммуникации. // [www.countries.ru](http://www.countries.ru)
7. Вершилло Р.СМИ - это то, что необходимо превзойти. // [www.moral.ru](http://www.moral.ru)
8. Демидов М.Оракул информационного общества // [www.zhurnal.lib.ru](http://www.zhurnal.lib.ru)
9. Мадисон А. Маршалл Маклюэн и информационные войны. // [www.pseudology.org](http://www.pseudology.org)
10. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. - К., 2003.
11. Эко У. От мобильника к истине.// [www.ecoumberto.net.ru](http://www.ecoumberto.net.ru)

## ETYMOLOGICZNY WZORZEC PERSWAZJI

Mirosław Acewicz

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

Istnieje właściwie tylko kilka sposobów, dzięki którym można osiągnąć coś u innych. Można zmuszać, ale trzeba wtedy mieć odpowiednią siłę. Można kupić, ale trzeba wtedy mieć pożądaną ilość gotówki. Można uwieść, ale trzeba wtedy mieć dar uwodzenia, być może wielki jak uroda pięknej ładaczniczki Fryne, która zyskała w sądzie przychylny dla siebie wyrok obnażywszy przed sędziami niezwyklej urody piersi. Można też, aby uzyskać pożądaną skuteczną, po prostu przekonywać. Dla zjawiska perswazji tylko ten ostatni sposób, jako realna i realizowalna alternatywa wielu innych metod osiągania celów, wydaje się prawomocny, tym bardziej, że człowiek jako istota społeczna jest przez całe życie przez kogoś do czegoś przekonywany i sam ciągle przekonuje innych (co zewnętrznie ujawnia chociażby natura tylko językowej komunikacji międzyludzkiej).

### 1. Pojęcie perswazji a wartości

Słowo "perswazja" pochodzi z łaciny i jest kalką rzeczownika *persuasio*. Pierwotniejszym jednak w języku łacińskim był czasownik *persuadere*. Oznaczał nie tylko „starać się przekonać”, „tłumaczyć coś komuś”, „namówić”, „nakłonić”, „radzić”, „zachęcać”, „odradzać”, „oczarować”, ale także „uspokajać”, „łagodzić”, a nawet „wierzyć”. Znaczenia te przejął, wywodzący się z niego, łaciński rzeczownik *persuasio*, który jednak oprócz przekonywania i odniesienia do opinii wskazywał także na wiarę i zjawiska psychologiczne typu uspokojenie czy łagodność. Istotnym dla uchwycenia pełnego zakresu znaczeniowego słowa *persuasio* był też przedrostek *per*. Z jednej strony w łacinie klasycznej oznaczał „przez”, „za pomocą”, „poprzez”, z drugiej „całkowicie”, „do końca”, „bardzo” i uświadamiał tym jakby, że perswazja realizuje się mocą wyraźnie wyróżnionego instrumentarium.<sup>9</sup>

Etymologiczne zróżnicowanie znaczeniowe terminu "perswazja" powielone zostało w różnorodności praktyk perswazyjnych i odzwierciedliło się w teoretycznym ujęciu zjawiska perswazji jako procesu o charakterze pragmatycznym. Ze względu na cel doraźny, wynikający wprost z bezpośrednich skutków przekonywania, wyróżniano perswazję przekonującą, nakłaniającą oraz pobudzającą. Perswazja przekonująca stanowiła najbardziej "czysty" rodzaj perswazji. Odbiorca jest audytorium aktywnym intelektualnie, a nadawca operuje tylko uczciwymi intencjami i zamiarami. Perswazja nakłaniająca to realizacja właściwie jednego celu, polegającego na pozyskaniu dla danej idei jak największej liczby zwolenników. Jej współczesnym wyrazem jest z reguły propaganda (łac. *propagare* - szyć winorośl, krzewić, szerzyć), która może być realizowana w sposób jawny, ukryty, uczciwy, nieuczciwy itp. Najprostszą formą perswazji pobudzającej jest agitacja (łac. *agitare* - poganiać, prowadzić, czynić, działać). Jej celem jest doraźne jedynie zjednanie odbiorcy dla jakiejś sprawy. Oparta jest na przekonywaniu wykorzystującym zjawisko sugestii i techniki odwołujące się do wagi autorytetu. Do najstarszych rodzajów agitacji należy przemówienie wiecowe. Na gruncie współczesnej wiedzy psychologicznej wiadomo, że na wiec przychodzi się nie po to, aby dać się przekonać (bo jest się już przekonany), ale po to jedynie, by czasami tylko usłyszeć uświadamiane, pożądane i dobitnie sformułowane hasła.<sup>10</sup>

Ale pragmatyczny charakter zjawiska perswazji ujawnił nie tylko jego daleko posunięte zróżnicowanie. Szczególnie istotną stała się jedna z konsekwencji tego stanu. Okazało się mianowicie, że w różnych kontekstach procesu przekonywania, perswazja bez odniesienia

<sup>9</sup> Zob. Mirosław Korolko, *Sztuka retoryki. Przewodnik encyklopedyczny*, Warszawa 1998, s. 32.

<sup>10</sup> Ibidem, s. 34-35.

ogólniejszego i dyscyplinującego może również wydobywać reakcje i zachowania społecznie i moralnie wątpliwe. Dlatego, już na poziomie modelu, działania perswazyjne jednoznacznie podporządkowywano celowi ogólnemu. Nadrzędnym celem perswazji miała być albo obrona cnoty jako ideału moralnego albo po prostu spełnianie obowiązku moralnego. W języku i kulturze greckiej cnotę najpełniej opisywał ideał *aretè*. Był to wzorzec moralny obejmujący przede wszystkim dzielność i męstwo moralne rozumiane jako uwewnętrzniony dar swobodnego rozpoznawania swoistych wymagań moralnych, jakie stawia dana sytuacja i odpowiednio do tego nieprzymuszone postępowanie. W języku i kulturze łacińskiej cnotę ujawniał ideał *virtus*. Był to spłot sprawności mieszczących się w etycznej doskonałości jednostki, opartej na dobrowolnej skłonności do postępowania zgodnie ze społecznie obowiązującym kodeksem moralnym. W takim kontekście celem perswazji jest spełnianie obowiązku moralnego (gr. *kathèkon*, łac. *officium*). Jako powinność i zobowiązanie obowiązek wyraża sytuację, w której jakiś czyn jest moralnie wymagany czy wręcz żądany.

Ujęcie obowiązku moralnego jako podstawowego składnika aktywności perswazyjnej weszło wprawdzie do obiegu intelektualnego wraz z etyką stoików, ale najbardziej czytelny teoretycznie obraz tego pojęcia przedstawił Platon. Zdaniem Platona podstawą obowiązku moralnego jest wewnętrzny i obligujący do przyporządkowania się prawu moralnemu głos natury, wspierający się na czterech cnotach kardynalnych – na sprawiedliwości (gr. *dikaioσύνη*, łac. *iustitia*), na mądrości (gr. *σοφία*, łac. *sapientia*), na męstwie (gr. *ανδρεία*, łac. *fortitudo*) i na umiarkowaniu (gr. *σωφροσύνη*, łac. *temperantia*). Trzy pierwsze wskazują to, co w przekonywaniu jest zacne (gr. *καλόν*, łac. *honestum*), czwarta zaś to, co przystoi (gr. *πρέπον*, łac. *decorum*), czyli stosowanie określonej miary według jakiejś reguły.<sup>11</sup> Tak więc każde przekonywanie, spełniając wszelkie walory techniczne perswazji, odnośnie na przykład stylu wypowiedzi, który zawsze powinien być dostosowany do tematu, przedmiotu i okoliczności, musi jednocześnie spełniać etyczny warunek świadomej odpowiedzialności. Istota właściwie prowadzonej perswazji polega bowiem na tym, że służy ono wspólnocie ludzkiej i warunek ten powinien stanowić obowiązujący mówcę wzorzec i zarazem przestrożę przed popadaniem w demagogię. Wartości moralne jako wartości naczelnie wyznaczają więc swoiste ramy dla klasycznego ideału perswazji.

Odwolanie do wartości jest obecne również we współczesnym rozumieniu pojęcia perswazji.<sup>12</sup> Literalnie sam termin "perswazja" wydaje się powszechnie zrozumiały. Zazwyczaj perswazja ujmowana jest przede wszystkim w znaczeniu przekonywania, chociaż na poziomie myślenia potocznego słowo „perswazja” funkcjonuje też jako odradzanie czegoś komuś. Dzisiaj „przekonać” oznacza nadać cechy prawdy, prawdopodobieństwa, słuszności temu, co twierdzimy, lub pozbawić tych cech tego, czemu zaprzeczamy. Wskazuje więc na proces zmiany stanu osoby przekonywanej, w czasie którego uznaje (bądź nie) ona jakieś zdania za prawdziwe lub fałszywe, przyjmuje (bądź nie), że jakieś zdarzenia są bardziej albo mniej prawdopodobne, zmienia (bądź nie) oceny albo nawet całą ich hierarchię, dokonuje (bądź nie) przełomu w stosunkach uczuciowych do kogoś lub czegoś oraz wykonuje jakieś działanie lub powstrzymuje się od działania. W kontekście konkretnych zachowań ludzkich dokonuje się on zazwyczaj poprzez jakiś

<sup>11</sup> Platon, Państwo z dodaniem siedmiu ksiąg „Praw”, Warszawa 1958, Państwo IV.

Platon wykorzystując analogię między funkcjami duszy a funkcjami polis przekonuje, że cnoty kardynalne powinny konstytuować nie tylko jakby ustrój wewnętrzny jednostki, ale i ustrój polityczny społeczności.

<sup>12</sup> Zob. Douglas T. Kenrick, Steven L. Neuberg, Robert B. Cialdini, Psychologia społeczna. Rozwiązane tajemnice, Gdańsk 2002, s. 233.

sposób argumentowania wpisany w szeroko rozumiany proces zmiany postawy, ale każdorazowo obowiązującym dla samego sposobu postępowania perswazyjnego wydaje się odwołanie do wartości. Inaczej, perswazja to akt polegający na doprowadzeniu kogoś do stanu wewnętrznego zwanego przekonaniem. Przedmiotem przekonania może być wprawdzie każda sprawa, ale uprzednio zazwyczaj zawsze podlegająca jakiejś ocenie o charakterze czy to intelektualnym jako przede wszystkim ocenie użytecznej, której podstawą jest użyteczność czy ocenie o charakterze w jakimś stopniu emocjonalnym jako ocenie moralnej lub ocenie estetycznej. Tak więc nawet w kontekście przedmiotu przekonania, zasadnym wydaje się założenie świadomej i dobrowolnej akceptacji wyboru między jedną a drugą wartością albo między jednym sądem o jakichś wartościach a innym. W sytuacji wyboru wartości bądź sądów o wartościach wtórnym dla samego procesu przekonywania jest to, że ów wybór może być przy tym wyrazem na przykład osobistej postawy perswadującego wobec danego przedmiotu, którego wartość lub sąd dotyczy.

## 2. Wartości w procesie perswazji

Istotnym warunkiem zjawiska przekonywania, obok jego zawsze interpersonalnego charakteru, jest wolność podmiotów samego procesu perswazyjnego. Przekonywanie bowiem jest możliwe nie tylko w granicach potencjalnej niezależności przekonywanego, ale przede wszystkim na gruncie jego realnej możliwości wyboru. Nie oznacza to, że zachowaniem jednostek rządzi chaos i przypadek. Wprost przeciwnie, wolnościowa nieprzewidywalność zachowań staje się tu elementem jakby szerszego planu. Jego właśnie wyrazem jest powszechne przeświadczenie, że zachowaniem ludzkim nie rządzi przypadek, lecz że wpisane jest ono chociażby w pewien porządek motywacyjny. Na przykład do prawdopodobnie najstarszych w historii wyjaśnień umotywowanego zachowania należy hipoteza zakładająca, że ludzie albo dążą do uzyskania zmysłowych przyjemności, albo starają się unikać nieprzyjemności.

Wpisana w proces perswazji sztuka argumentacji ma przede wszystkim na celu taką zmianę stanu świadomości odbiorcy, która w konsekwencji doprowadzi go do założonego, pożądanego i zgodnego z intencją mówcy sposobu myślenia i zachowania. Jest to typ przekonywania, w którym o skuteczności zastosowanych środków decyduje nie tylko ich wartość logiczna, ale i ich trafność doboru i odniesienia do struktury osobowościowej odbiorcy. Realizacja założonego efektu perswazyjnego wymaga nie tylko argumentacji odwołującej się do faktów i rozumowań logicznych, ale i argumentacji osadzonej w szeroko rozumianej sferze motywacji, wykorzystującej istotne dla odbiorcy potrzeby i wartości. Powszechna praktyka przekonywania ujawnia, ale wydaje się to cechą charakterystyczną istoty perswazji w ogóle, że o skuteczności tego typu zabiegów w ostateczności zawsze decyduje argumentacyjne odniesienie do sfery chociażby tradycyjnego kanonu wartościowań prawdziwościowych, moralnych czy estetycznych.

Najsilniejszą logicznie strategią perswazyjną wydaje się argumentowanie w oparciu o fakty. Polega ona na przywoływaniu znaczących dla danej tezy faktów. Fakty można zbadać, a tezy do nich się odnoszące przetestować albo zweryfikować w kategoriach ich prawdziwości. Podstawą rozumowań są wtedy przede wszystkim myśli wyrażane w zdaniach orzekających oraz sądy i oceny osadzone w wartościach logicznej prawdy lub fałszu. Osoba przekonana do zasady niesprzeczności, jeżeli sądzi że  $p$ , to nie jest tak, że sądzi, że  $nie-p$ . Ale nawet w sytuacji wyabstrahowanych z kontekstu uzasadnień znaczącym ich elementem jest podmiotowa umiejętność selekcji faktów jako znaczących dla danego sposobu rozumowania oraz umiejętność odróżniania faktów od wszelkiego rodzaju opinii. Wybór istotnych dla przekonania fragmentów rzeczywistości i opinia jako ocena lub osąd jakiejś sytuacji to dopuszczenie do udziału w argumentacji czasami nieweryfikowalnego czynnika wartościującego w swojej treści. Perswazja realizuje się



wtedy z reguły z użyciem nie tylko pojęć typu prawdziwe lub fałszywe, ale i słuszne lub nie, dobre lub złe, pojęć o nieustalonym powszechnie zbiorze znaczeń i tym samym mniej jednoznacznym charakterze. Są to ponadto takie pojęcia, które narzucają stosowanym uzasadnieniom perswazyjnym konieczność uwzględniania jakichś skal wartości.

Powszechnie wykorzystywane w procesie perswazji sposoby argumentacji zazwyczaj uwzględniają sferę motywacji odbiorcy. Potocznie odwoływanie się do motywacji oznacza albo uzasadnianie w kontekście ludzkich potrzeb i pragnień oraz form ich zaspokojenia, albo uzasadnianie poprzez wykorzystanie hierarchii wartości odbiorcy. Praktycznie zaś polega na uświadomieniu odbiorcy, że odczuwa on chęć zaspokojenia danej potrzeby lub że jej spełnienie jest konsekwencją zajmowanej postawy aksjologicznej oraz na podsunięciu mu propozycji środków jej zaspokojenia. W danym kontekście sytuacyjnym argumentem może nawet stać się czy to proste wyliczenie korzyści z podjęcia proponowanego działania czy rzucenie jakiegoś wyzwania ambicjonalnego, zawodowego.

Znajomość podstawowych potrzeb każdego człowieka oraz świadomość typowej dla odbiorcy hierarchii wartości to warunek konieczny argumentacji perswazyjnej. Oczywiście nie jest to warunek wystarczający, ale w sytuacji znacznego skomplikowania kontekstu przekonywania i zróżnicowania adresata perswazji, założenie modelowej struktury potrzeb i wartości odbiorcy jest niezbędne chociażby dla samego uruchomienia procesu argumentacyjnego. Faktem jest to, że prawie wszyscy ludzie mają jakieś potrzeby i uznają jakieś wartości. Faktem jest to, że różni ludzie uznają odmienne potrzeby i wartości i niemalże każdy człowiek ma ich swoją niepowtarzalną hierarchię. Ale faktem jest również to, że w przypadku konfliktu potrzeb bądź wartości w odniesieniu do konkretnej sytuacji, wybrana zostanie raczej ta z nich i takie rozwiązanie, która zajmuje wyższe miejsce w hierarchii. I jest to fakt znaczący perswazyjnie jako istotna wskazówka przeprowadzanych uzasadnień.

Ponadto, jeżeli proces przekonywania ma być skuteczny musi uwzględniać poziom myślenia potocznego i płaszczyznę powszechnej intuicji językowej. Jest to bowiem jakby naturalny pomost między nadawcą a odbiorcą perswazji. Szczególnie ważnym wydaje się zgodne dla stron rozumienie motywu, potrzeby i wartości. Z tych bowiem aspektów myślenia i zachowania człowieka pochodzi siła i waga argumentacyjna stosowanych w konkretnych sytuacjach technik perswazyjnych.

Na poziomie myślenia potocznego pojęcie motywu działania odsyła do czynności ukierunkowanej na osiągnięcie pewnego celu. Zazwyczaj jest on rozumiany jako umiejscowiony poza jednostką. Cel wyznacza kierunek działania i pobudza człowieka do jego podejmowania, co skutkuje wejściem w proces osiągania celu. Ale konkretne obiekty docelowe same w sobie nie tylko ucieleśniają osiągnięcie celu czasami wprost go reprezentując, są ponadto symbolem wewnętrznego nastawienia jednostki do celu i działania celowego. Obiekty docelowe jakby łączą cele wewnętrzne z celami zewnętrznymi, tworząc wręcz parę tautologiczną, tworząc czy realizując w procesie zdobywania obiektów jako celów konkretny motyw. Każde pojedyncze działanie człowieka może być uwarunkowane wieloma motywami. Dla perswazji istotnym jest określenie, które z nich są dla jednostki bezpośrednio znaczące, a jeżeli nie jest to możliwe, które z nich mają wpływ najbardziej powszechny.

Intuicja językowa podpowiada rozumienie potrzeby jako poczucia braku czegoś. Manifestuje się ono zazwyczaj takim stanem gotowości organizmu, który inspiruje i skłania człowieka do działania. Przy czym w odniesieniu do różnych ludzi są to działania o różnym stopniu intensywności i o różnym czasie trwania. W takiej sytuacji chociażby porządkującym jest modelowe ujęcie potrzeb jako potrzeb w sensie ogólnym (*need*) oraz potrzeb w sensie szczegółowym (*want*). Potrzeby typu ogólnego to odczuwane przez

człowieka przejawy motywów fizjologicznych, osobistych lub społecznych. Na przykład potrzebą ogólną o charakterze społecznym jest potrzeba popularności. Potrzeby ogólne uświadamiane są z reguły podczas wystąpienia rozbieżności między rzeczywistym a pożądanym stanem rzeczy. Ich liczba jest niewielka i mimo że mają one czasami bardzo ogólny charakter, zazwyczaj są zrozumiałe dla ludzi. Bowiem są to jakby inne sposoby ujęcia ich podstawowych stanów aktywności. Potrzeby w sensie szczegółowym to konkretne przejawy potrzeb w sensie ogólnym. Czasami wręcz łączą one potrzeby ogólne z poszukiwanymi w poszczególnych sferach życia korzyściami. Z reguły mają charakter praktycznie wymierny. Jest ich nieograniczenie wiele i każdorazowo zawsze w jakimś stopniu zależą one od kontekstu sytuacyjnego. I być może dlatego nie są, ale i nie muszą być, powszechnie zrozumiałe i aprobowane.

W sytuacji procesu perswazyjnego odbiorcy niejednorodnego, odbiorcy zazwyczaj zróżnicowanego wiekowo, zawodowo czy kulturowo, zasadnym jest dysponowanie jakimś wzorcowym modelem katalogu powszechnych potrzeb. Nie gwarantuje on wprawdzie pewności osiągnięcia założonego celu perswazyjnego, ale na pewno umożliwia podjęcie szeregu zasadnych i znaczących argumentacyjnie działań w tym kierunku. Wydaje się, że wystarczającym wskazaniem katalogu podstawowych potrzeb może być teoria potrzeb Abrahama Masłowa.<sup>13</sup> Ujmuje ona potrzeby w postaci hierarchii, od potrzeb fizjologicznych jako potrzeb o charakterze homeostatycznym typu potrzeba zaspokojenia głodu, pragnienia jako odpowiedź na popęd głodu i pragnienia, poprzez potrzeby bezpieczeństwa typu zabezpieczenia materialnego i ochrony przed zagrożeniami gwałtu i przemocy, poprzez afektywne potrzeby przynależności i miłości jako przynależności do rodziny, grupy społecznej i potrzeby bycia kochanym przez innych, poprzez potrzeby uznania opartego na poczuciu własnej wartości jako potrzeba szacunku dla samego siebie, którego podstawą jest żądza wolności jako niezależności oraz potrzeba prestiżu i uznania ze strony innych, aż do potrzeby samoaktualizacji rozumianej poprzez takie dążenie do samourzeczywistnienia posiadanych możliwości, w którym rozwój osobowy jest zarazem realizacją żądy zostania tym, kim potrafi się być. Potrzeby motywują każdy rodzaj zachowań ludzkich.<sup>14</sup> Potrzeby podstawowe muszą być zaspokojone jako pierwsze. Zaspokojenie potrzeb niższego rzędu uruchamia następny rząd potrzeb. Najwyższą jest potrzeba samourzeczywistnienia (*self-actualization*), potrzeba samorealizacji jako możliwość zaangażowania swoich zdolności w działanie, które uważa się za sensowne i które powinno prowadzić do rozwoju osobowości, a które konkretnie może realizuje się w sposobie spędzania wolnego czasu, w zajęciach twórczych, ale też i w pracy.

Koncepcja Abrahama Masłowa jest ważna perswazyjnie. Respektuje ona bowiem powszechnie przyjęte rozróżnienie na potrzeby ogólne i szczegółowe. Dokonuje ponadto kategoryzacji potrzeb na fizjologiczne, uwarunkowane genetycznie oraz na potrzeby nabyte jako wyuczzone w toku interakcji społecznych. Owo teoretyczne zróżnicowanie dla wielu kontekstów sytuacyjnych jest bliskie sieci rzeczywistych potrzeb rzeczywistych ludzi. Dla praktycznych zabiegów perswazyjnych jest to istotna wskazówka przy konstrukcji kompozycji skutecznego procesu przekonywania.

W sytuacji procesu perswazyjnego pojęcie wartości jest bliskie znaczeniowo pojęciom motywu i potrzeby. Zgodnym z pierwotnym znaczeniem językowym jest na pewno ogólne spojrzenie na wartości pod postacią powszechnego kanonu prawdy, dobra i piękna. Ale

---

<sup>13</sup> Abraham H. Maslow, *Motywacja i osobowość*, Warszawa 1990, s. 150-154.

<sup>14</sup> Często termin „potrzeba” i „motyw” są utożsamiane, jednak w kontekście procesu perswazyjnego motyw dotyczy zachowania nakierowanego na zaspokojenie bądź eliminację potrzeby. Termin „potrzeba” jest wtedy bliski znaczeniowo terminowi „przyczyna”.

intuicja językowa i powszechne zastosowanie praktyczne nakazuje ujmować wartość przede wszystkim w podstawowym znaczeniu, jako coś, co jest cenne. Wartość w takim układzie to prostu przedmioty zaspakajające potrzeby. Wartość to dobra pożądane przez jednostki bądź dobra powszechnie pożądane przez daną społeczność. Przy czym takie rozumienie pojęcia wartości zawiera w sobie jego znaczenie kulturowe. Bowiem wartości obejmowałyby wtedy zarówno wewnętrzne cele i przeżycia jednostek, jak też odnosilyby się do społecznych norm zgodnych z interesem danej grupy lub społeczeństwa. Takie rozumienie pojęcia wartości pozwala także na ich względną konkretyzację pod postacią czy to jako układu przekonań, wzorców czy preferencji, pozwala ponadto na ich uporządkowanie według jakiejś skali ważności. Staje się dzięki temu możliwa do przyjęcia, na przykład na podstawie samego już empirycznego ujawnienia, jakaś hierarchia wartości.

O skuteczności procesu przekonywania na pewno w dużym stopniu decyduje instrumentalnie rozumiany i postulat empirycznego rozpoznania stopnia podatności perswazyjnej konkretnego odbiorcy.<sup>15</sup> Ale nawet w odniesieniu do odbiorcy jako jednostki, pragmatyczne zorientowanie się w jego sytuacji nie może abstrahować od złożoności jego sfery motywacyjnej. Oznacza to konieczność uwzględniania, być może z pomocą modelowych uproszczeń, szeregu idei uznawanych przez odbiorcę za wartościowe. Osadzone są one zazwyczaj w wierze i jej nakazach, we współczuciu i miłosierdziu, w sprawiedliwości, tolerancji, wolności, patriotyzmie, przyjaźni, honorze i tradycji jako dziedzictwie kulturowym danej społeczności. A argumentacyjne środki perswazyjne mocno i jednoznacznie osadzone w kontekście takich wartości sprzyjają jedynie skuteczności jego przekonywania.

Czy wskazanie na jakieś wartości bądź ich hierarchię może stanowić fundament aktywności perswazyjnej? Odpowiedź pozytywna na tak postawione pytanie powinna wychodzić od konstatacji kontekstu procesu perswazyjnego jako zazwyczaj sytuacji odmienności i zróżnicowania kulturowego.<sup>16</sup> Dalej, zmierzać w kierunku wypracowania jednolitego sposobu rozumienia pojęcia wartości. I wreszcie, koncentrować się na pragmatycznym charakterze samego zjawiska perswazji. Biorąc pod uwagę fakt, że proces przekonywania powinien być zawsze świadomie realizowaną intencją, zasadnym jest posłużenie się przy argumentowaniu najprostszym modelem wartości, ale na tyle ogólnym, że odnoszącym się także i do tego konkretnego odbiorcy w konkretnej sytuacji perswazyjnej. Musi to on ponadto stanowić dla działań jako czynności charakterze przede wszystkim celowym swoiste ich uzasadnienie aksjologiczne. Funkcje te wydaje się spełniać propozycja systemu wartości M. Rokeacha.<sup>17</sup> Oparta na wyróżnieniu wartości ostatecznych

<sup>15</sup> Zjawisko perswazji jest faktem szczególnie uświadamianym na tle zróżnicowania kulturowego społeczności.

<sup>16</sup> Zob. Carol K. Oyster, Grupy, Poznań 2002, s. 168-169.

<sup>17</sup> Najważniejsze wartości ostateczne to aktywność rozumiana jako ciągły wkład w coś, bezpieczeństwo narodu jako ochrona przed atakiem, dojrzała miłość w znaczeniu osiągania pełni seksualnej i duchowej, godność własna wyrażająca się przede wszystkim poprzez szacunek dla samego siebie, harmonia wewnętrzna jako wolność od konfliktów wewnętrznych, mądrość w znaczeniu dojrzałego rozumienia życia, pasjonujące życie oparte na pełni wrażeń, piękno natury i sztuki, pokój na świecie jako wolność od wojen i konfliktów, prawdziwa przyjaźń pod postacią przede wszystkim bliskiej zażyłości z innymi, przyjemność w sensie wesołego i swobodnego życia, równość jako braterstwo oraz równe szanse dla wszystkich, szczęście w znaczeniu zadowolenia i satysfakcji, uznanie społeczne rozumiane poprzez respekt i szacunek w społeczeństwie, wolność jako niezależność i wolny wybór, wygoda życia oparta na komforcie i powodzeniu, zbawienie w sensie wiary w życie pozagrobowe oraz życie rodzinne realizowane poprzez troskę o ukochanych. Najważniejsze wartości instrumentalne to altruizm w znaczeniu mniej dla siebie więcej dla innych,

(autotelicznych) jako stanów docelowych jednostkowych i społecznych dążeń oraz wartości instrumentalnych jako z jednej strony najbardziej pożądanym sposobów zachowania, z drugiej zaś celów, które mogą prowadzić do osiągnięcia ostatecznych dążeń jednostkowych i grupowych powinna być znaczącym elementem każdego procesu przekonywania.

Przy takim podejściu zamiana perswazji na jedynie szereg technik skutecznego przekonywania, technik o znaczeniu tylko instrumentalnym, jest zabiegiem nie tylko niezgodnym z podstawowym znaczeniem pojęcia perswazji, ale i zabiegiem niebezpiecznym społecznie.<sup>18</sup> Do istoty zjawiska perswazji bowiem należy proces wartościowania. Czasami może to być tylko luźne odniesienie do jakiegoś społecznie umotywowanego wyobrażenia wartości, ale może też to realizować się poprzez precyzyjne i zaplanowane odwołanie do jakiegoś ich systemu czy czasami sztywnej wręcz ich hierarchii. Wartości określają siłę i w ostateczności skuteczność argumentów perswazyjnych. Wartości tkwią również w samym procesie wyzwania perswazyjnych zmian zachowań. Przy czym czas, ale i dowody pokazały, że zachowanie ludzkie nie jest wyłącznie zorientowane na jedynie fizjologiczne czy zmysłowe tylko podstawy wartości. Faktem są postawy osadzone w sferze motywacji przekraczającej wymiar jedynie fizjologiczny, wyrastające a czasami wprost podporządkowane potrzebom czy wartościom wyższym. Ich ominięcie, nie dość że nieskuteczne argumentacyjnie, może prowadzić nawet do ujawniania zachowań niepożądanych społecznie czy nawet agresywnych, a to oznacza, że szacunek wobec wartości powinien być co najmniej punktem wyjścia perswazji.

---

ambicja jako aspiracje i pracowitość, czułość w sensie uczuciowej wrażliwości, czystość jako schludność, grzeczność i uprzejmość czy "dobre wychowanie", intelektualizm pojęty jako inteligencja i refleksyjność, logiczność jako konsekwencja i racjonalność, niezależność w znaczeniu samowystarczalności i zaufania do swoich możliwości, odpowiedzialność jako pewność i rzetelność, odwaga w obronie własnych przekonań, pogoda ducha jako radość życia ale i odporność na troski, posłuszeństwo i obowiązkowość, przebaczenie w sensie umiejętności darowania winy innym, samokontrola i samodyscyplina, tolerancja w znaczeniu otwartego umysłu, uczciwość jako szczerłość i prawdomówność), wyobraźnia ujawniana w twórczości i poprzez śmiałość myślenia oraz zdolności jako kompetencja ale i efektywność działania.

Zob. Rokeach M., *Change and Stability in American Value Systems, 1968-1971*, "The Public Opinion Quarterly", 1974, vol. 38, s. 222.

<sup>18</sup> Perswazja na usługach propagandy jest przedmiotem opracowania Aronsona i Pratkanisa.

Zob. Eliot Aronson, Anthony Pratkanis, *Wiek propagandy. Używanie i nadużywanie perswazji na co dzień*, Warszawa 2003.

## IV. ТУРИЗМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

### ВОЗМОЖНЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА БЕЛАРУСИ

В.А. Клицунова

*Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь*

Сельский туризм – относительно новый вид туризма, развитие которого отвечает концепции устойчивого развития и поддерживается во многих странах. Сельский туризм дает импульс развитию сельских регионов за счет создания нового специфического сектора экономики. Это помогает остановить деградацию и депопуляцию сельских регионов, развить инфраструктуру села, сохранить и от части воссоздать культурное наследие, национальную самобытность регионов. Сельский туризм – понятие многообразное, включающее в себя проживание и отдых в сельской местности, знакомство с памятниками культуры, сельским производством, ремеслами и промыслами и многое другое.

Этот вид туризма развивается активно начиная с 70-х годов прошлого века, однако общая концепция развития сельского туризма еще только формируется. К настоящему времени выработан ряд принципов, подходов и моделей, которые преследуют разные цели в зависимости от конкретных условий. При этом в ряде стран сельский туризм рассматривается как одна из важнейших составляющих национальной туристской отрасли. Основные концепции и модели развития сельского туризма можно объединить в три группы.

#### **1. Развитие сельского туризма на базе малого семейного гостиничного хозяйства.**

Эта модель успешно реализуется в европейских странах. Один из ключевых ее компонентов – государственная поддержка развития сети частных гостиниц на базе существующего в сельской местности жилого фонда. Эта модель, в качестве необходимых условий реализации предполагает:

- наличие свободного или условно свободного жилого фонда в сельской местности;
- достаточно высокий уровень комфортности и хорошее состояние этого жилого фонда;
- системная государственная поддержка агротуристических хозяйств;
- организация объединений субъектов агротуризма (ассоциации, общественные объединения);
- финансовая поддержка (система льготного кредитования или дотирования агротуристических хозяйств), причем это условие является ключевым.

**2. Строительство крупных и средних частных агротуристических объектов в сельской местности:** Это могут быть специализированные частные отели в форме стилизованных «агротуристических деревень», культурно-этнографические центры и т.п. Данная модель характерна для стран с невысоким уровнем комфортности жилищного фонда в сельской местности, но с хорошим туристским потенциалом. Эта модель для успешной реализации требует прежде всего значительных инвестиций (как внутренних, так и внешних), а также поддержки соответствующих проектов на уровне региона.

**3. Создание государственных (реже частных) сельскохозяйственных тематических парков.** Основанная на такой модели концепция ставит во главу угла популяризацию и пропаганду достижений сельского хозяйства конкретной страны, сохранение практических навыков и демонстрацию приемов традиционного сельскохозяйственного производства. Являясь многофункциональными центрами, государственные сельскохозяйственные объекты параллельно могут вести научно-

исследовательскую и селекционную работу, оставаясь при этом развлекательными туристическими объектами и постоянно действующими выставочно-экспозиционными центрами.

В Беларуси можно найти все три модели развития агро- и экотуризма. Они закреплены законодательно в «Национальной программе развития туризма в Республике Беларусь на 2006-2010 годы».

Программой предусматриваются следующие направления развития агротуризма:

- активизация использования резервов сельского населения посредством организации сельских туров с проживанием и питанием в деревенских домах, усадьбах;
- создание туристских деревень с традиционной народной архитектурой на основе существующих сельских поселений, расположенных в живописной местности;
- создание агротуристических комплексов на базе сельскохозяйственных кооперативов.

Первая модель может быть принята в нашей стране как основная. Она не требует инвестиций со стороны государства, создает новые рабочие места, способствует сокращению миграции и улучшению инфраструктуры. Но для того чтобы сельский туризм стал существенной отраслью экономики, необходима определенная «критическая масса» сельских усадеб. Исходя из опыта соседних стран, для Беларуси это – 1000-1500 усадеб. В настоящий момент в Беларуси работает около 100 усадеб.

Однако специфика нашей экономики позволяет эффективно использовать и другие модели. Такие объекты, как Музей старинных технологий и ремесел «Дудutki», Музей белорусской архитектуры и быта «Строчицы», Музей этнографии под Могилевом «Белорусская деревня» делают сельский туризм более содержательным и многогранным.

Очень интересен опыт развития сельского туризма на базе кооперативного хозяйства - СПК «Первомайский и К» в Смолевичском районе. При должной поддержке этот объект может стать модельным для всей республики. Там уже работает конно-спортивный клуб, осуществляется прокат велосипедов, лыж. Оборудована в крестьянском стиле корчма, налажено производство экологически чистых продуктов. В хозяйстве создано 20 рабочих мест, в 2005г. получено 148 млн. рублей дополнительной выручки.

Таким образом, в Беларуси сельский туризм развивается на основе трех основных моделей. Они взаимодополняют друг друга, создают эффект синергии и способствуют формированию самобытного туристского продукта.

В качестве универсальной модели, которая попыталась вместить в себя все содержание сельского туризма, можно рекомендовать модель Всемирной туристической организации (Рис. 1).

При этом важно понимать, что эффективное развитие сельского туризма возможно лишь в случае «баланса интересов» всех его составляющих.

Чтобы обеспечить гармоничное сосуществование всех элементов сельского туризма, нужно учитывать интересы местного населения, туристов и заботиться об окружающей среде. Это – так называемая триада процветания сельского туризма. Равновесие этих трех составляющих может обеспечить реализация основных принципов, обеспечивающих устойчивое развитие:

- *природоохранные принципы*, защищающие природную среду от разрушения и контролирующие допустимые нагрузки на сельскую территорию;

- *социальные принципы*, гарантирующие защиту и нерушимость культурного многообразия и уклада жизни местного сообщества;

- *экономические принципы*, способствующие развитию экономического разнообразия региона, созданию рабочих мест, сдерживанию миграции в город;

- *культурно-исторические принципы*, обеспечивающие благотворное воздействие туризма на местное население и культурное разнообразие.



**Рис.1 Концептуальная модель сельского туризма**

Развитие сельского туризма на основе перечисленных принципов должно приводить к *удовлетворению туристов*, которые хотят получать комфортабельное размещение за разумную плату, хорошо приготовленную местную пищу, наслаждаться местной природой и достопримечательностями при гарантии безопасности. Только при соблюдении этих условий туристы будут «голосовать рублем» и экономически поддерживать нашу деревню.

Использование перечисленных принципов чрезвычайно важно при планировании развития сельского туризма. Они должны лежать в основе деятельности всех субъектов: производителей услуг сельского туризма – усадеб, этнографических центров, тематических сельских парков, туристических агентств, туристов, органов государственной власти и местного самоуправления. Это обеспечит гармоничное и эффективное развитие сельского туризма при сохранении национальной идентичности.

#### Литература

Mac Nulty P. "Keynote presentation: Establishing the Principles for Sustainable Rural Tourism". Rural tourism in Europe: Experiences, Development and Perspectives. World Tourism organization. 2004. 240 p. (p. 13)

## РАЗВИТИЕ АГРО-ЭКОТУРИЗМА В БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭТАПЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Г.М. Грибов

*Брестский государственный технический университет, г. Брест, Беларусь*

Сельский туризм на Брестчине, если иметь в виду современный временной период его существования, начал зарождаться на рубеже 2002-2003 годов. В это время в местной прессе были опубликованы статьи с информацией о создании Белорусского общественного объединения «Агро-экотуризм», в которых были изложены его цели и поднята сама проблема становления данного вида деятельности в нашей стране.

Публикация этих статей дала толчок тем, кто уже осознал потенциальные возможности Беларуси в этой сфере, и многие владельцы домов в деревне вступили в контакт с данной общественной структурой. К объединению потянулись хозяева усадеб, которые составили небольшую группу первопроходцев сельского туризма в регионе и республике в целом. Общественное объединение, руководимое В.А. Клицуновой, организовало ряд ознакомительных обучающих семинаров в Беларуси, Украине, Литве, Польше, на которых владельцы усадеб Брестчины получили необходимые знания. Следует заметить, что зарождение этого вида деятельности произошло не по какому-то указанию, оно началось снизу. Этот факт – свидетельство больших потенций гражданского общества, которые, на наш взгляд, далеко не всегда используются в нашем государстве.

На первом этапе становления сельского туризма он развивался практически спонтанно, его основными субъектами были хозяева усадеб, фермеры и частные предприниматели. Определенная организованность и координация имела место благодаря работе БОО «Агро-экотуризм» и БОО «Отдых в деревне».

Ситуация коренным образом изменилась после издания Указа Президента РБ от 2 июня 2006 г. «О мерах по развитию агро-экотуризма в Республике Беларусь», в котором впервые определены правовые основы по приему и обслуживанию туристов в агроусадебках. После издания Указа проблемой агро-экотуризма в стране стали заниматься государственные структуры. Издание Указа, который упорядочил деятельность сельских усадеб, является серьезным и действенным шагом вперед. Тем не менее, его содержание воспринято субъектами агро-экотуристической деятельности неоднозначно. Этот документ, с одной стороны, содержит очень прогрессивные положения и статьи. К примеру, ст. 5, которая гласит, что при наличии пяти (не более) комнат, предоставляемых для размещения агро-экотуристов, эта деятельность не признается предпринимательством и не подлежит налогообложению. С другой стороны, Указом исключены из сферы агротуризма поселки городского типа и города районного подчинения, а во многих из них фактически уже успешно работают агроусадебки. Не до конца продуман, по мнению многих участников сельского туризма, п. 4, который исключает участие в агротуристической деятельности городских жителей, имеющих дома в деревне и обладающих большим и разносторонним потенциалом для оказания комплекса услуг туристам. Как показывает статистика, некоторый парадокс заключается в том, что в области сельского туризма высокую активность проявляют не крестьяне, коренные сельские жители, а интеллигенция, в том числе не проживающая в деревне постоянно.

Идея поддержки развития сельского туризма в деревне понятна, ее цель – дать возможность селянам за счет приема и обслуживания туристов получить дополнительный доход, содействовать возрождению деревни и повысить уровень благосостояния ее жителей. Однако, к сожалению, возрастные, финансовые и образовательно-культурные потенции коренного жителя современного села, далеко не всегда позволяют на требуемом уровне выполнить этот вид деятельности.

Ввиду того, что проблема сельского туризма попала в сферу внимания и деятельности государственных структур, в области было принято решение о создании соответственного общественного Совета. Общественный Совет по агро-экотуризму был создан 19.12.2006г. на выездном заседании координационного Совета Брестского облисполкома по туризму, и в его состав вошли различные категории активистов: хозяева усадеб, представители СПК, ОО «Союз предпринимателей», ученые, общественные деятели, государственные служащие управления по спорту и туризму.



Общественный Совет разработал Положение о Совете и план работы на 2007год, созданы три рабочие группы:

- а) по правовым вопросам;
- б) по обучению, обмену опытом и экологическому консультированию;
- в) по рекламированию туристических возможностей Брестской обл., пропаганде отдыха в белорусской деревне и продвижению туристического продукта.

Первые месяцы показали, что ОС востребован, к нам сразу же стали обращаться граждане по различным вопросам. В частности, за юридической и консультативной помощью. В Совет стали обращаться потенциальные хозяева, которые приняли решение начать это дело, но не знают как. Знаменательно то, что стала пробуждаться Полесская глубинка (Столинский район), которая наиболее экзотична в этнокультурном отношении и очень привлекательна в природном плане. Общественный Совет придает большое значение учебе субъектов агро-экотуризма. Сложилась ситуация когда в области существуют две категории хозяев. Первая – это «ветераны», которые ряд лет работают в сельском туризме и успели пройти серию обучающих семинаров. Вторая – это «новобранцы», которые в этом очень нуждаются.

Первый семинар был проведен 16.03.2007 г. В его процессе выяснилось, что на данном этапе многим хозяевам не хватает трех составляющих: знаний, опыта и финансовых средств на благоустройство усадеб. Деятельность ОС может и должна способствовать решению этих трех проблем. Планируется ряд семинаров по изучению позитивного опыта работы сельских усадеб в стране и за рубежом, по умению привлечения из различных источников средств на поддержку этого вида деятельности (к примеру, гранты от различных фондов и организаций).

Работа в Совете первые полгода показала, что очень важно не разменять свою деятельность на решение мелких проблем и ситуаций, а определиться со стратегией его усилий. Нам представляется, что такими ключевыми направлениями являются следующие.

1. Добиться координации действий трех основных субъектов агротуристической деятельности, реально сложившихся в стране. Это хозяева усадеб, индивидуальные предприниматели и СПК. Важно сделать их партнерами в области оказания услуг туристам и отдыхающим, тем более не допустить какой-либо конфронтации между ними. В связи с этим необходимо отметить, как обнадеживающий факт сотрудничества общественного совета с Брестским агропромышленным союзом, председатель которого входит в состав ОС, а председатель ОС соответственно в состав правления агропромышленного союза.

2. Выступать в случае необходимости посредником между субъектом агротуристического сервиса и государственными структурами.

3. Отталкиваясь от реального практического опыта, вносить предложения по совершенствованию законодательной базы в данной области.

4. Содействовать популяризации экологического туризма среди населения, пропаганде активного отдыха в белорусской деревне.

5. Способствовать развитию международного сотрудничества в области сельского туризма, что особенно актуально для Брестской области, имеющей общую границу с Польшей и Украиной.

В названных зарубежных странах, особенно в Польше, в рассматриваемой сфере достигнуты значительные успехи. К примеру, только в пос.Бяловеж, который находится на польской стороне Беловежской пуши, активно работает свыше 70-ти агроусадб. В этом населенном пункте размещены: музей природы, четырехзвездный отель и ряд других объектов для туристов. В пос.Каменюки- неофициальной

«столице» Беловежской пущи на нашей территории, эта инфраструктура развита гораздо слабее. Количество агроусадоб символично, а у тех, которые работают, возникли две проблемы. Во-первых, это отсутствие взаимопонимания и сотрудничества с заповедником, к территории которого они примыкают. Во-вторых, имеются трудности, которые связаны с тем, что этот район находится в пограничной зоне, включая знаменитую резиденцию белорусского Деда Мороза.

Однако следует отметить как положительный факт, функционирование погранперехода для туристов в Беловежской пуще, который позволяет связать туристскими веломаршрутами белорусские и польские агроусадьбы. На Брестчине уже накоплен позитивный опыт разработки и реализации трансграничных путешествий, в том числе велосипедных, которые предполагают использование в процессе передвижения услуг агротуристических усадеб в разных странах.

В частности, апробирован кольцевой веломаршрут, который удачно связывает белорусскую и польскую части пущи и позволяет задействовать агроусадьбы на территории двух государств. Не менее интересный велопоход осуществлён на территории Еврорегиона Буг, который включает в себя уникальные природные богатства Беларуси, Польши и Украины. Однако на сегодняшний день его эксплуатация сталкивается с двумя основными трудностями. Первая – это запрет на пересечение белорусско-польской и польско-украинской границы пешеходам и велосипедистам. Большой потенциал Еврорегиона будет раскрыт только тогда, когда будут открыты специальные погранпереходы для туристов, разговоры о которых уже давно ведутся в разных ведомствах. Вторая трудность – отсутствие агроусадоб на белорусской части Еврорегиона. Что касается польской и украинской сторон, то, как показал опыт, это, особенно в Польше, проблемой не является.

На сегодняшний день в области зафиксировано около 30 сельских усадеб, которые либо уже активно включились в деятельность по приему и обслуживанию отдыхающих, либо проявляют интерес к этому. Распределены они по территории Брестчины неравномерно, о чем свидетельствует следующая таблица.

Районы Брестской области	Количество усадеб
Барановичский	-
Березовский	3
Брестский	4
Ганцевичский	-
Дрогичинский	3
Жабинковский	2
Ивановский	-
Ивацевичский	3
Каменецкий	7
Кобринский	1
Лунинецкий	3
Ляховичский	-
Малоритский	-
Пинский	-
Пружанский	2
Столинский	1

Безусловным лидером среди районов является Каменецкий, что вполне объяснимо, так как здесь сосредоточено большое количество природных и историко-культурных достопримечательностей. Способствовало лидерству этого района и то,

что на этот регион обратила внимание Программа развития ООН «Экологически устойчивое развитие региона Беловежская пушча: совмещение природы и устойчивого развития». В ее рамках была оказана финансовая поддержка пяти агроусадьбам, которые смогли на выделенные средства повысить уровень своего благоустройства.

Первые годы становления агротуризма в Беларуси показали, что сельские усадьбы могут эффективно использоваться в следующих основных направлениях.

1. Организация отдыха горожанам, которые поселяются в сельском доме на короткий или относительно длительный период времени с целью общения с природой, ухода от городской суеты и т.д. В этом случае, очень важно предложить клиенту комплекс услуг, в который должны быть включены пешие, велосипедные или водные прогулки, знакомство с объектами истории и культуры данной местности.

2. Предоставление усадеб для проведения различных корпоративных, семейных и иных мероприятий (дни рождения, свадьбы и т.п.), заседаний, семинаров, деловых встреч.

3. Использование сельских домов для ночлега, питания туристами, которые совершают путешествия по разработанным маршрутам различными (пешие, водные, велосипедные) способами.

Нам представляется, что последнее направление наиболее интересно и требует к себе особого внимания. В данном случае турист отдыхает активно, проявляя мобильность он получает полезную физическую нагрузку и значительно расширяет свои историко-культурные познания.

## **К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ В БЕЛАРУСИ АГРО-ЭКОТУРИЗМА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ**

Н.И.Полещук

*Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь*

Агротуризм имеет ряд неоспоримых положительных сторон. Для жителей деревень – это дополнительный заработок и возможность улучшить свое жилье. Для местных властей и региона в целом – приток дополнительных средств, развитие инфраструктуры, создание новых рабочих мест. Для страны в целом – возможность развития туризма за пределами городов, где отсутствует необходимая инфраструктура, снятие ряда социальных задач. Для туристов – возможность недорогого отдыха в экологически чистой среде.

В июле-августе 2006 года Президент Республики Беларусь подписал два указа, направленные на развитие въездного туризма. Один из них, Указ №372 «О мерах по развитию агротуризма в РБ» создает беспрецедентные условия для сельчан: владельцу усадьбы достаточно написать заявление, что он будет принимать у себя туристов, и заплатить годовой сбор в размере одной базовой величины. Кроме этого, понадобится сельский жилой дом со свободными комнатами (не более пяти), отвечающий санитарным и техническим требованиям, подсобное хозяйство, а также экскурсионные объекты, которые могут заинтересовать отдыхающих.

Но есть у этого Указа и свои «минусы». Так, он закрепляет право заниматься сельским туризмом без уплаты налогов лишь за сельскими жителями. А на сегодняшний день едва ли не большинство хозяев белорусских агроусадьб - это всегда быстрее реагирующие на все новое горожане. Когда первая эйфория от указа прошла, стало ясно, что с этим пунктом можно только смириться. Ведь причина появления этого документа - отнюдь не в туризме, а в том, что государство ищет выходы, как вернуть к жизни умирающее село. Агротуризм как бы "пришпилили" к социально-экономической политике развития

села. Сегодня хозяева усадеб оценивают отдельные положения указа уже более сдержаннее. Интересно, что ставка на подобный бизнес столь высока, что некоторые готовы даже поменять столичную прописку. [2] Однако с правовой точки зрения существует тоже целый ряд трудностей. Скажем, непомерно высокие проценты, под которые местные банки кредитуют владельцев усадеб, или невозможность построить, например, второй дом для проживания самих хозяев (в итоге и постояльцы и владельцы усадьбы живут вместе, в лучшем случае, последние уезжают в собственные городские квартиры). Кроме того, на природоохраняемых территориях по существующему законодательству размещение и проживание туристов вообще запрещено. Пока никаких изменений в существующий порядок пребывания туристов в заказниках и заповедниках нет. Не определены права и обязанности субъектов туристической деятельности в заповедных местах, не отрегулирована деятельность по созданию там инфраструктуры экологического туризма. Экскурсионные и познавательные туры по охраняемым территориям вообще выпали из правового поля. Поэтому ни одна туристическая фирма не знает толком, как именно должны организовываться подобные экскурсии и какие экологические нормы должны соблюдаться. Полностью отсутствуют механизмы контроля за посещаемостью охраняемых территорий и туристской нагрузкой на них. Особое беспокойство вызывает судьба уникального объекта - заказника "Лебяжий", который находится в городской черте. На него буквально «наступает» рынок в Ждановичах.

Тем не менее, сегодня на территории Беларуси туристов готовы принять около 70 усадеб. Они расположены в различных областях Беларуси и в основном располагают следующим набором услуг: собственно само проживание, охота, рыбалка, баня и кухня, сбор ягод, грибов, лекарственных трав и т.д. Все это оговаривается непосредственно при заключении сделки с хозяевами усадеб (стоимость за 1 день пребывания колеблется от 2 до 50 долларов США).

Важным элементом экологического туризма Беларуси сегодня являются и «зеленые» маршруты ("Greenways"). Это понятие впервые появилось в 50-е годы XX века в контексте рекреационных троп (пеших и велосипедных), служащих продвижению активного образа жизни и создаваемых главным образом на конкретных территориях. В странах Западной Европы идея Greenways стала распространяться в конце 80-х и начале 90-х гг. В Центральной Европе сегодня существует Программа «Greenways» - инициатива центрально-европейского консорциума «Environmental Partnership for Central Europe» («Партнерство для окружающей среды в Центральной Европе»). Это партнерская организация, цель которой – создание сети зеленых дорог в Центральной и Восточной Европе.

Для Беларуси Концепция Greenways, несомненно, является новой, однако она уже имеет много сторонников. В феврале 2005 г. в Минске была принята декларация «ЗЯЛЕНАЯ ШЛЯХІ БЕЛАРУСІ – ЗЕЛЕНЫЕ МАРШРУТЫ БЕЛАРУСІ – GREENWAYS IN BELARUS». Инициаторами ее стали Польский фонд «Партнерство для окружающей среды» и Общественное объединение «Агро- и экотуризм». До этого были проведены ознакомительные поездки и встречи. Имеется большое желание населения Беларуси создать подобные маршруты у себя в регионах. Значительный вклад в дело развития зеленых маршрутов внес проект, поддержанный офисом ОБСЕ в Минске «Организация зеленых маршрутов как средство развития туризма в сельских регионах Беларуси» (май-ноябрь 2005 г.).

На сегодняшний день в Беларуси разработаны семь первых «зеленых» маршрутов, которые проложены вдоль рек, традиционных исторических торговых путей, естественных природных коридоров. Среди них маршруты "Край желтых кувшинок и седых валунов" по Лепельскому району Витебской области, "Водными

маршрутами Великого княжества Литовского» по рекам Гривда, Щара и Неман, «Блакітныя каралі Расон» (Россонский район) и т.д. Также планируется разработка трансграничных маршрутов аналогичного типа.

Культурно-исторический потенциал, который можно использовать для продвижения туризма, сложился уже в средние века. «Страной замков» называли современники нашу землю. Среди них - известная Каменецкая башня, великокняжеские замки, имеющие общегосударственное назначение – Новогрудский, Гродненский Старый и Новый, Лидский, Кревский, укрепленные церковные храмы – Полоцкая София, Сынковичская и Маломожейковская церкви, Комайский костел... Самым привлекательным был Мирский замок – «настоящий цветок Средневековья», из замка оборонного значения к XVII–XVIII векам трансформировавшийся в роскошный дворцово-замковый комплекс, где удивительно сочетались черты военно-фортификационного сооружения и мягкость, пышность и величественность дворцовой постройки. Расположенный на открытой местности, возведенный из камня и кирпича, с мощными стенами и выступающими четырьмя башнями по углам, грозно и величественно демонстрировал он на всю округу свою неприступность и власть своего хозяина. [3]

Однако в силу своего геополитического положения территория Беларуси часто являлась ареной военных действий, что предопределило относительно невысокую сохранность памятников старины. Тем не менее, республика характеризуется значительным культурно-историческим наследием. На ее территории учтено свыше 15 тысяч памятников истории и культуры, из числа которых 2542 объекта имеют национальное значение. Тематическая структура и география размещения памятников истории и культуры представлена в таблице 1. [4, с. 67]

**Таблица 1.** Недвижимые объекты наследия, включенные в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь (по состоянию на 2004 год).

	Памятники всех категорий	Памятники археологии	Памятники истории	Памятники архитектуры	Памятники искусства
Брестская	693	163	225	288	17
Витебская	863	328	254	266	15
Гомельская	834	375	282	166	11
Гродненская	645	320	87	210	28
Минская	674	310	148	207	9
г. Минск	283	4	11	239	29
Могилевская	692	310	148	221	13
<b>Всего</b>	<b>4684</b>	<b>1834</b>	<b>1131</b>	<b>1597</b>	<b>122</b>

Источник: [5]

На территории Беларуси находятся города с древней историей, основанные в IX–XI веках, такие, как Минск, Полоцк, Гродно, Витебск, Брест, Пинск, Орша, Несвиж, Туров, Ружаны, Мстиславль и др. Во многих поселениях сохранились старинные храмы, дворцы и замки, усадебно-парковые комплексы. Среди памятников истории и культуры сохранились и уникальные, не имеющие аналогов в других странах.

Малые города образуют особую группу с ценным историко-культурным наследием, в которых историческая застройка – главная особенность. Это Несвиж, Мир, Слоним,

Мстиславль, Новогрудок и др. Для них развитие туризма – практически единственная возможность активизировать экономику, улучшить благосостояние местного населения.

К сожалению, сегодня реализуется далеко не все туристское достояние Беларуси. Для туристско-экскурсионного показа используется менее 10% историко-культурных памятников. По экспертным оценкам, в познавательных экскурсионных целях можно использовать около 2 тыс. объектов, в большинстве сохранившихся, но частично нуждающихся в реставрации или благоустройстве прилегающих территорий. [6]

В итоге, стоит заметить ряд особенностей, влияющих на развитие туризма в нашей стране. Во-первых, Республика Беларусь расположена в центре Европы, что дает возможность активного использования транзитного, а также трансграничного туризма. Во-вторых, высокие показатели экономического развития способствуют увеличению ассигнования на финансирование туристской отрасли республики. В-третьих, наличие обширной географии прочных международных связей обеспечивает привлекательный имидж страны на мировой арене. В-четвертых, значительный природный потенциал (в том числе лесные и гидрологические ресурсы) позволяет приоритетно развивать транзитный, оздоровительный, экскурсионный, экологический туризм и т.д. В-пятых, богатая многовековая история земель, обилие памятников природы и искусства создают предпосылки для развития экскурсионно-познавательного туризма.

#### Литература

1. Ксения Алхимова. «Интернет-портрет Беларуси» // «Туризм и отдых», №32, 2006
2. Лилия Кобзик. «Сельский туризм как зеркало белорусской ментальности» // «Туризм и отдых», №26, 2006.
3. Валентина Мартинович. «Туризму быть!», // «Архитектура и строительство» №3 (157) 2003 г.
4. Туризм в Беларуси: пособие для студ. фак. междунар. отношений специальности Э.01.09.00 «Менеджмент» и специализации Э.01.09.10 «Менеджмент международного туризма» / Л.М. Гайдукевич, А.И. Тарасенок, Д.Г. Решетников, Н.И. Полещук. – Мн.: БГУ, 2001. – 133 с.
5. Туризм и туристские ресурсы в Республике Беларусь. Статистический сборник/ Министерство статистики и анализа Республики Беларусь – Минск, 2005 – 88с.
6. Виктор Ивличев, Людмила Баскакова, Светлана Сахарова. «Стратегия устойчивого развития туризма в Беларуси // «Архитектура и строительство» №3 (157) 2003 г

## THE CONCEPT OF AUTHENTICITY IN TOURISM

J. Majewski

*Agricultural University of Poznan, Agritourism Unit, Poland*

Problem of authenticity arrived in XX century, when tourism become a mass phenomenon. The consequence of it was process of commodification which changed tourism. [5]. Formerly, travelers visiting a country met only real, authentic culture, lived with local communities, bought original things, participated in genuine events. Later cultures had to adjust to tourists needs being performed to them and lost their authenticity.

The purpose of this paper is to look at concept of authenticity from different points of views. First the author will try to consider notions of the term authenticity. Later he will analyze what authenticity is: a) property of tourism objects, events, services or activities? b) a state of mind? c) mode of being toward tourism? Next authenticity will be a subject in the context of three paradigms: a) modernism; b) constructivism; c) postmodernism. At the end some implications to tourism will be mentioned.

### THE TERMS DESCRIBING AUTHENTICITY AND INAUTHENTICITY

In literature we meet many terms which are very close to the term "authenticity". Depending on the context they can be used to describe different dimensions of that phenomenon. Below there is a list of the most often used terms chosen from articles, papers and books where the question of authenticity in tourism was considered.

AUTHENTIC	INAUTHENTIC
Indigenous	Pseudo
Genuine, sincere, honest	False
Real, actual, true	Artificial, showed
Credible	Unbelievable
Accurate	Inaccurate
Original, unique	Staged, imitated, copied, common
Traditional	Modern
Local	Commodified
Unadulterated, pure, unmixed	Adulterated, falsified

### THREE PARADIGMS OF ANALYSING AUTHENTICITY

When thinking of the concept of authenticity we can generally distinguish three approaches. The main criterion is objective or subjective basis for authenticity. Depending on it those approaches can be grouped into the following paradigms:

#### Modernism

According to this concept authenticity is real property which is evaluated by experts like paintings in a museum. But to judge authenticity we need some criteria which should be measurable and objective. An example of authentic things is something made by locals according to their tradition.

AUTHENTIC	INAUTHENTIC
Sculpture at exhibition	Copy of the sculpture
Participation in an event organized by locals for themselves	Participation in an event organized by actors especially for tourists
Living with a farmer's family and working in a farm	Living in a house built in traditional style
Western village in America	Western village in Europe

#### Constructivism

According to this concept authenticity is constructed by tourists and host through their interactions. Judgement of authenticity is done by observers and it can be negotiable, relative. We may say that authenticity is socially constructed interpretation which depends on context [4: 132-136].

AUTHENTIC	INAUTHENTIC
Disneyland incorporated into local culture and perceived as such	Disneyland in the beginning treated as completely artificial
Polish cuisine with its specific tastes having many ingredients growing in Poland now (imported from Italy in 16 <sup>th</sup> century)	Italian ingredients in Polish cuisine in 16 <sup>th</sup> century
Souvenirs – a mask made for own purpose (i.e. celebration) and having great value	Souvenirs – a mass production of masks
Palace of Culture which has become a symbol of Warsaw despite its Russian character	Palace of Culture – the highest building in Warsaw built by Russians in 1955 as their gift for Polish society

**Postmodernism**

According to this concept authenticity is not a real problem because it is not important question to tourists. Many of them do not care whether something is original or copy [3:63] and they accept lack of genuiness. In modern cultures tourism objects and services have been commodified and the main question is now whether they satisfy clients. The objects can be false but in the eyes of tourists they can be seen as real.

<b>AUTHENTIC</b>	<b>INAUTHENTIC</b>
There is no boundary between authentic and non authentic	
Copy and original	
Reality and symbol	
Something what looks authentic	Something what looks inauthentic

**PERSPECTIVE OF TOURISTS AND HOSTS**

Why the concept of authenticity is so important in analysis tourism phenomenon? Authenticity can be an useful tool serving better understanding of tourism. It means has value for scholars but it cannot be so important to tourists.

In tourism literature we meet two categories of that term. The first regards the perspective of tourists who experience authenticity. The second concerns perspective of tourism industry which organize offers for tourists. Selwyn [8: 19-22] introduced two terms defining experience of authenticity: "hot" and "cool". Concept of hot authenticity is based on an assumption that tourism is a way of seeking something genuine and escaping from everyday life. Hot authenticity concerns emotions derived from tourists experience. Cool authenticity does not concern the emotions, but genuineness of the tourism objects and services.

Other terms describing similar dimensions of authenticity are: object-related authenticity which regards to observed tourism things and activity-related authenticity which regards to tourist experiences. In other words we can speak of objective and experiential authenticity or universal or personal authenticity [11:358-360].

<b>AUTHENTICITY</b>	<b>AUTHENTICITY</b>
property of tourism objects & services	state of mind
Objective	Subjective
Object related	Activity related
Objective	Experiential
Cool	Hot
Defined by tourism industry, host, scholars	Defined by beholder (tourists)
Universal	Personal

**THE STAGED AUTHENTICITY**

On one edge we have an opinion that everything what is indigenous, pure and real is valued high by tourists. They seek authentic places, events and products. But on the edge there is quite opposite statement which says that tourists prefer commodified products or even imitations and are not able to appreciate authentic things.

To solve that dilemma Mac Cannel [6: 593-595] employed two new terms for describing the arrangements of space in tourism: front and back regions. The first term regards a space where objects and activities are staged for tourists, i.e. especially prepared for them and it is clearly marked.

The second term (back regions) means unmarked space, in which objects and activities are not carried out for tourist purposes. Thus tourists perceived back regions as authentic, genuine and real and on the other hand the front regions are treated as inauthentic.

In Mac Cannel's concept there is no strict boundary between those two kinds of spaces, because "What is taken to be real might, in fact, be a show that is based on the structure of reality" [6, 595]. The staged authenticity is situated between the front and the back regions.



For example, a folklore performance is located in the front region, but farm tourism accommodation with some agrarian activities is further in the back region.

## CONCLUSIONS

From above brief analysis we can derive the following conclusions. First, scholars should give up the concept (an even the term) of authenticity because there is no common agreement as to its meaning. Second, authenticity is very useful concept especially in creating tourism products which should have own identity. Authenticity enables building unique image, which sometimes is so competitive that copying is not possible. Third, it is relative concept which can be applied but different versions to different cases [7].

When we think of national identity, tourism products are one of the most important factor and it should be based on clear concept what is authentic or not. Thus the term of authenticity must be replaced by more precisely terms like indigenous, real, genuine or adulterated [9: 110-123]. Those terms are the following:

- Indigenous – originating, growing or living naturally in particular region or environment.
- Genuine – centrally produced or proceeding from the alleged source
- Unique – the only one, without a like or equal.
- Unadulterated – unmixed, pure, with anything inferior.
- Accurate – conforming precisely to truth or a measurable standard.
- Credible – offering reasonable grounds for belief [10].

Authenticity in tourism is always relative and depends on context. It is true-false continuum of perceptions, ranging from complete truth (authenticity), through various stages of partial authenticity, to complete falsehood. What is inauthentic can be authentic. Disney World was initially counted as artificial. But it was incorporated into local culture and perceived as such. It become authentic with the passage of time [2:378].

Another question is whether commodification can destroy authenticity. Despite all negative aspects of it commodification may guarantee maintenance of some originals which would disappear without tourism. It is the next argument for less extreme and more flexible approach for authentication process.

## REFERENCES

1. Boorstin D. (1961) *The Image: A Guide to Pseudo-Events In America*, Harper and Row, New York.
2. Cohen E. (1988) *Authenticity and Commoditization In Tourism*, *Annals of Tourism Research*, 15, 371-386.
3. Eco U. (1986) *Travels in Hyperreality*, Pikador, London.
4. Fjellmann S. (1992) *Wynyl Leaves: Walt Disney World and America*, Westview Press, Boulder.
5. Halewood C., and Hannan K., (2001) *Viking Heritage Tourism: Authenticity and Commodification*, *Annals of Tourism Research*, 28, 565-580.
6. MacCannel D. (1973) *Staged Authenticity: Arrangements of Social Space In Tourist Settings*, *American Journal of Sociology*, 79.3, 589-603.
7. Resinger I. (2005) *Reconceptualizing Object Authenticity*, *Annals of Tourism Research*, 33.1, 65-86.
8. Selwyn T. (ed.) (1996) *The Tourist Image: Myths and Myth Making In Tourism*, John Wiley, Chichester, New York.
9. Sathe A. N. (2003) *Authenticity and the Critique of the Tourism Industry in Postwar Austrian Literature*, The Ohio State University.
10. *The New Penguin English Dictionary*, (2001) Penguin Books, London.
11. Wang N. (1999) *Rethinking Authenticity in Tourism Experience*, *Annals of Tourism research*, 26.2, 349-370.

## ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ АГРО- И ЭКОТУРИЗМА В БЕЛАРУСИ И ПОЛЬШЕ НА ПРИМЕРЕ ЗЕЛЕННЫХ МАРШРУТОВ GREENWAYS

Е.В. Ветрова

*Белорусское общественное объединение «отдых в деревне», г. Минск, Беларусь*

В настоящее время все больше внимания мировым сообществом уделяется развитию альтернативных видов туризма – сельскому и экологическому. Зеленые маршруты, по-английски GREENWAYS, - это не просто туристские трассы или дороги, связывающие между собой определенные пункты назначения. Они имеют значительно более широкое значение для развития и продвижения регионов, сохранения культурного наследия и самобытности, охраны природы и экологического образования.

**GREENWAYS** – «зеленые маршруты» – туристские тропы природного и культурного наследия, проложенные вдоль «зеленых коридоров» - рек, традиционных и исторических торговых путей, естественных природных коридоров.

Такие маршруты объединяют регионы, туристские достопримечательности и местные инициативы, поддерживают развитие «устойчивого туризма» и отдыха, благоприятного для окружающей среды, пропагандируя здоровый образ жизни и немоторизованные формы передвижения – велосипедами, пешком, верхом на лошадях, на байдарках и плотах. Одновременно создают возможности для улучшения уровня жизни и состояния окружающей среды, оживления местной экономики и развития предпринимательства среди сельских жителей, а также сохранения уникальных природных и культурных ценностей.

### **Основные составляющие элементы «зеленого маршрута»:**

- обозначенная главная ось, соединяющая места, привлекательные для туристов с точки зрения краеведения, природного, культурного и исторического наследия. По дороге должна быть малая инфраструктура, а именно: агротуристические хозяйства, места отдыха, щиты с графическими информационными таблицами с картами и логотипом этого «зеленого маршрута» и т.д.

- обозначенная сеть разнообразных локальных тематических троп-петель, вписывающихся в главную ось – велосипедных, пеших, конных, водных и т.д.

- турпродукт, соответствующий условиям «устойчивого туризма» - предложение для организованных групп и индивидуальных туристов, издание карт и путеводителей,

- партнерство в регионе и координатор «зеленого маршрута» - каждый из таких маршрутов реализуется группой партнеров, которая состоит из членов общественных организаций, местных лидеров и предпринимателей,

- инициативы на местах, целью которых является охрана природного и культурного наследия, осуществляемые креативными и любящими свое дело людьми – лидерами общественных организаций, деятелями культуры, художниками и народными ремесленниками, учителями, детьми и молодежью, предпринимателями и др.

Программа Greenways относится к программам консорциума «Environmental Partnership», осуществляющего деятельность с 2000г. в Центральной и Восточной Европе, а именно в Польше, Чехии, Словакии, Венгрии, Румынии и Болгарии. В 2006г. в это объединение вступила Беларусь.

На карте Европы обозначена **сеть зеленых дорог – greenways** – общей протяженностью свыше 3000км, среди них международные и трансграничные, такие как:

1. *Янтарный путь* (Будапешт – Краков (Венгрия, Словакия, Польша) и вверх, вдоль долины Вислы, до Гданьска с локальной петлей *Новая Хута – Длубня*, в Кракове).

2. *Зеленый велосипед – Восточные Карпаты* в Бещадах и трансграничном Резервате Биосферы «Восточные Карпаты» (Польша, Словакия, Украина).

3. *Зеленый маршрут Краков – Моравия – Вена* (Польша – Чехия – Австрия) и *Брно-Вена* в Чехии.

4. *Ожерелье Севера* (Балтийское Поморье).

5. *Дорога аистов в Подлясье* (Беловежский Народный Парк, Нарвианский Народный Парк, Биебранский Народный Парк).

6. *Путь Одра* (вдоль долины реки Одер).

7. *Тропа мира Паннонии* (Сербия, Хорватия).

8. *Моравские винные тропы* (Южная Моравия, Чехия).

9. *Дорога Минеральных Вод* (Румыния).

10. *Дорога наследия в Лихтенштейне* (Лихтенштейн, Австрия, Чехия).

**Белорусские зеленые маршруты** – проект общественного объединения «Отдых в деревне», направленный на развитие «зеленого» туризма в республике, при использовании природного и культурного потенциала регионов и вовлечении местных жителей в реализацию инициатив на маршрутах.

Наши зеленые маршруты пока только в начальной стадии. Разработаны проекты маршрутов, создана система условных обозначений велотрасс, пеших троп, водных и конных маршрутов типа greenways и логотипы, проведена инвентаризация местных исторических и культурных достопримечательностей, памятников природы и архитектуры, локальных инициатив, направленных на формирование и модификацию экотуристического продукта. Над ними работают региональные партнерские группы во главе с координаторами, занимающиеся обозначением маршрута и подготовительными работами к созданию турпродукта. Намечен общий километраж около 700 км, на белорусских зеленых маршрутах находится более 50 туристских достопримечательностей. Появилось уже более 70 интересных локальных инициатив, каждая из них – оригинальная и самобытная, и все направлены на сохранение природного и культурного наследия. В данный момент у проекта около 100 партнерских организаций, заинтересованных в сотрудничестве, начиная от Национального Агентства по туризму и заканчивая сельскими предпринимателями.

В настоящее время членами БОО «Отдых в деревне» были предложены к реализации **семь зеленых маршрутов**, каждый из которых является особенным, отличным от других и именно поэтому привлекателен по-своему. Эти маршруты перечислены ниже и находятся на разных стадиях реализации:

1. **Голубое ожерелье Россон** (Витебская обл., Россонский р-н, координаторы Хорень А.Н., усадьба «Хорень», Крол А.В., усадьба «Кролова Хата»),

2. **Игуменские конные стежки** (Минская обл., Смиловичский р-н, координатор Шилина Н. В., усадьба «Конный Фольварк»),

3. **Край желтых кувшинок и седых валунов** (Витебская обл., Лепельский р-н, координатор Маханенко О. В., усадьба «Приозерная»),

4. **Неманский шлях** (Гродненская обл., Лидский р-н, координатор Огарко Ю.В., усадьба «Докудово»),

5. **От Замочка до Лютинки** (Минский р-н, г. Заславль, координатор Гринь В., усадьба «У Гриней»),

6. **Партизанскими тропами** (Минская обл., Логойский р-н, координатор Сухоруков А., усадьба «Лесные дали»),

7. **Христианские святыни Беларуси** (Гродненская обл., Зельвенский р-н, координатор Макей И., усадьба «Верес»)

В результате обработки имеющейся информации по Брестской и Гродненской областям Республики Беларусь и проведения ознакомительного тура для членов БОО «Отдых в деревне» по региону Бялей Подляски (Республика Польша) в декабре 2006г. родился проект создания первого международного белорусско-польского

зеленого маршрута, с рабочим названием «Вдоль Буга». Этот маршрут может проходить вдоль реки Буг от Бреста до Бялэй Подляски (основная ось), с тематическими петлями-ответвлениями к объектам культурно-исторического значения и природным достопримечательностям, которыми изобилует этот регион. Координирующей организацией со стороны Беларуси выступит общественное объединение «Отдых в деревне», активисты которого являются пионерами сельского туризма и хозяевами усадеб, такие как Грибов Г.М. (усадьба «Млынок»), Турицын Г.Н., (усадьба «Речная») и другие. Польским координатором международной программы «Зеленые маршруты» - Greenways является Фонд «Партнерство для окружающей среды» (г.Краков). При поддержке и взаимодействии локальных общественных организаций, органов местной власти и предпринимателей – это, прежде всего, хозяева агротуристических усадеб, фермеры, народные умельцы – может быть создана группа партнеров, участвующих в осуществлении проекта. Партнерскую группу возглавляет локальный координатор (в данном случае, предположительно, с польской и белорусской стороны).

По сути, зеленые маршруты Беларуси – это комплексные туры по агротуристическим усадьбам, которые являются важнейшим инструментом для развития сельского туризма в Беларуси.

Перемещение между пунктами назначения на зеленом маршруте осуществляется при помощи карты маршрута или местных гидов-экскурсоводов, в лице членов семьи хозяина агротуристической усадьбы или местных школьников. Программы пребывания и туристические трассы в рамках зеленого маршрута составляются с учетом пожеланий каждой группы и могут быть скомбинированы в любой последовательности, при помощи координатора маршрута либо самостоятельно. На маршруте будет возможность поменять средство передвижения, т.е. пересечь с велосипеда в байдарку или конную бричку, а также покататься на лодках. Информацию о наличии и расположении таких «пересадочных» пунктов можно будет взять в информационных центрах и у координаторов маршрутов, а также дополнительную информацию по этому зеленому маршруту, касающуюся местной природы, культуры, истории, традиций.

На протяжении всего маршрута туристы собственным примером смогут пропагандировать здоровый образ жизни и активный отдых, покупать фермерские продукты и сувениры местного производства, тем самым поддерживая сельских предпринимателей и внося вклад в развитие региональной экономики.

В соответствии с международной концепцией, на зеленых маршрутах запрещено проводить мероприятия и действовать таким образом, который противоречит принципам «зеленого» туризма и причиняет вред живой природе.

Таким образом, белорусские зеленые маршруты greenways являются базой для разнообразных действий, программ и общественных акций (например, фестивали, ярмарки-продажи локальной продукции, специализированные образовательные программы и тренинги) в сфере агро- и экотуризма, реализуемых совместными усилиями местных жителей, предприятий малого и среднего бизнеса, общественных организаций, местных администраций в регионах, по которым проходят эти маршруты. Одновременно являясь составной частью европейской сети, такие маршруты становятся известны и популярны во всем мире.

По прогнозам Всемирной Туристической Организации, к 2020г. самый большой рост количества туристов среди европейских стран будет наблюдаться в странах Центральной и Восточной Европы. У нас есть все возможности – природа, культура, традиции, и, прежде всего, люди, - для того, чтобы развивать экотуризм и сельский туризм. Концепция Зеленые маршруты - GREENWAYS является достаточно новой

для Беларуси. Однако уже сейчас она находит поддержку у населения сельских регионов, местных властей, туроператоров и, конечно, туристов, в том числе иностранных. Пока мы находимся в начале пути, но потенциал для того, чтобы наши маршруты стали достойной частью европейских GREENWAYS, у Беларуси есть. Именно в развитии сельского туризма, активного туризма, «зеленых школ» – залог будущего успеха Беларуси на мировом туристическом рынке.

#### Литература

1. Клицунова В.А., «Зеленые маршруты Беларуси», изд. ОО «Агро- и экотуризм». Минск, 2005.
2. Заремба Д., «Ekoturystyka», изд. Wydawnictwo Naukowe PWN. - Варшава, 2006.
3. Greenways – Zielone Szlaki, Fundacja Partnerstwo dla Srodowiska, - [www.greenways.pl](http://www.greenways.pl)
4. Зеленые маршруты Беларуси, Белорусское Общественное Объединение «Отдых в деревне», - [www.greenways.by](http://www.greenways.by)

## ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АГРО-ЭКОТУРИЗМА В БЕЛАРУСИ

Н.А. Лазаревич

*Институт философии НАН Беларуси, г.Минск, Беларусь*

Современные процессы глобализации базируются на интеграции и транснационализации экономической, информационной, политической и социокультурной деятельности различных стран и этнотерриториальных комплексов. Особенностью этого феномена является доминирование связей мирового масштаба, которые приносят изменения в систему традиционных локальных отношений и взаимодействий между отдельными сообществами.

В эпоху глобализации широкое развитие получают новые формы коммуникаций и сфер деятельности (Интернет, международный туризм, межнациональные творческие корпорации и др.). В данной статье обратим внимание на достаточно актуальную сегодня проблему агротуризма, считая ее тоже проявлением, с одной стороны, общей глобальной динамики, а с другой, - своеобразной возможностью «противодействия» глобализации инструментом политики туризма.

Одним из перспективных направлений развития белорусского туризма является экологический туризм. Сегодня экотуризм вполне может стать визитной карточкой Беларуси на международном туристском рынке. В соответствии с «Национальной программой развития туризма Республики Беларусь на 2001—2005 годы», утвержденной Советом Министров Республики Беларусь в декабре 2000 года, экологический туризм определен одним из приоритетов развития туризма в стране [1].

Беларусь обладает богатым природным потенциалом для развития экологического туризма: обширные, хорошо сохранившиеся природные комплексы, включающие памятники природы, разнообразный растительный и животный мир. Леса занимают 7,4 млн га (36% территории страны). На территории Беларуси более 10 тыс. озер, около 3 тыс. рек длиной 5 км и более, в том числе такие известные, как Днепр, Западная Двина, Неман и др.

Природные комплексы Беларуси имеют важное экологическое значение не только в национальном, но и в международном масштабе. В соответствии с международным соглашением о создании «зеленых легких Европы», подписанным представителями правительственных органов охраны окружающей среды Беларуси, Латвии, Литвы, Польши, России, Украины и Эстонии в феврале 1993 г. в Варшаве, вся территория

Беларуси включена в зону, представляющую особую экологическую ценность для Восточной и Центральной Европы. Основным принципом развития на этой территории общей площадью 760 тыс. кв. км определен принцип экологического развития с приоритетом природоохранных задач.

В пределах «зеленых легких Европы» выделено 21 крупное природное территориальное образование, включающее наиболее ценные в природном отношении местности. 10 из них полностью или частично расположены на территории Беларуси [2]:

1. Браславские озера (300 тыс. га).
2. Белорусские озера, включая озеро Нарочь и Березинский биосферный заповедник (1730 тыс.га).
3. Налибокская пуща (280 тыс. га).
4. Бобруйско-Борисовский район (1260 тыс. га).
5. Восточное Полесье (2625 тыс. га, в том числе в Беларуси 1645 тыс. га).
6. Беловежская пуща (960 тыс. га, в том числе в Беларуси 480 тыс. га).
7. Литовские озера (2580 тыс. га, в том числе в Беларуси 160 тыс. га).
8. Витебские и Латгальские озера (2020 тыс. га, в том числе в Беларуси 480 тыс. га).
9. Долина Западной Двины (2325 тыс. га, в том числе в Беларуси 255 тыс. га).
10. Долина Буга (400 тыс. га, в том числе в Беларуси 60 тыс. га).

Все существующие и проектируемые национальные парки Беларуси, а также многие рекреационные территории национального значения расположены в пределах этих 10 крупных природных территориальных образований, подлежащих сохранению и развитию. Очевидно, что Беларусь, где сохранились нетронутые уголки уникальных природных комплексов, не может не интересовать любителей «зеленого туризма». На экотуристическую привлекательность нашей страны «работают» и ее географическое положение, и исторические и климатические факторы — разнообразие природных ландшафтов, сравнительно мягкий климат, метеорологическая безопасность, практически полное отсутствие угрозы природных катаклизмов, национальный менталитет, благодаря которому белорусов считают спокойными, уравновешенными, гостеприимными людьми с высоким уровнем интеллектуального развития и образования.

Общая площадь особо охраняемых территорий превышает 1,4 миллиона гектаров. Особую гордость страны составляют Березинский биосферный заповедник, четыре национальных парка — «Беловежская пуща», «Браславские озера», «Нарочанский» и «Припятский», более 500 заказников. В нашей стране 575 памятников природы, среди них — старинные парки, леса с редкими, реликтовыми видами растений. В целом же растительный мир Беларуси включает более 11 тысяч видов, кроме того, в нашей стране насчитывается около 500 видов позвоночных животных и более 30 тысяч видов беспозвоночных. Как известно, в Беларуси огромное количество редких птиц, среди которых — вертячая камышевка, орлы, белая цапля, белая лазоревка-князек [3]. Интерес к этим видам флоры и фауны также является важнейшим фактором развития экотуризма в нашей стране.

Согласно Закону "О туризме" экологический туризм – это путешествия, совершаемые с целью экологического воспитания и образования туристов. Однако это только одна сторона вопроса. Естественно, содержание понятия экотуризм не может ограничиваться только воспитательными и образовательными функциями. Цель экотуризма - не только природоведческое образование, но и особый вид отдыха человека в условиях активной сопричастности к качеству экологических ресурсов. Экологические ресурсы - это свойства естественного баланса компонентов природной среды (животных, растительности, почв, климата, рельефа и т.д.), который формировался без активного влияния человеческой деятельности. Главной

ценностью экологических ресурсов является природная естественность. Именно она притягивает туристов из городов, где люди постоянно ощущают отрицательное воздействие загрязненного воздуха и воды, шума и социальных конфликтов. Потребляя экологические ресурсы, отдыхающие получают оздоровительный и познавательный эффект.

Вторая особенность экологического туризма - его устойчивая ориентация на сознательное «подстраивание» под условия естественной среды. Понятие устойчивости подразумевает сохранение в целостности экологических ресурсов, а во-вторых, -- традиционного уклада жизни населения в месте организации экотуризма. Такая позиция, с одной стороны, исключает из экотуристских целей промысловые задачи (охота, рыбалка и сбор грибов и ягод с целью заготовки), т.к. изъятие в большом количестве природных компонентов ведет к нарушению природного баланса и противоречит мотивам экотуристов, а с другой - предполагает создание особой инфраструктуры, нацеленной не на удовлетворение требований комфортного отдыха, а на сохранение природной среды. При этом рекреационная функция экотуристской инфраструктуры является дополнительной. Это значит, что, например, экологические тропы создаются прежде всего для того, чтобы управлять передвижением туристов, а уже потом для того, чтобы удобно было гулять; заблаговременное оборудование кострищ и предварительная заготовка для туристов дров нужны в первую очередь для того, чтобы отдыхающие не жгли костров в неустановленных местах и не вырубали деревья, и только во вторую очередь - для удобства отдыха.

Экологический туризм должен способствовать восстановлению и сохранению традиционного образа жизни местного населения, его культуры и этнографических особенностей. Белорусские национальные парки при таких условиях освободились бы от тяжелой ноши затрат по организации туристского размещения и питания и смогли бы переориентировать свои средства лишь на развитие специализированного обслуживания туристов: экскурсионные услуги, экологические семинары, прокат туристского снаряжения, организация походов с целью ознакомления с уникальными природными местами и т.п. Это в большей степени соответствовало бы целям и задачам национальных парков.

Таким образом, для того, чтобы экологический туризм мог реально оказывать положительное влияние на экономическую и социальную сферу страны, а также быть реальным приоритетным направлением туризма в целом, он должен включать три основных аспекта: 1) ориентация туристов на возможность и полезность социализации экологических ресурсов, 2) сохранение естественной природной среды, 3) поддержание традиционного уклада жизни населения в туристических регионах.

Имеющаяся сеть учреждений туризма, оздоровления и отдыха населения Беларуси составляет около 150 тыс. мест. Из них большая часть — летние детские оздоровительные комплексы (бывшие пионерские лагеря), общая единовременная вместимость которых составляет около 100 тысяч мест. Особенностью размещения сети рекреационных учреждений является их концентрация в пригородных зонах больших городов. Пребывание туристов также может проходить в соответствующей обстановке – в экологических зданиях (из естественных материалов, с минимальным потреблением энергии, преимущественно возобновляемой), в архитектурной среде, сохраняющей народные традиции. Просветительная цель экологического туризма будет достигнута тогда, когда у туристов останутся яркие, незабываемые впечатления. Поэтому при разработке программ экологического туризма исключительное значение имеет выбор объектов показа и трассировка туристских маршрутов, архитектурное решение зданий и сооружений, дизайн-концепция малых архитектурных форм и элементов благоустройства.





вышиванию, гончарному делу. Очень многие указывают в анкете знание двух-трех иностранных языков, предоставляют доступ к Интернету. Среди желающих принять в своем доме туристов — люди всех возрастов и профессий. Пенсионеры предусмотрительно указывают, что на лето к ним приезжают дети, которые владеют иностранными языками и помогут принять туристов [7].

Разумеется, как и любой другой вид туризма, агрозкотуризм имеет свои требования безопасности. В каждом конкретном случае необходимо производить расчет допустимых нагрузок на природу, специально выделять рекреационные зоны и места для организации массового туризма. В заповедных местах такой туризм может ограничиваться специально оборудованными тропами. Заповедные зоны национальных парков вообще исключены из туристских маршрутов, они могут быть показаны лишь издали. Туристские маршруты необходимо разрабатывать, ориентируясь на минимизацию воздействий на природные комплексы, а в случае возникновения угроз их естественно нужно пересматривать или вообще исключать. В некоторых случаях, например, допустимо сооружение специальных настилов, по которым смогут проходить туристы, чтобы не нарушить неприкосновенность болот и лесов.

Агрозкотуризм привлекает пока в основном «внутреннего потребителя» — примерно 80 процентов приходится на его долю, и лишь 20 процентов составляют иностранные гости. Но, думается, это только начало. В условиях современных культурных коммуникаций растет число людей, стремящихся к познанию ценностей и особенностей жизни других народов и регионов, соединяя эту задачу с организацией собственного «экологического» отдыха.

#### Литература

1. Национальная программа развития Республики Беларусь на 2001-2005 г.г.
2. Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь: статистический сборник. — Минск., 2005. - 88 с.
3. Курсков А.Н. Заповедники и заказники Беларуси. - Минск, 1970. — 17 с.
4. Афонин Г.И. Туризм как социально-культурное явление. - Казань, 2006. — 120 с.
5. Ефременко Е.В. Туризм в БССР: история, проблемы, перспективы. - Минск, 1981. — 78 с.
6. Туризм в Беларуси: Пособие для студентов факультета международных отношений. - Минск, 2001. — 131 с.
7. Туризм и отдых: газета для тех, кто любит и умеет отдыхать. - Минск, 2001-2005.

## СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Л.М. Гайдукевич

*Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь*

Год от года сельский туризм «завоевывает» все новые страны и регионы. Он успешно развивается в Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, Италии, Испании, Канаде, Доминиканской Республике, Польше, Румынии, странах Балтии, на Кубесельский туризм все популярнее и его развитие идет быстрыми темпами не только из-за экологического аспекта, его развитию способствуют и другие факторы. Сокращение занятости в сельском хозяйстве развитых стран в конце XX начале XXI столетия в связи с внедрением новейших технологий производства, а также упадок агропромышленного комплекса в странах с переходной экономикой, явились серьезными стимулами в развитии сельского туризма. Ведь основной экономической

эффект от развития сельского туризма заключается в создании новых рабочих мест, существенном повышении доходов жителей сельской местности, развитии инфраструктуры в сельских регионах.

Странами-пионерами в развитии сельского туризма можно назвать Австрию, Италию и Францию, где агротуризм в настоящее время привлекает значительную часть иностранных туристов. Зарубежный опыт свидетельствует также о возможности получения здесь и высокой прибыли. [1, с.35]

Однако рассматривать сельский туризм как самостоятельный вид туризма стало возможным только недавно. Благодаря применению новых информационных технологий и приемов организации бизнеса, это позволило увеличить объемы реализации туристских услуг в ряде европейских стран. Это хорошо видно на примерах Италии (18% от общего количества сельских туристов в ЕС), Австрии (16%), Франции (15%) и Испании (12%), где уровень организации агротуристского бизнеса позволяет рассматривать его как динамично растущий сектор современной туристской индустрии.[2]

В европейских странах вышеупомянутая сфера отдыха развивается и функционирует не первый год: та же Франция отметила полувековой юбилей, Румыния - десятилетний. В целом мировые тенденции развития этого вида деятельности сельского населения и досуга городских жителей, именуемого термином «сельский туризм», определяются именно в Европе.

Само понятие «сельский» предполагает, что организацией туризма на селе занимаются исключительно крестьяне или члены их семей, извлекающие из этого дополнительный доход, но не меняющие при этом своего производственного профиля. Однако спрос на данный туристский продукт сегодня изменил саму концепцию сельского туризма, который превращается для многих сельских жителей не в побочный, а основной вид деятельности.

Одной из причин весьма активного развития сельского туризма в Старом Свете является кризис сельскохозяйственного сектора. Доля общин, занятых в таком производстве, составляет от 30% (Греция) до 2% (Бельгия и Дания) их общего количества. Именно этим объясняется повышенный интерес к сельскому туризму, который, при условии быстрого развития, может «оживить» немало сельских регионов. Так, 35% городских жителей стран ЕС уже отдают предпочтение отпуску на селе, в Голландии таких — вообще половина. [3]

Сельский туризм в Италии 20-ти летней давности был дешевым и по настоящему спартанским. Сегодня сельские объекты размещения здесь изменились коренным образом. Это не просто скромные комнаты с 3-4 местным проживанием в сельских постройках, но и настоящие мини-гостиницы уровня 3-4 звезды (с антикварной мебелью, прекрасно оборудованными ваннами, бассейнами, теннисными кортами и т.п.). Очень часто под них реконструируются усадьбы XVI-XVIII веков или старые монастыри. Итальянские сельские усадьбы имеют единую систему сертификации, высокий уровень комфортности и разнообразие предоставляемых услуг. Стоимость проживания от 13 до 85 евро за сутки.

Таким образом, в 80-е гг. XX столетия агротуризм был частью протекционистской политики в Италии и Франции, когда в странах ЕС сократились объемы сельскохозяйственного производства и возникла необходимость создания новых рабочих мест на селе. Сельский туризм должен был остановить массовый отток населения в город. Но сельский туризм быстро превратился в хороший бизнес. Туристский продукт оказался высококорентабельным и конкурентоспособным. Успешный опыт Италии и Франции заинтересовал соседние государства.

В странах с переходной экономикой, подобно Беларуси, ситуация на селе в настоящее время сложная. Упадок сельского хозяйства, высокая безработица в

сельской местности, отсутствие должного финансирования, вынуждает руководство стран искать решения обозначенных проблем. Одним из таких решений стал сельский туризм, который способствует развитию деревни: создаются новые рабочие места, идет приток валюты, развивается инфраструктура и повышается культурно-образовательный уровень сельского населения.

Так, например, за 2003 год спрос на отдых в сельских усадьбах Литвы вырос на 37%, а в Латвии – на 20%. [20] Даже в Украине сельский туризм имеет уже 10-летнюю историю.

В нашей стране может быть использован именно опыт соседних стран, которые опирались на примеры стран Западной Европы и применили его в сходных с нашими условиями. Их опыт показывает, что успех сельского туризма зависит от слаженной работы местного населения, органов власти, общественных организаций, туристских фирм и международных организаций. При этом, исходя из западноевропейского опыта, хозяева домов, должны быть освобождены от уплаты налогов (хотя бы на этапе становления). Этот принцип и лег в основу изданного в июне 2006 г. Указа Президента РБ № 372 «О поддержке агротуризма».

Большой законодательный опыт в развитии агротуризма накоплен у наших соседей в Латвии. Обусловлено это тем, что довольно длительное время основным контингентом туристов, желающих отдохнуть там в сельской местности, являются иностранцы. Правительство своевременно обратило внимание на этот весьма перспективный вид туризма, и поддержало принятием ряда стимулирующих нормативных актов. По данным Ассоциации сельского туризма Латвии, за последние восемь лет в сельской местности почти в десять раз возросло количество мест приема туристов, в 19 раз — количество койко-мест. Такими услугами в 2001 г. воспользовались более 12 тысяч туристов, в т.ч. 20% из них иностранцы (прежде всего из далеко не бедных стран как Финляндия, Германия и США). [3]

В Польше на крестьян, желающих начать деятельность в сфере сельского туризма, и тех, кто уже предоставляет такие услуги, не распространяется действие закона, регулирующего хозяйственную (предпринимательскую) деятельность. Поэтому денежные вознаграждения за соответствующие услуги не подлежат взиманию налога на добавленную стоимость. Законодательство также предусматривает, при определенных условиях, освобождение полученных доходов и от налога на доходы физических лиц. Закон обязывает сельских хозяев регистрировать отдыхающих в специальном журнале. Причиной возникновения гражданской ответственности может быть невыполнение или же ненадлежащее выполнение условий договоренностей между сторонами, а также нанесение вреда отдыхающим.

Власти Польши хорошо понимают, что вступление Польши в Евросоюз грозит жесткой конкуренцией которую выдержат лишь немногие местные крестьяне. Именно сельский туризм в состоянии помочь им удержаться на плаву. Фермер может получить кредит до 30 тыс. долларов как обычный, так и льготный. Как, полагают поляки, этой небольшой суммы вполне достаточно для начала ведения бизнеса.

В венгерском законодательстве отношения в среде сельского туризма не подпадают под действие нормативных актов, которые регулируют отношения в сфере предпринимательства. Соответственно, не подлежат налогообложению и личные доходы, полученные крестьянами от использования собственного жилья для отдыха туристов. Существуют также специальные льготы и преимущества для семейных хозяйств, занимающихся (или желающих заняться) деятельностью в сфере сельского туризма, если они будут находиться на территории сельских поселений в экономически слабо развитых регионах.

В Украине в 18 регионах страны около 1000 хозяйств приглашают «отдохнуть под грушей». 70% их приходится на Карпатский регион. В некоторых областях, прежде всего в Западной Украине, местные госадминистрации стремятся способствовать развитию сельского туризма, но все еще мешает делу законодательная неопределенность. [3]

Сельская тенденция наметилась и в немецком туризме. В 1998 г. агротурами воспользовались на 23% больше граждан, чем в 1997, а в 2000-м году число сельских туристов увеличилось примерно на 10%. [4]

Но в Германии был и неудачный опыт, когда после ее воссоединения появилась необходимость возрождения восточных земель. Практика показала, что простые вливания денежных средств извне не дают ощутимого эффекта без мобилизации внутренних ресурсов населения, так как в этом случае предприниматель рискует не собственными средствами. В свою очередь, когда внешние вливания являются лишь поддерживающим, а основным источником являются собственные средства начинающего любой бизнес (собственные денежные средства и занятые у родственников, знакомых), тогда бизнес получается более устойчивым и мобильным предприятием.

Сегодня Европейский Союз видит возможность экономического подъема в деревне во многом благодаря именно сельскому туризму. По подсчетам западных специалистов обустройство сельского человека в городе обойдется в 20 раз дороже, чем создание условий для его жизни и работы в деревне. Европейский Союз видит в сельском туризме спасательный круг для сельского хозяйства стран Восточной Европы (новых членов). Да и в самих промышленно-развитых странах сельскохозяйственное производство становится все более и более наукоемким, что вызывает сокращение рабочих мест и ведет к повышению безработицы в сельской местности. [5]

Таблица 1 Состояние сельского туризма в некоторых странах Европы (2003 г)

Страна	Количество усадеб	Стоимость проживания чел/сутки
Италия	более 10000	13-85€
Австрия	6100	18-656€
Испания	5700	12-1006€
Франция	5300	20 - 80 6€
Румыния	3250	6-256€
Великобритания	более 1000	20-50€

[Источник: 6; 7]

Сельский туризм особенно привлекает детей: им нравится возиться с домашними животными, собирать овощи, фрукты, ягоды. Недавно испанская ассоциация «Детские каникулы в сельской местности» представила пилотный проект, который включает 90 крестьянских домов для отдыха детей от 8 до 13 лет в период школьных каникул. Отдых в деревне обойдется родителям весьма недорого: от 10 до 20 долларов в сутки.

Лет десять назад во Франции, в 40 километрах от Дьепа, врач и исследователь в области зоотерапии Вероника Баруа основала «Европейскую детскую ферму». Сюда из стран континента на каникулы съезжаются школьники в возрасте от шести до двенадцати лет. День воспитанников заполнен заботами о животных. Сельский воздух и зоотерапия действуют на ребят благотворно: они становятся добрее и ответственнее. Для особо трудных подростков доктор организовала круглогодичные классы. [4]

Для оценки тенденций развития сельского туризма важно знать, что ищут туристы в сельской местности, что их там привлекает: тишина и покой, возможность участия в сельских работах, экологически чистые продукты или рыбалка, прочие причины.

Именно поэтому сельский туризм и является наиболее полиморфным понятием среди всех видов туризма. Он включает в себя памятники культуры, индустриальные объекты, учреждения образования, праздники-фестивали, экологические достопримечательности, приключения, парки, музеи, образ жизни деревни.

Попытка структурировать это многообразное содержание сделана в модели, рекомендуемой Всемирной туристской организацией. Согласно этой модели, в концепцию сельского туризма входит пять составляющих: сельская природа, культурно-материальное наследие в сельской местности, досуг в сельской местности, сельский образ жизни, а также сельское население как ключевой элемент.

В современных условиях основными мотивами для выбора сельского отдыха являются:

- отсутствие или недостаток финансовых средств для отдыха на дорогих курортах;
- сложившаяся потребность отдыха в сельской местности у определенной категории людей независимо от достатка средств (семейные или иные традиции);
- необходимость оздоровления в данных климатических условиях из-за медицинских рекомендаций;
- близость к естественной природе и возможность питаться экологически чистыми и дешевыми продуктами;
- возможность приобщиться к сельскохозяйственным (ремесленным) работам в свое удовольствие.

Сельский туризм можно рассматривать как компонент устойчивого развития территории (местности). Устойчивость в туризме подразумевает положительный общий баланс экологических, социально-культурных и экономических воздействий туризма. Соответственно, те виды туристской деятельности, которые имеют наиболее высокий суммарный положительный эффект с точки зрения достижения целей охраны окружающей среды, развития экономики и социального развития, являются более устойчивыми. В основе этой концепции, применительно к сельскому туризму, лежат такие принципы, как:

- бережное отношение к природным ресурсам;
- участие местного населения в оказании туристских услуг;
- доходы, полученные от туризма должны оставаться в регионе.

Согласно определению ВТО и Всемирного Совета по туризму и путешествиям, «устойчивый туризм отвечает потребностям как туристов, посещающих туристические центры, так и населения последних; кроме того, он предполагает обеспечение и оптимизацию перспектив будущего развития. Ресурсы используются таким образом, чтобы удовлетворить экономические, социальные и эстетические потребности, но при этом сохранить культурную уникальность, важнейшие экологические особенности, многообразие биологических видов и жизненно важные системы». [8, с. 7]

Сельский туризм можно считать устойчивым, если реализуются задачи, определенные Всемирной туристской организацией и обеспечивающие устойчивость сельского туризма (рис.1).



**Рис.1. Задачи, обеспечивающие устойчивость сельского туризма [9].**

Таким образом, развитие сельского туризма за последние 10-15 лет претерпело большие количественные и качественные изменения. И если на первом этапе – этапе становления, сельский туризм был востребован как альтернатива сельскохозяйственному производству в депрессивных регионах страны (Франция, Италия), то в конце XX начале XXI столетия сельский туризм стал востребован в силу его экологической и этнокультурной составляющих, важного компонента устойчивого развития.

#### Литература

1. Клицунова В. Сельский туризм Беларуси: Истоки и перспективы // Беларусь в мире. Политика, экономика, безопасность. - 2004. - №3. - С. 35.

2. Ecotourist and Sustainable Development in Biosphere Reserves: Experiences and prospects. Quebec, Canada MAB/UNESCO. 2002
3. И. Винниченко. Сельский туризм: перспективы развития, [http://protourism.com.ua/articles/all\\_for\\_pro/developingtourism/restundergrusha.html](http://protourism.com.ua/articles/all_for_pro/developingtourism/restundergrusha.html). 24 сентября 2005 г.
4. [http://www.impression.ru/Europe/articles/Europe\\_4280.html](http://www.impression.ru/Europe/articles/Europe_4280.html)
5. <http://www.agro-business.ru/archive2003/6/430.html>
6. Rural tourism in Europe: Experiences, Development and Perspectives, World Tourism Organization, 2004.
7. [http://www.ecoturismorural.com/index\\_fr.htm](http://www.ecoturismorural.com/index_fr.htm)
8. Панов И.Н. Экологический туризм и его роль в устойчивом развитии территорий // Вестник Московского университета. Серия 5. География. –1998. - №6.
9. Клицунова В. Сельский туризм в XXI в.: за и против // Турифо Беларуси. – 2004. – 12 мая. – С.11.

## ВОЕННЫЙ ТУРИЗМ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО БОЕВЫМ МЕСТАМ

Ева Муха-Шайек

*Высшая школа гостеприимства и гастрономии, г. Познань, Польша*

Война, в разной форме, воспринимается человечеством как угроза существования. Война несёт смерть, разрушения и является огромным потрясением для людей, которые непосредственно или косвенно принимают в ней участие. Угроза войны вызывает желание сохранить о ней память, предостеречь будущее поколение. Память необходимо сохранить везде: в документах, в искусстве, а главное, в местах захоронения погибших воинов и мирного населения. История показывает, что такие предостережения мало эффективны, хотя и постоянно повторяются после каждой войны. Символы, свидетельствующие о трагедии каждой войны, постепенно уничтожаются и забываются, хотя и постоянно появляются новые. Это непрекращающийся процесс.

О войнах древних греков и римлян или средневековых королей мы можем узнать только из учебников истории, из произведений искусства и литературы. Материальные следы этих битв, могилы солдат давно не существуют. До наших времен сохранились в истории памятники, напоминающие о событиях наполеоновских войн. О победе Наполеона под Аустерлицем напоминает обелиск (не все знают, что пребывание словаков на территории Чехии – это заслуга Аустерлица). Память о поражении под Ватерлоо сохранилась в панораме битвы. В местах жительства Веллингтона и Наполена созданы музеи. Однако без хорошего экскурсовода турист немного почерпнет информации из этих памятников истории. Во всем мире находится множество забытых памятников и мест боевых действий. Для обыкновенного туриста они являются архитектурными элементами, а не символами победы или поражения.

### **1. Народная память**

Государство разными способами старается увековечить память тех, кто принимал участие, а особенно отдал свою жизнь в защите Отечества. Народную память можно рассматривать в двух измерениях.

- Основной целью является построение символических объектов, которые эмоциональным способом выражают пробуждение памяти. Сила и способ такого выражения соответствуют месту, виду и форме символа.

- Однако самым важным является то, чтобы пробудившаяся память жила и долго сохранялась. Достигнуть этого можно, прежде всего, включением посещения объектов памяти в туристические маршруты. Эти памятники, как туристические объекты, выполняют эмоциональную функцию, напоминают о прошедшей войне и её героях, а также выполняют познавательную функцию. Война и её героические участники не могут быть забыты.

В разных странах и на разных континентах народная память о войнах и её героях сохраняется разными способами. В странах с устойчивой демократией и стабильной политикой функционирует целая система как элемент народного образования и пропаганды истории государства и его политики за пределами страны.

Исторический туризм по местам битв и сражений наилучшим образом организован в США. Все важные места такого типа имеют статус Национальных парков и содержатся на средства, выделяемые из государственных фондов<sup>19</sup>. Основная задача Национальных парков – это содержание этих мест в хорошем состоянии и организация туризма. Устойчивые принципы демократии и уважение к истории приводят к тому, что форма этих мест народной памяти не подвергается изменениям в идеологической конъюнктуре. Приведем несколько примеров таких мест.

**Национальное поле битвы Форт Аламо.** Старый форт – место в Сан-Антонио (Техас) знаменито обороной во время войны за независимость Техаса. Этот форт обороняла техасская команда (около 130 человек) от несколькихтысячной мексиканской армии (23.02.-6.03.1863). Из защитников в живых остался только один человек.

**Национальный военный парк Геттисбург** в штате Пенсильвания. Это место переломной битвы в гражданской войне. Войска Союза во главе с генералом Медея одержали победу на войсками Конфедерации, возглавляемыми генералом Ли (1.08-3.08.1863).

**Национальный парк сражений под Литл Бигхорн.** Это место поражения войск генерала Густера в борьбе с объединёнными силами сьюксов и чейенов. Генерал погиб вместе со всеми своими солдатами.

Народные места памяти являются прекрасными туристическими объектами, осуществляющими свою деятельность на коммерческой основе. Доходы от туризма помогают их продолжительному функционированию.

В Западной Европе практически во всех странах проводится постоянная работа по сохранению народной памяти о войнах и исторических битвах. Начало этой деятельности было положено во времена наполеоновских войн. Все важнейшие события этого периода сохранены различными способами, однако всегда являются местами прохождения туристических маршрутов и часто посещаются туристами. В Западной Европе сохраняются памятники и кладбища солдат. События Второй мировой войны отражены в реконструкциях военной инфраструктуры. Все эти памятники описаны в туристических путеводителях и обозначены как туристические объекты. Военные места народной памяти в Западной Европе не подвергаются политической конъюнктуре. Никто ничего не разрушает и не уничтожает.

Трагическая история Польши не способствовала сохранению народной исторической памяти. Разделения, оккупация, времена коммунистической власти - это этапы нашей истории. Каждый из этих периодов повлек за собой уничтожение старых и создание новых объектов народной памяти. После завоевания независимости в результате Первой мировой войны все объекты эмоционально связанные с

<sup>19</sup> В законе о национальных парках выделены следующие виды мест народной памяти: Военные Национальные парки, Национальные Памятники Памяти, Исторические Национальные парки, Национальные поля битв, Национальные места сражений (S. Parkow, J.G. Mitchell, Zagrozone rezerwaty, „National Geographic” 2006, nr 10).

завоевателями и этими же завоевателями построенные были уничтожены. Осталось только то, что трудно было разрушить и что можно было использовать. Это касается системы военных укреплений, построенной русскими в районе Варшавы (Цитадель и система фортов) или её окрестностях (Модлин). Одновременно с этим устанавливались памятники героям за независимость и вспоминались места их сражений.

После вторжения в Польшу в сентябре 1939 года немцы уничтожили всё, что каким-либо образом свидетельствовало о польских корнях нашей земли. Были разрушены все памятники, изменены названия городов и сёл. Был подготовлен план реконструкции на период оккупации. Их главная цель заключалась в том, чтобы никто никогда не вспоминал, что на этом месте когда-то была Польша.

В период Польской Республики были созданы специфические модели народной памяти. Не восстановлено после военных разрушений ни одного объекта, касающегося истории межвоенного периода. Согласно идеологическим требованиям, было построено большое количество объектов, восхваляющих доблесть Советской Армии в освобождении Польши и кладбища русских офицеров, погибших в боях на территории Польши. Также была построена целая система памятников, свидетельствующая о борьбе Польской Армии за освобождение. Все усилия были направлены на то, чтобы подобные памятники (а особенно Советской Армии) были поставлены в центре каждого города.

В девяностых годах прошлого века в результате политических изменений наступил новый этап разрушения различных объектов, так как они не соответствовали новой интерпретации истории. Однако количество и качество объектов, которые, по мнению новой власти, должны были быть ликвидированы, вызвали существенные трудности в реализации плана. В итоге без больших проблем были уничтожены все памятники коммунистической идеологии и политики. Труднее было с ликвидацией памятников, разрушение которых вызвало протест со стороны России. Самую большую проблему представляет кладбище русских солдат и офицеров. По традиции польский культ умерших побеждает идеологическую жестокость.

Ускорение в удовлетворении идеологических требований, касающихся мест народной памяти, наступило после победы на выборах партии Право и Справедливость в 2005 году. В частности, подготовлен проект закона «Об уничтожении коммунистических символов из общественной жизни в Республике Польша». Благожелатели за «коммунистические символы принимают названия и их элементы, а также материальные предметы, служащие пропагандированию коммунистической идеологии или лиц, организаций и групп, которые действуют для установления или укрепления коммунистической партии, зависимости Польши от Советского Союза или международной экспансии коммунизма». Авторы проекта считают, что должны быть уничтожены: названия или элементы названий населённых пунктов, улиц, площадей и дорог, публичные институции, юридические отделы и места их деятельности, выставленные на публичное обозрение материальные предметы типа памятников, бюстов, мемориальных таблиц, надписей, марок и всё остальное подобного характера, свидетельствующее о коммунистической идеологии.

Таким образом будут ликвидированы практически все упоминания о нескольких последних десятилетиях жизни страны. Мы не преследуем цель давать какие-либо политические и идеологические оценки таким событиям. Однако фактом является то, что из туристических маршрутов исчезнет множество интересных объектов. Неизменной остаётся Могила Неизвестного Солдата. Появятся, несомненно, новые объекты, например, Музей Варшавского Восстания. Необходимо много времени, чтобы создать новые туристические маршруты, отражающие военные события на территории Польши в XX столетии в соответствии с актуальными политическими и идеологическими требованиями.



## 2. Война и память.

Память о военных событиях является психологической функцией человеческой памяти. Можно выделить два типа и два разных психологических механизма этой памяти.

Первый тип – это *живая память*.

Этот тип является психологической функцией непосредственного участия в войне. Это память ветеранов, которой руководствуется сентимент и эмоционально окрашенные воспоминания. Участники войны – ветераны, после её окончания объединяются в различного рода организации, основной целью которых является сохранение памяти о событиях, в которых они принимали участие, и передача эмоционально ассоциированных знаний следующему поколению. Организации ветеранов выступают с инициативой создания различных объектов памяти в местах боевой славы. Эти объекты становятся предметом своеобразного культа ветеранов. Этот культ проявляется в ежегодных туристических экскурсиях по этим местам в годовщины событий, связанных с ними. Эти поездки носят характер своеобразного паломничества. Кладбище под Монте-Кассино является целью таких поездок всех польских солдат, которые принимали участие в боях не только под Монте-Кассино, но и вообще воевали на территории Западной Европы. Каждый год также организуются туристические поездки в Ленино – место боевого крещения I Пехотной Дивизии. Во всех странах, которые участвовали во второй мировой войне проходят торжества в региональных местах сражений. Все описанные выше поездки обслуживаются специализированными туристическими фирмами.

Живая память – это память поколения ветеранов, непосредственных участников событий. На протяжении всей их жизни она не исчезает, ежегодные торжества проходят систематически. В полной мере она передаётся следующим поколениям, хотя постепенно принимает иной облик.

- Второй тип – это память, которую можно назвать как *познавательную*.

Места памяти, организованные ветеранами, служат уроком истории и культивированием традиций. Такой характер имеет, например, Музей Варшавского Восстания. Участников этого восстания всё меньше остаётся в живых. Недалек тот час, когда умрёт последний его участник. Музей останется музеем, именно здесь молодёжь всей страны сможет узнать о том, какую роль сыграло восстание в современной истории Польши. Таким образом, память об этом знаменательном событии навсегда сохранится в народной памяти.

Память о военных событиях отражается в трёх основных типах объектов:

- могилы и кладбища;
- памятники;
- реконструкции инфраструктуры войны и сражений.

### 2.1. Могилы и кладбища

Война – это смерть многих людей. До Первой мировой войны прежде всего гибли солдаты на фронте. Вторая мировая война носила тотальный характер – смерть могла настичь каждого. Однако в историческом понимании общества внимание концентрируется прежде всего на военных. Во время войны их чаще всего хоронили в местах гибели. Только после войны появились кладбища в местах, где проходили крупные сражения.

Во времена вьетнамской войны армия США отправляла погибших солдат на родину, где их хоронили с почестями на военных кладбищах. В настоящее время это стало повсеместной традицией. Современные войны, как правило, уносят небольшое количество людей. Имена и фамилии погибших солдат известны. Совершенно по-другому было в предыдущих войнах. Большой процент составляли солдаты, чьи

паспортные данные нельзя было установить. Их хоронили в могилах, над которыми устанавливали плиту с надписью «Неизвестный солдат». Этим солдат было так много, что возникла необходимость принять специальное решение сохранить о них память.

**Могила Неизвестного Солдата** – это символическое место памяти о всех тех солдатах, которые полегли на поле битвы и остались безымянными.

Среди миллионов погибших солдат в Первую мировую войну большой процент составили те, чьи останки не были идентифицированы. Это драматическое событие произошло во время эксгумации французских, британских и американских солдат на месте сражения во Франции. Желание отдать честь тысячам безымянных героев привело к тому, что французские власти реализовали идею Фридриха Симона установить могилу «Un Soldat». Согласно с решениями парламентов, Могила Неизвестного Солдата в Париже была установлена под Триумфальной Аркой, а в Лондоне – в Вестминстерском Аббатстве. Торжественное открытие могилы произошло 11 ноября 1920 года<sup>20</sup>.

Вслед за Парижем и Лондоном Могилы Неизвестного Солдата были установлены в столицах других государств, сначала европейских, а потом и в других странах мира. В Варшаве Могила Неизвестного Солдата была создана в 1925 году. Позднее символика МНС была распространена на всех солдат, погибших в борьбе за свободу и независимость страны на протяжении всей её истории.

Могила Неизвестного Солдата является центральным местом всех патриотических праздников. Это место описано как туристический объект и входит в маршрут экскурсии по городу.

Большинство солдатских могил находятся на специальных военных кладбищах, на которых после эксгумации похоронены солдаты, погибшие в сражении. Эти кладбища являются символом народной памяти о погибших солдатах.

- **Арлингтонское Национальное кладбище**

Самое большое военное кладбище находится в США (площадь -170 га, 60 тысяч могил). Оно было основано в 1864 году во время войны за объединение страны и стало местом захоронения солдат и граждан, сыгравших значительную роль в делах государства. В Могиле Неизвестного Солдата находится прах американцев, погибших в гражданской войне, в мировых войнах, в корейской, вьетнамской и иранской войне. Это один из главных туристических объектов США.

- **Кладбище под Монте-Кассино**

Сражение под Монте-Кассино (17 января- 14 июня 1944 года) было настоящей битвой народов во время Второй мировой войны. С немецкой армией боролись американские, английские (в их состав входили австралийцы), французские и польские войска. Поэтому кладбище погибших воинов стало местом паломничества людей со всего мира. Посещение кладбища польских солдат, погибших в этом сражении, является частью всех экскурсий в Италию, организованных туристическими фирмами. В каждую годовщину битвы здесь проходят торжественные мероприятия с участием ветеранов со всего мира.

- **Военное кладбище на варшавских Повонзках.**

Это кладбище было основано в 1912 году для варшавского гарнизона. В 1918 году оно было официально признано польскими властями. На нём похоронены польские солдаты, погибшие на всех фронтах Первой мировой войны. В тридцатых годах здесь хоронили людей, погибших во время народных восстаний. После 1945 года сюда был перенесён прах солдат 1 и 2 армии войны 1939 года, а также участников Варшавского восстания. На кладбище похоронены деятели политики и культуры.

---

<sup>20</sup> W. Strzałkowski, Grób Nieznanego Żołnierza, Warszawa 2001, s. 10.

Очевидно, это наиболее значительные примеры. На территории всех европейских государств находится много кладбищ – больших или малых- погибших воинов времён Первой и Второй мировых войн. За одними из них тщательно ухаживают, другие заросли травой или разрушены. В Польше за захоронениями американских, французских, итальянских и британских солдат проявляется забота и уход со стороны посольств выше перечисленных стран. Гораздо в худшем состоянии находятся кладбища советских воинов, погибших в Польше во время Второй мировой войны. Такие кладбища находятся в каждом большом городе. Политические и идеологические взгляды привели к тому, что они остались практически без охраны, и настоящие власти всё чаще высказывают мнение об их ликвидации. Строительные фирмы смотрят на несколько километровые площади кладбища советских воинов в Варшаве, как на лакомый кусок.

## **2.2. Памятники**

Разного рода памятники являются самым популярным способом увековечивания памяти о военных событиях. В Польше в каждом большом городе можно встретить памятники участникам народных восстаний или мировых войн. Практически в каждой европейской столице стоит монумент в память о военных событиях, который часто является визитной карточкой города. Монументы памяти имеют большое значение, - они напоминают о событиях и тяжестях времён оккупации.

### ***Триумфальная Арка в Париже***

Этот памятник наполеоновской армии ассоциируется с могуществом Франции вообще. Он был построен в 1806-1836 годах на Площади Звезды (в настоящее время de Gaulle) и стал важным элементом архитектурного ансамбля Парижа. Вместе с Елисейскими Полями Триумфальная Арка является местом проведения всех важных торжественных событий страны. Под Триумфальной Аркой находится первая в мире Могила Неизвестного Солдата. Это один из важнейших туристических объектов Парижа.

### ***Бранденбургские Ворота в Берлине***

Они были построены в 1788-1791 годах в честь всех побед немецких войск. Ворота увенчаны характерной скульптурой – символом богини Победы. Это важный объект туристических экскурсий по городу.

### ***Трафальгарская площадь в Лондоне***

Эта большая площадь в Лондоне считается условным центром города. Она была построена в сороковых годах XIX века и названа в честь Нельсона, который одержал победу в 1805 году над военно-морским флотом Наполеона. В центре площади стоит высокая колонна с памятником Нельсону. Все туристические путеводители по Лондону предлагают начать экскурсию по городу с посещения Трафальгарской площади.

Перечисленные военные памятники являются не только выражением памяти и благодарности, но и также привлекательными туристическими объектами экскурсий по городам.

## **2.3. Военные укрепления, реконструкции и лагеря**

Перед Первой и Второй мировыми войнами были построены системы фортификационных укреплений, которые должны были сдерживать наступление потенциального противника. На переломе XIX и XX веков разного типа укрепления воздвигались русскими во время захвата Польши. Эта фортификационная система сохранилась до наших дней и используется в разных целях, не только военных. Местные власти, на территориях которых находятся форты, стараются использовать их в туристических целях.

Фортификационные объекты на территории всей Европы, а особенно в Германии и Франции, воздвигались непрерывно вплоть до окончания Второй мировой войны. Эти системы известны в истории последних войн как различного вида «линии».

***Линия Магнота.*** Система укреплений на северо-западной границе Франции длиной 450 км была построена в 1929-1934 годах. В неё входит около шести тысяч разных фортификационных объектов. Большинство из них сохранилось в хорошем состоянии и является местами посещения туристов.

**Линия Зигфрида.** Немецкие оборонные укрепления были построены в 1936-1939 годах вдоль границы Германии от Голландии до Швейцарии. Длина этого укрепления, называемого также Западным Валом, составляет около 600 км и в глубину оно уходит на 35-75 км. В состав линии входят около 16 тысяч объектов. Многие из них сохранились в хорошем состоянии до наших дней.

**Линия Густава.** Во время Второй мировой войны в 1943-1944 годах была построена система немецких укреплений в Италии с целью обороны Рима. Она состоит из отдельных фортификационных объектов, расположенных на протяженности 200 км. Главный бастион – Монте-Кассино.

Очевидно, что это только некоторые примеры. Благодаря солидной конструкции этих укреплений, многие из них сохранились практически без разрушений до наших дней. Большинство фортов являются туристическими объектами. В Польше таким примером может быть Междуречный район укреплений, о чём напишем далее.

Некоторые важные исторические военные объекты с времен Второй мировой войны были практически уничтожены в результате военных действий. После войны, прежде всего в туристических целях, многие из них были частично восстановлены. В Европе один из таких объектов находится в Нормандии, на территории которой в июне 1944 года проходила самая крупная десантная операция союзных войск во время Второй мировой войны (операция Оверлорд) по открытию западного фронта в Европе. Немецкие укрепления на этом участке, входящие в общую систему Атлантического Вала, были практически уничтожены в ходе военных действий. После войны некоторые из них были восстановлены практически в первоначальном виде. Сейчас их посещает большое количество туристов. Подобным образом используются в Польше сохранённые объекты Междуречного района укреплений.

Другим способом использования военных объектов в туристических целях является воссоздание военной инфраструктуры мест сражений в форме военных лагерей. Строятся макеты объектов и ландшафта в соответствии в ходом сражения. Как правило, они отражают ситуацию двух сторон конфликта. В целях достижения максимального эффекта реализма используется идентичная боевая техника времён войны. На примере Польши мы напишем об этом в дальнейшем.

### **3. Польские туристические военные маршруты**

Во времена Польской Республики была построена сеть военных лагерей, соответствующих военной инфраструктуре боевых действий I и II Армий Войска Польского, партизанских боёв на территории страны. Были приложены большие усилия и затрачены материальные средства на воссоздание боевых позиций войск по обеим сторонам фронта. Такие объекты были построены на участках самых важных военных событий. Места выбирались с учетом доступа коммуникации. Каждый лагерь состоял из боевой инфраструктуры и небольшого тематического музея, связанного с военными событиями. На этих объектах осуществлялось туристическое «самообслуживание», то есть экскурсии проходили без проводника. Некоторые объекты были специально обозначены и описаны на специальных таблицах. Около некоторых лагерей построены гостиницы и пункты общественного питания (партизанский лагерь в Палихне). Одним словом, это был хорошо продуманный и организованный военный туристический путь. В главных местах этого пути проходили торжества, связанные с годовщинами событий. Вот некоторые элементы этого маршрута.

#### **Военный лагерь на варечко-магнушевской передовой**

Место битвы I Армии Войска Польского за левый берег Вислы как района январского наступления (июль 1944 года). Создана боевая инфраструктура, прежде всего польских войск. Представлена тяжелая боевая техника.

### **Военный лагерь в районе Студзянек**

Место битвы I Танковой бригады имени Героев Вестерплатте с I Танково-Десантной дивизией «Херманн Геринг». Отражена боевая инфраструктура (окопы, землянки).

### **Военный лагерь Поморского Вала**

Место битвы I Армии Войска Польского в вишлянско-обжаньской наступательной операции. Поморский Вал – это сильное немецкое укрепление, построенное в тридцатые годы на линии Щетинек-Надажице-Валч, был взят польскими войсками в результате продолжительных и кровопролитных боёв (март 1945 года). В этом районе построен самый большой боевой лагерь, отражающий борьбу польских солдат во время Второй мировой войны. Были сохранены руины немецких укреплений и в точности передано положение польских войск. В Валче находится музей битвы за Поморский Вал. В Мерославце есть кладбище солдат, погибших в сражении.

### **Партизанский лагерь в Полихне**

Местность на трассе Варшава – Катовице. Во время Второй мировой войны в ближайших лесах сражались партизаны Народной Армии. Реконструирован партизанский лагерь со своими элементами. Землянки и рвы как места боевых действий. Небольшой музей партизанских сражений. Гостиница и ресторан.

О туристических военных маршрутах можно сейчас писать в прошедшем времени. Политическая конъюнктура стала причиной их разрушения. В начале девяностых годов прошлого века было решено, что это является культивированием войны, которая не освободила, а в очередной раз поставила страну в подневольное положение. Была прекращена какая-либо работа по консервации объектов, что привело к их разрушению. Металлические элементы были сданы на лом, музеи ликвидировали, здания предназначили для других целей. Некоторые элементы, в основном памятники, посвященные Советской Армии, разобрали. В очередной раз идеологическая конъюнктура победила здравый рассудок и историческую приемлемость. Руины боевых лагерей сейчас выглядят как памятники политической бессмысленности и идеологического трактования истории.

Кривой улыбкой истории можно назвать факт «правильного понимания» военных объектов, связанных исключительно с историей действий немецких войск в годы мировой войны. Власти, преследуя коммерческие интересы, занимаются этими объектами, так как их массово посещают туристы из Германии. Туристы оставляют деньги, и в такой ситуации исторический контекст является делом второстепенным. Здесь можно привести два примера.

### **Волчий Окоп в Герложе (Варминское воеводство)**

Руины бывшего места пребывания Адольфа Гитлера, уничтоженные немцами в 1945 году. Несколько десятков железобетонных бункеров, железнодорожная станция, аэродром. Место неудачного покушения на Гитлера (20.07.1944). Пример туристического объекта, который посещают исключительно ради легенды об этом событии. Реально объект представляет собой куски бетона и железа. Место, которое посещают туристы из Германии.

### **Междуречный район укреплений**

Комплекс немецких оборонных укреплений времен Второй мировой войны на границе бывших Гожовского и Зеленогурского воеводств. Эти укрепления соединяются на севере с фортами Поморского Вала, а на юге – с Линией Одры. Район укреплений – это 100 боевых объектов (бункеры) и 90 гидротехнических (каналы, шлюзы, хранилища). Один из часто посещаемых туристами исторических военных объектов.

Междуречный район укреплений является самым большим в Средней Европе местом зимовки летучих мышей. Каждый год здесь проводят зиму от 20 до 30 тысяч особей, относящихся к более, чем 12 разновидностям<sup>21</sup>.

<sup>21</sup> K. Klamka, *Turystyka podziemna - walory turystyczne Międzyrzeckiego Rejonu Umocnień*, (w:) W. Świński, R.D. Tauber, Z. Mucha-Szajek, *Współczesne problemy hotelarstwa, gastronomii, turystyki i rekreacji*, Poznań 2006.

На практике можно встретить примеры исключительно коммерческого подхода к военному прошлому. Проектируются и строятся объекты памятных исторических событий, безразличные или вообще бессмысленные для Польши, с точки зрения изучения истории.

Власти Ольштынка проектируют реконструкцию мавзолея фельдмаршала Пауля Хинденбурга, который был разрушен в 1945 году. Этот мавзолей, как исторический объект, должен привлекать туристов из Германии. Пауль Хинденбург – это известный немецкий военачальник и политик. В августе 1914 года немецкие войска под его командованием разбили под Танненбергом (в настоящее время Стенбарк) русские войска. В немецкой пропаганде, в связи с расположением Танненберга около Грюнвальда, эта победа была воспринята, как ответ на грюнвальдское поражение. Хинденбург, как президент Германии, дал возможность Гитлеру прийти к власти. После смерти Хинденбурга (1934 год) по распоряжению Гитлера под Танненбергом был построен огромный мавзолей - место захоронения Хинденбурга. Он был разрушен после 1945 года. Остались только руины. В настоящее время планируется строительство объекта как места памяти погибших солдат в той войне<sup>22</sup>.

Таким образом, исторические события, которые должны быть негативно оценены с точки зрения истории Польши, восстанавливаются только потому, что это может иметь коммерческий интерес. Историки протестуют<sup>23</sup>, а власти поступают по-своему.

\*\*\*

Разные места, напоминающие о минувших войнах и битвах, в настоящее время представляют огромный интерес для туристов и становятся знаменитыми туристическими объектами. Понимание этой тенденции очень важно для организации современного туризма. Объекты памяти выполняют прежде всего эмоциональную функцию, а также функцию народной благодарности. Эти функции будут окончательно реализованы только тогда, когда эти объекты будут часто посещаться туристами.

## ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «КОРНИ»: СПЕЦИФИКА И ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ

Т.М. Бородач

г. Натания, Израиль

Проект, о котором пойдет речь, не вполне укладывается в рамки классических представлений о туризме, как посещении каких-либо привлекательных объектов природы, истории и культуры. Его название – «Корни», и он предполагает организацию поездок граждан Израиля и других стран в Беларусь, на земле которой когда-то жили, умирали, погибали их предки и родственники, где сохранились их могилы и захоронения, и лишь изредка другие следы их многовековой жизни на белорусской земле. Как дерево не может существовать без корней, так и человек, не знающий свою историю, свои корни, откуда он пришел, что было в его роду, не сможет передать историю свою новым поколениям. За почти 20 лет, в течение которых в рамках проекта мы работаем, стоят тысячи семейных историй - смешных и грустных, героических и трагических. География очень широкая: Канада и США, Аргентина и Бразилия, Южная Африка и Ирак, Австралия и Израиль, Германия и Польша, Швеция, Голландия, страны Прибалтики и республики СНГ. Одним словом, куда бы ни забросила судьба человека, ему всегда хочется вернуться к своим корням.

<sup>22</sup> A. Grabarczyk, Radny z Olsztyinka chce uczcić Hindenberga, „Dziennik” 10.03.2007.

<sup>23</sup> P. Semka, Bismarkizacja Polski, „Wprost” 1.04.2007.

Приезжающие в группах в Беларусь - это люди, прошедшие ужасы гетто, спасшиеся чудом из ям во время расстрелов, выжившие чудом в концлагерях и воевавшие в партизанских отрядах или семейных лагерях; их потомки, а также покинувшие Беларусь до 2-й мировой войны. Что ищут в Беларуси эти люди, что потеряли? Что хотят найти? Почему едут из благополучного далека, из цивилизованного, хорошо организованного и накатанного туризма, из открытого мира посещений разных стран и континентов?

Ответ один - на белорусской земле их корни. Ежегодно только в рамках нашего проекта в Беларусь приезжают 3-4 группы. Они разного состава, возраста, количества, интересов. Часто группы состоят из 3-4 поколений, где соседствуют пожилые люди в возрасте 80-90 лет, иногда старше, и их дети, внуки, правнуки. Порой встречаются родственники, не видевшие друг друга всю жизнь, и это нужно видеть, какие это встречи, какие жизненные истории и судьбы.

В турах индивидуальных чаще всего бывают представители одной семьи. Задача организаторов тура – составить индивидуальный маршрут так, чтобы не только дать возможность посетить места, связанные с историей семьи, но и раскрыть интересные страницы нынешней Беларуси. И главное, не бросить людей, не знающих язык, на произвол судьбы в гостинице, считая своей функцией лишь сопровождения к кладбищу, мемориалу. Такие истории случались, когда пришлось в Минске подбирать людей, купивших туры в Беларусь через туркомпании и оставленных на целую неделю в городе без сопровождения.

Наш многолетний опыт позволяет сделать ряд обобщений, наблюдений и выводов, которые необходимо учитывать, развивая туризм на территории Беларуси.

1. Прежде всего необходимо четко определить цель визита в Беларусь, выбрать интересующие места для посещений, ознакомиться с историей этих мест, с еврейской историей, как частью истории Беларуси, ведь довоенное население в городах и местечках часто от 40% до 80% составляли евреи.

2. Включить в план посещение места гибели еврейских общин, мемориалы, старые еврейские кладбища, к сожалению, заброшенные и неухоженные, вступить в контакт с организациями, которые за ними ухаживают.

3. Очень полезно изучить архивные материалы и документы, списки погибших, относящиеся к этому периоду времени.

4. Включить в программу знакомства с экспозициями в местных музеях.

5. Знать специфику интересов каждой отдельной категории туристов, их возраст, вкусы, желания, особенности их питания, так как часть туристов соблюдает кашрут (не едят вместе мясные и молочные продукты).

6. Важно организовывать туры по партизанским местам в Беларуси с еще живыми участниками партизанского движения, а также встречи с праведниками народов мира, спасавшими евреев.

7. Уметь соединить прошлое и настоящее, знать известных во всем мире, очень уважаемых людей, чьи корни из Беларуси: например, если говорить о евреях, это - Шимон Перес – из Вишнево, Воложинский р-н; Хаим Вейцман (первый Президент Израиля) – из Мотоля, Ивановский р-н; Хофец Хаим – из Радуня, Лидский район; Рав Райнис – ешива в Лиде; Шухан бен Цви (из Ивья (второй президент Израиля)). Знаменитые равы, иешивы, как Мирская, Воложинская, Радунская, синагоги в Гродно, Минске (сейчас русский драмтеатр) и т.д.

8. В выпускаемых туристических проспектах желательно должны быть указаны места, связанные с еврейской историей, даже если они не предназначены исключительно для еврейского континента путешественников.

9. Места посещений должны быть ухоженными, отремонтированными, отреставрированными. Примером может служить музей в д. Мотоль Ивановского р-н, Брестской обл., в котором работает замечательный коллектив, умеющий и знающий, как привлечь туристов.

10. Часто вызывает недоумение различие цены в гостинице для туристов из ближнего и дальнего зарубежья, это является препятствием для увеличения притока туристов в Беларусь. Необходимо также обеспечить гостиницы полотенцами нормальной величины, туалетной бумагой нормального цвета, количества и качества. Стремиться к мировым стандартам качества номеров гостиниц. Условия проживания в гостиницах намного ниже, чем в других странах мира, а стоимость высокая. Особенно странным является то, что при заказе в малых городах нужно платить дополнительно полстоимости за первые сутки проживания. Во всех странах, наоборот, получали скидки.

11. Увеличить количество мест быстрого и разнообразного питания с обязательными блюдами белорусской кухни.

12. Предлагать услуги гидов со знанием разными языков, включая иврит.

13. Дать максимальную возможность при посещении Беларуси получить удовольствие от белорусского фольклора, местного колорита, замечательной природы, водных ресурсов, исторических памятников и т.д.

14. Транспортные услуги должны соответствовать мировым, не только по ценам, но и по качеству.

## АГРОТУРИЗМ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

С.А. Лученок

*Председатель правления СПК «Первомайский и К», Смолевичский р-н, Беларусь*

Каждое государство, определяя путь перехода к устойчивому развитию в условиях глобализации, исходит из своих особенностей, потребностей и пути развития. Однако при этом, с одной стороны, нельзя не принимать во внимание «наиболее серьезные проблемы 21-го века – бедность, рост населения, продовольственная безопасность, нехватка воды, изменение климата и сохранение культурного наследия» [1, с.3], а с другой стороны, не учитывать, что многие вопросы экономического развития национального уровня в глобальной экономике регулируются международными организациями и конвенциями.

Кроме того, в современной мировой экономике взаимосвязаны различные экономические, политические, социальные, экологические, культурные, природные аспекты жизнедеятельности человека. Также следует учитывать, что экономика внутренняя взаимосвязана с мировой, независимо от уровня развития страны и степени ее интеграции в мировую экономику.

Агротуризм – именно та новая сфера деятельности, где соединены воедино ряд направлений, как экономического характера, так и неэкономического, как международного, так и национального уровня, в частности: предоставление внутренних и международных туристических услуг, развитие сельскохозяйственных регионов и сельского хозяйства, решение глобальных экологических и социальных проблем, сохранение национального культурного наследия и традиций.

В начале XXI века индустрия агротуризма признается экспертами Всемирной туристической организации как наиболее динамично развивающийся сектор мирового туристического рынка. Темпы роста агротуристических услуг в промышленно



развитых странах практически в 2-4 раза превышают темпы роста гостиничного бизнеса и курортного сервиса. На сегодняшний момент в Западной Европе создано приблизительно столько же койко-мест в сельской местности, сколько мест в европейских отелях [2, с.51].

Факторы, способствующие стремительному старту агротуризма во второй половине 20-го столетия можно сгруппировать по четырем группам, а именно:

- значительное сокращение площадей диких уголков природы;
- потребность городских жителей к отдыху в тиши сельской местности, на природе, к потреблению экологически чистых продуктов национальной кухни;
- проблемы развития сельского хозяйства и сельской местности;
- значительные затраты на обустройство сельского жителя в городе.

Агротуризм начал массово развиваться с 70-х годов 20-го столетия, прежде всего, в промышленно развитых странах, где первичные первозданные ландшафты сохранились на небольшой площади: в США на 4% территорий, в Западной Европе на 2-3%. Поэтому широкое распространение получает туризм с целью отдыха на природе на территориях, измененных человеком.

Зародившись 30 лет назад, агротуризм был дешевым, по-настоящему спартанским и не пользовался большой популярностью. Перелом произошел около 10 лет назад, когда возникла потребность не только в отдыхе на лоне природы, но и в настоящем сельском образе жизни и экологически чистых продуктах питания, знакомстве с национальной культурой и традициями. Сегодняшний спрос в мире на сельский туризм изменил саму концепцию агротуризма. Для многих фермеров он превратился в основной прибыльный вид деятельности и рассматривается во взаимосвязи с сельскохозяйственным производством. Так, в Италии фермеры производят моцареллу из буйволиного молока, уникальные вина, свежее оливковое масло, в Пьемонте крестьяне выращивают на своих болотах лягушек, в Ломбардии – виноградных улиток, в Умбрии – трюфели. Для Республики Башкортостан агротуризм основывается на производстве кумыса, меда, шерсти.

Агротуристический продукт отвечает новым запросам основного потребителя турпродукции – среднего класса, учитывает особенности его образа жизни, психологические и культурные потребности, предполагает индивидуальную программу времяпровождения. По статистике более 50% европейцев предпочитают массовому отдыху отдых в сельской местности [1, с.38]. Кроме того, в основу агротуризма положена ориентация на «экологичность» во всем – месте проживания, питании, досуге.

Не только высокий спрос на данный вид услуг дал толчок развитию сельского туризма в промышленно развитых странах. Считалось, что агротуризм остановит отток населения в город. Так, сегодня Европейский союз видит возможность экономического подъема деревни именно в сельском туризме. По подсчетам экспертов Европейского банка реконструкции и развития, обустройство сельского человека в городе обойдется в 20 раз дороже, чем создание условий для его жизни и работы в деревне [2, с.52].

Республика Беларусь, руководствуясь принципами «Повестки дня на XXI век», осуществляет меры по переходу к устойчивому развитию, обеспечивающему сбалансированное решение социально-экономических задач при сохранении благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала [3, с.6]. Устойчивое развитие Беларуси, в том числе, предполагает решение проблем в сельском хозяйстве. В Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь поставлена задача совершенствования сельскохозяйственной политики с учетом многофункциональности сельского хозяйства, рационализации системы его

ведения путем диверсификации сельскохозяйственной и несельскохозяйственной занятости. Сельские районы в республике являются доминирующими по площади территориально-хозяйственными образованиями, в пределах которых проживает более 3 млн сельских жителей, или 31% населения страны [3, с.30]. В то же время сельское население имеет крайне неблагоприятные демографические параметры развития и является наиболее уязвимой группой для устойчивого развития [3, с. 17]. Крайне низким на селе остается уровень социальной инфраструктуры. В сочетании с ухудшением экологической обстановки, низким качеством инженерно-технического обеспечения жилищ, транспортным обслуживанием сельских жителей все это ведет к ухудшению экономического положения сельских регионов и психологического состояния сельских жителей. Развитие агротуризма является одним из способов достижения устойчивого развития сельских районов.

Указом Президента РБ от 25 марта 2005 года утверждена новая Государственная программа возрождения и развития села на 2006-2010 гг. Принципиальным ее отличием от принимавшихся ранее подобных документов является безусловная ориентация на человека. Эта программа имеет комплексный характер и охватывает не только производственную, но и социальную сферу села. Результатом ее выполнения должны стать гарантированная работа, достойная оплата труда, условия проживания на селе соответствующие принятым в городе стандартам.

Однако исследование хода реализации Программы показало, что ее цели не находят адекватного восприятия как у руководителей предприятий, так и у местных властей. Это подтверждает и опыт СПК «Первомайский и К». В 2000 г. хозяйство представляло собой типичный пример упадка колхозного производства: урожайность зерновых – 13,3 ц/га, годовой удой молока на корову – 2370 кг, урожайность картофеля – 83, 8 ц/га и т.д. Причинами низкой эффективности производства являлись не только производственные проблемы, но и критическое состояние социальной сферы и неадекватная оплата труда. За 5 лет ценой немалых усилий удалось вывести хозяйство на уровень передовых в республике. Так, в 2005 г. урожайность зерновых выросла до 67,3 ц/га, сахарной свеклы – до 342 ц/га, удой молока на одну корову – 6278 кг. Но достижение и этих достаточно высоких показателей по производству продукции не обеспечивает стабильного финансового положения кооператива. Этому препятствуют как внешние, так и внутренние факторы. К первым относятся:

- жесткая административно-хозяйственная система управления, не допускающая планирования производственной деятельности и распоряжение ее результатами по усмотрению членов кооператива;

- диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию в пользу первой;
- государственное регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию.

Ко вторым относятся:

- устаревшее и недостаточное техническое оснащение;
- невысокое плодородие почв;
- недостаток квалифицированных кадров;
- отсутствие хозрасчета и самоокупаемости деятельности.

Факторы второй группы в значительной степени взаимозависимы от первой, так как их воздействие определяется, в первую очередь, системой управления отраслью.

Как известно, наиболее эффективной моделью экономики страны является та, в которой доминирует сектор услуг, так как данный продукт отличается наибольшей долей добавленной стоимости. Вариантом экономической стабильности и возрождения села является создание в сельскохозяйственном кооперативе инфраструктуры агротуризма для предоставления соответствующих услуг, а также экологически чистых продуктов животноводства и растениеводства городским жителям страны и иностранным гражданам.

Для реализации этой идеи в СПК «Первомайский и К» имеются благоприятные условия: центральная усадьба расположена недалеко от Минска, земли – вдоль международной трассы Москва – Минск – Брест - Берлин. На территории имеются леса, поля и озера, исторические места, в хозяйстве наложено производство экологически чистых мясных и молочных продуктов, овощей и фруктов, меда под сертифицированным санитарным контролем, разводятся различные домашние животные, создаются народные промыслы.

Агротуризм в кооперативе развивается в соответствии с разработанным бизнес-планом, которым предусмотрено строительство молодежного торгового комплекса с гостиницей, национальной кухней, охраняемой автостоянкой, сооружений для организации спортивного туризма (велосипедные, лыжные маршруты), конюшни и открытого манежа для катания на лошадях, спортивных залов с бильярдом, настольным теннисом, Дома ремесел с интерьером традиционного жилища белорусских крестьян, Дома меда, где отдыхающие смогут не только купить этот целебный продукт, но и посмотреть, как он рождается. Планируется также оборудовать на озере места для рыбалки, включить в туристическую программу посещение фермы с домашними животными, создать сельский гипермаркет от производителя по принципу «поле-ферма-стол». Рентабельность отдельных видов деятельности планируется от 30 до 120 процентов.

К настоящему времени освоено 12% проекта. Появился физкультурно-оздоровительный комплекс со стадионом и катком, "развлекательный центр", где отдыхающие могут сыграть в бильярд, настольный теннис, попариться в бане. По старинной технологии деревянного зодчества построили гостевой "терем" с очагом. Для коллективов, приезжающих сюда в праздники, сооружена открытая сцена. Работает конно-спортивный клуб, осуществляется прокат летом - велосипедов, зимой - лыж. Оборудована в крестьянском стиле корчма "Гасцеўня па-слабодскі", где туриста ожидают блюда белорусской национальной кухни и уютная обстановка деревенского дома.

Развивая сельский туризм, кооперативное хозяйство ставит следующие задачи:

- включение незанятого сельского населения в экономическую деятельность и повышение благодаря этому его благосостояния;
- ускорение социально-экономического развития населенных пунктов;
- улучшение экологического состояния территории хозяйства;
- знакомство местных и иностранных туристов с национальными традициями и культурой;
- продажа собственной экологически чистой продукции;
- рост национального самосознания сельских жителей;
- создание современной социально-бытовой инфраструктуры на селе.

Как известно, национальное законодательство по агротуризму, следуя международной практике, ориентирует развитие этой отрасли экономики в форме сельских частных усадеб и фермерских хозяйств. Но опыт СПК «Первомайский и К» показывает, что проект создания инфраструктуры агротуристического сервиса на сегодняшний момент легче реализовать в сельскохозяйственном кооперативе, так как у его руководителя в распоряжении имеются денежные средства, материальные ресурсы, кадры, помещения, уголья. Перспективу развития этой идеи кооператив видит в том, чтобы превратить его в агротуристический комплекс, в котором будет налажено производство экологически чистой мясной, молочной продукции, меда, овощей и фруктов, изделий народных промыслов для продажи населению, а также предоставление агротуристических услуг для отечественных и зарубежных покупателей. Проект СПК «Первомайский» является первым и может стать модельным для всей республики. Стартовым шагом для этого стало включение реализуемого проекта в Национальную программу развития туризма в Республике Беларусь на 2006-2010 гг.

В Беларуси агротуристический сервис предпочтительнее создавать в тех хозяйствах, которые расположены недалеко от больших городов, вдоль международных автомобильных трасс, возле крупных рек и озер, а также в хозяйствах, имеющих низкую кадастровую оценку земель, в которых невозможно организовать рентабельное массовое производство сельскохозяйственной продукции.

Развитие предлагаемой концепции имеет экономическую основу. Многие земли в Республике Беларусь не отличаются высоким плодородием, а производство продукции во многих хозяйствах требует относительно высоких затрат. Кроме того, по климатическим условиям в республике невозможно вырастить качественное продовольственное зерно.

Для реализации данной концепции необходимо:

- Совету министров законодательно закрепить право сельскохозяйственных кооперативов оказывать агротуристический сервис;

- Министерству сельского хозяйства и продовольствия определить кооперативы, которые целесообразно специализировать на производстве агротуристических услуг;

- Министерству спорта и туризма разработать необходимую документацию и включить выделенные хозяйства в национальные и международные туристические маршруты.

Предлагаемая диверсификация деятельности сельхозкооперативов предполагает решение не только технико-экономических, но и экологических, социально-психологических проблем и направлена на устойчивое развитие сельских регионов Республики Беларусь.

#### Литература

1. На пороге XXI века. Доклад о мировом развитии 1999/2000 года. - М.: Издательство «Весь Мир», Всемирный банк, 2000. – 288 с.
2. Рутинський М.І., Зінько Ю.В. Сільський туризм: Навч. посіб. – К.: Знання, 2006. – 271 с.
3. Национальный отчет о прогрессе в области устойчивого развития Республики Беларусь - Мн.: Из-во ЗАО «Юнипак», 2002. – 58 с.

## ГІСТОРЫЯ І ПЕРСПЕКТЫВЫ РАЗВІЦЦЯ ВЕЛАСІПЕДНАГА ТУРЫЗМУ НА ПРУЖАНШЧЫНЕ

Папко В.М.

*Брэсцкі дзяржаўны тэхнічны ўніверсітэт, г. Брэст, Беларусь*

Пружанскі раён з'яўляецца на сёнешні дзень рэгіёнам, дзе індустрыя турызма развіта вельмі слаба. Аднак гэты раён мае шмат патэнцыяльных магчымасцей для развіцця розных кірункаў турызму. У 2003 г. Пружаны былі цэнтрам правядзення рэспубліканскіх «Дажынак». Напярэдадні гэтай падзеі ў горадзе была ажыццяўлена рэканструкцыя, адноўлены будынкі і вуліцы яго цэнтральнай часткі.

Гэты рэгіён мае некалькі вельмі прыдатных для развіцця турызму момантаў:

**1. Прырода.** Лясы займаюць каля 41 % плошчы Пружанскага раёна, значная частка іх з'яўляецца запаведным лесам, які ахоўваецца дзяржавай. Тут змешчана частка Белавежскай пушчы, чатыры заказнікі рэспубліканскага і некалькі мясцовага значэнняў. Праз землі раёна працякаюць рэкі Ясельда, Зельвянка, Лясная, тут знаходзяцца азёры і водасховішчы. Гэты фактар можа стаць важным для развіцця турызма, які звязаны з паляваннем і рыбалоўствам, зборам ягад і грыбоў.

**2. Месцапалажэнне.** Рэгіён распаложаны на даволі невялікай адлегласці ад абласной сталіцы (Пружаны знаходзяцца ў 89 км ад Брэста), мяжуе з Польшай. Праз раён праходзіць чыгунка Брэст-Мінск.

**3. Аб'екты архітэктуры і гісторыі.** Тут знаходзяцца такія знакамітыя архітэктурныя аб'екты як Ружанскі палац Сапегаў, Пружанскі палацык, шматлікія цэрквы, некалькі касцёлаў, археалагічныя помнікі.

**4. Спартыўныя аб'екты.** Летам 2007 г. плануецца адкрыццё крытага катка ў Пружанах. На наш погляд, гэты аб'ект таксама павінен стаць адным з пунктаў наведвання турыстамі.

Адным з найбольш перспектыўных у гэтым рэгіёне з'яўляецца веласіпедны турызм, які быў бы звязаны з наведваннем аб'ектаў прыроды, культуры, гісторыі, архітэктуры. У самім рэгіёне веласіпедны турызм не мае багатай гісторыі. У канцы 1920-пачатку 1930-х гг. польскія ўлады спрабавалі ўключыць свае ўсходнія землі, да якіх адносілася і Пружаншчына ў сетку турыстычных маршрутаў, выдаваліся спецыяльныя загады аб прадстаўленні інфармацыі пра выдатныя мясціны для агульнадзяржаўнай прэсы. Аднак у той час турызм не стаў для Пружан крыніцай прыбытку. Між іншым, менавіта ў тыя часы даволі актыўна павялічвалася колькасць людзей, якія мелі і выкарыстоўвалі веласіпеды. Зараз гэта складана ўявіць сабе, але, напрыклад, у 1927 г. кожны жыхар Пружан дакладна ведаў усе аўтамабілі, якія былі ў горадзе. Проста складана было не вывучыць усе абодва аўтамабілі, што належылі жыхарам горада. Мясцоваму адвакату Яўгеніюшу Хвастоўскаму належыў адзін пружанскі матацыкл маркі "Індзіян". Акрамя гэтага, ён меў аўто маркі "Салмсон Тарпеда", разлічаны на два пасажыры. Другі аўтамабіль належыў адвакату Срулю Арону Файтэлевічу. Ён быў значна большы, мог умясціць 4 пасажыра і адносіўся да маркі "Форд" 1925 г. выпуску.

Найбольш папулярным транспартным сродкам быў веласіпед, якіх ў 1927 г. у горадзе Пружаны было 99 штук. Аднак самае дзіўнае, што на вуліцах горада можна было сустрэць веласіпеды аж 31 маркі. Самымі папулярнымі былі веласіпеды "Göricke", якіх налічвалася 20, марку «Renomo» прадстаўляла 10 экзэмпляраў, па 9 было «Ormonde» і «Wandereg», але большасць марак было прадстаўлена ў адзіным экзэмпляры. Складанымі шляхамі войн і міграцый траплялі яны на Пружаншчыну. Большасцю веласіпедаў валодалі мужчыны, сярод афіцыйных уладальнікаў-жанчын такіх транспартных сродкаў былі заяўлены толькі чатыры: настаўніца Хэлена Цеханьская, хатняя гаспадыня, жонка пружанскага служачага Стэфана Плішкі, Антаніна, вучаніца Ізабэла Саламовіч і гандлярка Берта Мілецкая.

Веласіпед быў напраўду атрыбутам тагачаснай заможнасці. Мелі яго ў асноўным людзі, якія мелі высокае становішча ў горадзе. На веласіпедзе маркі "Армонд" ездзіў на працу ў магістратуру нават сам пружанскі бурмістр Леанард Выбраноўскі, выкарыстоўваў яго ў якасці "службовага" транспарту. Таксама мелі свае веласіпеды 12 служачых, 4 фельдшары, ветэрынар Пётр Філаменка, 2 млынары, 5 вучняў, вучаніца, 3 настаўнікі, пружанскі доктар Атон Саламановіч, друкар Мейер Валянцкі, геометр Мікалай Сівакоў, пекар Тодрэс Яновіч і г.д. Адзін службовы веласіпед ўтрымліваў Пружанскі сеймік, два мела дароднае ўпраўленне. Больш за ўсё веласіпедаў мелі гандляры-яўрэі (33), якія здавалі іх у пракат. Мойжэш Бурштэйн меў 9 веласіпедаў, Ізраэль Мінэ 27 здаваў, а адзін меў для сябе, слесар Тадэуш Маньчынскі сдваў у наём 2 веласіпеды [1, арк. 3-7].

Праз некалькі гадоў гэтая статыстыка значна палепшылася. Дакладна вядома, што на дзень 22 чэрвеня 1931 г. у горадзе ўжо было 7 аўтамабіляў, разам з тымі, што належылі сейміку і пажарнай аўтадапамозе, аўтобус, 4 матацыклы і 224 веласіпеды [2, арк. 24 адв.]

Да веласіпеда як да транспартнага сродка адносіліся ў тыя часы вельмі сур'ёзна. Улады вялі нагляд за тым, каб на веласіпедзе ездзілі людзі, якія ведаюць правілы

руху і дарожныя знакі. Выглядае гэта дзіўна, калі ведаеш, што машын амаль не было, аднак даволі актыўны рух на дарогах стваралі конныя ўпражкі і вазы.

Магістрат г. Пружаны накіраваў у гмінныя ўпраўленні павета распараджэнне, падпісанае выконваючым абавязкі павятовага старасты О. Грыгаровічам, якое гласіла: “Згодна з § 24 пастановы Міністэрства Грамадскай Працы ад 26. 06. 1924 г.... асобы, якія ездзяць на веласіпедах абавязаны мець імянныя веласіпедныя карты, якія даюць права на праезд па грамадскіх дарогах. Уладальнікі пунктаў пракату веласіпедаў могуць даваць напрат веласіпеды для язды па грамадскіх дарогах толькі тым асобам, якія прад’являюць імянную веласіпедную карту, выданую Стараствам.

Парушэнне цытаванага вышэй распараджэння караецца адміністрацыйным шляхам штрафам да 500 злотых альбо арэштам (на срок) да двух месяцаў.

Паколькі не ўсе, хто ездзіць на веласіпедах, валодаюць прадугледжанымі у § 24 цытаванага вышэй распараджэння іменнымі веласіпеднымі картамі – загадваю пазнаёміць зацікаўленых з дзейнымі інструкцыямі спосабам, які практываўся да гэтага часу, а таксама выклікаць іх, каб не пазней 01.11. 1927 г. забяспечыліся веласіпеднымі картамі.

У сувязі з вышэйзгаданым, зацікаўленыя павінны звярнуцца асабіста ў Стараства ў Пружанах з заявай аб выданні ім веласіпедных карт.

Паколькі асобы, якія жадаюць забяспечыцца імяннымі веласіпеднымі картамі павінны паказаць веданне язды і дарожных правілаў – прызначаю спецыяльна для гэтай мэты 3 дні, а менавіта 26, 27 і 28 кастрычніка б.г., у якія з 9.00 да 15.00 зацікаўленыя змогуць уладзіць у Пружанскім Стараств фармальнасці ў сувязі з атрыманнем веласіпеднай карты.

Заявы трэба забяспечыць гербавай маркай на 3 злотых. Падатковая аплата за веласіпедную карту складае 1 злоты гатоўкай” [1, арк. 38].

На вуліцах Пружан, Ружан, Шарашова і многіх вёсак Пружанскага павета павесілі аб’явы, якія ўтрымлівалі падобны тэкст і заклікалі ўладальнікаў веласіпедаў з’явіцца ў старосты для здачы спецыяльнага экзамена і атрымання веласіпеднай карты.

У наш час існуе значна больш магчымасцей для развіцця веласіпеднага турызму, які будзе разлічаны ў першую чаргу не на мясцовае насельніцтва, а на прыезджых. Адзін з верагодных веласіпедных маршрутаў па Пружанскім раёне быў апрабаваны 29 красавіка 2007 г. студэнтамі першага курса Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта. Маршрут быў складзены з улікам некалькіх умоў: ён не быў павінен быць складаным, таму што ўдзельнікі не з’яўляюцца спартсменамі; павінен быў уключаць аб’екты гісторыі і культуры, каб выканаць пазнавальна-вухаваўчую функцыю.

Веласіпедная экскурсія адбылася па маршруце **Брэст – Аранчыцы – Пружаны – Шакуны – Трусавіца – Прилутчына – Брэст**. Веласіпеды былі прадстаўлены ўніверсітэцкім велаклубам, яны выраблены на брэсцкай фабрыцы «Еўрабайк», якія было вырашана апрабываць у дарожных умовах.

З Брэста студэнты на электрацягніку дабраліся да станцыі Аранчыцы, адкуль пачалася велакскурсія. У Пружанах было арганізавана наведванне мяцовага краязнаўчага музея, размешчанага ў прыгожым «Пружанскім палацыку», пабудаваным у XIX ст. Уражанні ад гэтага музея засталіся самымі прыемнымі. Музей складаецца ўсяго з некалькіх залаў, старажытныя інтэр’еры перадаюць подых эпохі. Па дарозе да палацыка на месцы зліяння рэчкі Мухі і канала Вец пастаўлены сімвалічны помнік, прысвечаны гэтаму факту. Студэнты аглядзелі і іншыя архітэктурныя помнікі горада Пружаны: сабор Аляксандра Неўскага, «Белыя лаўкі» — старажытныя гандлёвыя рады.

На жаль, невялікія паломкі змянілі планы турыстаў: не атрымалася наведаць разваліны сядзібы Дзяконьскіх у вёсцы Каштанаўка. Пасля Пружан група веласіпе-

дыстаў накіравалася па трасе Пружаны-Відамля да паварота на вёску Шакуны. Гэта адзін з самых знакамітых населеных пунктаў Пружаншчыны. Маленькая вёсачка стала знакамітай дзякуючы таму, што ў ёй нарадзіўся Рыгор Шырма, фалькларыст, заснавальнік дзяржаўнага хора, які носіць яго імя. Перад заездам у вёску стаіць камень, надпіс на якім паведамляе аб нараджэнні ў ёй Шырмы, захаваўся і яго бацькоўскі дом. Проехаўшы праз вёску, турысты трапілі ў лес, дзе знаходзіцца хутар Трусавіца, на базе якога ствараецца агратурыстычная сядзіба. Гаспадар сядзібы, А.А. Янушкевіч паказаў свае уладанні і некаторыя экспанаты свайго маленькага музея, раскажаў пра быт сялян. Пасля некалькіх гадзін адпачынку, абеда і гульні ў валејбол, група накіравалася далей. Да вёскі Шакуны дарога была вельмі добрай, далей трэба было ехаць ляснымі шляхамі па пяску. Гэтую дарогу мясцовыя жыхары называюць «напалеонаўскім трактам». У 1812 г. недалёка адсюль адбылася Гарадзечанская бітва паміж рускімі і французскімі вайскамі. Мяціны вельмі прыгожыя, вакол квітнелі першыя вясеннія кветкі, сустракаліся балоты, дзе можна было ўбачыць лотаць — жоўтую кветку, занесеную ў «Чырвоную кнігу». Велапаход скончыўся на станцыі Прылуччына, адкуль студэнты накіраваліся ў Брэст. Усяго на веласіпедах студэнты праехалі 36 км. Студэнты выказалі меркаванне, што такая экскурсія значна цікавейшая за аўтобусную, пакідае больш яркія ўспаміны і эмоцыі.

Праблемы, якія неабходна вырашыць з мэтай удасканалення інфраструктуры велатурызму:

- Распрацоўка аднаднеўных і шматднеўных маршрутаў па тэрыторыі Пружанскага раёна.

- Фарміраванне сеткі гасцініц, агратурыстычных сядзіб, пансіянатаў, дзе турысты маглі б пераначаваць, правесці некалькі дзён. На дадзены час у раёне працуе адна аграсядзіба, дзве знаходзяцца ў стадыі будаўніцтва. У Пружанах існуе адна гасцініца.

- Развіццё структуры харчавання.

- Адкрыццё пунктаў пракату веласіпедаў, палатак, іншага турыстычнага снаражэння.

- Распрацоўка канцэпцыі мясцовых сувеніраў, якія б мелі арыгінальны выгляд, былі звязаны з аб'ектамі гісторыі, культуры і архітэктуры Пружаншчыны.

- Стварэнне і ўстаноўка помнікаў знакамітым дзеячам гісторыі і культуры, якія нарадзіліся або жылі на тэрыторыі Пружанскага раёна. Гэта павялічыць колькасць аб'ектаў для наведвання турыстамі.

- Краязнаўчая складаная ў турыстычным бізнэсе адыгрывае вельмі важную ролю. Пружаншчына даволі слаба вывучана з гістарычнай і культурнай кропкі гледжання. Няма грунтоўных даследаванняў па гісторыі рэгіёна, яго культуры, мастацтву, рамёствах, адзенні, кулінарыі, што развівае цікавасць турыстаў да краю. Даследаванне гэтага рэгіёна з'яўляецца адной з неабходных задач, вырашэнне якой будзе садзейнічаць развіццё Пружаншчыны як турыстычнага рэгіёна. Развіццё турызму (у тым ліку веласіпеднага) ў Пружанскім раёне можа стаць адным з важных кампанентаў стабільнасці рэгіёна, падняць яго прэстыж, стварыць новыя працоўныя месцы.

#### Літаратура

1. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ), ф. 6, воп., 1 спр. 24. Распоряжения, циркуляры об осмотре коней на территории Пружан, списки владельцев машин, велосипедов (1927-1928).

2. ДАБВ, ф. 6, воп., 1 спр. 51. Дело по учёту коней, домашних животных, велосипедов, автомашин и др.

## РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДООХРАННЫХ УСТАНОВОК В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ

М.А. Торгунакова

*Российский государственный социальный университет,  
филиал в г. Мурманске, Россия*

Среди наметившихся в развитии научного познания тенденций экологизации общественного сознания эвристическая функция занимает особое место по причине ее высокой социальной значимости. В связи с этим ЮНЕСКО и Программой ООН по охране окружающей среды экологическое образование было выдвинуто в разряд основных средств гармонизации взаимодействия человека и природы.

Приоритет экологического образования, направленного на изменение сознания, поведения и практической деятельности человека, в настоящее время очевиден в различных видах деятельности, поскольку «состояние защищенности личности, социума, государства от внутренних и внешних угроз выдвигается на передний край осмысления нашего бытия». [1, с.197]

Согласно современным научным представлениям, к социально-экологической катастрофе ведут следующие процессы:

- «истощение природных ресурсов («коллапс» промышленного и сельскохозяйственного производства);
- генетическое вырождение населения в силу прямого или косвенного (через мутации болезнетворных микроорганизмов) воздействия химического загрязнения;
- превышение экологической емкости региональных экосистем». [2, с.17]

Осознания экологических проблем нельзя достичь без экологического образования, которое призвано расширить рамки необходимых знаний об экологической опасности и экологической безопасности, популяризировать концепцию устойчивого развития и содействовать её осуществлению. Иными словами, экологическое образование призвано содействовать развитию экологического сознания, а развитие экологического сознания должно стать основой продуманной, научно обоснованной экологической политики.

В контексте такого подхода к рассмотрению экологического образования, очевидно, что его первоочередной целью является осмысление позиций современной нации целостности мира во всей его сложности. Новые понятия нужно увязывать с основополагающими признаками социальной экологии и её предметной определенностью, и именно в этом контексте следует проводить научные исследования и обдумывать основные вопросы экологического образования.

Разработка концепции экологического образования объективно требует критического анализа существующей системы образования. Собственно говоря, любая система образования, даже если она сегодня и отвечает современным требованиям, нуждается в корректировке с точки зрения ее соответствия требованиям завтрашнего дня. Образование будущего требует фундаментальной проверки содержания, а также целей образования. Соответствующее место в структуре общего и профессионального образования должны занять вопросы экологического образования, так как человечество находится перед необходимостью осознания реализации безопасного экологического развития. Для обеспечения такого развития нужны новые знания об окружающей среде, новых технологиях и нормах поведения.

Важнейшими особенностями экологического образования является его всеобщий и непрерывный характер, охват всего населения, постоянное обновление знаний, направленность на решение насущных проблем современности, воспитание экологического мировоззрения и ноосферного сознания.



Следовательно, основной задачей экологического образования является формирование экологического мировоззрения, меняющего отношение к природе, обеспечение необходимого уровня экологических знаний, использование и развитие интерактивных форм и методов обучения в экообразовании, что позволяет приобрести навыки активного способа взаимодействия с окружающей средой. Немаловажное значение имеет воспитание экологической ответственности и развитие творческой созидательной деятельности.

Экологическое образование (в сущности своей, в любых формах и в любое время) должно быть «экологичным» по отношению к человеку, основываться на принципах системности, непрерывности, преемственности, природосообразности, наукоемкости, ориентации на культуру. Обогащение экологического образования потенциалом культуры может и должно стать важнейшей основой становления нравственного самосознания современного человека и его планетарного мышления.

Ф.Э. Шереги, В.Г. Харчева, В.В.Сериков в своей книге «Социология образования: Прикладной аспект» указывают: «Для того чтобы изменить сознание и психологию человека, необходима такая образовательная стратегия, которая сформирует у него потребность учитывать фактор единства человека и природы не только при принятии любых управленческих решений, но и в повседневной жизнедеятельности». [3, с.6]

По мнению А.Д. Урсула, должна быть создана интегративная модель образовательной системы, которая смогла бы найти выход из кризисного состояния, адаптировав образовательное пространство к новой модели будущего цивилизационного развития. Образование должно представлять собой управляемую опережающую систему, предвидящую и удовлетворяющую потребности не прошлого, как это имеет место сейчас, а будущего общества. Понятие «опережающее образование» в настоящее время не употребляется, чаще всего говорят об элементах опережения в отстающем от жизни и науки в целом образовании. «Опережающее образование, с нашей точки зрения, — пишет А.Д. Урсул, — выглядит как некий идеал, к которому может устремиться образовательный процесс, смещая свои акценты развития от прошлого к настоящему в направлении будущего. Степень познания и предвидения будущего в общем образовательном процессе может служить критерием реализации модели опережающего образования как нового эффективного механизма цивилизационного выживания. Модель опережающего образования... оказывается созвучной идеям становления ноосферы, поскольку имеется в виду не отставание сознания от бытия, а образования от жизни, а их опережение и на этой основе — целенаправленное рациональное конструирование будущего». [4, с.22]

Образование, как процесс и результат усвоения людьми систематизированных знаний, умений и опыта при ориентации на модель устойчивого экологического развития обретает новые системные цели и функции. При этом образование должно стать не просто фактором, способствующим реализации новой цивилизационной модели, но и самым приоритетным механизмом, наряду с наукой и культурой.

Непрерывное экологическое образование представляет собой обогащение экологической культуры личности и общества на протяжении всей человеческой жизни. Сущность непрерывного экологического образования можно понять через характеристику его основных целей: «развитие экологического сознания и мышления, экологической культуры личности и общества, ответственного отношения каждого человека к природе; формирование практического опыта природопользования и компетентного принятия решений (каждый на своем уровне), что будет способствовать здоровому образу жизни людей, устойчивому социально—экологическому развитию и экологической безопасности страны и мира». [5, с.31-32]

Непрерывность экологического образования может быть обеспечена лишь при условии органического сочетания семейного эколого—культурного воспитания, собственно педагогических методов обучения и воспитания в образовательных учреждениях с политическими, экономическими, нравственными и непосредственно практическими (через технологии производства и повседневный образ жизни) средствами и способами воздействия на экологическое сознание и поведение людей.

Традиционно под обучением понимается усвоение различной информации по заданным извне целям под руководством учителя. Речь в этом случае идет, как правило, об обучении как процессе механического запоминания материала и его сохранения в памяти. В последние годы рассматривается иной подход, так называемый конструктивизм, который подчеркивает активную роль учащегося в организации своей учебной деятельности, в свободном поиске информации. Учитель в этом случае выступает как посредник в поиске источников информации и помощник в процессе обучения.

Цели обучения должны согласовываться между учащимся и учителем, при этом, учебный процесс необходимо связывать с действительностью, то есть широко использовать опытно- практическую деятельность, чтобы учащийся смог изменить представление об окружающей среде непосредственно взаимодействуя с природой. В этом случае речь идет о процессе, в ходе которого современное состояние дел критически осмысливается и пробуждается готовность к активному изменению собственной окружающей среды, общества и мира в целом.

Экологическое воспитание необходимо начинать в раннем возрасте, и оно должно быть непрерывным вплоть до профессионального обучения. В раннем детстве необходимо подчеркивать позитивное представление о будущем и знакомить с окружающей средой разными способами. В старшем возрасте учащиеся способны рассматривать экологические проблемы с разных точек зрения и размышлять над их решением. В процессе профессионального обучения или повышении квалификации взрослых также необходимо осуществлять экологическое воспитание. У работающих людей оно должно быть тесно связано с их профессией и структурами повседневной жизни. Актуальными вопросами в этом случае могут быть: охрана труда, здоровья, организация предпринимательства и применение ресурсосберегающих технологий.

Учебные задачи в процессе экологической подготовки стимулируют к наблюдению и исследованию окружающей природы, а также заставляют задуматься над тем, что каждый может сделать для улучшения состояния окружающей среды. Экологические уроки позволяют, например, в лесу наблюдать следы животных, видовой состав и количество растений; на побережье - исследовать строение и качество дна, химический состав воды, скорость течения и степень загрязнения, виды животных и растений; в домашнем хозяйстве - учитывать потребление энергии, следить за качеством продуктов питания, заниматься сбором и переработкой отходов.

Малышей к вопросам окружающей среды следует приобщать через сказки и испытание чувства таинственности природы. Для дошкольного возраста это могут быть игры на воображение, в которых сказочные персонажи общаются с детьми. Со школьниками можно, например, проводить игры-приключения на природе, рассказывать интересные истории о тайнах природного бытия.

Развитое экологическое мышление способно влиять на принятие человеком отдельных решений. Так, делая покупки, человек может отдавать предпочтение произведенным поблизости и экологически чистым продуктам. Бумагу, различный упаковочный материал и посуду для хранения он может использовать вторично, вместо того чтобы выкидывать или сжигать. При покупке моющего средства также можно подыскать варианты, менее вредные для окружающей среды.

С целью экологизации общественного сознания необходимо организовывать общественные мероприятия для привлечения людей к обсуждению различных проектов, которые имели бы отношение к преобразованию окружающей среды, при этом к обсуждению желательно привлекать самых разных представителей населения и фиксировать все ценные замечания.

Таким образом, экологическое (или ноосферное) образование «как самая широкая область социальной деятельности» [б, с.112] должно включать в себя, по меньшей мере, два аспекта:

1) развитие образования должно обладать опережающим характером по отношению к другим сферам деятельности;

2) образовательный процесс должен осуществляться в соответствии с желаемой моделью будущего развития социоприродного бытия.

Следовательно, образование должно ориентироваться в своем содержании не только на прошлое и настоящее социоприродного взаимодействия, но и на его будущее, т.е. на процесс грядущего развития событий, которые не только развиваются независимо от человека и общества, но и на процессы, которые должны быть скорректированы таким образом, чтобы будущее отвечало желаемым моделям и образам, которые предлагает современная наука.

#### Литература

1. Урсул А.Д. Государство и стратегии устойчивого развития. М.: РАГС, 2000. – С. 197.
2. Малинецкий Г.Г., Медведев И.Г., Маевский В.И., Осипов В.И. и др. Кризисы современной России и система научного мониторинга. - М.: Препринт ИПМ РАН №56, 2002. – С.17.
3. Шереги Ф.Э. Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология, образования: Прикладной аспект. — М., 1997. — С. 6
4. Урсул А.Д. Образование XXI века и переход к устойчивому развитию цивилизации //Экологическое образование в целях устойчивого развития (Экологическое образование — XXI век). — Тольятти, 1996. — С. 22.
5. Вербицкий А.А. Основы концепции развития непрерывного экологического образования //Педагогика. —1997. —№6.—С.31—32.
6. Урсул А.Д., Демидов Ф.Д. Образование для устойчивого развития: научные основы. М.: РАГС, 2004. –С. 112.

## СЕЛЬСКАЯ ЗАНЯТОСТЬ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

О.А. Пашкевич

*Центр аграрной экономики Института экономики НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь*

Н.А. Пашкевич

*Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, г. Горки, Беларусь*

Проблемы развития сельской местности и сельскохозяйственного производства имеют важное значение в социально-экономическом развитии страны. В Государственной программе возрождения и развития села на 2005-2010 гг. предусмотрено создание условий для повышения эффективного использования трудовых ресурсов на селе, содействия занятости и самозанятости сельского населения, создания рабочих мест для работников, высвобождаемых в связи с реформированием АПК [1]. Наряду с приоритетными направлениями по развитию производственной сферы села, поиск и развитие новых форм несельскохозяйственной предпринимательской деятельности приобретают особую актуальность. Условия глобализации и конкуренции, технологические и инновационные изменения в производстве вызывают необходимость трансформационных процессов в аграрной сфере и качественных изменений в структуре рабочей силы и занятости населения.

В новых условиях хозяйствования содержание *рациональной занятости* претерпевает существенные изменения. Сложившаяся ранее концепция максимального и полного вовлечения всего трудоспособного населения в сферы общественного труда уступает место принципу рациональной занятости, которая характеризуется не только достижением потребностей населения в рабочих местах и их наличием, но и эффективным использованием труда с учетом отраслевой и региональной структуры производства и особенностей местных социально-демографических условий.

Сохранение избыточной численности работников для поддержания социальной стабильности в организациях нецелесообразно. Как показала практика, в результате снижается производительность труда, увеличиваются затраты производства, снижается рентабельность. Для этого нужно расширение рынка труда в сельской местности и создание условий для развития сельской экономики, альтернативных форм занятости на селе, особенно в выполнении его жителями рекреационной функции.

Вопросы устойчивого развития сельских территорий (стабильное развитие сельского сообщества, обеспечивающее выполнение экономических функций и производство общественных благ, рост уровня и улучшение качества жизни сельского населения и поддержки экологического равновесия в биосфере) тесно связаны с концепцией многофункционального сельского хозяйства, возникшей в рамках продовольственной и сельскохозяйственной программы ООН, согласно которой основными задачами многофункционального сельского хозяйства являются: обеспечение продовольственной безопасности, защита окружающей среды, социально-демографическая стабильность [2, с.260].

Социально-демографическая функция сельской местности и функции производителей сельскохозяйственной продукции обладают ярко выраженной взаимозависимостью. Сельская местность поставляет трудовые ресурсы для сельскохозяйственных предприятий, а сельскохозяйственные организации поставляют рабочие места для сельских жителей. В этих условиях задача государства состоит в том, чтобы сохранить сложившуюся систему расселения, инженерную и социальную инфраструктуру с целью активизации различных форм хозяйственной жизни в сельской местности [3, с.422]. Для таких территорий пользу может принести реализация программ, нацеленных на развитие отличных от сельского хозяйства занятий и промыслов.

Анализ структуры занятых в сельской местности Беларуси в различных отраслях экономики свидетельствует, что наибольшее количество рабочих мест предоставляют сельское хозяйство (47,5 %) и промышленность (11,1 %). Причем, доля населения, занятого непосредственно в сельском хозяйстве составляет 10,5 % общей численности занятых в экономике республики. Развитые страны мира достигли минимальной занятости в сельском хозяйстве за счет высокой производительности труда, внедрения новейших технологий и средств механизации производственных процессов (рис. 1).

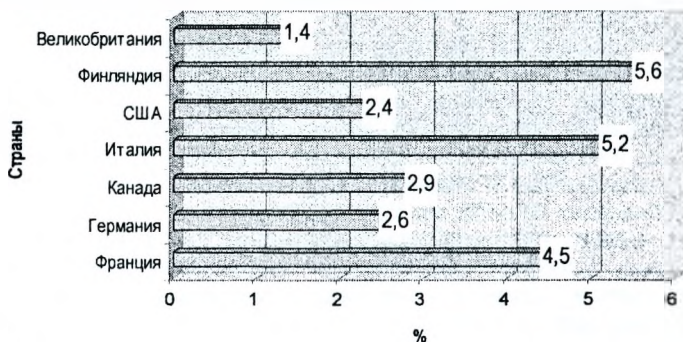


Рисунок 1 – Доля сельского хозяйства в отраслевой структуре занятости, 2004 г.

Структура занятости сельского населения в нашей стране по-прежнему ориентирована на отрасли материального производства, где занято около 77 % сельских жителей (рис. 2).

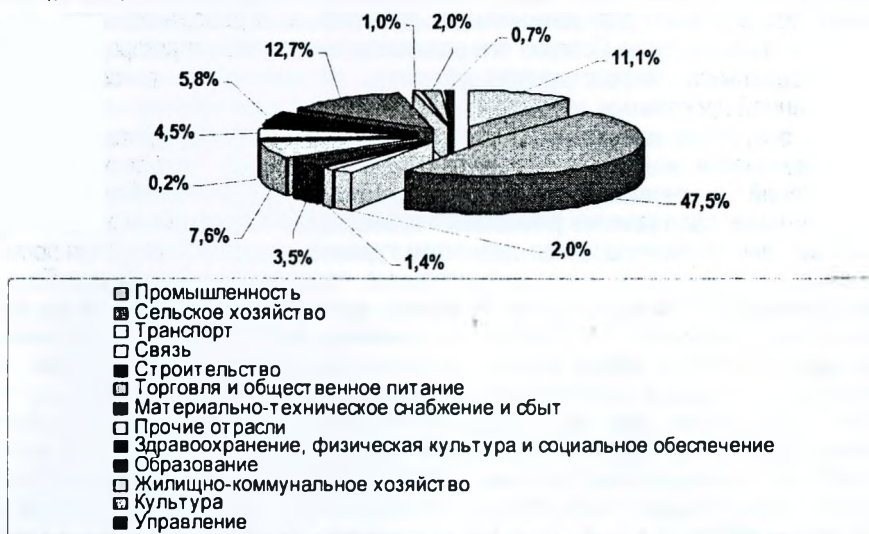


Рисунок 2 – Структура занятости сельского населения Беларуси, 2005 г.

В экономической литературе прослеживается мысль, что структура общественного производства на разных стадиях своего развития изменяется от непосредственно сельскохозяйственного общества к промышленности, а затем к обществу услуг. Это значит, что на ранней стадии экономического развития доля сельского хозяйства значительна, далее снижается и растет удельный вес промышленности. В итоге, экономика достигает такого состояния, когда доли эти становятся малыми и растет доля сферы услуг. В развитых странах, доля сферы услуг в экономике достигает 75 %.

Это определяет необходимость регулирования процессов качественного и количественного состояния занятости. В силу того, что Брестская и Гродненская области обладают наиболее значимым количеством трудового потенциала сельской местности и остаются крупнонаселенными регионами Беларуси, в некоторых районах наблюдается высокий уровень безработицы. Это требует создания *альтернативных источников занятости* сельского населения. Перераспределение наличных трудовых ресурсов из сферы материального производства в сферу услуг является перспективным направлением оптимизации занятости сельского населения. Развитие сферы услуг на селе будет способствовать снижению уровня безработицы, поскольку ввод новых объектов потребует дополнительной рабочей силы. Необходимо обеспечивать перелив вытесняемых работников из сельского хозяйства в высокодоходные несельскохозяйственные виды деятельности и сферу обслуживания при помощи государственных целевых программ льготного налогообложения, финансово-кредитной политики и организационно-экономических механизмов, облегчающих создание новых альтернативных рабочих мест на селе, создание условий для максимальной легализации деятельности предпринимательства, совершенствование информационного, образовательного, консультативного, правового его обеспечения.

Финансовые возможности государства в области создания новых рабочих мест в сельской местности не достаточно высоки, поэтому уровень занятости будет во многом зависеть от активности частных предпринимателей и инвесторов. Роль государства при этом – стимулировать предпринимателей в направлении расширения занятости.

Большинство населенных пунктов Беларуси, по оценкам специалистов, уже имеют значительный накопленный потенциал социальной инфраструктуры. Кроме этого, здесь имеется достаточное количество трудовых ресурсов (в том числе и незадействованный потенциал безработных) для дальнейшего развития и поддержания сети объектов социальной инфраструктуры. Поэтому они развиваются в качестве агрогородков с уровнем развития социальной инфраструктуры, близким к городскому, в соответствии с Государственной программой возрождения и развития села.

Агро- и экотуризм является одной из форм развития предпринимательства в сельской местности и привлекает внимание большинства сельскохозяйственных производителей в развитых странах мира, тем более, что Беларусь имеет многопрофильное направление реализации этой формы занятости. Агро- и экотуризм является активно формирующимся сегментом туризма, который пользуется постоянно растущей популярностью и имеет значительные перспективы развития в Беларуси. Как свидетельствует международная практика, агро- и экотуризм является крупной социально-экономической программой по переводу части аграрного населения из сферы производства в сферу услуг. Это позволит создать новые рабочие места, средства для охраны и реставрации уникальных памятников, привлечь в страну туристов, инвестиции. Как вид предпринимательской деятельности в сельской местности агротуризм является дополнительным источником доходов, а иногда и основным для сельскохозяйственных производителей, и способствует развитию основного вида сельскохозяйственной деятельности. Главными сдерживающими факторами развития этого вида предпринимательства являются: отсутствие или недостаток средств у потенциальных предпринимателей для создания необходимых условий и инфраструктуры, отсутствие необходимых знаний и опыта организации, и в целом достаточной законодательной базы для легализации этой формы агробизнеса.

Эксперты в области туризма, полагают, что туризм – глобальная цель, создающая потенциал гуманизации отношений между индивидами, социумами, народами. Создавая новые рабочие места, развивая не только объекты рекреационной индустрии, но сопряженные отрасли, благоприятствует охране природных, историко-культурных памятников, а также содействуя взаимопроникновению культур, взаимопониманию и толерантности между представителями различных обществ, туризм исполняет не только рекреационную функцию, но и гуманизирующую и интегрирующую функции, формирует определенные фундаментальные основы глобальной солидарности.

В этой связи, туристская деятельность должна базироваться на принципах [4]:

- рациональное использование природных ценностей и ресурсов;
- обязательный учет мнений и традиций местных сообществ;
- научный подход к освоению новых туристских территорий;
- предоставление гарантий безопасности туристам;
- оптимальное сочетание цены и качества на туристические услуги;
- гибкая программа освоения туристских территорий, планомерное и сбалансированное их развитие.

Особая роль принадлежит природным ресурсам, так как они в первую очередь, формируют туристско-рекреационную ситуацию региона. Важное значение имеет позиционирование региона (имидж) – его географические, культурные, этнические, исторические особенности как комплекс ассоциативных представлений о регионе. Позиционирование туристского региона должно отвечать потребностям потенциальных посетителей, создавать у них соответствующие ожидания и отвечать их запросам [5, с.124]. По возможности способ удовлетворения туристического спроса должен отличаться от того, который предлагают другие туристские регионы, или быть более эффективным, если конкуренты предлагают аналогичный набор услуг.

Таким образом, предпосылками рациональной занятости в условиях системной трансформации экономики должны стать:

- более активная поддержка сельского хозяйства как основного места занятости сельских жителей с одновременным использованием альтернативных возможностей развития несельскохозяйственной деятельности: народных промыслов, различного рода промышленных производств, агроландшафтных заповедников, туристических проектов, сферы бытовых услуг и т.д.

- реализация комплекса организационно-методических мероприятий, направленных на повышение занятости и снижение безработицы на селе, включая методы совершенствования профессиональной подготовки и переподготовки сельскохозяйственных кадров, методику выбора отраслей для создания прямых и сопряженных рабочих мест;

- развитие туристско-рекреационного хозяйственного комплекса, как дополнительной сферы приложения труда;

- повышение инвестиционной активности, направленной на создание новых и модернизацию имеющихся рабочих мест;

- учет региональных и отраслевых особенностей при подготовке специалистов с целью обеспечения высокого качества рабочей силы и снижения риска безработицы;

- консультирование и профессиональная ориентация незанятых граждан в целях выявления возможностей их эффективной деятельности в качестве предпринимателей, оказание сотрудничества с целью подготовки к организации своего дела.

Развитие альтернативных источников занятости следует рассматривать с позиций укрепления престижа территорий, достижения результатов в области развития современной инфраструктуры и формирования конкурентоспособности региона, положительного влияния на занятость и рынок труда, обеспечение экологической безопасности региона.

Изложенный материал позволяет полагать, что оптимизация занятости сельского населения в региональном разрезе, повышение уровня его благосостояния в рамках реализации программ социально-экономического развития белорусского села и в условиях системной трансформации экономики являются предпосылкой конкурентных позиций в аграрной сфере республики.

#### Литература

1. Государственная программа возрождения и развития села на 2005-2010 годы: офиц. изд. – Минск: Беларусь, 2005. – 96 с.
2. Семенов, А.А. Многофункциональное сельскохозяйственное производство и устойчивое развитие сельских территорий (экономические и социально-демографические аспекты) / А.А. Семенов // Крупный и малый бизнес в сельском хозяйстве: тенденции развития, проблемы, перспективы. – Москва: ВИАПИ им. А.А. Никонова, «Энциклопедия российских деревень», 2006. – С. 259-261.
3. Пациорковский, В.В. Социальные проблемы села и развития сельских территорий / В.В. Пациорковский, С.К. Вегрен, Д.Дж. О'Брайн // Государственное регулирование сельского хозяйства: концепция, механизмы, эффективность. – Москва: ВИАПИ им. А.А. Никонова, «Энциклопедия российских деревень», 2005. – С. 422-424.
4. Джанджугазова, Е.А. Маркетинг туристских территорий. Учеб. пос. / Е.А. Джанджугазова. – Москва: Изд. центр «Академия», 2006. – 224 с.
5. Кипцевич, Е.В. Международный опыт позиционирования страны в качестве туристского региона / Е.В. Кипцевич // Экономика и управление. – 2006. – №4. – С. 124-129.
6. Черевко, Г.В. Агротуризм як напрям диверсифікації підприємництва в сільських регіонах / Г.В. Черевко, Г.Б. Іваницька // Удосконалення економічного механізму функціонування аграрних підприємств в умовах невизначеності: Збірник наукових праць Міжнародної науково-практичної конференції 19-20 травня 2004 р. – Київ: КНЕУ, 2004. – С. 368-372.

## СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ТУРИЗМА»

С.Т.Кавецкий

*Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Брест, Беларусь*

С конца 80х годов XX века в Беларуси стали возможны поездки за границу. Нельзя сказать, что в советский период туризма, и в частности, экономического не было. Но для того, чтобы попасть в капиталистические страны и даже в Югославию, нужно было пройти утомительные и конкретные собеседования в парткомах, райкомах, обкомах. При этом поехать туда могли лишь те, кто проявил себя политически грамотным и морально устойчивым индивидом общества. Советские люди ехали отдыхать и «умудрялись» улучшить свое материальное положение.

Трансформация белорусского общества в конце XX – начале XXI веков привела к изменениям как в понимании рабочего, внерабочего, в том числе свободного времени, так и в его структуре и содержании. Если в социалистическом измерении пропагандировался лозунг К. Маркса «Свободное время – общественное богатство», то современная действительность диктует гражданам Республики Беларусь иную ценность: «Время, которое у нас есть, это деньги, которых у нас нет».

Что же представляют поездки за рубеж по данным конкретно-социологических исследований.

Были ли Вы в течение последних 3-х лет за рубежом?<sup>1</sup>

	Да	Нет
Республика Беларусь	34,1%	65,9%
Витебская область	26,6%	73,4%
Гродненская область	33,7%	67,3%
Гомельская область	27,2%	23,8%
г. Минск	36%	61%
Минская область	10,9%	89,1%
Могилевская область	16,7%	83,3%
Брестская область	40,1%	59,9%
г. Брест	62,5%	37,5%
г. Пинск	52,8	47,2
г. Кобрин	55,2	44,8
г. Ивацевичи	35,7	44,3

Среди опрошенных жителей республики больше всего было за рубежом жителей г. Минска, Гродненской и Брестской областей. Для тех, кто бывал за рубежом, вопросы конкретизировались. «Если бывали, то с какой целью?». Ответы: по работе – 11,1%, туризм – 20,4%, бизнес – 41,6%, иные цели – 27,7%. И второй вопрос – «Если бывали, то приходилось ли Вам, вольно или невольно, нарушать таможенные правила Республики Беларусь, Польши, Германии, Украины, стран Балтии и др.?». Ответили: «нарушали» 52,5%, дали отрицательный ответ – 47,5%. Больше всего нарушителей из Гродненской и Брестской областей. Среди туристов преобладают минчане.

Панельное социологическое исследование, проведенное в феврале 2005 года в г. Бресте,<sup>1</sup> дает возможность рассмотреть причины и следствия поездок за границу. Если в 1997 году в течение 3-х последних лет за границей было 62,5% опрошенных брестчан, то в 2005 году – 34,4%. Для тех, кто бывал, вопрос конкретизировался: «Если бывали, то с какой целью?» 1) по работе – (1997г. – 7,5%, 2005 г. – 19,4%), 2) туризм (1997 г. – 17,5%, 2005 г. – 34,4%), 3) бизнес во всех проявлениях (1997 г. – 72,5%, 2005 г. – 45,2%), 4) с другими целями (1997 г. – 7,5%, 2005 г. – 2%). Еще один дополнительный вопрос

<sup>1</sup> Общенациональный опрос (1030 респондентов, весна 1997 года, рук. С. Т. Кавецкий)

<sup>1</sup> Региональный опрос (г. Брест, 280 респондентов, февраль 2005 год) рук. Доцент Кавецкий С.Т



предлагался для тех, кто бывал за границей: «Если Вы бывали, приходилось ли Вам вольно или невольно нарушать таможенные правила?» - нарушали в 1997 г. – 75%, 2005 г. – 57%. Таким образом, структура поездок практически не изменилась, зато произошли процентные трансформации целей зарубежных поездок, а именно, увеличилось на 11,9% количество пересечений по работе, то есть расширились деловые связи, научные контакты, культурное и спортивное сотрудничество и т. д. Туристические поездки и путешествия увеличились на 16,9%. Уменьшилось количество таможенных нарушений на 18% при пересечении границы по утверждениям респондентов, при этом данное нарушение в процентном отношении весьма велико (57%). Это, в первую очередь, связано с тем, что «экономический туризм» хотя и снизился на 27,3%, однако существует, поскольку г. Брест и область имеют границы с Польшей и Украиной, во-вторых, экономический фактор по-прежнему довлеет над брестчанами, в-третьих, за восемь лет, прошедших с момента национально-социологического исследования, неоднократно менялись правовые, визовые, таможенные правила, часто противоречащие друг другу.

Таким образом, на данном социологическом срезе можно видеть, с одной стороны, такое состояние общества, в котором заметная часть его членов, зная о существовании обязывающих их норм, относится к ним негативно или равнодушно, с другой стороны, можно вести речь о неустойчивости, расплывчатости и противоречивости нормативных предписаний, и не только таможенных. Такое общество является аномическим.

Теорию аномии (от франц. *anomie*-буквально беззаконие, безнормность, от греч. *α-*отрицательная частица и *nomos*-закон) ввел Э. Дюркгейм как часть своей историко-эволюционной концепции, опиравшейся на противопоставление традиционного и современного промышленного общества.

Аномия характерна для позднего советского общества, о чем пишет академик Е.М. Бабосов. Он отмечает, что социальная жизнь расплоилась на две внутренние, не связанные части: официальную, не подлинную, псевдореальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. В официальной все советские люди – убежденные сторонники социализма, в личной – очень многие, особенно на верхах социальной пирамиды – приспособленцы и перерожденцы, все более утрачивающие веру в коммунистические идеалы. Эти духовные предпосылки надвигающейся катастрофы привели к деструктивному в своей сущности развороту социально-политических процессов, в русле которых осуществляется постепенная замена общественной активности общественной имитацией. Итогом становится крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных норм и правил [1, с. 7].

Аномия характерна и для современного постсоветского развития. Она охватывает все стороны общественной жизни общества, переживающего переходный период (в том числе и сферу бизнеса).

В XIX веке Э. Дюркгейм искал выход из аномии в новой идеологии, в новых социально-профессиональных группах. Где искать выход из аномического состояния в современном белорусском обществе? Академик Е. М. Бабосов отмечает, что аномическое поведение индивидов и их групп существенно возрастает в тех случаях, когда в обществе превозносятся определенные стандарты поведения и символы успеха, а существующие социально-экономические, политические и социокультурные условия, социальная культура общества резко ограничивает возможности достижения прогнозируемых эталонов успеха для значительной части населения. Основная предпосылка формирования целостной неаномической личности – гармонизация стремлений, интересов и действий различных индивидов, социальных групп и общностей, достижение устойчивого и динамического развития общества. [2, с. 20]

#### Литература

1. Социологические исследования, 1998, №4.

## РЭФАРМАННЕ СІСТЭМЫ АДУКАЦЫІ Ў СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ (1991 – 2006 гг.)

Д.А.Кривашэй

*Інстытут гісторыі НАН Беларусі, г.Мінск, Беларусь*

Захаванне і развіццё культуры, выхаванне павагі да традыцый і стымуляванне да творчасці немагчыма без адукацыі. Адукацыя адыгрывае адну з галоўных роляў у падрыхтоўцы людзей да таго, каб яны змаглі пранікнуцца сваёй культурай, стаць яе часткай.

З набыццём незалежнасці ўзнікла неабходнасць стварэння нацыянальнай сістэмы прафесійнай адукацыі, што запатрабавала яе рэфармавання з улікам сацыяльна-эканамічных, палітычных, ідэалагічных рэалій пры абавязковым захаванні эфектыўнага вопыту, які быў назапашаны ў мінулыя гады.

У 1999 г. у мэтах забеспячэння ўмоў для дыферэнцыраванага навучання вучняў, авалодання імі ведамі і ўменнямі па асобных вучэбных прадметах на паглыбленым узроўні, развіцця інтэлектуальнага і творчага патэнцыялу навучэнскай моладзі загадам міністра адукацыі было зацверджана Прыкладнае палажэнне аб агульнаадукацыйных школах (класах) з паглыбленым вывучэннем асобных прадметаў, эстэтычным і фізкультурна – спартыўным ухілам.

У 2003 – 2004 навуч. годзе ў 481 школе працавалі класы з рознымі ўхіламі, у якіх навучаліся 102024 вучні падрыхтоўчых і 1-11 класаў. (У сельскай мясцовасці, адпаведна, 118 школы і 8343 вучні.) У 185 школах былі арганізаваны агульнаэстэтычныя класы, у 103 школах – мастацкія, у 96 школах – харэаграфічныя, у 92 школах – музычныя (харавыя), у 42 школах – тэатральныя і г.д. У параўнанні з папярэднім навучальным годам колькасць такіх школ павялічылася на 33. [1]

Асноўнай формай пачатковай мастацкай адукацыі з'яўлялася сетка дзіцячых школ мастацтваў розных тыпаў (музычныя, харавыя, мастацкія, харэаграфічныя, мастацкіх рамёстваў і г. д.). У 2006 г. у рэспубліцы дзейнічала 227 дзіцячых музычных школ, у т. л. 125 — у сельскай мясцовасці, 23 мастацкія школы, 9 харэаграфічных школ, 247 дзіцячых школ мастацтваў, 2 школы духавых і ўдарных інструментаў, 5 школ народных рамёстваў і інш.

У апошнія пяць гадоў вызначылася тэндэнцыя перапрафілявання дзіцячых музычных школ у школы мастацтваў, дзе ажыццяўляецца комплекснае эстэтычнае навучанне і выхаванне. Пераўтварэнне вузкапрофільных (як правіла, музычных) школ у школы мастацтваў дазволіла істотна павялічыць колькасць навучэнцаў. Гэта асабліва важна для невялікіх раённых гарадоў, дзе дзіцячая школа мастацтваў з'яўляецца адзіным цэнтрам пачатковай мастацкай адукацыі.

Сярод праблем, якія існавалі, выдзяляецца забяспечанасць дзіцячых школ мастацтваў педагогічнымі кадрамі. На пачатак 2004 – 2005 гг. толькі 37,3 % выкладчыкаў пачатковага звяна мастацкай адукацыі мела вышэйшую адукацыю. Праўда, гэта на 3% болей, чым ў 2000 г. [2, 42] Акрамя кадравай, існавалі праблемы матэрыяльна-тэхнічнай базы, павышэння якасці музычнага інструментарыя, забяспечанасці расходнымі матэрыяламі, нотамі, вучэбнымі дапаможнікамі. У рэспубліцы ў канцы вывучаемага перыяду выпускалася толькі 2% неабходных музычных інструментаў: піяніна, баяны, цымбалы, гітары, гармонікі і інш. Астатняе закупалася за мяжою. [3, 51]

Характэрнай асаблівасцю пачатку XXI стагоддзя з'явілася адкрыццё ў дзіцячых школах мастацтваў аддзяленняў народнага мастацтва, промыслаў і рамёстваў. Практычна ўсе яны былі створаны на базе студый, гурткоў, дамоў рамёстваў, клубаў народных майстроў і да т. п.

Наступным звяном прафесійнай мастацкай адукацыі з'яўляецца сетка сярэдніх спецыяльных навучальных устаноў. Іх задачы шматгранныя: падрыхтоўка навучэнцаў для работы ў пачатковым звяне ў якасці выкладчыкаў, падрыхтоўка канцэртмайстраў, артыстаў аркестравага калектыву або ансамбля, кіраўнікоў калектываў, а таксама абітурыентаў вышэйшага звяна прафесійнай адукацыі.

Створаныя ў 1994 г. вучэбныя планы для ССНУ вызначылі асноўныя прыярытэты і мэты новай адукацыйнай палітыкі на дадзеным этапе навучання. Яна выяўляецца ў гуманітарным змесце агульнаадукацыйнай падрыхтоўкі навучэнцаў і ўзмацненні педагагічнай накіраванасці навучання, чым і абумоўлена ўвядзенне ў вучэбны працэс блока музычна-педагагічных прадметаў, а таксама Дзяржаўнага экзамену ў адпаведнасці з кваліфікацыйнай выкладчыка. Акрамя таго, новыя вучэбныя планы прадугледжвалі адвядзенне значнага аб'ёму гадзін на правядзенне рознага роду факультатываў і кансультацый, што дазваляла ў нейкай ступені надаць вучэбнаму працэсу гібкасць і развіць індывідуальныя здольнасці кожнага навучэнца.

Сярэдняя спецыяльная адукацыя ў Беларусі атрымала новы імпульс, абумоўлены з'яўленнем новых спецыялізацый. Да 1998 г. у рэспубліцы нельга было атрымаць адукацыю па эстрадна-цыркавым накірунку. Для забеспячэння патрэб на базе Мінскага музычнага вучылішча была адкрыта спецыяльнасць "Цыркавое мастацтва". У 2006 г. у Брэсцкім дзяржаўным музычным каледжы пачалося навучанне па спецыяльнасці "Мастацтва эстрады".

У канцы 1990-х гг. былі створаны навучальныя ўстановы новага тыпу: Гомельскі каледж мастацтваў, Брэсцкі музычны каледж, Рэспубліканскі вучэбны комплекс "гімназія-каледж" пры Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі, харэаграфічны каледж.

У мэтах аптымізацыі кіравання падрыхтоўкай спецыялістаў быў створаны адзін узровень падпарадкавання сярэдніх спецыяльных навучальных устаноў. Замест дваякай сістэмы падпарадкавання - рэспубліканскай і рэгіянальнай - яны сталі падначальвацца адзінаму органу кіравання - Міністэрству культуры. Гэта дазволіла вырашыць праблему задавальнення патрэб рэгіёнаў у спецыялістах гэтага ўзроўню. Адбылося пераўтварэнне Магілёўскага, Віцебскага, Гродзенскага, Мінскага культпрасветвучылішчаў у вучылішчы мастацтваў і культуры, дзе рыхтаваліся па спецыяльнасцях выяўленчага і тэатральнага мастацтва, пашырана падрыхтоўка па харэаграфіі. Самастойнай навучальнай установай стаў філіял Мінскага мастацкага вучылішча ў г. Гомелі, што дало магчымасць мэтанакравана забяспечваць спецыялістамі ўстановы культуры і мастацтва чарнобыльскага рэгіёна. У шэрагу вучылішч была распачата падрыхтоўка па новых спецыяльнасцях тэатральнага, цыркавога, мастацкага, харэаграфічнага накірункаў. З мэтай забеспячэння рэгіёнаў і сельскіх устаноў культуры кадрамі з вышэйшай адукацыяй, Міністэрствам культуры вялася работа па адкрыццю ў абласных цэнтрах (Брэст, Гродна) на базе музычных вучылішч філіялаў кафедраў Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі. [4]

Падрыхтоўка спецыялістаў ў 2004 – 2005 нав. годзе ў ССНУ ажыццяўлялася па 14 спецыяльнасцях.

Галоўную ролю ў сістэме мастацкай адукацыі Беларусі ў вывучаемы перыяд адыгрывалі 3 вышэйшыя навучальныя ўстановы – Беларуская дзяржаўная акадэмія мастацтваў, Беларуская дзяржаўная акадэмія музыкі, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў.

У параўнанні з сярэдзінай 1990-х гадоў назіраўся паступовы рост колькасці студэнтаў. Калі ў 1996 г. у тры названыя ВНУ паступіла 790 чалавек, то ў 2000 г. іх колькасць складала 1263 чалавек, а ў 2006 г. – 1728 чалавек (з іх 985 – для навучання на бюджэтнай аснове). Пачынаючы з 1998 г. праводзіўся мэтавы кантрактны прыём асоб, якія пастаянна пражываюць у сельскай мясцовасці, жыхароў раёнаў, якія апынуліся ў зоне радыяцыйнага ўздзеяння ў выніку аварыі на ЧАЭС.

Адным з вядучых навукова-педагагічных цэнтраў у галіне гуманітарных навук (музыказнаўства, фалькларыстыка, сацыялогія, эстэтыка, музычная педагогіка) з'яўлялася Беларуская дзяржаўная акадэмія музыкі, створаная ў 1992 г. на базе Беларускай дзяржаўнай кансерваторыі. Акадэмія адкрыла свой філіял у Магілёве — педагагічны факультэт Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі (створаны ў 1990 г.).

Структура навуковага сектара Беларускай дзяржаўнай акадэміі музыкі за апошнія гады прыкметна відазмянілася. У прыватнасці, былі створаны кафедры беларускай музыкі і харэаграфіі, 4 кафедры ў Магілёўскім філіяле акадэміі музыкі, адкрыта праблемная навукова-дас-

ледная лабараторыя музыкі, адноўлена дзейнасць аспірантуры па спецыяльнасцях "Музычнае мастацтва", "Методыка выкладання музычных дысцыплін" і "Эстэтыка". З 1995 г. пачалася падрыхтоўка бакалаўраў і магістраў. У 1996 годзе ўпершыню ў гісторыі Беларускай вышэйшай музычнай школы ў Акадэміі музыкі створаны савет па абароне дысертацый на атрыманне вучонай ступені кандыдата (з 2001 г. – доктара) мастацтвазнаўства па спецыяльнасці «музычнае мастацтва».

У мэтах паляпшэння кадровай сітуацыі ў рэгіёнах у гарадах Брэсце і Гродна ў 2002 г. былі адкрыты філіялы кафедраў Баранавіцкай дзяржаўнай акадэміі музыкі на базе Брэсцкага музычнага каледжа імя Рыгора Шырмы і Гродзенскага дзяржаўнага музычнага вучылішча. У 2003 г. філіялы акадэміі музыкі пачалі працаваць у Віцебску і Гомелі.

У маі 2002 г. Беларускаю дзяржаўную акадэмію музыкі наведаў Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А.Р.Лукашэнка. Вынікам наведання стаў пратакол даручэнняў па рэалізацыі мерапрыемстваў па падтрымцы і развіцці Акадэміі. У прыватнасці, умацаванне матэрыяльна – тэхнічнай базы навучальнай установы, стварэнне маладзёжнага опернага тэатра, адкрыццё новай спецыяльнасці "Рэжысура музычнага тэатра".

У 1991 г. Беларускі тэатральна-мастацкі інстытут быў рэарганізаваны ў Беларускаю дзяржаўную акадэмію мастацтваў. У дадзенай навучальнай установе вялася падрыхтоўка кадраў па 14 спецыяльнасцях. У 1992 г. тут быў праведзены першы набор на дзённую форму навучання па спецыяльнасці "Мастацтвазнаўства", а ў 1993 г. — па спецыяльнасці "Тэатразнаўства". У 1993—1994 гг. былі адкрыты новыя кафедры: "Мадэліраванне адзення і мастацкага тэкстылю", "Праектаванне выставак і рэкламы", "Кінатэлемастацтва".

За 2001 – 2005 гг. значна павялічылася колькасць навучэнцаў акадэміі. Калі ў 2001 г. іх налічвалася 841 чал., то ў 2005 г. лічба склала 1266 чал.

15 мая 2003 г. з лекцыяй у Беларускай дзяржаўнай акадэміі мастацтваў выступіў Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А.Р.Лукашэнка. Прэзідэнт падкрэсліў адметную ролю Акадэміі ў падрыхтоўцы кадраў культуры: "Акадэмія мастацтваў – гэта творчы, навуковы і вучэбны цэнтр падрыхтоўкі спецыялістаў практычна ва ўсіх відах прафесійнага мастацтва. Цэнтр, які адыгрывае першасную ролю ў фарміраванні інтэлігенцыі нашай маладой, незалежнай, суверэннай дзяржавы". [5, 4]

У 1993 г. Мінскі інстытут культуры быў пераўтвораны ў Беларускі ўніверсітэт культуры (БУК). Адбылася маштабная рэарганізацыя факультэтаў і кафедраў, у выніку чаго пачалася падрыхтоўка спецыялістаў па новых спецыяльнасцях і спецыялізацыях. На базе Мазырскага музычнага вучылішча ў 1995 г. створаны філіял завочнага факультэта па спецыяльнасці "Народная творчасць". У 2004 г. БУК быў пераўтвораны ў Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў.

На 1 студзеня 2000 г. колькасць студэнтаў тут складала 3992 (на 202 чалавекі больш, чым у 1997 г.). У далейшым яна пастаянна павялічвалася, дасягнуўшы ў 2005 г. 4563 чалавек. Ва ўніверсітэце працавала 4 факультэты, 26 кафедраў, дзе вялася падрыхтоўка кадраў па 11 спецыяльнасцях. У 1987 г. была адкрыта аспірантура. У 1995 г. рашэннем ВАК ва ўніверсітэце пачалі працаваць саветы па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый па тэорыі і гісторыі культуры, тэорыі, методыцы і арганізацыі культурна-асветніцкай дзейнасці, бібліятэказнаўству і бібліяграфіі.

Двойчы, у 1999 і 2000 гадах, Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А.Р.Лукашэнка наведаў Беларускі ўніверсітэт культуры. У адпаведнасці з пратаколамі даручэнняў па выніках наведання ўніверсітэт атрымаў будынак па вул. Маскоўская, 18 а, у якім размясціліся чатыры кафедры навучальнай установы. У Палацы Рэспублікі была створана і перададзена ў распараджэнне ўніверсітэта Мастацкая галерэя. У падпарадкаванне ўніверсітэта быў перададзены Дзяржаўны маладзёжны тэатр эстрады, вялося праектаванне спартыўна-культурнага цэнтра ўніверсітэта, быў створаны студэнцкі эстрадны аркестр.

Па дадзеных 2005 г., у ВНУ культуры і мастацтва навучалася больш за 6,8 тыс. студэнтаў, што амаль на 1 тыс. болей, чым ў 2001 г. Падрыхтоўка, у тым ліку мэтавая,

вялася па 35 спецыяльнасцях. У 2005 г. ВНУ культуры і мастацтваў было выпушчана 1017 маладых спецыялістаў, з якіх 655 – дзённай формы навучання.

Калі ў 1990 – х гадах назралася негатыўная тэндэнцыя аслаблення сувязей паміж вышэйшымі навучальнымі ўстановамі культуры і ўстановамі культуры, што выкарыстоўваюць спецыялістаў, што знайшло сваё адлюстраванне ў змяншэнні колькасці выпускнікоў, якія накіроўваліся на працу па размеркаванні, то ў апошнія гады яна стала вырашацца. Калі ў 2001 г. з 947 выпускнікоў ВНУ мэтавым чынам на працу быў накіраваны толькі 201 чалавек, то ў 2005 г. накіраванне на працу атрымалі 89 % маладых спецыялістаў з вышэйшай адукацыяй. А ў 2006 г. гэты паказчык склаў 96 %.

У распрацаванай на 2006 – 2010 гг. галіновай праграме “Захаванне і развіццё культуры Рэспублікі Беларусь” адзначаны праблемы, звязаныя з падрыхтоўкай спецыялістаў галіны. Да іх адносяцца: нізкі ўзровень забяспечанасці галіны кадрамі з вышэйшай адукацыяй у рэгіёнах; невыкананне планавых заданняў мэтавай падрыхтоўкі спецыялістаў; захаванне высокай запатрабаванасці ў кадрах па некаторых спецыяльнасцях (“харэаграфія”, “рэжысура свят і абрадаў”, “бібліятэказнаўства і бібліяграфія”, “Фартэпіяна”); неабходнасць умацавання матэрыяльна – тэхнічнай базы і абнаўлення музычнага інструментарыя, тэхнічных сродкаў навучання якаснымі мадэлямі, папаўнення фондаў бібліятэк і фанатэк.

Праведзены аналіз дазваляе гаварыць аб тым, што ў вывучаемы перыяд адбыліся значныя якасныя змены ў галіне адукацыі ў сферы культуры. Нягледзячы на перашкоды пераходнага перыяду ў рэспубліцы здолелі захаваць сетку навучальных устаноў пачатковага ўзроўню. Адбылася яе аптымізацыя і ўдасканаленне, пачалі дзейнічаць ўстановы рознага профілю. Вызначылася тэндэнцыя перапрафілявання дзіцячых музычных школ у дзіцячыя школы мастацтваў, дзе ажыццяўлялася комплекснае эстэтычнае навучанне і выхаванне.

Перамены застанулі і сярэдняя звяно прафесійнай адукацыі. Пачалі дзейнічаць навучальныя ўстановы новага тыпу – каледжы, гімназіі, ліцэі. Падрыхтоўка спецыялістаў пачала весціся з ўлікам асаблівасцей пэўных рэгіёнаў, адкрыліся новыя спецыяльнасці. Асаблівым клопам дзяржавы пра забеспячэнне выпускнікоў першым працоўным месцам стала ўвядзенне абавязковага размеркавання спецыялістаў.

Асаблівасцю трансфармацыйных працэсаў у вышэйшай школе стала павышэнне статусу дадзеных навучальных устаноў. Патрабаваннем новых умоў незалежнага існавання краіны стала адкрыццё новых спецыяльнасцей і спецыялізацый, падрыхтоўка па якіх раней ў рэспубліцы не вялася. Значная ўвага ў апошнія гады надавалася матэрыяльнаму стану дадзеных устаноў. Прыкметай новага часу стала падрыхтоўка спецыялістаў за ўласныя сродкі навучэнцаў.

Разам з гэтым, заставаліся не вырашанымі некаторыя праблемы, звязаныя з падрыхтоўкай спецыялістаў галіны, звязаныя ў першую чаргу з недастатковым забеспячэннем спецыялістамі рэгіёнаў, дэфіцытам кадраў асобных спецыяльнасцей, недастатковым матэрыяльна – тэхнічным забеспячэннем.

#### Літаратура

1. Звесткі па колькасці школ і класаў з эстэтычным ухілам // Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. – 2007. – Рэжым доступу: <http://www2.minedu.unibel.by/giac/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=72&mode=thread&order=0&thold=0>. – Дата доступу: 6.03.2007
2. Беларуская культура сёння. Гадавы агляд. 2004. / Беларускі дзяржаўны інстытут праблем культуры. – Мн.: БелДІПК, 2005. – 220 с.
3. Беларуская культура сёння. Гадавы агляд. 2001. / Беларускі дзяржаўны інстытут праблем культуры. – Мн.: БелДІПК, 2002. – 210 с.
4. Аб выніках работы за 2001 - 2006 гг. // Бягучы архіў Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь. Матэрыялы калегіі.
5. Лукашенко, А.Г. Государство и творческая личность. Лекция Президента Респ. Беларусь в Бел. гос. ак. иск-тв. Минск, 15 мая 2003 г. / А.Г.Лукашенко. – БГАИ, 2003. – 46 с.

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XVIII – XIX ВВ.: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ</b> <i>М.С. Черкасова</i>	3
<b>РОЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ В ТРАНСФОРМАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА</b> <i>В.К. Гуськов</i>	7
<b>ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ИДЕОЛОГИИ «ХРИСТИАНСКО- СОЦИАЛЬНОГО СОЮЗА В БАВАРИИ» НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ (1945-1949)</b> <i>И.Д. Попов</i>	11
<b>САЦЫЯЛЬНА-ЭКАНАМІЧНЫ АСПЕКТ СІСТЭМНАЙ ТРАНСФАРМАЦЫІ У КРАІНАХ ЦЭНТРАЛЬНАЙ І ЎСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ: СУТНАСЦЬ, АСНОЎНЫЯ НАПРАМКІ, НАСТУПСТВЫ</b> <i>М. В. Стралец</i>	14
<b>ТРАНСФОРМАЦИЯ БРАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЕВСКОГО БОГОЯВЛЕНСКОГО БРАТСТВА</b> <i>С.М. Восович</i>	17
<b>ТРАНСФОРМАЦИЯ СОСЛОВНОГО СОСТАВА ПОВСТАНЦЕВ 1830-1831, 1863-1864 гг. НА ТЕРРИТОРИИ БРЕСТСКОГО, КОБРИНСКОГО И ПРУЖАНСКОГО УЕЗДОВ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)</b> <i>О.В. Карпович</i>	21
<b>ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРИМЕРЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ШКОЛЫ В ПОЛЕССКОМ ВОЕВОДСТВЕ (1922-23 гг.).</b> <i>В.С. Мисиюк</i>	25
<b>ИЗМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БРЕСТА С КОНЦА XIX ст. ДО КОНЦА XX ст.</b> <i>Н.Н. Ковалёва</i>	29
<b>WSPÓŁPRACA GOSPODARCZA POLSKI Z ROSJĄ W LATACH 1997-2005</b> <i>Prof. dr hab. Zofia Tomczonek</i>	32
<b>STRAJK GŁODOWY ZWIĄZKU ZAWODOWEGO MASZYNISTÓW KOLEJOWYCH NA DWORCU CENTRALNYM W WARSZAWIE WE WRZEŚNIU 1991 R.</b> <i>M. Szczepański</i>	36
<b>ŻYDOWSKIE ORGANIZACJE POLITYCZNE DZIAŁAJĄCE W WOJEWÓDZTWIE POLESKIM W DWUDZIESTOLECIU MIĘDZYWOJENNYM</b> <i>Andrzej Smolarczyk</i>	39
<b>ЕВРОПЕЙСКИЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС</b> <i>Петко Ганчев</i>	47
<b>ГУМАНИТАРНЫЕ ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ</b> <i>И.И. Акинчиц</i>	57
<b>ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ И СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ</b> <i>А.А. Лазаревич</i>	61

<b>СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ</b> <i>Я.С. Яскевич</i>	64
<b>ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ</b> <i>В.Н. Варич</i>	69
<b>SYSTEMIC SOCIETY TRANSFORMATION: HISTORICAL EXPERIENCE AND THE PRESENT, ITS PROSPECTS IN TERMS OF GLOBAL SOCIETY AND INTEGRATION PROCESSES</b> <i>Hans Walz</i>	72
<b>PROCESY INTEGRACYJNE W RAMACH WSPÓLNOTY NIEPODLEGŁYCH PAŃSTW</b> <i>Katarzyna Czerewacz</i>	76
<b>EUROPEJSKA WSPÓŁPRACA TERYTORIALNA JAKO JEDEN Z CELÓW UNIJNEJ POLITYKI SPÓJNOŚCI W LATACH 2007 - 2013</b> <i>dr Ewa Gińska dr Mirosława Laszuk</i>	80
<b>СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ КАК ГЛОБАЛИЗИРУЮЩИЙ И ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР</b> <i>И.А. Шебанова</i>	85
<b>РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОНЯТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА</b> <i>Д.Д. Эйдукене</i>	89
<b>ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ</b> <i>А.И. Сьитник</i>	92
<b>ХАРАКТЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ НА ДИВЕРСИФИКАЦИЮ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ</b> <i>Т.И. Предко</i>	95
<b>GREAT TRANSFORMATION IN THE SYSTEM OF SOCIAL CONTROL IN THE XXTH CENTURY</b> <i>Professor Craig Little</i>	98
<b>POMOC HUMANITARNA JAKO INSTRUMENT POLITYKI UNII EUROPEJSKIEJ W OPARCIU O PRZYKŁAD AKCJI POMOCY HUMANITARNEJ W KOLUMBII</b> <i>J. Prystrom</i>	101
<b>ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ И ИНТЕГРАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ</b> <i>Л.Г. Титаренко</i>	105
<b>БОРЬБА С ИНФЛЯЦИЕЙ В ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ: СОВЕТСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ БЕЛАРУСИ</b> <i>Н.Б. Нестерович</i>	111
<b>ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ</b> <i>А.И. Лысюк.</i>	116
	247

<b>STOSUNKI POLITYCZNE UKRAINY I FEDERACJI ROSYJSKIEJ</b> <i>dr Agnieszka Konopelko</i>	120
<b>ЕЭП И УКРАИНА: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА</b> <i>И.А. Ковальчук</i>	124
<b>ИНТЕГРАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ (РУССКИХ, ПОЛЯКОВ) В ЛИТВЕ</b> <i>Виталия Кециорите</i>	127
<b>СОЦИАЛЬНО-ИНСТРУМЕНТНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ СЛУХОВ</b> <i>Prof.habil.dr. Валдас Прускус</i>	131
<b>MOTYWY DAŻENIA DO WŁADZY</b> <i>Alina Borowska</i>	138
<b>ПРЕСТУПЛЕНИЕ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ ПАТОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ</b> <i>И.А.Лапина</i>	142
<b>НАУЧНАЯ ШКОЛА В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА</b> <i>С.В.Лапина</i>	145
<b>СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА</b> <i>С.П.Винокурова</i>	148
<b>РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ</b> <i>В.И. Гладковский</i>	151
<b>ЗНАЧЕНИЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА ДЛЯ НАЧАЛА РЕФОРМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ ЕС</b> <i>Кристина Алдона Блажене, Дайва Даугвилене</i>	154
<b>GLOBALIZACJA W KONTEKŚCIE KULTURY – WYBRANE KONCEPCJE</b> <i>Magdalena Ickiewicz-Sawicka</i>	158
<b>KULTUROWE UWARUNKOWANIA ROZWOJU PRZEDSIĘBIORCZOŚCI W POLSCE</b> <i>E. Sadowska</i>	162
<b>ОТНОШЕНИЕ К РЕЛИГИИ – СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛЬСКИХ И РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ</b> <i>М.Н. Чернявска</i>	165
<b>ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ УЧАЩИХСЯ ГОМЕЛЬСКОЙ И ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ</b> <i>А. В. Чернецкий</i>	169
<b>RYNEK I MARKETING W SPORCIE</b> <i>dr Jarosław Zalejski</i>	174
<b>КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ Г.М.МАКЛЮЭНА</b> <i>Т.Е. Новицкая</i>	177



<b>ETYMOLOGICZNY WZORZEC PERSWAZJI</b> <i>Miroslaw Acewicz</i>	182
<b>ВОЗМОЖНЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА БЕЛАРУСИ</b> <i>В.А. Клицунова</i>	189
<b>РАЗВИТИЕ АГРО-ЭКОТУРИЗМА В БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ: ЭТАПЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ</b> <i>Г.М. Грибов</i>	191
<b>К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ В БЕЛАРУСИ АГРО-ЭКОТУРИЗМА И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ</b> <i>Н.И. Полещук</i>	195
<b>THE CONCEPT OF AUTHENTICITY IN TOURISM</b> <i>J. Majewski</i>	198
<b>ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ АГРО- И ЭКОТУРИЗМА В БЕЛАРУСИ И ПОЛЬШЕ НА ПРИМЕРЕ ЗЕЛЕННЫХ МАРШРУТОВ GREENWAYS</b> <i>Е.В. Ветрова</i>	202
<b>ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АГРО-ЭКОТУРИЗМА В БЕЛАРУСИ</b> <i>Н.А. Лазаревич</i>	205
<b>СЕЛЬСКИЙ ТУРИЗМ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ</b> <i>Л.М. Гайдукевич</i>	209
<b>ВОЕННЫЙ ТУРИЗМ. ПУТЕШЕСТВИЯ ПО БОЕВЫМ МЕСТАМ</b> <i>Ева Муха-Шайек</i>	214
<b>ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «КОРНИ»: СПЕЦИФИКА И ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ</b> <i>Т.М. Бородач</i>	222
<b>АГРОТУРИЗМ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ</b> <i>С.А. Лученок</i>	224
<b>ГІСТОРЫЯ І ПЕРСПЕКТЫВЫ РАЗВІЦЦЯ ВЕЛАСІПЕДНАГА ТУРЫЗМУ НА ПРУЖАНШЧЫНЕ</b> <i>Папко В.М.</i>	228
<b>РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРИРОДООХРАННЫХ УСТАНОВОК В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАНИЯ</b> <i>М.А. Торгунакова</i>	232
<b>СЕЛЬСКАЯ ЗАНЯТОСТЬ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ</b> <i>О.А. Пашкевич, Н.А. Пашкевич</i>	235
<b>СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ТУРИЗМА»</b> <i>С.Т. Кавецкий</i>	240
<b>РЭФАРМАВАННЕ СІСТЭМЫ АДУКАЦЫІ Ё СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ (1991 – 2006 гг.)</b> <i>Д.А. Крывашэй</i>	242
	249

Научное издание

**СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА:  
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СОВРЕМЕННОСТЬ  
И ПЕРСПЕКТИВЫ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ КАФЕДР СОЦИАЛЬНО-  
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

**ВЫПУСК IV**

Ответственный за выпуск **Грибов Г.М.**

Редактор **Строкач Т.В.**

Компьютерная верстка **Боровикова Е.А.**

Корректор **Никитчик Е.В.**

Дизайн обложки **Ющенко Г.**

Лицензия № 02330/0133017 от 30.04.2004 г.

Подписано в печать 14.06.2005 г. Формат 70x90 1/16. Бумага «Снегурочка».

Гарнитура Arial Narrow. Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 15,6. Зак. № 627. Тираж 100 экз.

Отпечатано на ризографе учреждения образования  
«Брестский государственный технический университет».

Лицензия № 02330/0148711 от 30.04. 2004 г.  
224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

ISBN 978-985-493-063-3



9 789854 930633